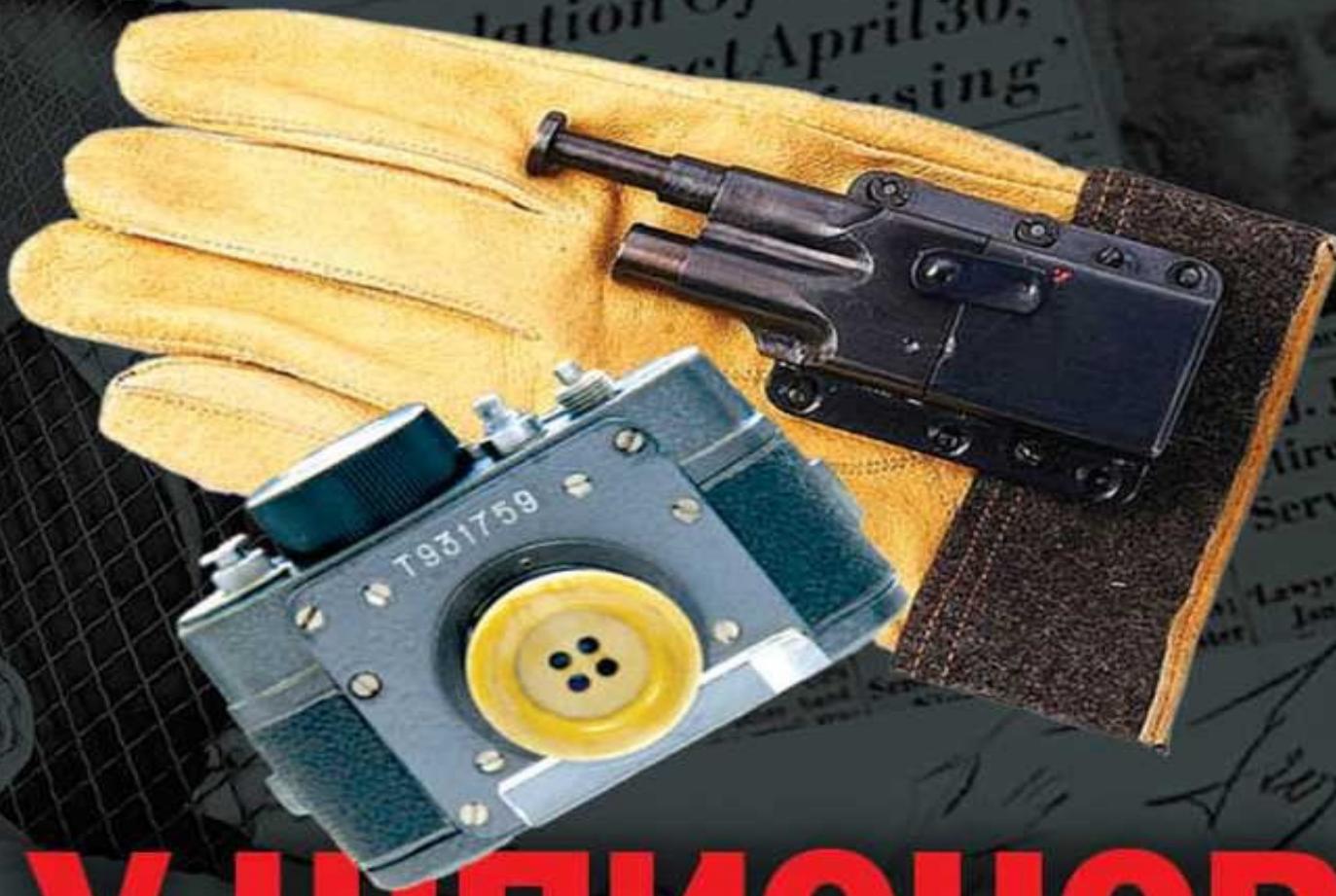

РАЗВЕДКА И КОНТРРАЗВЕДКА

КИТ МЕЛТОН
ВЛАДИМИР АЛЕКСЕНКО

У ШПИОНОВ НА ВООРУЖЕНИИ

ИСТОРИЯ ОПЕРАТИВНОЙ
ТЕХНИКИ СПЕЦСЛУЖБ

Annotation

«Холодная война» спровоцировала начало «гонки вооружений» в сфере создания и применения одного из самых изощренных и скрытых от глаз инструментов шпиона — устройств специального назначения. Микрофототехника, скрытое наблюдение, стены и предметы бытовой и оргтехники, в нужный момент обретающие «ушки» — это поле боя, на котором между спецслужбами уже более 60 лет ведется не менее ожесточенная борьба, чем на «шпионской передовой». Большинство историй, рассказанных в книге, долгие годы хранились в архивах под грифом «Секретно», и сегодня у нас есть редкая возможность — в деталях узнать о сложнейших и уникальных разведывательных и контрразведывательных операциях КГБ, успех или провал которых на 90 % зависел от устройств специального назначения. Владимир Алексеенко более 20 лет прослужил в оперативно-технических подразделениях внешней разведки КГБ СССР и принимал непосредственное участие в описанных операциях. Кит Мелтон — американский историк и специалист по тайным операциям, владелец уникальной коллекции спецтехники (более 8 тыс. предметов), в т. ч. и тех, что продемонстрированы в данной книге».

- [Мелтон К., Алексеенко В.](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Очерк I. Обучение и стажировка](#)
 - [Глава 1. «Добро пожаловать в секретный отдел ЦК КПСС»](#)
 - [Глава 2. Первые впечатления и попутные размышления уже на пенсии](#)
 - [Глава 3. Первое знакомство с новой профессией. Даешь «закладку»!](#)
 - [Глава 4. Мои любимые «Фотики»](#)
 - [Очерк II. Оперативная микрофотография](#)
 - [Глава 5. Письма-микроточки жене резидента](#)
 - [Глава 6. Первые шаги микрофотографии как способа секретной связи](#)
 - [Глава 7. Микрофотография в годы Второй мировой войны](#)
 - [Глава 8. Микрофотография в послевоенный период](#)
 - [Глава 9. Методы изготовления микроточки 1945–1950 гг.](#)
 - [Глава 10. Аппаратура для изготовления и чтения микроточки](#)
 - [Очерк III. Как появился первой советский специальный фотоаппарат «Аякс»](#)
 - [Глава 11. Фотокамеры МГБ для негласной съемки](#)
 - [Глава 12. Фотокамеры "Аякс-8" и "Аякс-9"](#)
 - [Глава 13. Фотокамеры "Аякс-10" — "Аякс-12"](#)
 - [Глава 14. Фотоаппараты «Найлон», «Неоцит», «Заход»](#)
 - [Очерк IV. Зачет для чекиста](#)
 - [Глава 15. Фотоаппарат "Зачет"](#)
 - [Очерк V. Ломавшая судьбы американская зажигалка](#)
 - [Глава 16. Нахodka после партийного собрания](#)
 - [Глава 17. Признание директора ОПЕРАТИВНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ ЦРУ](#)
 - [Глава 18. Как учили агента ЦРУ TRIGON](#)
 - [Очерк VI. Фотоаппараты компромата](#)
 - [Глава 20. Зачем и как дискредитировать человека](#)
 - [Глава 21. Фотоаппарат "Забег"](#)
 - [Глава 22. Подготовка и проведение мероприятия для фотосъемки компромата](#)

- [Глава 23. Фотосъемка через потолочное перекрытие](#)
- [Глава 24. Как ловили любителя копировать документы](#)
- [Очерк VII. Агентурные фотокамеры для негласной съемки документов](#)
 - [Глава 25. Фотоаппараты «Минокс»](#)
 - [Глава 28. Первые микрофотокамеры «Загадка» и «Залив»](#)
 - [Глава 29. Рука Москвы... с губной помадой](#)
 - [Глава 30. Специальные тонкие фотопленки](#)
- [Очерк VIII. Как и чем снимали секретные кинофильмы в КГБ](#)
 - [Глава 31. Кинокамеры «Оса» и «Имбирь»](#)
 - [Глава 32. Кинокамеры «Заряд» и «Зурна»](#)
- [Очерк IX. Фотокамеры прокатки, удивившие западные спецслужбы](#)
 - [Глава 33. Первая фотокамера прокатки «Алыча»](#)
 - [Глава 34. Фотоаппарат «Ниппель»](#)
 - [Глава 35. Фотоаппарат «Залом»](#)
 - [Глава 36. Фотоаппарат «Гранитник»](#)
 - [Глава 37. Фотокопировальные аппараты «Корица», «Зима», «Загар»](#)
- [Очерк X. Как фотокамеры КГБ доказали, что Пеньковский шпион](#)
 - [Глава 38. Как «прошёлся» Пеньковский](#)
- [Очерк XI. Штази — самый верный друг КГБ!](#)
 - [Глава 39. Специальная техника МГБ ГДР](#)
- [Очерк XII. Фотопапки и фоточемоданы КГБ](#)
 - [Глава 40. Фотокамеры «Циния» и «Зола»](#)
- [Очерк XIII. Кому прощают грех читать чужие письма?](#)
 - [Глава 41. О службе перлюстрации](#)
- [Очерк XIV. Партнеры и друзья КГБ](#)
 - [Глава 42. Служба государственной безопасности ЧССР](#)
- [Очерк XV. Техника оперативной звукозаписи спецслужб](#)
 - [Глава 43. Диктофон для Штирлица](#)
 - [Глава 44. Из истории звукозаписи](#)
 - [Глава 45. Первый послевоенный проволочный диктофон](#)
 - [Глава 46. Диктофоны «Мезон» и «Лист»](#)
 - [Глава 47. Аппарат «Мошка» — самый массовый диктофон КГБ](#)
 - [Глава 48. Диктофоны «Лилипут» и «Мотылек»](#)
 - [Глава 49. Кассетные и микрокассетные магнитофоны в практике КГБ](#)
 - [Глава 50. Импортные катушечные магнитофоны в практике спецслужб](#)
- [Очерк XVI. Британский талант против русского гения](#)
 - [Глава 51. Кто и как обнаружил «жучок» в Гербе США](#)
- [Очерк XVII. Что прячет ЦРУ внутри копировальных машин?](#)
 - [Глава 52. Фирма «Ксерокс» — лучший друг ЦРУ](#)
 - [Глава 53. Как опасно сдавать копировальную машину в ремонт](#)
- [Очерк XVIII. Когда «жучки» сильнее президентов](#)
 - [Глава 54. Откуда взялся термин «Уотергейт»?](#)
 - [Глава 55. Российский «Пресня-гейт»](#)
 - [Глава 56. Скандал вокруг испанской разведки](#)
 - [Глава 57. «Кучма-гейт»](#)
 - [Глава 58. Президентский «Боинг» с «жучками» на борту](#)
 - [Глава 59. Британский премьер «под колпаком»](#)

- [Глава 60. «В Греции всё Есть», и даже подслушивание телефонов](#)
- [Очерк XIX. Почему спецслужбы любят деревянные бруски?](#)
 - [Глава 61. Секреты милицейской будки](#)
 - [Глава 62. Храбрый американский президент](#)
 - [Глава 63. Опять БРУСКИ?](#)
- [Очерк XX. Кто же был «впереди планеты всей»?](#)
 - [Глава 64. Технические потенциалы КГБ и ЦРУ](#)
 - [Глава 65. Даешь деньги ЦРУ!](#)
- [Очерк XXI. Шпионские игры вокруг Калужского шоссе](#)
 - [Глава 66. Самая секретная операция ЦРУ в Москве](#)
 - [Глава 67. Подготовка оперативно-технического мероприятия СКТАW](#)
 - [Глава 68. Главный исполнитель операции ЦРУ и его проверочный маршрут](#)
 - [Глава 69. Внутри колодца с коммуникациями](#)
 - [Глава 70. Расшифровка мероприятия ЦРУ](#)
- [Очерк XXII. Как «жучки» пролезают в телевизоры!](#)
 - [Глава 71. Возможно ли невозможное в мире подслушивания?](#)
 - [Глава 72. Где же все-таки прятались жучки?](#)
- [Очерк XXIII. Секретное оружие советской разведки](#)
 - [Глава 73. Кто такие поисковики?](#)
 - [Глава 74. Первый советский нелинейный локатор «Л1»](#)
- [Очерк XIX. Силиконовые уши «от Джеймса Бонда»](#)
 - [Глава 75. Какие улики спрятала офицер ЦРУ Марта Патэрсон?](#)
 - [Глава 76. Как американцы слушали «наружку» КГБ](#)
- [Очерк XX. Как работала американская разведка в советской Москве](#)
 - [Глава 77. Анализ службы перлюстрации КГБ](#)
 - [Глава 78. Сложное задание для агента ЦРУ](#)
- [Очерк XXI. Тайники и контейнеры](#)
 - [Глава 80. Важный атрибут разведчика и агента](#)
- [Очерк XXII. Кто, где и как «разводит жучки» \(часть первая\)](#)
 - [Глава 81. Когда мероприятие идет не по плану...](#)
 - [Глава 82. Где этот чертов тройник?](#)
 - [Глава 83. Как можно выстрелить «жучком» по врагу](#)
 - [Глава 84. Люнят ли кошки микрофоны?](#)
- [Очерк XXIII. Кто, где и как «разводит жучки» \(часть вторая\)](#)
 - [Глава 85. Как дядя Джо обманул КГБ](#)
 - [Глава 86. «Жучок» внутри стекла — это уж слишком...](#)
- [Очерк XXIV. Последний подарок последнего председателя КГБ](#)
 - [Глава 87. Стратегия и тактика контроля за строительством](#)
 - [Глава 88. Первые находки и первые скандалы](#)
 - [Глава 89. Что же «сдал» Бакатин?](#)
- [Очерк XXV. Нападение и защита разведки](#)
 - [Глава 90. Две вербовки офицеров КГБ](#)
 - [Глава 91. Новая концепция деятельности разведки КГБ](#)
 - [Глава 92. Технические системы защиты переговоров](#)
- [Очерк XXVI. Шпион и современные цифровые технологии](#)
 - [Глава 93. Новая роль агента](#)
 - [Глава 94. Поиск кандидатов на вербовку](#)

- [Глава 95. Новые сложности на фоне новых возможностей](#)
 - [Глава 96. Защита агентурной связи](#)
 - [Глава 97. Цифровая стеганография](#)
 - [Глава 98. Электронные тайники и следы от компьютера](#)
 - [Глава 99. Послесловие](#)
 - [Использованная литература](#)
-

Мелтон К., Алексеенко В.

Шпионский арсенал. История оперативной техники

спецслужб

*Посвящается офицерам-ветеранам 14-го Отдела Управления ОТ
ПГУ КГБ СССР, мужественно и честно служившим своей стране.*

Предисловие

О разведке и разведчиках, агентах и шпионах написано много интересных книг историками и ветеранами спецслужб. Авторы этих изданий интригуют читателя рассказами о самой тайной сфере деятельности, о легендарных захватывающих операциях разведки, которые заканчивались как успехами, так и неудачами. Главными героями в этих книгах выступают, как правило, оперативные офицеры разведки, руководившие своими агентами и осведомителями. Все они вместе как и раньше, во времена СССР, так и сейчас решают главную задачу разведки по добыванию секретной и важной для государства информации самого разного содержания и объема.

Вместе с оперативными офицерами действуют и другие сотрудники разведки самых разных специальностей, от аналитиков, шифровальщиков и связистов-радистов до уникальных мастеров по сейфам и замкам, компьютерных гениев, собирающих информацию в закрытых, тщательно охраняемых базах данных, и талантливых мастеров "оперативного макияжа", способных кардинально изменить внешность человека, если этого требуют условия проведения операции. Об этих уникальных специалистах рассказано достаточно много и подробно, чтобы российский читатель смог по достоинству оценить вклад каждого направления деятельности разведки.

Однако есть офицеры разведки, о которых практически до сих пор ничего не известно. Хотя сотрудники этого направления непосредственно принимают участие в операциях по добыванию информации: они ее особым образом обрабатывают с целью надежного хранения и транспортировки, а также обеспечивают безопасность представительств России за рубежом.

Этим неизвестным направлением является оперативно-техническая служба Российской разведки, которой в апреле 2015 г. исполнилось 60 лет и где одному из авторов довелось служить 20 лет в качестве офицера КГБ СССР, а затем, уже на пенсии, заниматься историями создания и применения особых устройств, которые в деятельности КГБ называются оперативной техникой, или коротко ОТ.

Юбилейный знак «60 лет Оперативно-технической службе российской разведки»

Для меня годы работы в качестве оперативно-технического сотрудника были самыми интересными и по-своему счастливыми, и я с огромной благодарностью вспоминаю всех тех, кто рекомендовал меня на службу в КГБ, и, конечно, моих руководителей, наставников и сослуживцев, заботливо и тщательно обучивших меня самым разным специальностям, от «охотника на жучков» и строителя особых, защищенных от подслушивания помещений до специалиста по микрофотографии, тайнописи, агентурной связи и по многим другим уникальным профессиям. Все те, с кем я работал первые годы в разведке, не таясь, передавали мне свой бесценный опыт, и это было нормой в службе ОТ, как, впрочем, и в других подразделениях центрального аппарата разведки в Москве.

Моя служба в ОТ сложилась весьма удачно и настолько интересно, что после выхода на пенсию периодически возникало желание рассказать об этой уникальной сфере деятельности с тем, чтобы вызвать интерес у студентов и выпускников технических институтов, которые для себя решают вопрос выбора профессии. С полной ответственностью хочу сказать этой молодой аудитории, что служба в качестве офицера оперативно-технической службы разведки даст возможность овладеть многими специальностями и приобрести уникальный опыт работы, что в конечном итоге сделает вас востребованными не только в государственной сфере, но и в коммерческой деятельности, где в настоящее время активно работают собственные службы безопасности, постоянно нуждающиеся в квалифицированных и опытных оперативно-технических специалистах. На протяжении последних 25-ти пенсионных лет я постоянно сталкивался с тем, что самыми высококвалифицированными специалистами в этой сфере

считаются офицеры ОТ разведки, владеющие самым широким спектром оперативной техники и получившие за рубежом реальный опыт противодействия западным спецслужбам.

Как-то Юрий Кобаладзе, первый руководитель пресс-бюро СВР, познакомил меня с Китом Мелтоном, американским историком и бизнесменом, автором многочисленных книг и статей об истории техники разведки и контрразведки, а также владельцем уникального музея специальной техники. Нас сразу объединило страстное желание сохранить для истории наиболее интересные образцы специальной техники и рассказать о примерах их использования. В 2000 г. вместе с Мелтоном мы приняли участие в изготовлении экспонатов для Международного музея шпионажа в Вашингтоне. В 2012 г. была издана «Тайная история спецтехники ЦРУ» о профессии оперативно-технического сотрудника разведки. Я занимался переводом, редактированием и оформлением этой новой книги Мелтона для российского читателя.

Кит Мелтон и я предоставляем широкой аудитории читателей книгу «Очерки истории специальной техники», в основу которой положены наши ранее изданные статьи, написанные на основе архивных материалов Музея Кита Мелтона и моей собственной практики. Кит Мелтон обозначен как первый автор этой книги, поскольку без его участия и поддержки эта книга никогда бы не была написана для российского читателя. Авторы полагают, что книга будет подарком ветеранам оперативно-технических подразделений российских спецслужб, которые вспомнят свои молодые, полные сил годы и увидят технику, которую много раз держали в руках и готовили для мероприятий.

Мы также создавали эту книгу как Музей специальной техники в надежде на то, что когда-нибудь в России создадут такой настоящий и открытый для всех желающих музей, как это уже сделано в США, Германии, Финляндии и др. странах.

Очерк I. Обучение и стажировка

Глава 1. «Добро пожаловать в секретный отдел ЦК КПСС»

Я остановился перед аккуратной надписью: «Научный центр исследований» на небольшой пристройке к высокому и мощному забору, за которым виднелся современный комплекс зданий из стекла и бетона. Где-то там, внутри, располагалась моя будущая работа, о которой я не имел ни малейшего представления, кроме шутки одного из кадровиков, что «придется по команде начальника быстро нажимать кнопки на специальной аппаратуре». В течение целого года моего оформления я все-таки узнал, что буду работать, точнее, служить в одном из подразделений центрального аппарата КГБ, однако других сведений у меня не было, а спросить молодых ребят, проходивших вместе со мной комиссии и собеседования, я не решался.

Во время последней встречи с кадровиком мне вручили пластиковый пропуск, где в маленьких квадратиках стояли совершенно непонятные значки, часть которых была «пробита» дырками вроде водительского талона предупреждений. Если кто-то помнит, сотрудники ГАИ СССР делали просечки за мелкие и крупные нарушения часто в зависимости от настроения инспектора милиции и степени заискивания, а иногда и агрессии водителя-нарушителя.

Нормальной на пропуске была только моя черно-белая фотография и длинный личный офицерский номер. И более ничего. Ни фамилии, ни имени с отчеством не было, и это уже само по себе создавало ощущения тайны и сопричастности к важной и секретной деятельности.

Как мне объяснил кадровик, стоянка специального автобуса до объекта (так часто в советские времена называли место моей службы) была недалеко от метро. На вопрос, а есть ли какая-либо табличка на стоянке или на автобусе, мне ответили, что недалеко от метро будут стоять строго одетые мужчины в костюмах с галстуками и женщины обязательно в платьях. Позднее я узнал, что в советские времена женские брюки были запрещены на всей территории моей работы. И действительно, поднявшись из метро и оглядевшись по сторонам, я сразу увидел небольшую очередь строго одетых людей, большинство которых читали утренние газеты.

Неожиданно подкатил новенький «львовский» автобус с темно-коричневыми «траурными» шторами на окнах, и через переднюю дверь люди по очереди чинно стали рассаживаться, предварительно показывая водителю такой же, как и у меня, пропуск. Я старательно сделал то же самое и оказался внутри. Ура, меня опознали как одного из своих, и это уже было неплохое для меня начало. Волнение немного улеглось, и мы покатили по МКАД. Было начало октября 1973 г., солнечный день уходящего бабьего лета, мой выходной костюм с белой рубашкой и галстуком — всё должно было придавать мне уверенности в первый день моей службы в КГБ.

По дороге от метро до объекта более всего меня волновали вопросы, которые скорее всего будут мне задавать во время первой встречи с руководством подразделения. Надо сказать, что в течение года оформления в КГБ я уже ответил на огромное количество вопросов в процессе сначала медицинских обследований, а затем различных и многочисленных собеседований, проверки всех документов моих родителей, жены и близких родственников. Особенно тщательно надо было писать биографии родителей. Завершающим этапом явилось заполнение кадровой анкеты и двухдневное тестирование. В первый день теста это было что-то вроде коротких устных экзаменов на запоминание текста, расположения фигур, фотографий лиц и многое другое. На второй день меня проверяли на полиграфе, где два сотрудника в белых халатах посадили меня в специальное кресло, повесили на руки и пальцы различные датчики и, стоя за спиной, задавали мне несколько часов самые разные вопросы, касающиеся моей биографии, учебы и семьи.

Терзая себя мыслями об ответах на предстоящие вопросы, я не заметил, как автобус остановился, и все пассажиры прошли через стеклянные двери внутрь территории, показывая стоящим вдоль узких проходов строгим молодым людям свои пропуска. Я же не знал, что делать,

и повернул направо к небольшому домику с красивой вывеской «Научный центр исследований» и далее более скромной — «Бюро пропусков». Внутри на столике стояли телефоны, я набрал известный мне номер, сообщил о прибытии в первый раз, и мне ответили, что за мной придут. Через 10 минут появился мой сопровождающий, он оказался таким же молодым парнем, как и я. Весело посмотрев, он пожал мне руку, спросил: «Владимир Николаевич?», затем провел меня через охрану, и далее по дорожке среди белых березок мы вышли к необыкновенно красивому бетонному зданию с овальным козырьком над центральным входом. Фойе цокольного этажа из светло-серого мрамора показалось мне, как в современном по тем временам театре. В глубине фойе располагался уютный журнальный киоск с красивой продавщицей средних лет с элегантной прической и в нарядном платье. Мы поднялись на финском лифте на верхний 6-ой этаж, и меня посадили в коридоре в уютное кресло перед огромным витражом, через которое открывался красивый вид на МКАД в окружении еще зеленого леса.

Просидев в кресле около часа и не дождавшись приглашения, я заглянул в кабинет секретаря, который выделялся по интенсивности заходивших и выходивших из этого помещения сотрудников. Приветливая дама-секретарь попросила меня подождать еще немного, и через несколько минут меня пригласили в просторный кабинет руководителя, который с улыбкой встал мне навстречу, пожал руку и произнес:

— Добро пожаловать, Владимир Николаевич, в особый секретный отдел ЦК КПСС.

Здание ПГУ КГБ СССР (из архива Keith Melton Spy Museum)

Ноги мои стали слегка ватными, и руководитель, Евгений Иванович, в красивом темно-синем костюме, видя мое замешательство, вовремя пригласил меня сесть в кресло. А сам вернулся за свой большой рабочий стол с аккуратно разложенными бумагами и, сидя, некоторое время пристально с улыбкой меня рассматривал. Я же, собравшись с духом, довольно бодро выдавил слова благодарности и добавил, что горжусь оказанным мне доверием и постараюсь его оправдать. Евгений Иванович улыбнулся еще раз и начал спрашивать меня об институтской учебе и практике, моей специализации и увлечениях. Ему явно понравились радиомонтажные навыки,

полученные мною еще в школе и затем на институтской кафедре радиотехники. Потом были расспросы о семье, родителях и родственниках жены.

Позднее я узнал, что моя служба началась в 14-ом отделе Первого главного управления КГБ (ПГУ КГБ), а вовсе не в ЦК КПСС, и я долго ломал голову, почему руководитель озадачил меня таким приветствием? Мне рассказали, что Евгений Иванович до службы в КГБ занимался партийной работой, а затем был рекомендован кураторами из ЦК КПСС возглавить отдел оперативной техники разведки: именно так назывался 14-ый Отдел ПГУ в служебных документах Комитета. А столь необычное приветствие в мой адрес оказалось его шуткой — проверкой молодых сотрудников, приходивших в отдел под его «крыло».

Забегая вперед, скажу, что в первые несколько лет моей службы в отделе я услышал много высказываний в адрес нашего руководителя. Они были большей частью доброжелательными и, по моему мнению, совершенно справедливыми. Конечно, были и те, кто носил обиду на Евгения Ивановича, чья партийная выучка иногда не давала ему смелости идти к руководству ПГУ для защиты «штрафника» от увольнения, например, офицера, напившегося на рабочем месте, устроившего скандал за границей или грешившего любовными утехами на стороне. Но такие единичные случаи были как ЧП, поскольку дисциплина офицеров ПГУ, прошедших тщательные кадровый и партийный отборы, была намного более строгой и осознанной, чем у офицеров других управлений КГБ, и это не было секретом.

Как я убедился на собственном опыте, работа за границей была серьезной и всесторонней проверкой для офицеров КГБ да и для всех сотрудников советских представительств. Бытовавшая в советские времена поговорка: «Я бы с ним в разведку не пошел» или, наоборот, «Я бы с ним пошел...» — была совершенно справедливой. Заграница проверяла людей, как настоящий детектор лжи или рентгеновский аппарат, который мог просвечивать человека насеквоздь. Однако бывало и так, что руководители баловали своих любимчиков, не обращали внимание на критику в их адрес, что иногда заканчивалось весьма печально. Но об этом более подробно в других главах.

Глава 2. Первые впечатления и попутные размышления уже на пенсии

Итак, началась моя служба в КГБ. На следующий рабочий день уже без дрожи в коленках я начал осматриваться. Новое здание штаб-квартиры разведки было построено год назад, в 1972 г., под «легендой» элитного санатория, расположенного в красивом лесном массиве. Внутри все было отделано финскими материалами, сверкали блеском мраморные холлы и новенькие лифты, не дожидаясь которых мы, «молодняк», носились по удобным лестницам и красивому финскому паркету. В аккуратной, чистой столовой и кафе офицеры наслаждались дружеским трепом среди комфортной мебели за вкусным обедом и чашкой ароматного кофе.

Мне сразу понравилось абсолютно все, особенно небольшие и уютные кабинеты для двух сотрудников, с огромными окнами, встроенными шкафами для сейфов и одежды, с редкой по тем временам системой кондиционирования. За новым финским столом было приятно сидеть в элегантном врачающимся кресле, а для посетителей имелись не менее удобные стулья.

Все располагало к тому, что и сама моя служба будет такой же красивой, современной и по-своему элегантной, как в советских детективных фильмах. И мне сразу захотелось с головой окунуться в этот пока загадочный, но уже доступный для меня мир с героями-разведчиками, крепкой, надежной мужской дружбой и справедливыми отца-ми-командирами. Через несколько лет многие из этих первых впечатлений кардинально изменились, однако до сих пор я сохранил любовь к своей уникальной профессии, уважение к товарищам, многих из которых уже нет...

Воспоминания о службе в разведке, ставшей для меня главным смыслом жизни, размышления о неудачах и успехах, с которыми пришлось сталкивался, навели на мысль, что работа «не отпускает» меня до сих пор. И как результат мне регулярно снятся резидентура, мои сослуживцы и одна из операций, где что-то не удалось. Проснувшись под утро, начинаю восстанавливать детали, «ковыряясь» в своих поступках и размышлять над реакцией товарищей. А потом с горечью сознавать, что прошедших лет моей службы, по-своему счастливых, полных радости, энергии и удачи, увы, не вернуть. Мне же остается только вспоминать все, что было важным, интересным и полезным, и пытаться перенести это на бумагу.

Хочу надеяться, что все те, кто прочтет эти воспоминания и очерки, узнают об уникальной работе разведки в период, когда мы жили в огромной и сильной державе, которую боялись наши противники и уважали друзья. Интересный эпизод: я, как дипломат, часто возил с дипломатической почтой громоздкие системы ОТ, пересекая границу между ФРГ и ГДР, через этот фронтовой рубеж между Востоком и Западом. И мои знакомые западные немцы как бы в шутку, шепотом, просили меня передать советским начальникам в ГДР о том страхе, который испытывала в то время Западная Европа перед огромной лавиной танков на границе с ФРГ. Немцы были уверены, что по приказу из Москвы эта железная армада сможет за полчаса "перепахать" всю Европу до берегов Атлантики. Об этом на Западе никто не забывал, все боялись СССР и его союзников, и потому советская разведка в Европе могла работать гораздо увереннее и спокойнее, чем, например, в США. Это придавало нам силы и смелости, часто в явно рискованных мероприятиях. Успехи кружили головы, мы иногда забывали об опасности и противнике, который иногда пользовался нашей эйфорией и преподносил нам такие сюрпризы, которые нередко ломали наши предыдущие успехи.

В США было по-своему легче: мы ежедневно видели за собой слежку, ее действия, понимали и чувствовали работу контрразведки ФБР против нас. Это заставляло и руководство, и офицеров не забывать о конспирации и безопасности нашей работы, о надежности защиты наших секретов. Планируя операции в городе, мы старались угадать все возможные варианты

ловушек и действий ФБР, готовились страховать своих товарищей в случае неудачи и постоянно смотрели по сторонам, когда «вдруг» исчезала демонстративная слежка.

А в Европе все было наоборот. Слежка была крайне редкой, и ежедневная оперативная работа в тихой, сонной Европе иногда успокаивала оперативников, которые после стандартной проверки уверенно двигались к месту проведения операции. Да и сама работа внутри посольства и резидентуры КГБ в Европе больше напоминала суетливую и веселую московскую жизнь. И за такое спокойствие приходилось жестоко расплачиваться, беспощадно ругая и себя, и товарищей за потерю бдительности, пренебрежение золотыми принципами безопасности и конспирации, которые, как дорожные правила, были написаны кровью и поломанными судьбами офицеров, угодивших в ловушки противника или сделавших шаги в сторону провала. Но об этом потом, в последующих главах...

Глава 3. Первое знакомство с новой профессией. Даешь «закладку»!

Через несколько дней после начала службы в ПГУ мне, еще "зеленому" офицеру, вместо пистолета, о котором я столько мечтал, выдали в секретариате под расписку толстую тетрадь унылого бутылочного цвета с интригующим заголовком «Для записей секретного содержания» и велели двигаться в конец длинного коридора, где располагался учебный кабинет, или коротко «учебка». Здесь мне предстояло провести целый год подготовки в компании таких же «зеленых», но уже гордых званием «офицер КГБ» молодых парней.

Наш распорядок дня, как и всех других офицеров ПГУ, складывался из основной работы, занятий спортом дважды в неделю в бассейне или в борцовском зале, ежемесячной стрельбы по три патрона из пистолета в подземном тире и посещения курсов иностранных языков, кому это было позволено. Офицеры в основном старались придерживаться такого расписания, для многих спорт был хорошей разрядкой после многих часов сидячей работы с документами. Некоторые же пропускали спорт, кто из-за лени, а кто, возможно, стеснялся своей полноватой фигуры и невозможности выполнить офицерские нормативы.

Потянулись однообразные дни нашей самостоятельной подготовки, и мои товарищи после обеда начали, не таясь, дремать над учебными пособиями. Я как мог держался несколько дней, а потом вместе со всеми стал зевать, как «лев, после удачной охоты и сытного обеда». Наш сонный вид скоро заметили, и после обеда опытные сотрудники отдела начали с нами занятия. Не все наши наставники имели лекционный опыт, но детали их рассказов вместе с показами специальной техники были настолько интересными, что мы сидели, разинув рты и ловили каждое слово. Однако и тут начинались сны и даже с вежливым храпом. Особенно отличались офицеры со стажем, переведенные в 14-ый отдел из других управлений КГБ. Возможно, они уже имели представление о зарубежной работе сотрудника ОТ, но спать, особенно в первом ряду на глазах ветеранов отдела, нам казалось оскорблением. Мы потихоньку будили спящих после обеда «львов» и старались посадить их подальше на последние ряды. Но храп доносился и оттуда, и, чтобы его заглушить, мы громко задавали вопросы и двигали стулья. В середине занятия «львы» просыпались и, отдохнув, энергично останавливали рассказы инструкторов своими вопросами и даже дополнениями. Мы потом узнали, что активность на таких занятиях бралась руководством на заметку, чтобы точнее определить способности и настрой каждого нового офицера. Кстати, сон и храп на занятиях не оставляли без внимания.

Во время этой, уже настоящей учебы мы наконец-то получили представление о деятельности 14-го отдела. Оказывается, что офицер ОТ за границей занимает официальную должность «атташе по связи», руководит и отвечает за техническую безопасность зданий представительства. Мы узнали, что сотрудник ОТ организует защиту территорий и зданий от террористических атак, ведет поиск техники подслушивания, обеспечивает защиту коммуникаций здания от съема информации, отвечает за пожаробезопасность, контролирует самые разные технические работы на соответствие требованиям безопасности и многое другое.

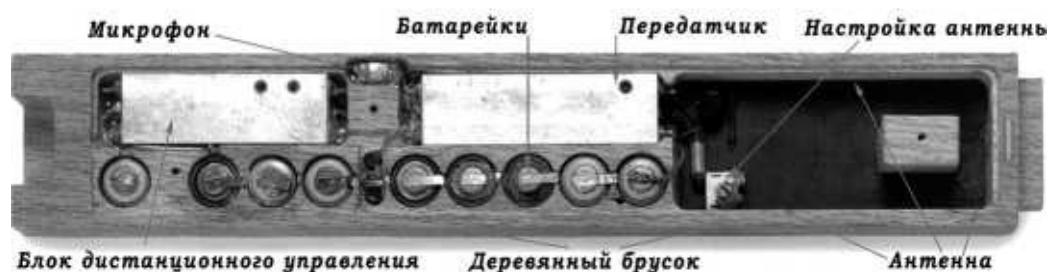
Нас поразило количество задач, с которыми офицер ОТ должен справляться за границей. В беседах с опытными сотрудниками отдела задавался вопрос, а почему КГБ должен контролировать технические работы по обслуживанию советских зданий за границей? Ответом была впечатляющая статистика обнаружения самых разных «жучков» после мелкого и крупного ремонта, выполненного иностранцами. Особенно активно спецслужбы использовали строительство новых советских зданий для установки техники подслушивания.

Как нам показали на многих примерах, доверия к иностранным рабочим не было, и потому

все работы по обслуживанию советских зданий должны выполнять специалисты из СССР или техники из состава представительства. А контролировать все эти работы и проверять их обязаны офицеры ОТ. Согласно указаниям ЦК КПСС (ничуть не меньше) сотрудники 14-го отдела имели официальные полномочия для контроля всех технических работ внутри любых советских представительств, их помещений, а также руководили и принимали участие в мероприятиях по техническому оснащению особо важных помещений. Таковыми считались кабинеты руководителей представительств СССР: посла, торгпреда, генерального консула. Объектами нашего обслуживания также были кабинеты в особо важных помещениях, таких, как референтура, где колдовали шифровальщики со своими тайнами и велась вся работа с секретными документами.

Особой сферой защиты для сотрудника ОТ была своя родная резидентура, где работали офицеры разведки КГБ. Эти помещения оборудовались специальной защитой от подслушивания и периодически проверялись. Именно в этих помещениях планировались и готовились все мероприятия разведки, проводились совещания и «разборы полетов», снаряжалась оперативная техника перед использованием в «городе».

Продолжая занятия в учебном классе, мы познакомились с другим, не менее важным направлением нашей будущей работы. В служебных документах это называлось оперативно-техническое обеспечение деятельности резидентуры КГБ. Главной задачей резидентуры была работа с агентурой для добывания актуальной разведывательной информации, для чего могла использоваться оперативная техника. При этом ставилась задача обеспечения безопасности всех оперативных мероприятий, что также не обходилось без разнообразной специальной аппаратуры. Во всех направлениях работы сотрудник ОТ должен был проявить максимум усилий, чтобы, с одной стороны, показать оперативникам все возможности техники, а с другой стороны, грамотно обучить оперативников приемам ее использования. Получалось так, что офицер ОТ должен быть не только классным техническим специалистом, но и уметь расположить к себе офицеров для активного и, главное, правильного использования технических средств.

Учебная радиозакладка в деревянном бруске (из архива Keith Melton Spy Museum)

Занятия с опытными сотрудниками отдела заставили нас по-другому взглянуть на инструкции в учебном классе и на образцы специальной техники, имевшейся для нашей тренировки. Особый интерес вызывали стенды с образцами техники подслушивания, обнаруженной сотрудниками отдела в советских представительствах за рубежом. На жargonе КГБ такая иностранная техника называлась «закладками», и, как мы узнали позднее, обнаружение закладки оценивалось как высший результат работы оперативно-технического сотрудника, что отмечалось ведомственной или правительской наградой. Каждый из нас сразу начал мечтать о таком личном успехе. Однако из бесед с опытными офицерами отдела мы узнали, что поиск закладок далеко не всегда заканчивался их обнаружением. Это была тяжелая, изнурительная и требующая отдачи всех сил работа, в чем я смог убедиться на собственном

опыте.

Забегая вперед, хочу пояснить, чтобы найти и самому извлечь «закладку», требуется стечеие многих обстоятельств, среди которых «госпожа удача» часто бывает на первом месте. В 14-ом отделе в период 1972–1975 гг. появилось много профессиональных поисковиков из Оперативно-технического управления КГБ (далее ОТУ КГБ) с большим опытом работы, и далеко не всем, к сожалению, посчастливилось подержать в руках «свою закладку».

Мне же невероятно повезло, и в первой загранкомандировке в США удалось дважды вытаскивать закладки, испытывая ни с чем не сравнимое волнение и гордость. Но как тогда, так и теперь хочу сказать, что дороги к моему личному успеху были проложены старшими товарищами и без их наставнической помощи, уроков и рекомендаций у меня бы ничего не вышло. К тому же многолетняя статистика обнаружения закладок, как мы узнали на занятиях, показывала, что положительному результату предшествует постоянный, многократно повторяющийся и продолжительный поиск «вражеской» техники подслушивания в тех странах, где западные спецслужбы, и в первую очередь ЦРУ и ФБР, проводят активную работу в отношении советских, а сегодня и российских представительств. В оперативной истории 14-го отдела был случай, когда систему подслушивания нашли только после пяти лет кропотливого поиска.

Надо сказать, что диплом «охотника на жучков» в настоящее время можно получить и на различных коммерческих курсах в Москве. Однако реальную практику как в советские времена, так и сейчас получают только сотрудники службы ОТ СВР, организуя поиск закладок в разных странах и в самых разных условиях. С полной ответственностью могу сказать, что только в ОТ СВР имеется огромный результативный опыт поиска и обнаружения закладок, чему позавидовали бы многие западные спецслужбы, а российские коммерческие организации безопасности тем более.

Глава 4. Мои любимые «Фотики»

Именно так ласково — «фотики» называли в ПГУ офицеров направления специальной фотографии 14 отдела за их безотказность, доброжелательность и корректность. «Фотики» были моим первым коллективом, куда меня пригласили стажироваться. Ветеран коллектива, Василий Иванович, небольшого роста, сухонький, резкий, встретил меня в синем халате с пятнами от фотохимиков. Заметив мой взгляд на халат, Василий Иванович мимоходом сказал, что есть и чистые, попросил подождать, посадил меня в кресло, а сам ушел за темную штору в фотолабораторию. В кабинет несколько раз заглядывали посетители с вопросом, а где начальство? Несколько человек остались ждать, сидя рядом со мной. У многих в руках были папки и конверты, вероятнее всего, с заданиями для фотонаправления. Наконец появился Василий Иванович уже в костюме и начал прием посетителей. И тут я услышал настоящие боевые задания от подразделений разведки: сделать цветное фото для иностранного паспорта, изготовить микроточку, о которой я ничего не слышал, сфотографироваться на удостоверение КГБ, проявить полученные от агента оперативные фотопленки из резидентуры, срочно отпечатать фотоклише для руководства ПГУ и многое другое.

К этому потоку заданий Василий Иванович отнесся совершенно спокойно. Он внимательно читал каждое письмо-заявку, аккуратно регистрировал их в специальном журнале, в котором затем офицеры ставили свои подписи. Тут появился Сергей Дмитриевич, также ветеран коллектива, временно замещавший начальника фотонаправления. Он внимательно прочитал задания, поставил на каждом свою подпись и резолюцию, кому какую работу выполнять. Я сидел, не шелохнувшись, стараясь уловить важность каждого задания и надеясь посмотреть, а как его будут выполнять мои наставники-профессионалы.

На столе часто звонил телефон, по которому задавались одни и те же вопросы, когда можно оформить и сдать в работу задание, а также когда оно будет выполнено. Все подразделения ПГУ хотели получить результаты быстрее, но никто не стал им объяснять, что часть сотрудников в отпусках и коротких командировках. Их опыт сам подсказывал, какие работы надо делать срочно, а что можно отложить на пару дней. Мое появление у «фотиков» также объяснялось временной нехваткой кадров.

На следующий день очередь офицеров с заданиями повторилась, и я начал понимать, что фотоработы в разведке занимают особое место. Как-то днем, когда посетители исчезли на обеденный перерыв, Василий Иванович, закрыв журнал регистрации, сказал: «Ну, теперь ты понял, какое направление самое важное в 14-ом отделе?» И действительно, работая уже за границей, мне довелось слышать отзывы оперативников о моих сослуживцах. Главной похвалой была фраза: «А ваш сотрудник (называлась фамилия) — это фотограф "от бога"», — и такую марку надо было держать постоянно, поскольку заработать авторитет специалиста в резидентуре и в Москве надо было годами, а потерять можно сразу, после одной ошибки.

Итак, я начал свою практику в качестве стажера и стал выполнять несложные задания. Через неделю появился из отпуска Игорь Кузьмич, который справедливо считался в то время одним из лучших, ведущих сотрудников спецфотографии. Игорь Кузьмич начал учить меня правилам портретной фотосъемки, которая велась постоянно, поскольку фотографии на удостоверения и на загранпаспорта требовались всем офицерам ПГУ. Я учился «ставить» свет, корректировать позу объекта и поворот его головы во время съемки, стал осваивать сложные импортные модели фотоаппаратов. Настал день, когда мне поручили самостоятельно делать портретные съемки.

Надо сказать, что портретная съемка велась в отдельном помещении, где на «плечиках»

висели несколько военных кителей, рубашек, галстуков и все виды погоноў. Начиная с 1970-х гг., сотрудникам ПГУ запретили ношение военной формы, и потому для фотографий на удостоверение офицеров ПГУ КГБ использовались всего несколько военных комплектов, которые подгонялись по фигуре с помощью прищепок и булавок. Исключение делалось только для генералов, которым в спецателье КГБ шились на заказ парадные генеральские мундиры. Но в ПГУ в то время был всего десяток генералов, и такая съемка, требующая от «фотиков» особой подготовки, проводилась очень редко.

Я освоил интересный прием: дело в том, что после фотографирования на удостоверение офицерам ПГУ рекомендовалось сохранить негатив. Через пару-тройку лет офицер ПГУ получал следующее звание, повышался в должности, приходил к «фотикам» с просьбой сделать новое фото на удостоверение. Чтобы сэкономить время на фотосъемку, фотики искусно рисовали раствором йода на негативе новую звездочку и печатали старый негатив. Об этом фокусе скоро узнали все офицеры ПГУ, после чего бережно хранили негативы своих фотографий в военной форме.

Следующей учебой для меня явилась портретная фотопечать. В направлении использовались в основном импортные фотоматериалы и своя особая технология обработки экспонированной фотопленки, а для фотопечати применялись удобные фотоувеличители немецкой фирмы «Durst» с многочисленными системами регулировки и подстройки. Мои первые самостоятельно отпечатанные фотоснимки целиком забраковали, показав все ошибки. И я стал учиться заново технике фотопечати, хотя до КГБ часто занимался фотоработами и в школе, и в институте. Все пришлось забыть.

Самой кропотливой работой считалось ретуширование портретных негативов для печатания фотографий на иностранные документы и паспорта. Ретушь выполнялась часами вручную, десятками карандашей разной твердости, и все единогласно доверяли это крайне сложное и кропотливое дело только нескольким специалистам, Игорю Кузьмичу и Сергею Дмитриевичу.

Левшин Николай Алексеевич, 1928–2000 г (фото из журнала «Мужская работа», № 14, 2002 г)

Через месяц появился начальник фотонаправления Николай Алексеевич Левшин,

вернувшийся из командировки. Полковник Левшин, чей стаж работы в КГБ начинался в 1948 г. с курсов специальной технической подготовки, был для всего 14-го отдела и специалистом, и руководителем особо уровня.

Всегда аккуратно одетый, со строгим, чуть ироничным взглядом, но всегда внимательный к вопросам любой сложности, Николай Алексеевич стал моим наставником на долгие годы. После службы в КГБ мы несколько лет вместе работали уже на пенсии, и для меня его рабочие, житейские советы и рекомендации всегда были и важными, и полезными.

Офицеры фотонаправления были коллективом интеллектуалов, кастой специалистов, особо ценимой в ПГУ. Деятельность офицера ОТ за границей была во многом связана с использованием самой разнообразной фототехники, от фотокопировальных установок и фотокамер для скрытой (незаметной) съемки людей до миниатюрных агентурных фотокамер в авторучках, зажигалках и даже в губной помаде. Все эти разные фотосистемы и камеры требовали особых приемов обработки фотопленки, специальных навыков печати фотоснимков часто в большом количестве, добиваясь читаемости каждого фотоклише. И все это надо были грамотно и без ошибок выполнять сотруднику ОТ резидентуры, не забывая о других важных направлениях своей работы.

К этому надо добавить дополнительное обучение уже в резидентурах оперативных офицеров фотомастерству, особенно в тех случаях, когда специальной фототехникой должен был пользоваться их агент для съемки особо важных секретных документов. И если фотокопии таких документов оказывались плохого качества, виновным считался сотрудник ОТ. И потому офицеры направления во главе с Николаем Алексеевичем в прямом смысле гоняли сотрудников и 14-го отдела и всего ПГУ в период подготовки в Москве, чтобы они в резидентурах могли добиваться требуемой четкости выполнения особых фототехнологий, соблюдения всех этапов подготовки фототехники и многократной проверки надежности фотоустройств перед оперативным мероприятием.

Надо сказать, если за границей сотрудник ОТ отличался мастерством как фотоспециалист, его ценили не только офицеры резидентуры, но и сам резидент КГБ, и часто руководитель советского представительства. И, конечно, в первую очередь в этом была заслуга сотрудников фотонаправления, строго, тщательно и заботливо обучавших всех офицеров ПГУ, проходивших подготовку перед выездом в командировку. До сих пор вспоминаю тревогу и нервозность опытных офицеров ОТ, которым предстояло сдать экзамен «самому Левшину», не прощавшему плохой подготовки и ошибок на зачете. Как-то во время заключительной беседы на вопрос Николая Алексеевича, чем отличается зеркальный фотоаппарат от дальномерного, капитан с большим стажем работы в радиотехнической лаборатории ОТУ КГБ после некоторой паузы робко ответил, что «зеркалька будет подороже, чем дальномерная камера». Этот ответ еще долго вызывал хохот у всей учебной группы. Посмеявшись, Николай Алексеевич отправил капитана обратно на подготовку.

Продолжая стажировку в направлении, я начал осваивать особые фотокамеры для негласной съемки. Это были специально сконструированные для КГБ фотоаппараты, которые прятались в пальто, под пиджак, за брючный ремень. Объективы таких «хитрых» камер маскировались специальными пуговицами с раздвигающимися шторками, а для женских костюмов применялись особые брошки с прозрачными стеклами. Даже заколка для мужского галстука могла скрывать специальный фотоаппарат. Эти и многие другие системы маскировки назывались «камуфляжами», или «прикрытиями». Такие особые фотосистемы впервые были разработаны для служб наружного наблюдения (далее НН, или «наружка»), когда во время слежки за человеком требовалось незаметно его сфотографировать. Важными снимками считались его действия, например, во время встречи с другим человеком, посещение квартир, учреждений и

особенно поступки, которые у сотрудников НН считались подозрительными.

Несколько лет назад в открытой печати вышла трилогия «Наружное наблюдение» Андрея Константина. В этих книгах подробно рассказывается о работе сотрудников НН российской полиции и приемах, которые они используют для негласной фотосъемки. Сегодня, в эпоху цифровой техники, негласное фотографирование стало гораздо более удобным для сотрудников специальных служб. Отпала необходимость в выборе фотопленки, которую приходилось весьма аккуратно устанавливать в фотокамеру. Выбор диафрагмы, выдержки, установка резкости теперь выполняются автоматически, а сам цифровой снимок можно за секунды передать с помощью мобильного телефона в оперативный центр. Мы же об этом не мечтали, поэтому многократно тренировались, тщательно следя наставлениям наших «фотиков».

Надо сказать, что знание особенностей работы со специальной фототехникой не передавалось по наследству, поскольку новая фотоаппаратура регулярно поступала в 14-й отдел из ОТУ КГБ, где проектировалась и создавалась талантливыми офицерами-конструкторами специальной лаборатории НИЛ-11. Ее сотрудники нередко привозили в 14-й отдел опытные образцы, которые испытывали и оценивали со всех сторон совместно с опытными сотрудниками фотонаправления. Нередко такие опытные образцы новой фототехники имели высокие оптические параметры, однако проигрывали в надежности, а это считалось одним из главных показателей пригодности специальной техники для оперативной работы. Практика общения с офицерами-конструкторами была всегда полезной, и в дальнейшем рекомендации сотрудников 14-го отдела учитывались в процессе совершенствования опытных образцов и модернизации уже используемой сотрудниками ПГУ спецтехникой.

За несколько месяцев работы я освоил многие фототехнологии, мне периодически поручали выполнение несложных заданий оперативных подразделений и в дальнейшем меня даже привлекали для больших по объему фоторабот, таких, как фотосъемка на новые партийные документы, замена которых проводилась в 1976 г.

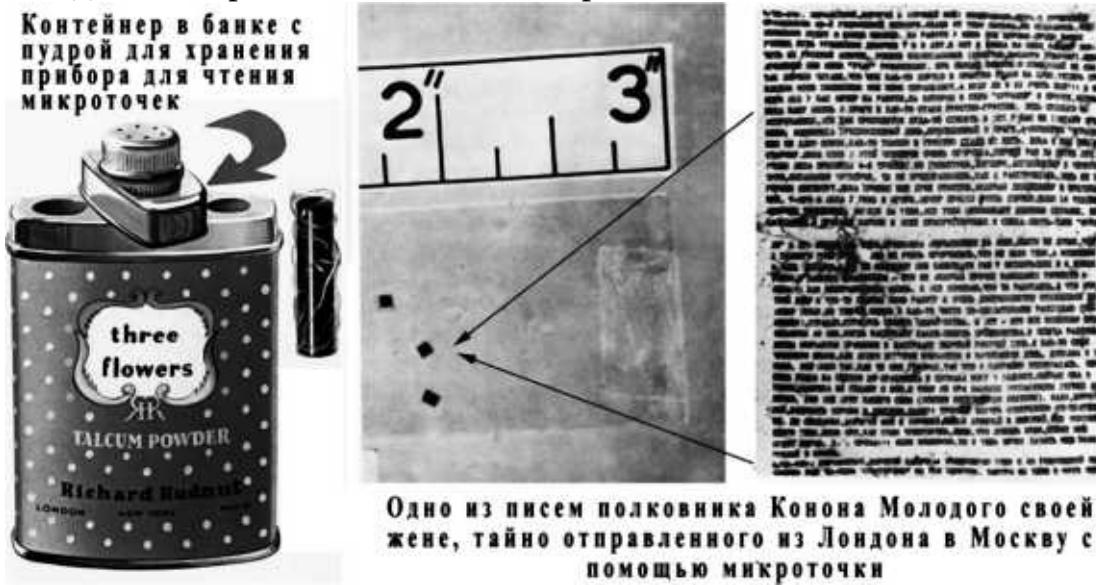
После стажировки у «фотиков» я «прошел» еще несколько направлений ОТ, где опытные сотрудники отдела обучили меня тонкостям работы с техникой звукозаписи, с различной аппаратурой радиосвязи и контроля эфира. Мне удалось постичь азы тайнописи, изготовления контейнеров, освоить сложные методы и системы поиска техники подслушивания, а потом применить полученные знания на практике в нескольких краткосрочных командировках, где я в резидентурах познакомился с моими коллегами, офицерами ОТ. Я часто вспоминаю моих старших товарищей с теплотой и благодарностью за их терпение, выдержку и уважение, с которым они обучали меня, совсем «зеленого», иногда задиристого лейтенанта, тонкостям и специфике работы в составе советских зарубежных миссий, умению взаимодействовать с разными категориями загранработников, от технического персонала до руководителей представительства. Эти первые боевые уроки очень помогли в дальнейшей самостоятельной работе, особенно когда я оказывался единственным «технарем», которому могли доверить решение деликатных проблем.

Следующий рассказ в этой книге о направлении в деятельности ОТ, которое считалось одним из наиболее сложных и требующих кропотливой и умелой работы. В XX веке оперативная микрофотография была активно используемым средством связи многих разведок мира, каждая из которых создавала свои собственные методики, и в последующих главах будет об этом рассказало.

Очерк II. Оперативная микрофотография

Глава 5. Письма-микроточки жене резидента

Легендарный полковник советской разведки Конон Трофимович Молодый, оперативный псевдоним «Бен», руководивший в 1950–1960 гг. нелегальной резидентурой КГБ в Англии, успешно добывал научно-техническую и военную информацию с помощью агентуры, действовавшей на одной из британских военно-морских баз.

Одно из писем полковника Конона Молодого своей жене, тайно отправленного из Лондона в Москву с помощью микроточки

Из архива Keith Melton Spy Museum

Кроме новейшего по тем временам радиопередатчика, для связи с Москвой в резидентуре Молодого активно применялась микрофотография. С ее помощью тексты с исходного документа формата А4 путем особого фотографического уменьшения размещались на крохотных чешуйках целлофана размерами около 1 × 1 мм. Такие микрописьма назывались «микроточками», и резидент «Бен» использовал их даже в личных целях для переписки со своей женой, которая находилась в Москве и одна воспитывала детей. Можно было понять беспокойство о своей семье отца, выполнявшего секретные задания далеко от Родины. «Бен» поддерживал жену личными письмами, отправляемыми в такой необычной форме тайными путями в Москву.

Связь с помощью микроточки в XX веке считалась одним из самых надежных и безопасных каналов передачи секретной информации. Действительно, спрятанные в самые разные бытовые предметы, такие, как открытки и обычные письма, книги и небольшие посылки, микроточки можно было уверенно отправлять по обычным каналам почтовой связи.

После Второй мировой войны все действующие и будущие сотрудники советской разведки, а нелегалы в первую очередь, должны были в обязательном порядке изучать все этапы изготовления микроточки, осваивать различные способы, как надежно спрятать микроточку в обычный бытовой предмет. Затем инструкторы давали задание найти спрятанную микроточку, аккуратно ее извлечь, проявить, высушить и прочитать.

Такой непростой экзамен сдавали и коллеги Конона Молодого по нелегальной разведке, среди них Рудольф Абель, организовавший в США сбор и передачу в Москву секретных технологий изготовления атомной бомбы. А на юге Италии успешно действовал под псевдонимом «Артем» Ашот Акопян, руководитель нелегальной резидентуры КГБ. Агенты «Артема» виртуозно опустошали секретные сейфы итальянских спецслужб и проводили много разных оперативных мероприятий, а сам резидент успешно закончил свою командировку и вместе со своей супругой, неизменной помощницей, вернулся в Москву.

В годы Второй мировой войны все методики разведывательной работы, как и аппаратура для оперативной микрофотографии, считались особой тайной спецслужб, которые тщательно оберегали эти технологии друг от друга. Однако практике создания и развития микрофотографии уже более 150 лет, и, если сравнивать различные на первый взгляд методики спецслужб, можно увидеть их сходство с процессом, разработанным в начале XX века Эммануилом Голдбергом.

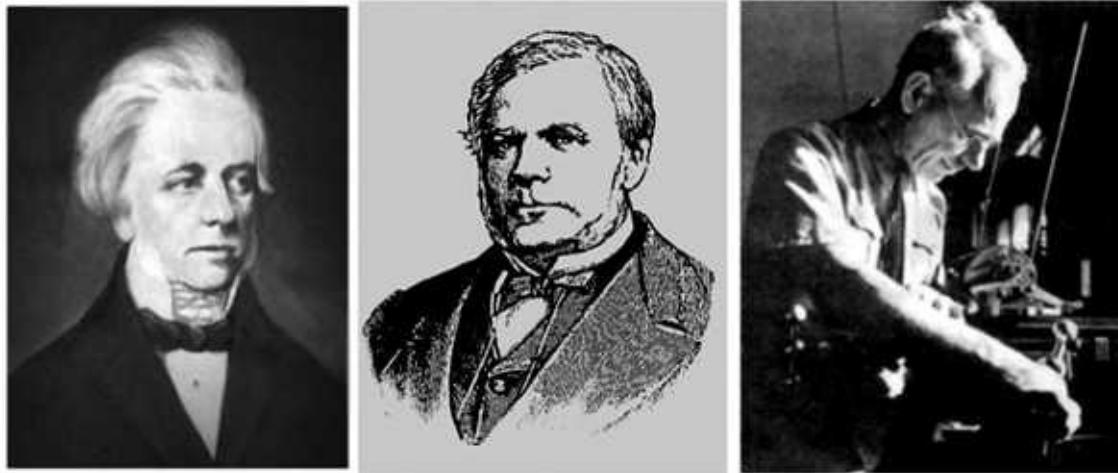

Из архива Keith Melton Spy Museum

Но, в свою очередь, работы Голдберга базировались на изобретениях и трудах предшествующих ему ученых, энтузиастов фотографии и уникальных мастеров-умельцев, веками последовательно продвигавших искусство создания микроизображений, невидимых простым глазом и потому ставших столь привлекательными для тайной переписки и секретной связи, а также в качестве экспонатов и сувениров для развлечения публики в музеях, на выставках и ярмарках. Обратимся к истории возникновения микрофотографии и первых шагов ее оперативного использования.

Глава 6. Первые шаги микрофотографии как способа секретной связи

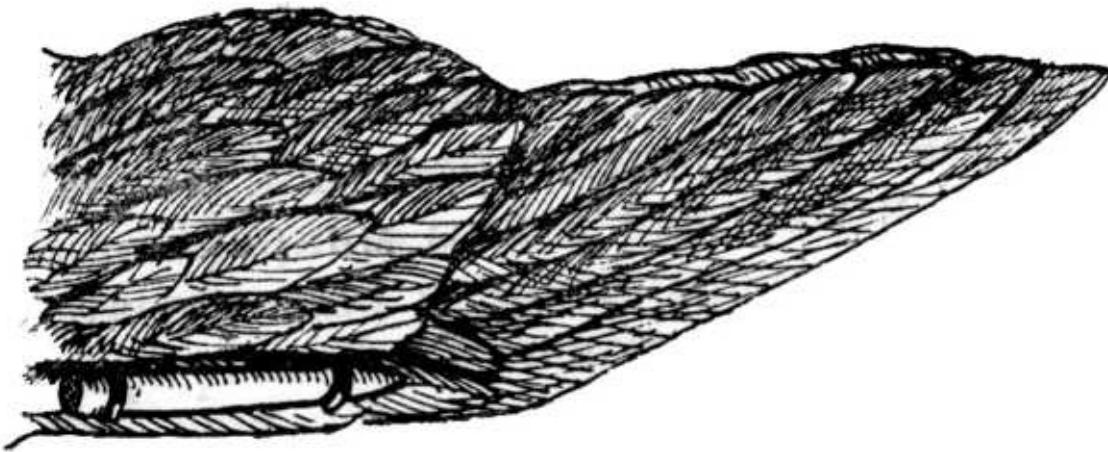
Историки считают пионером микрофотографии английского фотографа Джона Дэнсера. В 1839 г. именно он сделал первое микроизображение с помощью фотокамеры Дагера, используя объектив от микроскопа с фокусным расстоянием 38 мм. При этом Дэнсер добился уменьшения оригинала в 160 раз, а в 1856 г. ему удалось изготовить несколько микропортретов королевской семьи, которые были подарены королеве Виктории.

Создатели микрофотографии (из архива Keith Melton Spy Museum)

Рене Дагрон, французский изобретатель и энтузиаст фотографии, первым создал методику военного использования микрописем и эффективно ее использовал, когда войска Наполеона III потерпели поражение под Седаном и Париж был окружен объединенными германо-прусскими войсками. Все связи с внешним миром были прерваны, и в этой ситуации пригодились опыты Дагрона в микрофотографии. В ноябре 1870 г. Дагрон и его помощники развернули свою фотолабораторию и организовали изготовление микрописем для пересылки их в Париж с помощью голубиной почты.

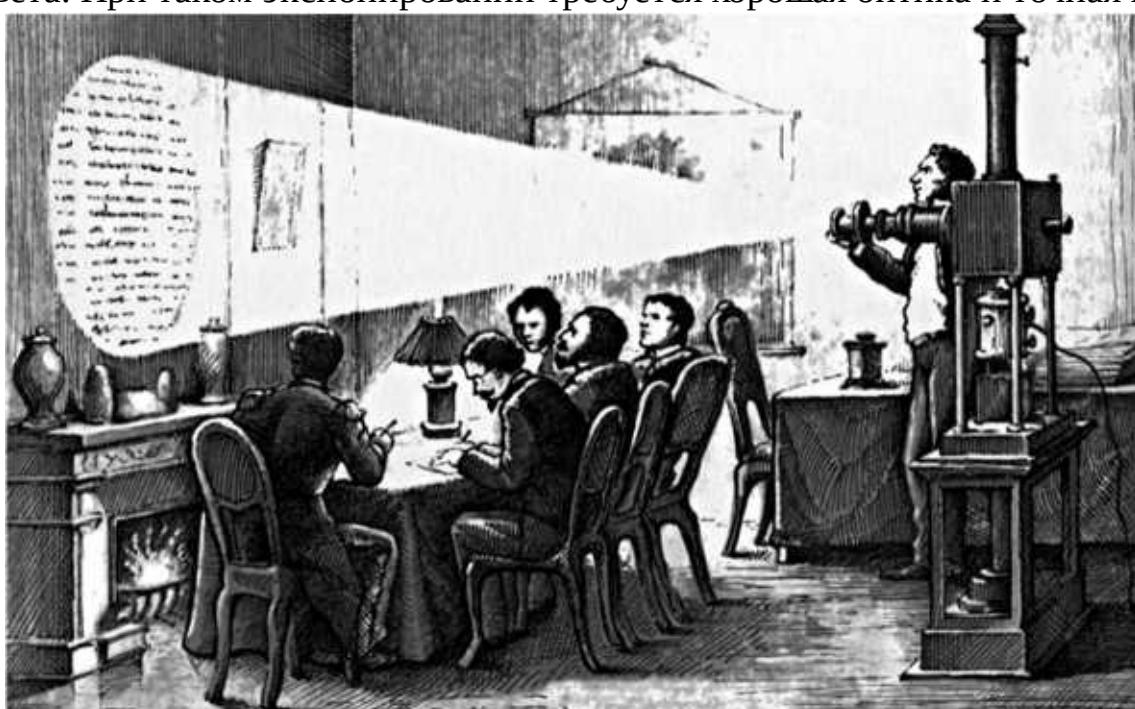
Письма и сообщения выполнялись на прозрачных листах, разделенных на 12 секций размером 80 x 110 мм. Они копировались по частям контактным способом на фотографические пластиинки, которые после химической обработки повторно переснимались с большим уменьшением с помощью специальной репродукционной камеры с короткофокусными объективами. В результате получались микроизображения размером не более 1 мм. После обработки эмульсия с микроизображениями снималась со стеклянной пластины в ванне из касторового масла. Полученные микрописьма сушились, вырезались и закреплялись на кусочке пленки, который затем устанавливался в специальный голубиный контейнер. Известно, что один голубь мог нести от 36 до 54 тысяч сообщений, отснятых на 18 тончайших пленок.

Контейнер с микрописьмами для доставки голубиной почтой, 1870 г. (из архива Keith Melton Spy Museum)

Полученная в Париже почта аккуратно вынималась из контейнера, пленки размачивались в растворе аммония, разматывались, сушились и устанавливались в стекла подобно современным слайдам. Затем в отдельном помещении с помощью дуговой лампы изображения проектировались на большой экран с увеличением в 1600 раз. С экрана эта почта вручную переписывалась и рассыпалась по адресам осажденного Парижа. За 5 месяцев осады французской столицы Дагрон и его команда отправили в микрописьмах 470 листов оригиналов, содержавших 2,5 миллиона сообщений.

По мере развития технологий микрофотографии наиболее важным оказалось получение фотографических эмульсий с достаточной светочувствительностью и отсутствием зернистости. В экспериментах по созданию фотоэмульсий исследователи столкнулись с тем, что фотопроявление скрытого серебряного изображения не подходит для микрофотографии, поскольку классический процесс с химической обработкой солей серебра происходит при заметном увеличении зернистости фотослоя. А для получения микроизображений необходим другой фотопроцесс — потемнение светочувствительного слоя, непосредственно освещенного источником света. При таком экспонировании требуется хорошая оптика и точная юстировка.

Гравюра времен Франко-прусской войны, изображающая переписчиков голубиной почты (из архива Keith Melton Spy Museum)

Эти задачи решил Эммануил Голдберг, которого историки справедливо считают создателем современной микроточки. В 1925 г. на Международном фотографическом конгрессе в Париже Голдберг демонстрирует оригинальную установку для получения микроизображений и показывает широкой аудитории процесс изготовления специального фотослоя с высоким разрешением.

Размер изготовленного и показанного Голдбергом в Париже микрописьма был похож на обыкновенную точку в конце предложения. Отсюда и пошло название «микроточка» всех известных методов тайной связи, при котором текст формата А4 можно было разместить целиком на кусочке специальной фотопленки размерами 1 x 1 мм и даже меньше. В XX веке специалисты по микрофотографии часто называли такое сообщение «микрограммой». Эти работы Голдberга в дальнейшем и явились основой для создания многих методик изготовления микроточек и конструирования специальной аппаратуры для оперативной микрофотографии.

Схема установки Голдберга для получения микроточки, 1925 г (из архива Keith Melton Spy Museum)

Глава 7. Микрофотография в годы Второй мировой войны

Размеры микроточки, возможность удаления видимого изображения («отбеливание микроточки» на жаргоне спецслужб) и безграничные варианты спрятать крохотную прозрачную чешуйку пленку для пересылки или хранения сделали этот метод одним из самых массовых среди технологий тайной связи. Надо сказать, что микроточку можно изготовить и с гораздо меньшими размерами, чем 1 × 1 мм. Но специалисты оперативно-технических служб справедливо полагали, что многие агенты, не имеющие достаточной профессиональной подготовки, не смогут надежно и уверенно работать со столь крохотными предметами. И потому наиболее используемым размером для микроточки стал считаться 1 кв. мм.

В предвоенный период наиболее активно методики оперативной микрофотографии разрабатывались в Германии. В одном из документов военной разведки указывалось, что в Отделе «1G» Абвера в 1938 г. уже была поставлена задача изготовления микрофотоизображений с целью передачи секретных сообщений. К этой работе были привлечены специалисты фирмы «Agfa», которые разработали фотопластинки высокого разрешения «Agfa-Mikrat-Platten». Другая известная немецкая компания «Zeiss-Ikon» выпустила портативную репродукционную фотокамеру для получения микрофильмов с оригиналов формата А-4; при этом размер изображения на пленке шириной 4 мм составлял всего 2 мм.

Независимо от Абвера созданием методик оперативной микрофотографии занимался отдел «6F» Главного управления имперской безопасности, где работал профессор Хельмут Фризер. После окончания войны Фризера доставили в СССР, где он 10 лет трудился в одном из закрытых НИИ КГБ, занимаясь проблемами микрофотографии.

Однако Германия не долго оставалась лидером в оперативной микрофотографии, поскольку британским спецслужбам с помощью агентов-двойников удалось узнать о новом способе связи и разработать свои методики изготовления микроточки в период Второй мировой войны. Британцы строго хранили свои секреты, однако они не подозревали, что знаменитый разведчик XX века Ким Филби, занимавший высокий пост в британских спецслужбах, конечно же, передал СССР все новейшие британские секреты микрофотографии и тем самым существенно помог советским ученым и конструкторам усовершенствовать собственные методики и создать специальные приборы для изготовления и чтения микроточек.

Активное использование микрофотографии и тайнотписи немецкими спецслужбами заставило британскую контрразведку МИ-5 предпринять меры противодействия, для чего англичане организовали резидентуру на Бермудских островах, где во время войны размещалась промежуточная база транспортного авиапотока между Америкой и Европой. Главной задачей этой британской резидентуры был контроль, досмотр и перлюстрация всей корреспонденции. Пока шла дозаправка самолетов и отдых экипажей, англичане в темпе обследовали почту и багаж. Наиболее искусными мастерами перлюстрации были девушки — сотрудницы британской контрразведки. В то время командировка на Бермуды считалась весьма престижной, но работать им приходилось с 200-кратными микроскопами, исследуя все подозрительные точки и кляксы во вскрытых конвертах.

На первых порах поиски микроточек оказались неэффективными, и контрразведка МИ-5 решилась на сотрудничество с ФБР. Для этого пришлось передать американцам секретные сведения о микроточке как средстве связи немецких агентов и способах ее изготовления. В свою очередь ФБР информировало англичан о подозрительных абонентах и корреспондентах, чью почту необходимо было взять под контроль в первую очередь. При этом британские офицеры предупредили американцев о соблюдении режима конфиденциальности, чтобы не раскрыть

источник информации и чтобы немцы не догадались, что их секрет обнаружен.

Когда в 1941 г. шефу американской контрразведки ФБР показали через микроскоп немецкую микроточку, Эдгар Гувер был настолько потрясен, что сразу уведомил президента США, а затем и американскую прессу об успехе своей контрразведки, обнаружившей новый секретный способ вражеской связи. Однако историки спецслужб по-другому оценили поступок Гувера, поскольку президенту Рузвельту почему-то не сказали о содержании микрограммы, в которой большинство вопросов немецкому агенту касались обороны военно-морской базы США в Пёрл-Харбор, впоследствии подвергшейся внезапной массированной атаке японских ВВС.

В 1945 г., в самом конце войны, португальская полиция блокировала немецкое посольство в Лиссабоне и арестовало всё оперативно-техническое оборудование абверовской резидентуры, самой активной на Пиренеях. Американские спецслужбы проявили к этому большой интерес, поскольку планировали создать свою службу перлюстрации и поиска микроточек, справедливо полагая, что немецкие агенты, оставленные в США, будут пользоваться микроточками в качестве секретной связи. США дали команду своему техническому специалисту оценить захваченную в Португалии немецкую спецтехнику, которую, как оказалось, уже «потрогал» своими руками британский ученый Леон Томпсон, работавший во время войны, как и многие его коллеги, на разведку МИ-6 и консультировавший контрразведку МИ-5.

Специальная техника резидентуры Абвера в Лиссабоне, арестованная португальской полицией в 1945 г.(из архива Keith Melton Spy Museum)

В годы войны Леон Томпсон руководил исследованиями в МИ-6 по микрофотографии под началом профессора Лондонского университета Бриско, координировавшего техническую деятельность МИ-5 и МИ-6. И потому Томпсон был признанным авторитетом по микрофотографии и методикам изготовления микроточек.

Extra

September 13, 1945

MICRO-PHOTOGRAPHIC INFORMATION, London

Official British research and development of micro-photography during the war was under the direction of Mr. Leon Thompson of MI-6. He worked under the control of Professor Briscoe, University of London, who coordinated the technical activities of MI-5 and MI-6. Thompson is a trained chemist with a professional background in plastics as well as photography. He is a Fellow of the Royal Photographic Society and experimented with micro-photography for some years prior to his official employment with MI-6. During the war, he also occasionally worked on special projects for MI-5.

GERMAN MICRO-DOTS:

Thompson was sent to Lisbon for the British to survey the photographic material located in the German Abwehr headquarters. This survey was conducted in conjunction with that of the writer and all photographic material of significance was equally divided. Probably the most important material recovered and divided was a small fragment of emulsion. Thompson analyzed his portion of this fragment in his London laboratories and found it to be a fairly slow collodion type emulsion with a high resolution. He succeeded in dissolving some of this emulsion in ether and alcohol and after some difficulty, coated it on a glass plate, exposed it, and obtained an image showing a resolution of a little over 800 lines per millimeter, thus somewhat approximating Kodak Maximum Resolution. This collodian emulsion is a printing-out type and required no unusual chemicals for fixing as intimated by Amann in Lisbon. Thompson was of the opinion that Amann might have been referring to material added to the fixing to give the plate a gold tone.

A microdot apparatus with film and chemicals similar to the material forwarded to the Bureau was also forwarded by the British authorities from Madrid to London for analysis by Thompson. Although it appeared to be the latest German technique, Thompson agreed that it still remained a rather clumsy solution to making microdots. It was quite evident that the use of prisms and mirrors lowered the efficiency and increased errors and irregularity. This is demonstrated by comparing a sample dot prepared with a Watson lens on Kodak Maximum Resolution with one made by the German objective on the German 16 mm film. With respect to the special 16 mm film and photographic chemicals obtained in Madrid, the film is very slow, requiring as much as 20 minutes for exposure with the special 15-watt lamp. In his analysis of the chemicals, Thompson did not find anything unusual.

Отчет сотрудника американских спецслужб о консультациях с британским ученым Томпсоном, 1945 г (из архива Keith Melton Spy Museum)

В сентябре 1945 г. в своём отчете сотрудник американских спецслужб подробно изложил мнение британского специалиста об уровне оперативной техники Абвера. Он писал, что Томпсон самым тщательным образом ознакомился со всей немецкой оперативной техникой в Лиссабоне. Особое внимание Томпсон обратил на маленький фрагмент фотоэмulsionии, валявшийся среди груды немецкой специальной радио- и фототехники. Возвратившись в Лондон, Томпсон внимательно его исследовал, испытал и даже сделал сам немецкую микроточку, а потом пришел к выводу, который полностью подтвердил имевшиеся ранее оперативные данные МИ-6 об активном использовании немецкой разведкой специальных фотоматериалов с высоким разрешением для изготовления микроточек.

Американскому сотруднику удалось разговорить Томпсона, который подробно рассказал о всех тонкостях немецкой технологии изготовления микроточек, конечно же, не имевшей, по словам Томпсона, каких-либо существенных преимуществ перед британскими методами. Затем Томпсон подробно описал два метода разведки МИ-6 для изготовления микроточек, разработанных для секретной связи с агентурой во время войны, которые использовались

группами движения Сопротивления в Норвегии и Франции. Партизаны действовали при поддержке британской разведки на оккупированных немцами территориях, куда Томпсон, по его словам, нелегально забрасывался для обучения основам новой секретной связи, за что и получил высокую награду от правительства Норвегии.

По словам Томпсона, основу британских секретных технологий микрофотографии составляли специальные фотоматериалы с максимальным фоторазрешением «Kodak-MR» знаменитой фирмы «Eastman Kodak», которая по особому секретному распоряжению правительства её величества не поставляла эти фотоматериалы в открытую продажу, а снабжала ими только британские спецслужбы. В то время фирма «Kodak» специально для МИ-6 разработала особую секретную пленку «Kodalith» со снимающимся в горячей воде фотослоем, которую после войны стали повсеместно использовать все разведки мира, назвав её «мягкой пленкой» (Soft Film). Справедливости ради надо сказать, что немцы уже сами наладили производство аналогичной фотопленки с высоким фоторазрешением на фирме «Agfa-Gevaert» с показателями не хуже, чем у «Kodak», и, вероятнее всего, Томпсон обнаружил в Лиссабоне и затем тестировал в Лондоне именно такую немецкую фотопленку, которая, конечно же, имела сходные параметры, поскольку разрабатывалась также для микрофотографии.

Во время беседы дотошный американец утомил Томпсона своим вопросами, и, когда речь зашла о русских микроточках, англичанин весьма неохотно ответил, что «русские знают об этом методе, но их микроточки пока невысокого качества...» Со своей стороны можно добавить, что в разоренной войной стране, конечно же, не было возможности создавать высокоточную оптику и специальные пленки для микрофотографии.

Глава 8. Микрофотография в послевоенный период

В послевоенный период оперативная микрофотография начала широко применяться в практике деятельности многих спецслужб. Это стало возможным в результате активных научно-исследовательских работ многих зарубежных и отечественных лабораторий, которые создавали достаточно простые и понятные методики изготовления микрограмм. При этом ученые и конструкторы руководствовались требованиями максимально упростить методики изготовления фотослоев с высоким разрешением с тем, чтобы процесс копирования (печатания) микроточки можно было реализовать в бытовых условиях.

И действительно, в 1950-е гг. светочувствительные слои с высоким разрешением можно было достаточно легко изготовить на фотопластинках и целлофане, а химические реактивы для их изготовления свободно продавались в аптеках и магазинах бытовой химии. В это же время появились методики использования любительской фотоаппаратуры с высококачественной оптикой для изготовления и чтения микрограмм. Специальные службы активно оснащали своих агентов миниатюрными лупами и специальными микроскопами для чтения микроточек. Все это позволило шире внедрять микрофотографию в практическую оперативную деятельность.

Среди многообразия методов связи и обмена информацией в послевоенный период специальные службы особо выделяли микрофотографию, имевшую весьма выгодные качества. Главным была высокая конфиденциальность как следствие большой сложности обнаружения небольшой чешуйки прозрачной пленки при отсутствии точных данных о ее местонахождении. Число возможных способов скрытия микрограммы было бесконечно велико, поэтому не возникало затруднения в выборе для каждого агента своих особенностей работы с микроточкой и вариантов ее пересылки.

В то время считалось, что правильно и качественно, без следов клея и повреждений носителя (открытки, конверта, книги, буклета и др.) спрятанные микрограммы практически неуязвимы как для опытного сотрудника службы перлюстрации, так и для лабораторного анализа. Даже когда контрразведке становилось известно о применении микрофотографии, обнаружить микроточку считалось невозможным или крайне затруднительным.

Микрограмма обладала высокой степенью надежности вследствие устойчивости к различным химическим и механическим воздействиям. При этом опасность повреждения микрограммы или ее уничтожения в процессе пересылки практически была исключена.

В отличии от других средств связи, микрограмма обладала документальностью, которая позволяла передать не только смысл сообщения, но и подлинный графический вид документа. Так, например, с помощью микроточки можно было переслать подлинники документов и текстов, чертежи, фотографии, портреты, планы и т. п.

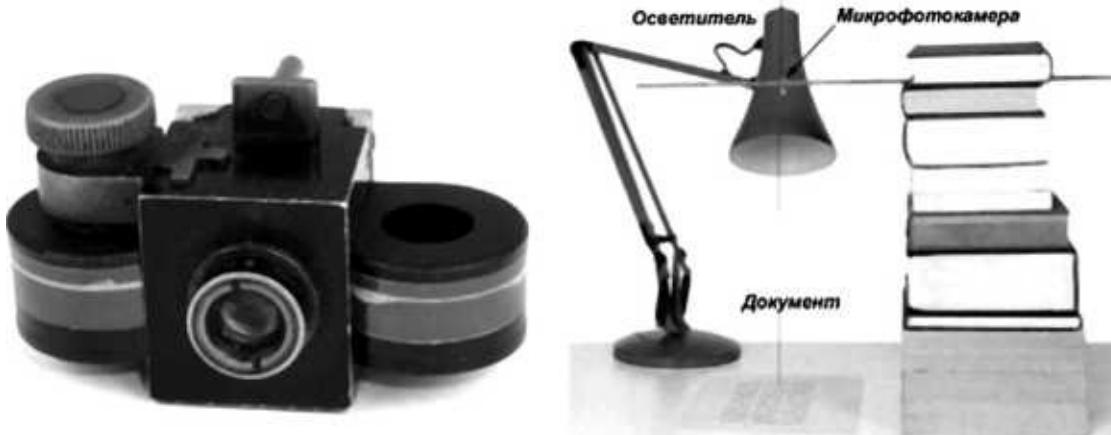
В то же время активное использование микроточек сдерживалось довольно сложной процедурой изготовления светочувствительного слоя с высоким фоторазрешением. Изобретенный перед войной целлофан обратил на себя внимание своей прочностью и способностью впитывать химические растворы, не меняя собственных оптических параметров. Специальные службы стран Варшавского договора сразу взяли «на вооружение» целлофан, который как будто был специально создан для микрофотографии, поскольку фотоизображение формируется внутри целлофана, а его поверхностный слой надежно защищает микрограмму от царапин и воздействия кислот.

Для чтения микроточки часто использовались любительские микроскопы, а позднее — специально изготовленные малогабаритные оптические приспособления, которые надо было хранить в тайниках или контейнерах.

Глава 9. Методы изготовления микроточки 1945–1950 гг.

В 1950-е гг. специальные службы уже имели большой практический опыт разработки и применения различных методов и средств оперативной микрофотографии. В этот период были протестированы самые разные материалы и химические соединения для изготовления светочувствительных слоев, а также опробованы оптические приспособления, микроскопы и бытовые, имеющиеся в свободной продаже фотоаппараты.

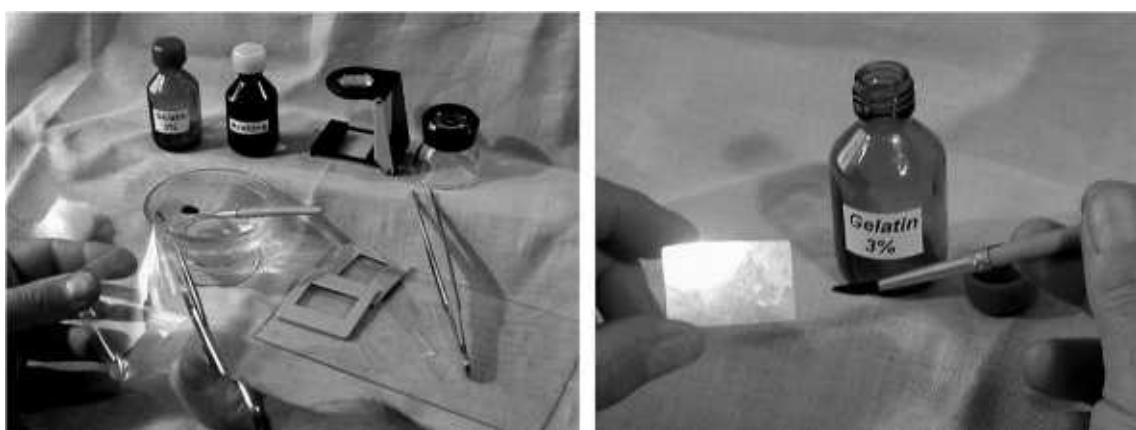
Чтобы облегчить деятельность своих агентов, спецслужбы стали проектировать и создавать малогабаритные фотокамеры и специальные объективы, с помощью которых можно было копировать (термин спецслужб) микрограммы, а затем удобно их читать. Так, например, разведка МГБ ГДР оснащала своих оперативных офицеров и агентуру уникальными микрофотокамерами серии «Уранус». К ним относится аппарат «Уранус-2», размеры которого позволяли хранить его в спичечной коробке. Этой микрокамерой можно было непосредственно фотографировать оригинал текста микрограммы на специальную фотопленку с высоким разрешением, устанавливаемую в стандартную кассету «Минокс». Этот редкий, а всего было изготовлено 5 комплектов, фотоаппарат был оснащен особым объективом «Цейс» с высокими оптическими параметрами.

Микрофотокамера «Уранус-2» и схема фотографирования микроточки (из архива Keith Melton Spy Museum)

Для изготовления светочувствительного слоя требовались определенные навыки, точность выполнения всех действий и аккуратность работы с химическими реактивами. Приведем пример наиболее простого способа изготовления светочувствительного слоя с помощью бытового целлофана от обычной сигаретной пачки или упаковки пищевых продуктов (методика спецслужб стран Варшавского договора начала 1950-х гг.).

Для удобного применения вырезался кусочек целлофана размерами чуть меньше стеклянной пластинки, которой пользуются в медицинских и лабораторных целях. Целлофан предварительно размачивался в чистой воде, затем наклеивался на стеклянную пластинку с помощью желатинового клея и высушивался.

Подготовка целлофана и наклеивание на стеклянную пластинку (из архива Keith Melton Spy Museum)

Для создания фоточувствительного слоя стеклянная пластина с целлофаном протиралась несколько секунд тампоном, смоченным в растворе нитрата серебра. Далее целлофан таким же образом обрабатывался бромидом калия и затем вторично нитратом серебра.

Создание фоточувствительного слоя (из архива Keith Melton Spy Museum)

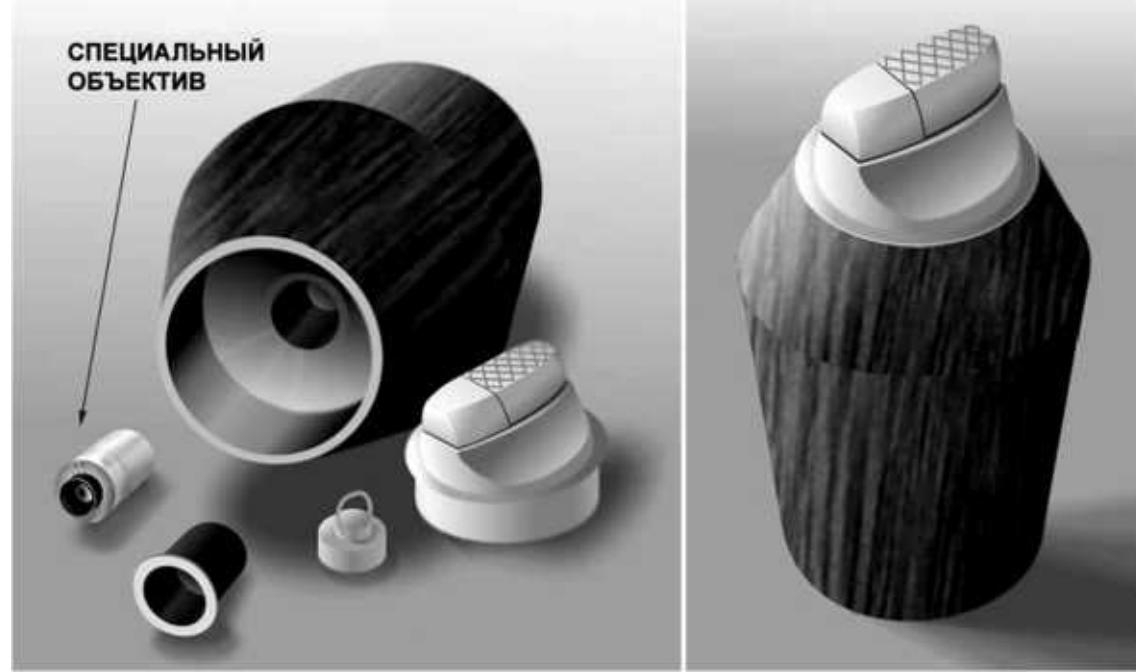
После обработки всеми химикатами целлофан высушивался и мог храниться несколько лет в сухом и темном месте. Непосредственно перед изготовлением микроточки проводилось «очувствление» целлофана — повышение чувствительности фотослоя путем его обработки обычной водкой, в которой растворялась таблетка пирамидона, всемирно известного медикамента от головной боли.

Наиболее оптимальным в XX веке считался процесс фотографирования микроточки с применением промежуточного негатива, впервые показанный Голдбергом в 1925 г. в Париже. Схема Голдberга могла быть реализована в домашних условиях, что было весьма важным в деятельности офицеров и агентов спецслужб. Как пишут историки микрофотографии, впервые промежуточный негатив в оперативной практике стали активно применять английские специалисты во время Второй мировой войны для ускорения времени экспонирования и уменьшения мощности осветительной лампы. Если требовалась микроточка с текстом, то оригинал сообщения печатали на пишущей машинке заглавными буквами и с увеличенным интервалом. Иногда текст писался от руки черной тушью с помощью толстого чертежного пера или толстым фломастером.

Если не делать промежуточный негатив, а фотографировать лист размером А4 прямо через объектив фотоаппарата на целлофан, то размеры такой «фотоустановки» достигали порядка нескольких метров, а время экспонирования измерялось часами. Почему? Все фоточувствительные слои, в том числе и целлофан, используемые для изготовления микроточки, должны иметь разрешение не ниже 500–700 линий / мм. Такими свойствами обладают фотоматериалы с очень низкой чувствительностью из-за мелкозернистой структуры фотослоя. Поэтому Голдберг догадался использовать промежуточный негатив, который с помощью своей

установки, дважды с помощью лупы и объектива фокусировал изображение в крохотную точку с очень большой степенью яркости, что значительно сокращало время фотографирования микроточки. Пионеры микрофотографии брали даже дуговые лампы огромной яркости, чтобы на слабочувствительных материалах получать контрастное изображения микроточки.

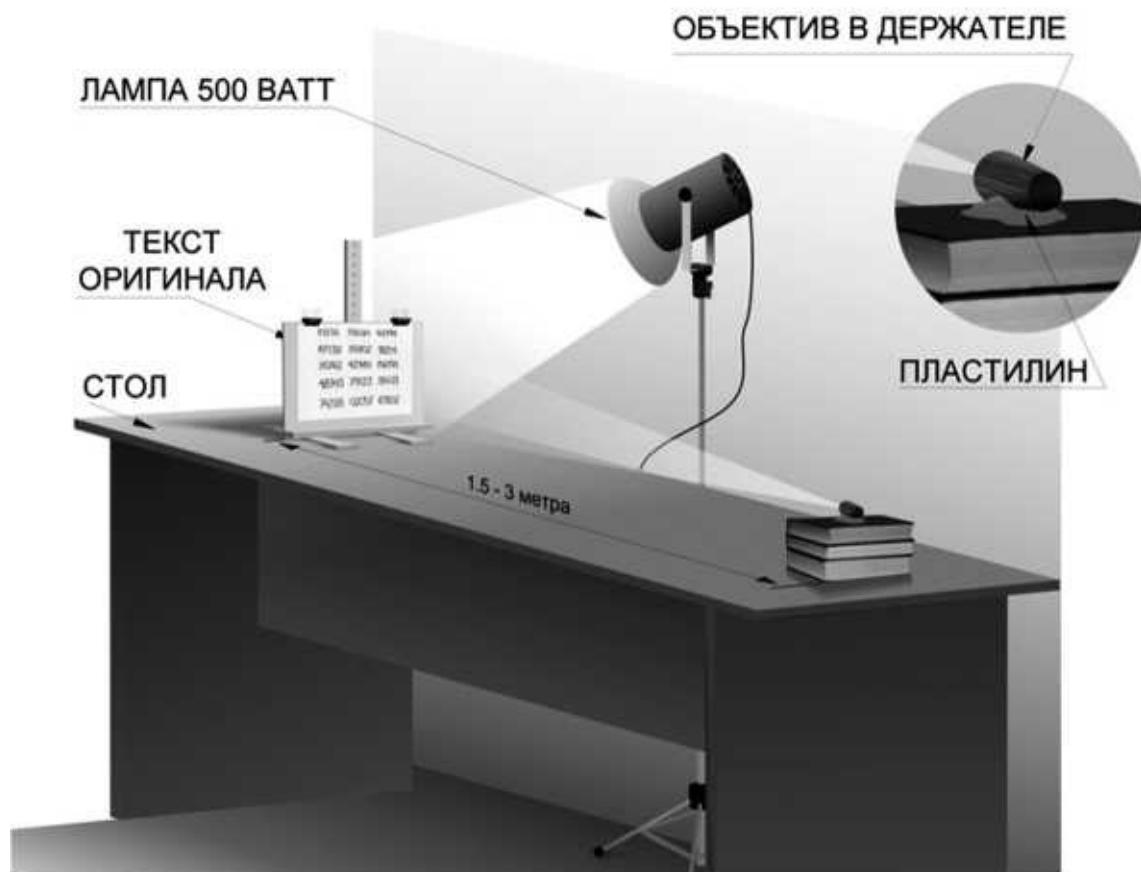
Наглядным примером «прямого», без промежуточного негатива, способа копирования микроточки может служить методика одной из европейских спецслужб. Для оснащения своих агентов был изготовлен специальный микрообъектив и тайниковый контейнер «настольная зажигалка» для его хранения.

Специальный объектив в контейнере «настольная зажигалка» (из архива Keith Melton Spy Museum)

Такой объектив применялся для фотографирования микроточки в домашних условиях. Для подготовки «установки» копирования микроточки необходимо было использовать бытовые предметы: стол, электролампу, книги, держатель для бумаги. Предварительно оригинальный текст микрограммы надо было написать крупными буквами черной тушью или фломастером на белом листе бумаги. Затем кусочек светочувствительной пленки помещался в углубление деревянной основы зажигалки и закрывался объективом. Далее на письменном столе длиной до трех метров собиралась конструкция, показанная на рис. 9–5.

Такой метод копирования микроточки требовал довольно громоздкой конструкции и предварительной юстировки объектива относительно оригинала текста микрограммы. Время экспонирования определялось моментами включения и выключения электролампы. При этом были крайне нежелательны хождения по комнате, закрывание холодильника или дверей, что могло вызвать вибрации, существенно снижавшие резкость изображения микроточки. Особенно опасными были старые лифты, проходящие рядом трамваи и ведущиеся недалеко строительные работы, в связи с чем разведчики и агенты предпочитали работать с микроточкой по ночам, как это показано в шпионских кинофильмах. Однако такая громоздкая схема копирования микроточки могла быть реализована с помощью обычных бытовых предметов, что считалось существенным преимуществом. А специальный объектив надежно прятался в действующем контейнере «зажигалка».

“Прямое” фотографирование микроточки с помощью специального объектива (из архива Keith Melton Spy Museum)

Более удобными в применение был методкопирования микроточки с использованием промежуточного негатива (метод Голдберга). Вначале оригинал микрограммы печатали крупным шрифтом на машинке или писали от руки фломастером. Затем оригинал фотографировался на контрастную 35 мм фотопленку и проявлялся таким образом, чтобы фон был максимально темным, а текст прозрачным.

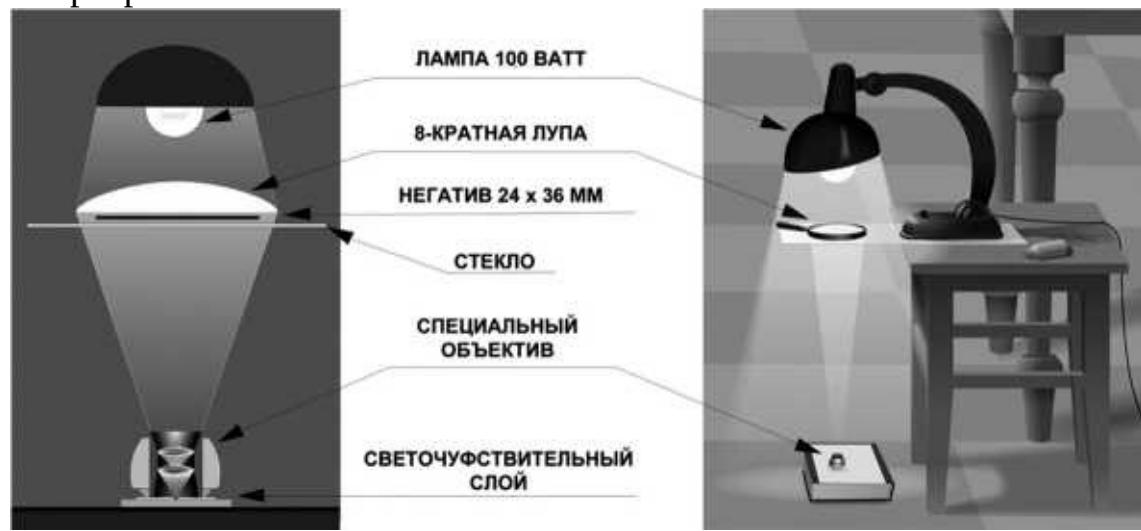

Схема копирования микроточки с помощью специального объектива и промежуточного негатива (из архива Keith Melton Spy Museum)

Примером является схема копирования микроточки с помощью специального объектива, фокусное расстояние которого было рассчитано для установки на поверхность стеклянной пластиинки со светочувствительным слоем.

Время копирования подбиралось экспериментально путем перемещения объектива по

стеклянной пластинке с изменением продолжительности включения электролампы. Затем на пластинке со слоем выбиралась микроточка с максимально контрастным текстом и при этом отмечалось время экспозиции.

При отсутствии специального объектива, который был, конечно, предметом-«уликой», можно было использовать наиболее популярные в Европе бытовые фотоаппараты, такие, как, «Лейка», «Экзакта», «Контакс», «Ретина», «Практика» и другие, имевшие ручной режим «Т» работы затвора. Перед копированием микроточки снималась задняя крышка фотоаппарата; сам он устанавливался открытым фильмовым каналом на стеклянную пластинку со светочувствительным слоем. Предварительно выдержка фотокамеры устанавливалась в положение «Т», нажималась кнопка спуска, и затвор открывался. Экспозиция задавалась временем включения электролампы и подбиралась опытным путем, как и в схеме со специальным объективом.

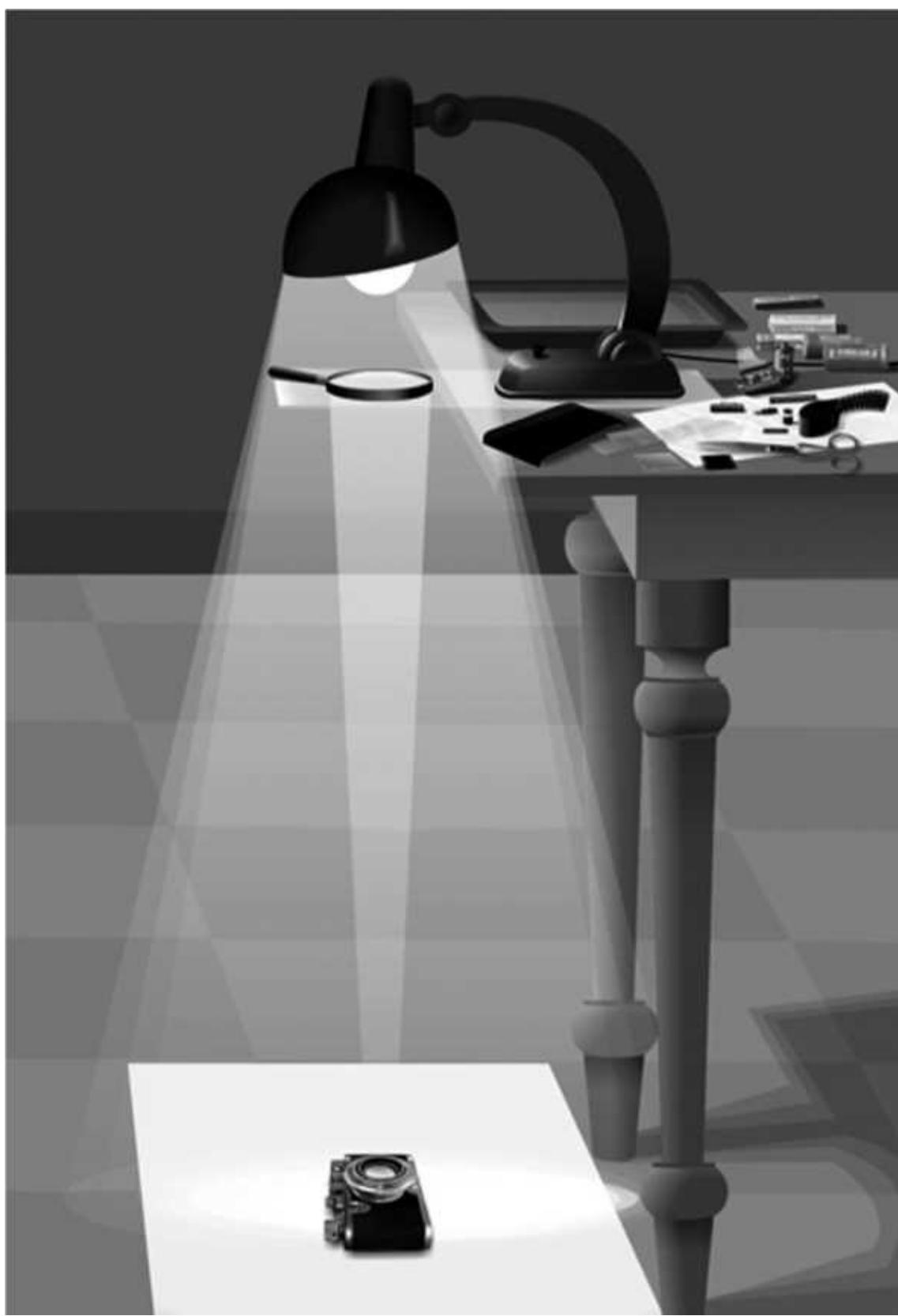

Схема копирования микроточки с промежуточным негативом с помощью фотокамеры со снятой задней крышкой (из архива Keith Melton Spy Museum)

Обе схемы с объективом и фотокамерой требовали предварительной настройки с помощью небольшого отвеса, а затем более точно по яркому световому пятну на центральной части объектива от включенной лампы с прозрачной стеклянной колбой.

После фотографирования целлофан с микроточкой закреплялся в растворе стандартного фотозакрепителя и промывался в проточной воде для отклеивания от стекла и удаления желатинового клея с поверхности целлофана.

Затем начиналась довольно кропотливая процедура: вырезание микроточки с помощью кусочка бритвы с острым краем. Для этого целлофан располагался на листе белой бумаги, и микроточка обрезалась с трех сторон; затем специально заточенной спичкой микроточка прижималась к бумаге, и производилось ее обрезание с четвертой стороны. Если не использовать спичку, микроточка, не прижатая после обрезки с четвертой стороны, могла подпрыгнуть и упасть в неконтролируемое место, что могло привести к долгим поискам микроточки или даже к её потере.

Перед тем как спрятать микроточку в бытовой предмет, в открытку или конверт, производилось обесцвечивание ее изображения в слабом йодном растворе. Проще всего было спрятать прозрачную микроточку в надрезанный край открытки или конверта, который затем тщательно заклеивался и проверялся на отсутствие вздутий, следов клея и просто грязи с тем, чтобы службы перлюстрации не обратили бы свое пристальное внимание на подозрительные места.

После получения открытки, письма или посылки агент начинал искать микроточки по точным координатам, которые он заранее получал по другим каналам связи. Обнаружив место с микроточкой, агент аккуратно вырезал его вместе с частью конверта или открытки и помещал весь вырезанный кусок в фотопроявитель. В проявителе клей растворялся, микроточка отделялась от лишних частей бумаги или картона, и на ней начинал появляться текст, рисунок или схема.

Надрезание края открытки для установки микроточки (из архива Keith Melton Spy Museum)

Отдохнув и набравшись сил после всех этих долгих и нервных процедур, агент начинал читать микроточку с помощью микроскопа или специального приспособления, которые давали ему возможность узнать, например, что «... Центр поздравляет тов____ с днем рождения, передает привет от родных и близких и желает ему здоровья и успехов в его весьма важной для Родины работе».

Глава 10. Аппаратура для изготовления и чтения микроточки

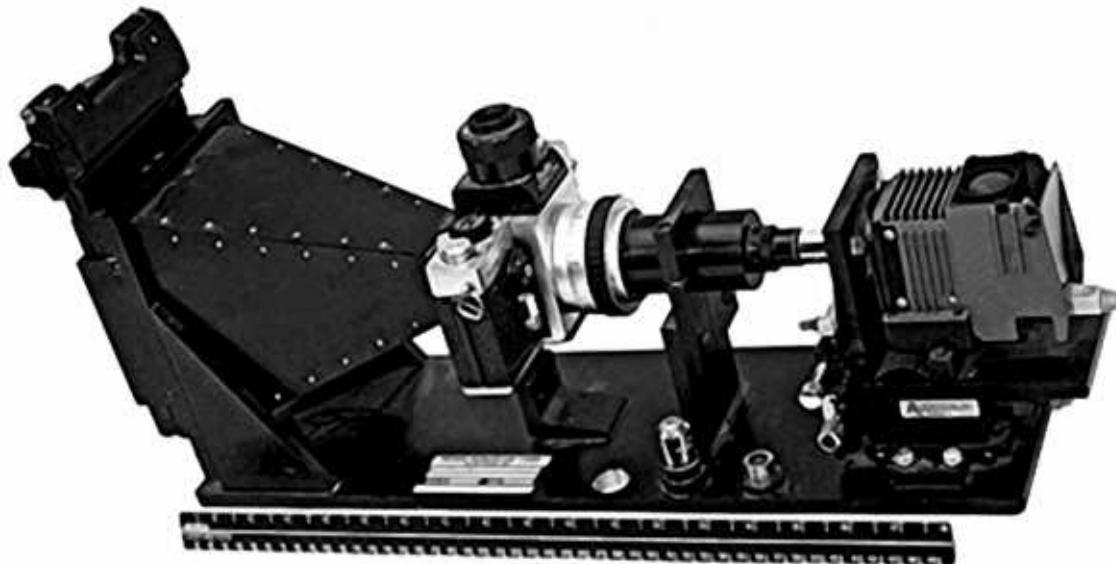
Во второй половине XX века резко активизировалось применение оперативной микрофотографии как наиболее надежного и безопасного средства секретной связи. В связи с этим существенно увеличилась потребность в быстром и качественном изготовлении микрограмм в центральных аппаратах спецслужб стран Варшавского блока и в крупных официальных представительствах за рубежом. Перед ОТУ КГБ была поставлена задача создания эффективной фотооптической системы для копирования микроточек в стационарных условиях. Одной из самых удачных разработок КГБ явился аппарат «Багульник», созданный в конце 1960-х гг.

Прибор «Багульник» для фотографирования микроточек в стационарных условиях(из книги Кита Мелтона «Ultimate Spy», 2002, page 153)

В этом аппарате заранее приготовленный промежуточный негатив проектировался на стеклянную пластиинку с целлофаном. Микроскоп «Багульника» позволял визуально контролировать качество получаемой микроточки и подбирать наиболее оптимальное время экспозиции. Прибор имел массивное основание, что обеспечивало устойчивость изготовления

микроточки в условиях вибраций. Блок осветителя подключался к источнику электропитания 220/12 вольт. По свидетельству фотоспециалистов стран Варшавского блока, «Багульник» считался лучшим прибором для быстрого и качественного изготовления микроточек.

Созданный в ЦРУ прибор для фотографирования микроточек (из архива Keith Melton Spy Museum)

Следует отметить стационарный прибор ЦРУ для копирования микроточек, который был создан на 15 лет позднее, чем советский «Багульник». В конструкции этого американского прибора была практически реализована схема копирования микроточки Голдбергом. По мнению многих фотоспециалистов Востока и Запада, «Багульник» был существенно более удобным аппаратом, поскольку его внешний вид, конструкция и приемы использования имели явное сходство с классическими фотоувеличителями, что позволяло специалистам быстро освоить «Багульник» для стабильного получения качественных микрограмм.

Для чтения микроточек применялись небольшие любительские или детские микроскопы, если деятельность агента позволяла легально, не вызывая вопросов у друзей и соседей, использовать и хранить такого рода оптические приборы дома. В других случаях можно было пользоваться специальными малогабаритными микроскопами.

Специальный малогабаритный микроскоп для чтения микроточек, МГБ ГДР (из архива Detlev Vreisleben Collection)

В начале 1950-х гг. спецслужбы практиковали использование объектива «Пуля», изобретенного еще в XIX веке и известного как объектив Стэнхупа. Этот крошечный объектив из тонкого стеклянного стержня диаметром 3 мм и длиной 6,8 мм, немногим толще грифеля карандаша имел с одной стороны сферическую поверхность и плоскую полированную часть с другой. Микроточка увлажнялась слюной для приклеивания на плоскую сторону объектива, и

пользователь размещал выпуклую часть объектива перед глазом, наводя его на окно или лампу. Объектив «Пуля» способен был увеличить микроточку более чем в 30 раз, что было достаточно для чтения микрограммы.

Малые размеры «Пули» давали возможность прятать этот крохотный и прозрачный объектив в самые разные бытовые предметы, например, в сигарету или пузырек с чернилами. Однако последующая оперативная практика применения «Пули» показала, что столь малые размеры этого объектива требовали сложных навыков использования и хранения, и это сделало его непопулярным у агентов.

Объектив «Пуля» в сравнении с монетой в один цент США (из архива Keith Melton Spy Museum)

Длительное и многоплановое оперативное применение микроточки показало наряду с преимуществами и недостатки этого метода микрофотографии, на что ссылались в основном агенты и оперативные офицеры:

1) при изготовлении и упаковке микроточки необходимо быть предельно внимательным и затратить достаточно много времени;

1) микроточки нередко так хорошо прятались, что агенты с трудом находили их в письмах или документах;

1) микроточки требовали применения специальной оптики с большим увеличением, чтобы сделать сообщение разборчивым;

1) микроточки использовались в основном для односторонней связи от оперативного офицера к агенту, поскольку агенты, как правило, не имели навыков в микрофотографии, а для обучения методам изготовления микроточек требовалась тщательная подготовка и многократная тренировка;

5) для изготовления микроточки часто было необходимо специальное фотооборудование, которое при обнаружении у агента могло сразу вызвать подозрение.

В заключение надо сказать, что в XX веке оперативная микрофотография активно использовалась многими спецслужбами Востока и Запада, которые стремились оснастить свои кадры надежным и конспиративным средством связи. Однако появление цифровых

фототехнологий, активное применение бытовой компьютерной техники и широкие возможности всемирной Интернет-сети предоставили спецслужбам гораздо большие возможности для связи. Поэтому в XXI веке микрофотография исчезает из оперативной практики, однако продолжает оставаться средством создания микроизображений в приборостроении, например, для нанесения тончайших сеток и визирных линий на оптические части устройств.

Очерк III. Как появился первый советский специальный фотоаппарат «Аякс»

Глава 11. Фотокамеры МГБ для негласной съемки

В довоенный и военный периоды советская фотопромышленность не выпускала каких-либо специальных фотоаппаратов, полностью пригодных для ведения негласной фотосъемки. В связи с этим оперативные сотрудники органов государственной безопасности и внутренних дел использовали все доступные модели фототехники тех времен, выпускаемые двумя крупными предприятиями: Ленинградским государственным оптико-механическим заводом им. ОГПУ (ГОМЗ) и Заводом им. Дзержинского в Харькове. Перед войной это были фотоаппараты «ФЭД», «Фотокор-1», зеркальная камера «Спорт» и др.

В 1929 г. в Красногорске начал работать небольшой оптико-механический завод, занимавшийся выпуском микроскопов и оптических стекол для медицинских учреждений. Впоследствии именно на красногорском заводе будет организован специальный цех для изготовления фотоаппаратуры и оптических систем для потребностей спецслужб.

В 1940 г. в Главном управлении государственной безопасности СССР уже активно действовал 3-й спецотдел оперативной техники, в составе которого трудились несколько высококлассных фотоспециалистов. Среди них был и знаменитый впоследствии разведчик-нелегал Рудольф Абель (Фишер), который считался отличным фотографом и радиоспециалистом. Так, например, в 1944 г. Абель участвовал в радиоигре с Абвером, проводимой специальным подразделением госбезопасности в прифронтовой полосе с целью заставить поверить немецкое командование в боевые действия в нашем тылу большой и организованной группы отступающих немецких войск.

В послевоенный период сотрудники госбезопасности активно применяли модифицированные фотоаппараты «ФЭД» довоенного производства, имевшие наилучшие показатели надежности в сочетании с высокими оптическими и фотохарактеристиками. Однако для целей негласной фотосъемки необходимо было использовать аппарат с предварительным пружинным взводом, который позволял после спуска кнопки затвора автоматически перематывать пленку на один кадр и взводить затвор. Именно такая конструкция фотоаппарата давала оперативному сотруднику возможность делать снимки многократно и фиксировать максимальное количество действий объекта.

Немецкая фотокамера «ROBOT STAR 50» и камуфляж «пуговица», 1940 гг (из архива Keith Melton Spy Museum)

Немецкая промышленность в годы Второй мировой войны выпускала такую фототехнику для аэрофотосъемки, а также для полиции и контрразведки. Это был известный в то время фотоаппарат «Robot Star 50», который имел пружинный механизм взвода для съемки на стандартную 35 мм фотопленку. Его возможности активно использовали ведущие спецслужбы мира.

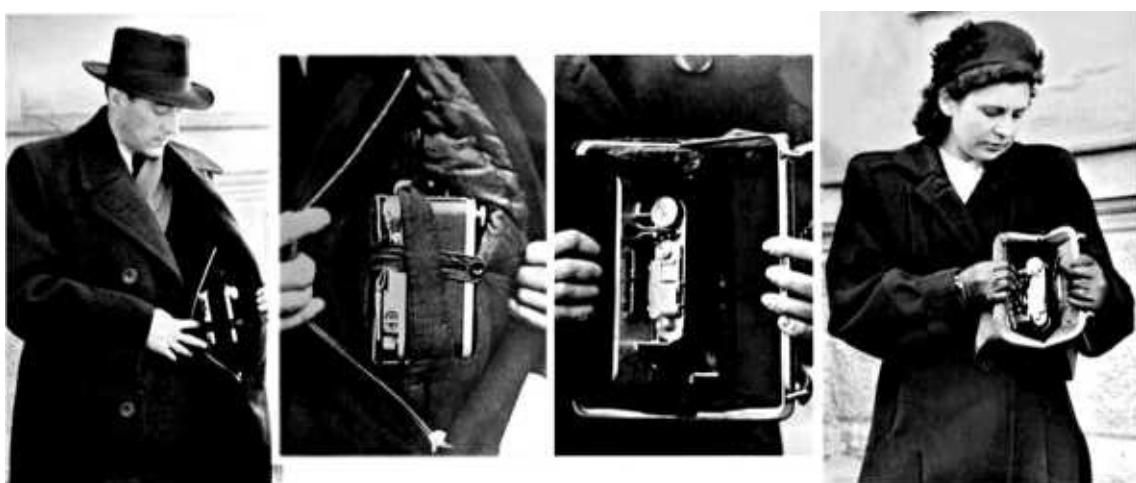
В конце войны советские инженеры сконструировали для фотоаппарата «ФЭД» специальный дополнительный механизм пружинного взвода, названного в КГБ «фрикцион», который обеспечивал съемку 5–7 кадров в автоматическом режиме. На такой «ФЭД» устанавливался широкоугольный объектив 1:4,5 / 28 мм или кинообъектив 1:2 / 35 мм типа «РО-4», как тогда его называли. Для камуфлирования модифицированного «ФЭДа» использовались мужские и женские пальто, плащи и куртки со специальными карманами, внутри которых устанавливалась рамка-крепление для фотоаппарата. В качестве камуфляжей также применялись небольшие спортивные чемоданчики и дамские сумочки.

Фотоаппараты «ФЭД» с объективом 1:4,5 / 28 мм (слева) и модифицированный «ФЭД» с объективом 1:2 / 35 мм (РО-4) и с механизмом "Фрикцион", 1940 гг (из архива Keith Melton Spy Museum)

В конце 1940-х и начале 1950-х гг. для «ФЭДов» разрабатывались камуфляжи, которые именовались в оперативных документах как «фотомодели» со своими кодовыми названиями; они имели инвентарные номера, хранились и выдавались оперативным сотрудникам «под расписку» как спецтехника строгого учета. Пальто и куртки подгонялись в специальных ателье под размеры каждого сотрудника и часто индивидуально закреплялись за конкретным офицером МГБ или МВД.

В 1945 г. по личному указанию руководства в Москве в системе госбезопасности создаётся первое самостоятельное подразделение для конструирования и производства специальной фототехники, впоследствии выросшее до размеров большой специализированной лаборатории, названной НИЛ-11, входившей в состав Оперативно-технического управления КГБ СССР. В эту лабораторию направляли наиболее изобретательных и талантливых разработчиков, конструкторов и механиков, создававших уникальные фотокамеры и целые фотосистемы, а также методики эффективного их применения оперативными подразделениями госбезопасности и милиции.

Фотомодели «пальто» и «дамская сумочка» для фотоаппаратов «ФЭД», 1940 гг (из архива Keith Melton Spy Museum)

Глава 12. Фотокамеры "Аякс-8" и "Аякс-9"

В 1948 г. неизвестным конструктором создается опытный образец фотоаппарата «Аякс-8».

В этой первой специальной камере взвод затвора и перемотка фотопленки осуществлялись внутренней пружиной, которая предварительно взводилась боковым штоком. «Аякс-8» обычно располагался под верхней одеждой сотрудников, и фотографирование велось через специальные пуговицы пальто или пиджака. Фотоаппарат имел дистанционное управление, нажатием кнопки которого производился спуск затвора с последующей перемоткой пленки на один кадр под действием внутренней пружины.

Для работы с «Аяксом-8» использовалась неперфорированная фотопленка шириной 21 мм, которая предварительно нарезалась из стандартной 35 мм пленки. Размер негатива у «Аякс-8» был 18 x 24 мм, что было в два раза меньше, чем у обычных 35 мм фотоаппаратов. Такой уменьшенный кадр снижал качество получаемых фотоснимков.

Слева «Аякс-8» с объективом А-1; стрелками показаны места крепления аппарата к «фотомоделям». Справа «Аякс-8» с объективом А-4.(из архива Keith Melton Spy Museum)

Новый аппарат обеспечивал высокую конспиративность фотосъемки через «фотомодели», однако имел существенный недостаток: значительное усилие взвода и спуска кнопки затвора, а также довольно высокий уровень шума в моменты фотографирования, что могло привести к расшифровке оперативных мероприятий. К тому же первый специальный фотообъектив А-1, которым был снабжен «Аякс-8», имел низкие оптические параметры, что влияло на качество снимков, особенно при пониженном освещении. Все эти недостатки первого советского специального фотоаппарата вызывали у офицеров МГБ справедливые нарекания: от разработчиков спецаппаратуры требовали высококачественную и надежную портативную фототехнику.

Разработчики и конструкторы учли все высказанные оперативным составом замечания, и в 1949 г. на вооружение МГБ поступает новый аппарат «Аякс-9», существенно отличавшийся в лучшую сторону от предыдущей модели. В новой камере был применен механизм взвода внутренней рабочей пружины по типу системы «фрикцион», как у модифицированных аппаратов «ФЭД».

Фотоаппарат «Акс-9» с объективом А-4 (из архива Detlev Vreisleben Collection)

Это позволило оснастить «Акс-9» более удобной кнопкой спуска затвора, сделать «легким» сам спуск затвора и модифицировать механизм перемотки пленки. Теперь при нажатии на кнопку срабатывал затвор и производился снимок, а при отпускании кнопки пленка автоматически перематывалась на один кадр и снова взводился затвор. Один полный взвод внутренней пружины обеспечивал в новом аппарате возможность съемки до 15 кадров.

Кроме объектива А-4, на «Акс-9» также устанавливался объектив А-1 с улучшенными оптическими параметрами. Были разработаны новые специальные кассеты для быстрой перезарядки камеры «Акс-9» на свету. Эти нестандартные кассеты вмещали 600 мм фотопленки шириной 21 мм. В комплект аппарата теперь входил новый резак, позволявший быстро и точно нарезать в полной темноте заранее выбранную по чувствительности фотопленку. «Акс-9» оснащался улучшенным механизмом затвора, обеспечивавшим большую стабильность выдержек, чем у предыдущей модели. Для фотоаппарата «Акс-9» было изготовлено новое дистанционное управление с плавным спуском затвора, что было особенно важным во время фотосъемки «на ходу».

Фотоаппарат «Акс-9» с объективом А-1, слева камуфляж «пуговица» (фото из архива Keith Melton Spy Museum)

Глава 13. Фотокамеры "Аякс-10" — "Аякс-12"

В 1950 г. НИЛ-11 выпускает новую модель «Аякс-10», у которой появилась новая пружина прижимного столика кадрового окна, обеспечившая более равномерную фиксацию фотопленки перед съемкой после перемотки предыдущего кадра. «Аякс-10» имел новое покрытие внутренних поверхностей аппарата для снижения вероятности царапин на эмульсионном слое фотопленки. Также была изменена форма рукоятки установки значения выдержки. В целом испытания показали хорошую надежность работы основных узлов и частей фотоаппарата.

Фотокамера «Аякс-10» с объективом А-4; слева механизм камуфляжа с рукояткой дистанционного управления (из архива Keith Melton Spy Museum)

Следующая модификация «Аякс-11» появилась в 1951 г. после нескольких лет практического оперативного использования новой серии фотоаппаратов. «Аякс-11» обладал большей надежностью и стабильностью работы всех основных узлов и деталей. Фотоаппарат стал более удобным в эксплуатации, в частности, появилась новая ручка-рычаг установки значения выдержки, а также счетчик кадров. Теперь с помощью «Аякс-11» можно было получать более качественные негативы. Конструкторы добились значительного снижения шумов работы затвора и механизма перемотки пленки. «Аякс-11» прошел многочисленные испытания, получил положительные отзывы оперативного состава МГБ, после чего было решено передать эту модель на оптико-механический завод в г. Красногорске, в новый отдельный цех для серийного изготовления специальной фототехники.

К началу 1950 г. уже накопился определенный опыт использования аппаратов серии «Аякс» и появились выработанные практикой правила подготовки техники и проведения негласной фотосъемки. Для получения качественного фотоснимка сотрудник должен был:

- 1) предварительно установить объектив аппарата на нужное по условиям съемки расстояние; при необходимости предварительно оценить или даже измерить это расстояние с соблюдением требований конспирации;
- 2) оценить равномерность освещенности объекта фотосъемки; по возможности не использовать места, откуда объект может получиться на снимке слишком контрастным или с затененными частями;
- 3) место фотографирования должно выбираться из расчета максимального заполнения кадра снимаемым сюжетом, что позволило бы в дальнейшем безошибочно опознать по фотоснимку всех «действующих лиц», точно определить местоположение важных предметов, объектов и т. п.;
- 4) определить или уточнить необходимую экспозицию: выдержку и диафрагму в

зависимости от используемой фотопленки, предполагаемой или уже известной освещенности объекта; как правило, движущийся объект должен сниматься с максимально короткой выдержкой, а статический сюжет — с более закрытой диафрагмой для увеличения глубины резкости;

5) в момент съемки желательно зафиксироваться (прислониться к дереву, стене, афише и др.) и плавно нажать на спусковую кнопку или рычаг дистанционного управления.

В 1952 г. красногорский завод освоил серийный выпуск специальных фотоаппаратов «Аякс-12», которые стали известными под заводской маркировкой Ф-21. Выпускаемые «Аяксы» имели серийные номера, первые цифры которых на некоторых сериях фотоаппаратов указывали на год изготовления. Какое-либо клеймо или фирменные знаки завода-изготовителя на фотоаппараты «Аякс», как и на всю специальную продукцию для МГБ и затем для КГБ, не ставилось. Исключением явилась небольшая серия фотоаппаратов «Аякс» с клеймом завода в г. Уфе. Только в 1989 году коммерческая версия «Аякса-12», получившая название «ZENIT MF-1», имела на передней панели фирменное заводское клеймо, поскольку эта модель предназначалась для открытой продажи на потребительском рынке.

В заводской комплект поставки фотоаппарата «Аякс-12» входили:

- 1) фототросик дистанционного управления;
- 2) четыре кассеты для фотопленки по две в специальной металлической укладке;
- 3) улучшенная модель резака для фотопленки.

Перезарядку фотоаппарата «Аякс» сотрудник мог производить на свету заранее подготовленными кассетами. Фотохимическая обработка пленок и снаряжение кассет производились в фотолабораториях оперативных подразделений.

Изготовление фотопленки для «Аякса» производилось с помощью специального резака. Обычная 35 мм кинопленка, например, тип 135 устанавливалась в приемную щель резака и путем вращения рукоятки подавалась на режущие элементы. С помощью зубчатого барабана производился отсчет требуемого количества кадров, после чего вращение рукоятки останавливалось стопором. При нажатии на боковой рычаг необходимая для зарядки фотоаппарата часть пленки длиной 60 см отрезалась, оставшиеся отрезанные части выбрасывались.

Кассеты для «Аякса-12» и резак для удаления перфорации и подготовки отрезка пленки длиной 600 мм (из архива Keith Melton Spy Museum)

Все эти действия производились в полной темноте; при этом резак обеспечивал автоматически все необходимые этапы подготовки и точной нарезки пленки. Рекомендовалось перед началом работы в полной темноте произвести тренировки с резаком при обычном свете.

Одним из первых прикрытий-камуфляжей для аппаратов «Аякс» были черные пуговицы к пальто, теплой куртке или к пиджаку. Летом активно использовалась специальная пряжка с брючным ремнем, состоявшая из двух изделий:

- а) пояс-бандаж, сшитый из мягкой ткани с карманом для фотоаппарата и отверстием под

объектив;

б) ременная пряжка с полупрозрачным зеркалом и с насадочным кольцом для крепления объектива «Аякса». Позднее вместо зеркальной (полупрозрачной) пряжки стали использовать пряжку-решетку различной конфигурации.

Слева прикрытие «ремень»; справа «пуговица пальто» (из архива Keith Melton Spy Museum)

Прикрытие «ремень» надевалось следующим образом: вначале сотрудник аккуратно закреплял пояс-бандаж, плотно застегивая пряжки крепления на спине. Затем в карман пояса устанавливался «Айкс» таким образом, чтобы его объектив выступал наружу. Через отверстие в бандаже выводился фототросик дистанционного управления, который навинчивался на спусковую кнопку фотоаппарата. В рубашке и брюках прорезались отверстия для объектива. Надев брюки, сотрудник одевал пряжку на объектив, пропуская половинки ремня через шлевки брюк и застегивал их сзади или сбоку. Спусковой фототросик выводился в карман брюк.

Рубашка и брюки сотрудника должны были выглядеть аккуратно, не иметь небрежного вида и морщин. Ничто не должно было сковывать движения сотрудника. Как правило, прикрытие «ремень» использовал сотрудник, который не имел избыточного веса и большого живота. Галстук часто завязывался так, чтобы его нижний конец немного закрывал пряжку. При фотографировании сотрудник слегка откидывался назад, галстук немного приподнимался и производилась фотосъемка.

Прикрытие МГБ ГДР «мужская сумка» для фотоаппарата «Аякс-12»(из архива Detlev Vreisleben Collection).

Прикрытие «брошка» с прозрачной вставкой для использования фотоаппарата «Аякс-12» (из архива Keith Melton Spy Museum)

Перед «боевыми» фотосъемками сотрудник в обязательном порядке проходил основательный курс подготовки и тренировки для приобретения устойчивых навыков. Наиболее частой ошибкой была неточная наводка на объект по высоте, в результате чего на фотоснимке не было объекта целиком, а только ноги, колеса автомашины и пр.

Съемка из «мужской сумки» велась через прозрачный элемент в центре на пряжке. Управление фотоаппаратом производилось путем нажатия на нижний угол сумки, связанный рычажной системой с кнопкой спуска затвора. Наличие боковой «змейки» позволяло быстро вытащить фотоаппарат из прикрытия для замены.

По свидетельству ветеранов КГБ, наиболее используемыми «фотомоделями» были пальто и пиджак, которые позволяли точно наводить фотоаппарат на объект съемки. Длительная практика использования «Аякса» давала возможность производить качественную фотосъемку даже в метро при пониженной или просто плохой освещенности. В этих условиях иногда практиковалось использование выдержки «В» (от руки), позволяющей опытным сотрудникам делать качественные фотоснимки в условиях низкой освещенности, что считалось настоящей виртуозной работой и особо отмечалось руководством подразделения. Иногда «Аякс-12» прятали в кулак и производили конспиративную фотосъемку между пальцами рук. Такой необычный прием фотосъемки, конечно же, требовал большой тренировки, практики и определенной импровизации движений руки с аппаратом в кулаке.

Практика работы сотрудников наружного наблюдения показала, что женщина, профессионально ведущая слежку, имеет больше возможностей для быстрого изменения внешности за счет макияжа и смены заметных элементов одежды.

Вариант размещения под одеждой радиостанции «Кама» с микрофоном-динамиком и фотоаппарата «Аякс-12» с дистанционным управлением, 1950 гг (из архива Keith Melton Spy Museum)

Учитывая эти обстоятельства, были разработаны разнообразные женские «фотомодели»,

дававшие возможность фотографировать объект крупным планом на достаточно близком расстоянии. В одной из таких «моделей» в качестве прикрытия объектива использовалась специально изготовленная брошка, для чего в блузке или тонкой кофточке, одеваемой под пиджак, пробивалось отверстие, через которое производилось фотографирование.

На рисунке показана экипировка женщины, оперативного сотрудника, которая выполняет негласную фотосъемку встречи в ресторане объекта разработки со своим новым контактом. Кроме фотоаппарата, обязательным атрибутом являлась скрыто носимая радиостанция, располагавшаяся под одеждой.

Глава 14. Фотоаппараты «Найлон», «Неоцит», «Заход»

В 1975 г. был разработан и начал серийно выпускаться красногорским заводом модифицированный «Аякс-12» с новым объективом, со встроенным экспонометром и новым центральным затвором с электронным управлением. Объектив этой новой модели, названной «Найлон», был сфокусирован на постоянную дистанцию 7 м. С помощью предварительно устанавливаемой диафрагмы (2,9 5,6 и 16) можно было задавать глубину резкости от 1,3 метра до бесконечности.

Аккумуляторный блок обеспечивал электропитание экспонометра и мог сниматься для замены или перезарядки в лабораторных условиях. Счетчик кадров отсутствовал, что несколько снижало возможности этой модели. Для установки чувствительности используемой фотопленки «Найлон» имел на задней панели специальный движок на 4 положения.

Новый затвор «Найлона» вначале работал нестабильно, и сотрудникам специального цеха красногорского завода пришлось его многократно совершенствовать.

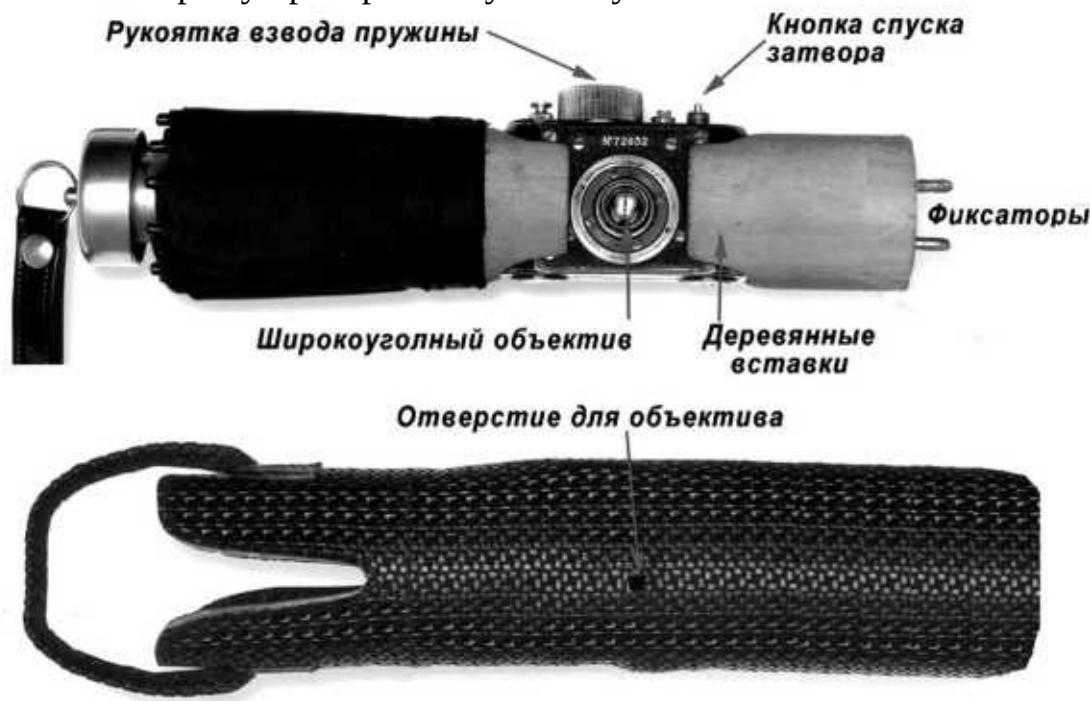

Фотоаппарат «Найлон» (из архива Keith Melton Spy Museum)

Фотоаппарат «Найлон» со снятым аккумуляторным блоком и отдельно показанным движком установки чувствительности фотопленки (из архива Keith Melton Spy Museum)

Используемые подразделениями КГБ и МВД «фотомодели» для аппаратов «Аякс» не сразу позволили реализовать преимущества новой полуавтоматической камеры «Найлон», поскольку, например, активно используемое прикрытие «пуговица» полностью закрывало отверстие объектива, и во время съемки экспонометр «Найлона» не успевал «отрабатывать» реальную освещенность фотографируемого объекта. Пришлось делать новый камуфляж «пуговица», имевший светопровод для правильной работы экспонометра. Эти недостатки существенно снижали доверие оперативного состава к новому фотоаппарату, который так и не стал полноценной заменой старому проверенному «Аяксу-12».

Камуфляж «зонтик в чехле», созданный инженерами МГБ ГДР для аппаратов «Аякс-12» (из архива Keith Melton Spy Museum)

Фотоаппараты серии «Аякс» использовались специальными службами СССР практически до конца 1990 г. Страны Варшавского договора, а также страны третьего мира, страны-друзья и партнеры СССР не менее активно применяли «Аяксы» в различных оперативных мероприятиях, иногда используя отдельные узлы для установки в свои собственные специальные системы негласного фотографирования.

В 1980 г. фотооптическая лаборатория НИЛ-11 совместно с красногорским заводом создает

принципиально новую, полностью автоматическую малогабаритную спецфотокамеру «Неоцит», имевшую заводской индекс Ф-27. Эта модель обладала всеми необходимыми возможностями для негласной фотосъемки.

Фотоаппарат «Неоцит» (Ф-27) с пультом дистанционного управления (из архива Detlev Vreisleben Collection)

В подразделения КГБ аппарат «Неоцит» поставлялся ограниченными партиями, в связи с чем оперативные сотрудники КГБ и особенно служба наружного наблюдения МВД продолжали пользоваться старыми фотомоделями под «Аякс-12» и «Найлон».

С распадом СССР и прекращением партнерских отношений со спецслужбами стран Восточной Европы НИЛ-11 и закрытый цех красногорского завода лишились огромной базы для сбыта специальной фототехники. К тому же стремительно наступала эра цифрового фотооборудования, имевшая неоспоримые оперативные преимущества перед пленочными технологиями. Цифровые камеры начали активно захватывать все направления фотосъемки. Спецслужбы по достоинству оценили перспективы новой цифровой фототехники, и пленочные фотокамеры практически сразу стали раритетами.

Тем не менее в 1992 г. в арсенале спецслужб России появляется новая и, вероятнее всего, последняя пленочная фотокамера «Заход» (заводской индекс НФ-1101), для которой были разработаны камуфляжи-прикрытия «атташе-кейс», «брючный ремень», «мужская сумка» и др. В аппарате «Заход» применялась автоматическая установка экспозиции, что давало возможность получать качественные негативы в самых разных условиях фотографирования.

Комплект фотоаппарата «Заход» был представлен на нескольких международных выставках в Москве и за рубежом. Интересная деталь: в 2011 г. на Венском аукционе раритетной фототехники комплект «Заход» был продан за 7000 \$.

В целом необходимо отметить, что фотоаппараты серии «Аякс» — «Найлон» активно и эффективно использовались многими подразделениями КГБ и МВД, в первую очередь бригадами наружного наблюдения, а также другими специальными службами СССР с 1952 г. и практически до конца 1990 г. и даже позднее. В оперативных разработках шпионов Попова, Пеньковского, Огородника, Толкачева и многих других использовались важные фотоснимки, полученные аппаратурой «Аякс». Специальные службы стран Варшавского договора, а также стран третьего мира, стран-друзей и партнеров СССР не менее успешно применяли «Аяксы» в самых различных оперативных мероприятий, руководимые советскими инструкторами, их немецкими и кубинскими коллегами, иногда используя отдельные удачные модели-прикрытия — свои местные специальные системы негласного фотографирования. Учитывая большой период эксплуатации, широкую географию применения и огромный практический опыт использования, можно с уверенностью назвать советские аппараты «Аякс» самыми массовыми и эффективными специальными фотокамерами XX века.

Очерк IV. Зачет для чекиста

Глава 15. Фотоаппарат "Зачет"

Василий, молодой офицер КГБ, считался уже опытным оперативным работником, поскольку недавно в течение нескольких месяцев стажировался в одном из престижных зарубежных университетов. Сейчас, после объявления места долгосрочной командировки (а это была та же страна), Василий готовился к испытаниям, которые считались самыми трудными для младших офицеров КГБ: представлению сотрудника в парткоме главка и беседе в совете ветеранов. И если к первому испытанию можно было как-то подготовиться, пользуясь опытом своих товарищей, уже прошедших это «чистилище», то в совете ветеранов могли задать самые неожиданные и коварные вопросы. «Как молодому Маслюкову в набирающем тогда популярность КВН», — шутили между собой уже прошедшие все эти этапы офицеры. Боевые биографии ветеранов КГБ часто были отмечены набором всяких невероятных историй и каждому в совете хотелось узнать, а как поведет себя молодой чекист в нестандартной ситуации, например, когда со стороны американцев делается «подход» (прямое предложение о сотрудничестве), да еще и с угрозой жизни? Василий уже представлял для себя такого рода вопросы и твердо решил, что ответит, как тот легендарный чекист, который, раскидав в номере японского отеля группу вербовавших его американцев, выпрыгнул в окно и «огородами» добрался до родного посольства. Об этом случае Василий узнал от приятеля, с которым вместе проходили подготовку к загранкомандировке.

Василию повезло: совет ветеранов собрался в уменьшенном составе (опять свирепствовал московский грипп), и первый вопрос был о месте командировки. Ветераны обрадовались, что Василий едет уже на «обжитое» место и знакомиться с оперативной обстановкой ему не придется. Однако, как выстрел в спину, прозвучал последний вопрос одного из членов совета: а что было в передовице «Правды» за вчерашний день. Василий внутренне замер, но потом вспомнил газету, которую вчера читал его сосед в автобусе по дороге на объект и на которую Василий поглядывал, не зная, чем себя занять. Ответ Василия вполне удовлетворил ветеранов, и все они дружно пожелали молодому офицеру результатов и удачи.

Наш герой не был новичком и потому имел достаточно полное представление о том, с какими трудностями ему придется столкнуться. Кроме изнурительной постоянной слежки со стороны контрразведки, к чему постепенно можно было привыкнуть, Василий, выбравший для себя псевдоним «Старик», больше боялся интриг, криков и нагоняев со стороны руководителя загранаппарата КГБ, человека пожилого, ветерана войны и потому часто гонявшего «и в хвост и в гриву» молодых чекистов, как в свое время бойцов в окопе, справедливо полагая, что «молодняк» отдается оперативной работе не в полной мере, излишне увлекается набегами на местные магазины, прикрываясь туманным термином «свободный поиск оперативных контактов». «Резаку» (так про себя оперативники называли своего начальника-резидента) также не нравилось поголовное увлечение музыкальными дисками-пластинками западных кумиров. И действительно, нередко на застольях по разным поводам отечественная музыка звучала, как правило, в исполнении Высоцкого, ну а для фона под танцы включали магнитофонные записи западных звезд тех лет.

Василий заменил уехавшего в Москву сотрудника, который по заведенному правилу передал «Старику» свои оперативные связи. Конечно же, активно действующей агентуры среди них не было: она находилась на связи только у матерых оперов. Василию же достался целый выводок советских студентов и аспирантов, попавших в близлежащие университеты по обмену. Это был десяток молодых парней, завербованных еще в СССР территориальными органами КГБ и потому включенных в рекомендованный список для стажировки в зарубежных учебных заведениях.

Стажеры ежемесячно и под разными предлогами, в основном для получения писем от родных и близких (которые доставлялась из СССР только диппочтой), посещали советскую дипмиссию и заодно беседовали со своими кураторами, среди которых был «Старик», Василий. Стажеры тайком таскали статьи из университетских изданий, в которых иногда попадались интересные материалы по темам, обозначенным в плане работы как «Основные задачи КГБ по линии научно-технической разведки». Самыми интересными были визитки «контактов», с которыми стажеры сталкивались, знакомились и даже дружили. Однажды на глаза Василию попалась визитка сотрудника Л-ской лаборатории, которая фигурировала как один из главных объектов агентурного проникновения. Аспиранта, притащившего эту визитку, Василий нашел в магазинчике представительства, где можно было с большой скидкой купить водку, колбасу, сыр и другие весьма ценимые советскими стажерами продукты. Закрывшись в защищенной от подслушивания специальной комнате, Василий учинил допрос стажеру, который охотно рассказал о своем новом знакомом по имени Джошуа, тоже иностранце, с которым они познакомились на одной из научных конференций. Василий велел стажеру ближе познакомиться с Джошуа и устроить вечеринку с подходящим поводом в студенческом общежитии, куда и надо было пригласить своего приятеля. Для этого стажеру была выдана небольшая сумма из оперативной кассы.

Через месяц стажер доложил Василию, что вечеринка удалась на славу, и в знак благодарности подвыпивший Джошуа оставил «своему лучшему другу» электронный пропуск в одну из закрытых библиотек Л-ской лаборатории. По мнению Джошуа, стажер мог за несколько дней «накопать» там материалов на пару-тройку диссертаций. Пропуск был электронный, поэтому в закрытую библиотеку можно было запросто пройти «русскому другу».

Василий мигом сообразил, какую информацию можно найти в закрытой библиотеке, и побежал докладывать своему шефу, который, поразмыслив, рискнул доложить резиденту. Всем повезло: резидент был в настроении и, насконо прорычав монолог о коварстве противника и о правилах безопасности работы в городе, занялся изучением визитки, потом пропуска и, наконец, потребовал подробностей прохода в закрытую библиотеку и режима работы в ней. После обсуждения со всех сторон был составлен план операции, который на первый взгляд был довольно простым: стажер проходит в библиотеку по электронному пропуску, заполняет карточку по интересующей Василия тематике и через минуту получает на мониторе перечень названий материалов, которые затем можно получить на руки для работы внутри читального зала. Выносить материалы из библиотеки было запрещено, и стажеру поручалось только выписать заголовки.

Главным условием предстоящего похода в библиотеку было отсутствие «наружки», которая хоть и редко, но «ходила» за стажерами, особенно за теми, кто часто приезжал в дипломатическую миссию. Стажеру было рекомендовано вести себя тихо, смотреть по сторонам и пару месяцев не появляться в расположении советского представительства. Связь с ним будет поддерживать Василий, который, проверившись на отсутствие слежки, сам приедет в университетский городок, найдет стажера и побеседует с ним в укромном месте.

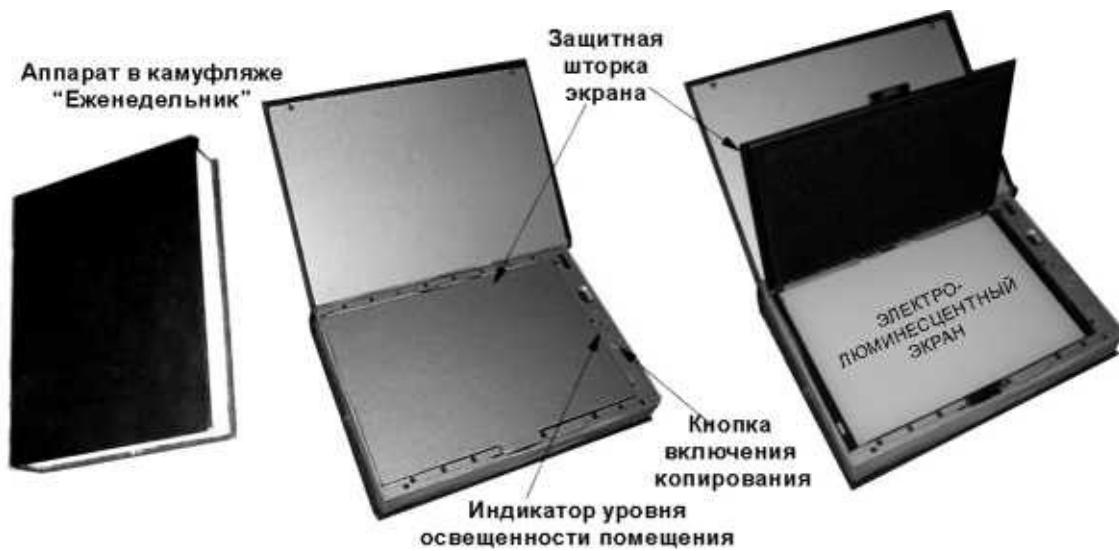
Первый же поход стажера в библиотеку Л-ской лаборатории заставил приятно заволноваться и руководство, и, конечно, Василия. В списке названий работ, имевшихся в ней, было именно то, что фигурировало в качестве приоритетных заданий из Москвы. К тому же какой-либо охраны в не было: порядки в этой библиотеке образца 1970-х гг. были самые демократичные, и можно было попытаться вынести материалы для копирования в автомашине Василия (она будет стоять недалеко) на всем известном фотоаппарате «Корица».

Через месяц на очередной встрече с Василием стажер рассказал следующее: в библиотеке после заказа материалов библиотекарша притащила пластиковую коробку с листами фотопленок

и пригласила стажера к специальному просмотровому аппарату. После дополнительных расспросов оказалось, что материалы в библиотеке хранятся в микрофишах — листах особой фотопленки размерами 6 на 12 см, на которых размещалось до 100 и более крохотных кадров, читаемых только при большом увеличении на специальном устройстве. О копировании таких мелких кадров можно было и не мечтать — с таким выводом грустный стажер отчитался перед Василием, который после душевного взлета впал в уныние.

До этого в резидентуре никто с микрофишами не работал. Василий кинулся за помощью к оперативно-техническому сотруднику, который слыл в резидентуре мастером решать технические задачки. Оказалось, что он (псевдоним «Седой») проходил в Москве подготовку по копированию информации со всех видом носителей, в том числе и с микрофиш. «Седой» успокоил расстроенного «Старика», сообщив, что в Москве есть замечательный прибор для копирования микрофиш, закамуфлированный под блокнот-ежедневник.

Резидент дал срочную телеграмму, и с ближайшей почтой был получен комплект нового фотокопировального аппарата «Зачет». Конструкция «Зачета» была достаточно простой, а копирование микрофиш оказалось и вовсе несложным делом, которое «Старик» освоил за несколько уроков. Дальновидные фотомастера прислали также из Москвы импортную фотопленку, чтобы молодым офицерам не пришлось, сломя голову, искать специальный фотоматериал с высоким разрешением, рискуя попасть под наружное наблюдение контрразведки.

Фотоаппарат «Зачет» в камуфляже «еженедельник»(фото из архива Keith Melton Spy Museum)

Василий быстро усвоил приемы работы с «Зачетом», и оперативно-технический сотрудник устроил ему небольшой экзамен. Теперь Василию требовалось встретиться со стажером, обучить его приемам работы с копировальным аппаратом. Стажер посещал библиотеку несколько раз, хорошо представлял себе ситуацию в зале и предложил работать с аппаратом «Зачет» в туалете, достаточно просторном, чтобы быстро делать копии с оригиналов микрофиш. В советском представительстве оказался похожий по габаритам туалет, где «Старик» провел генеральную репетицию и определил ориентировочное время для копирования пачки микрофиш в 10 штук. Появление «Седого» (а он был к тому же охотником на «жучков») в районе туалета вызвало легкую панику среди персонала миссии, и по зданию поползли слухи, что чекисты нашли в туалете «жучка», другие же уверяли, что «жучка» только поставили. Оправдывать эти домыслы никто не стал.

Была составлена телеграмма в Москву с предложением разрешить проведение мероприятия

«Блокнот» по копированию стажером микрофиш, содержащих важные для КГБ материалы, в здании закрытой библиотеки Л-ской лаборатории. В мероприятии предполагалось участие стажера как главного исполнителя и «Старика», который бы страховал стажера. В случае появления постоянного наружного наблюдения за «Стариком» предполагалось конспиративно вывести его в автомашине «Седого», за которым слежки в последнее время не наблюдалось.

В день операции активность «наружки» была невысокой, и «Старик», проверившись на отсутствие слежки, быстро добрался до городского подземного гаража, где оставил автомашину, и пересел на метро. Сменив несколько видов транспорта, «Старик» встретился со стажером в условленном месте, и они вместе вошли в здание библиотеки, поочередно воспользовавшись электронным пропуском, переданным через окно туалета.

Копирование полученных на руки микрофиш аппаратом «Зачет» проводилось в туалете, куда по очереди заходили «Старик», а потом стажер, и наоборот. Сделав копии, стажер сдал микрофиши обратно в хранилище, и оба благополучно разошлись в разные стороны: стажер в университетское общежитие, а «Старик» более длинным путем до «родной конторы».

Проявление копий микрофиш показало достаточную четкость их для чтения. До прибытия почты была еще неделя, и оперативно-технический сотрудник умудрился с помощью модернизированного увеличителя отпечатать фотокопии размерами А4 с наиболее интересных кадров копий микрофиш для их изучения Василием.

В дальнейшем стажер смог самостоятельно делать фотокопии микрофиш, для чего посещал библиотеку еще несколько раз. Неожиданно действие электронного пропуска прекратилось, который, по всей видимости, был запрограммирован на определенное время.

В Москве положительно оценили результат проведенного мероприятия «Блокнот»: руководитель и «Старик» получили по благодарности руководства КГБ, а в заключение на годовой отчет было отмечено активное использование специальной фототехники оперативно-техническим сотрудником.

Копирование микрофиш на «Зачете» в туалетной комнате библиотеки (из архива Keith Melton Spy Museum)

Очерк V. Ломавшая судьбы американская зажигалка

Глава 16. Нахodka после партийного собрания

На моем рабочем столе пенсионера лежит черная с белым донышком американская зажигалка «Cricket». Этот великолепно сделанный мастером макет часто вызывает воспоминания о первой командировке в США, где пришлось пережить столько взлетов и падений, которых, по мнению друзей, хватило бы моим коллегам на весь период службы в разведке КГБ. Но я совсем не исключение, и биографии многих офицеров ПГУ, с которыми довелось работать, были полны таких невероятных историй, что моя карьера на их фоне выглядит вполне благополучной, где «проколы» окупались радостью побед, в которых часто присутствовала удача.

Я вспоминаю моих товарищей, с которыми работал в США и чьи судьбы и карьеры круто изменила, а многие поломала эта обычна на вид одноразовая зажигалка. В памяти вызов на ковер в кабинет В.А. Кирпиченко, заместителя начальника ПГУ, который показывает «мою» зажигалку и, хитро улыбаясь, велит быть утром в Следственном управлении КГБ в Лефортово. Даже сегодня, через 30 лет, душа холдеет от воспоминаний трех дней, проведенных в узком, как одиночка, кабинете, где хозяин, молодой следователь, вежливо задавал одни и те же вопросы, часто делая перерыв на чай и сушки, стараясь перевести наши 8-ми часовые встречи в дружеские беседы.

Потом, по просьбе Вадима Алексеевича я встретился с Надеждой, женой моего сослуживца Бориса, сидевшего теперь в одиночке Лефортово. Кирпиченко попросил меня как-то поддержать Надежду, которая не догадывалась о двойной жизни мужа и после его ареста сразу лишилась всех близких друзей и подруг. Мы долго стояли около ГУМа, обнявшись, шептали друг другу какие-то слова... Утирая ей слезы, я передал для Бориса советский дефицит — банку кофе и блок "Мальборо", замечая, как нас с разных сторон фотографируют молодые парни из «наружки», пользуясь прикрытием «атташе-кейс», который я столько раз сам готовил для скрытой съемки «объектов оперативного интереса».

А началась эта драматичная история солнечным субботним утром, когда я, молодой оперативно-технический сотрудник резидентуры КГБ в США, решил заняться накопившимися за неделю текущими делами, не отвлекаясь на постоянные просьбы оперативников: они в этот день активно работали в городе. Я планировал «перенести» на фотопленку накопившиеся за неделю толстые американские справочники и научные отчеты, которые надо было вернуть в места их хранения.

Звонок по внутренней связи заставил, чертыхаясь, вылезти из фотокомнаты. Звонил Женя, квалифицированный рабочий, мой верный помощник по технической защите здания советской миссии. Женя таинственным голосом сообщил, что нашел потерянный кем-то из «наших» фотоаппарат. Я пулей влетел в подвал, где Женя поведал мне шёпотом о том, что его супруга рано утром, наводя порядок после прошедшего накануне партийного собрания, подобрала на полу в актовом зале оставленную кем-то зажигалку.

Женя как дотошный советский технарь попытался заправить одноразовую зажигалку, которая исправно высекала искру, но не горела. Он начал отворачивать донышко, под которым оказался край фотопленки характерного бледно-фиолетового цвета. Женя не удивился и сразу отдал зажигалку мне, полагая, что такой шпионский предмет мог случайно обронить кто-нибудь из чекистов.

Я был нескованно рад, получив в свои руки неизвестную спецтехнику, и первым делом побежал к начальству. Мой резидент, также проводивший выходные на работе, совсем не разделил моей радости по поводу обнаружения «зажигалки» и мрачным голосом велел мне

аккуратно проявить часть фотопленки в надежде определить владельца по снятым кадрам. В отличии от меня, шеф сразу сделал вывод, что в нашем здании работает враг.

Пользуясь прибором ночного видения, я разобрал фотоаппарат, вытащил и «засветил» кусочек пленки, чтобы определить время проявления для получения контрастного негатива. Оставшуюся часть пленки я надежно завернул в черную бумагу и стал разбирать сам аппарат для подготовки подробного отчета. Итак, зажигалка действительно представляла собой реальный шпионский микрофотоаппарат, но с чистой, неэкспонированной пленкой, что и спасло незадачливого агента-растеряху от немедленного разоблачения, но заставило разведку и контрразведку КГБ активно его искать.

Однако сделать это оказалось непросто: по иронии судьбы находка была обнаружена не под столом, где сидел ее владелец, а там, куда она закатилась от случайного удара ногой. На стульях, под которыми обнаружили зажигалку, сидели в большинстве своем курильщики, честные советские загранработники, совсем не подозревавшие, что попадут на длительный срок под пристальное внимание контрразведки после возвращения на родную землю.

Как я потом узнал, «зажигалку» отправили в Оперативно-техническое управление КГБ, где специалисты сразу опознали уже известный микрофотоаппарат, ранее обнаруженный у агента ЦРУ Огородника, арестованного в 1977 г. в Москве. При обыске его квартиры внутри дорогой авторучки «Паркер» оказалась аналогичная фотокамера. Однако смерть Огородника не позволила контрразведчикам установить особенности появления у него этой спецтехники, а также способы подготовки к работе столь необычного по тем временам фотоаппарата, для которого в тайнике был обнаружен секретный контейнер с запасными кассетами в советской батарейке.

Теперь в ОТУ КГБ оказалась вторая микрофотокамера, уже в зажигалке. Но отсутствие владельца этой спецтехники, как и в случае с отравлением Огородника, не давало важных для следователей КГБ оперативных и технических деталей. И потому обе фотокамеры передали в НИЛ-11, ведущую фотооптическую лабораторию Комитета. Её конструкторы тщательно изучили эти американские изделия, провели необходимые измерения и даже приготовили подробные чертежи. В 1985 г. после ареста шпиона Толкачева в руки КГБ попал третий вариант фотокамеры ЦРУ уже в цилиндрическом брелоке для ключей. Толкачев подробно рассказал следователям о своей фотоаппаратуре, в том числе и о собственной её модернизации: он примотал изолентой длинную вязальную спицу к фотокамере для жесткого фиксирования расстояния до поверхности снимаемых документов. Фотографировать советские секреты он стал быстрее и качественнее.

Глава 17. Признание директора ОПЕРАТИВНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ ЦРУ

Через несколько десятков лет вышедший на пенсию Роберт Уоллес, бывший директор Оперативно-технической службы (ОТС) ЦРУ, решился рассказать о том, как и для кого делали эти необычные по тем временам фотоаппараты. Оказывается, что специалисты ОТС давно ломали головы о собственном агентурном фотоаппарате. Эта идея возникла еще во время активной работы шпиона Пеньковского, который часто и неосторожно пользовался известной фотокамерой «Минокс» и даже был сфотографирован сотрудниками КГБ в момент съемки секретных документов.

В отличии от КГБ с его огромным научно-техническим и производственным потенциалом, у ЦРУ не было подобной технической базы. Специальные офицеры-менеджеры колесили по стране в поисках кустарей-одиночек, небольших коллективов талантливых конструкторов и одержимых собственными идеями гениев. Иногда офицерам ЦРУ удавалось уговорить владельцев крупных американских концернов оказать помощь родной разведке. Но в 1960-х и 1970-х гг. подобные удачные для ЦРУ проекты имели место только в случаях масштабного государственного финансирования, как это было со спутниками-шпионами и самолетами У-2.

Однако с фотокамерами ЦРУ повезло: нашлась небольшая фирма, где хозяин, талантливый инженер и конструктор, лично взялся за проект Т-100 — именно так назвали эту модель фотокамеры в зажигалке, первые работы над которой относятся к началу 1970-ых гг.

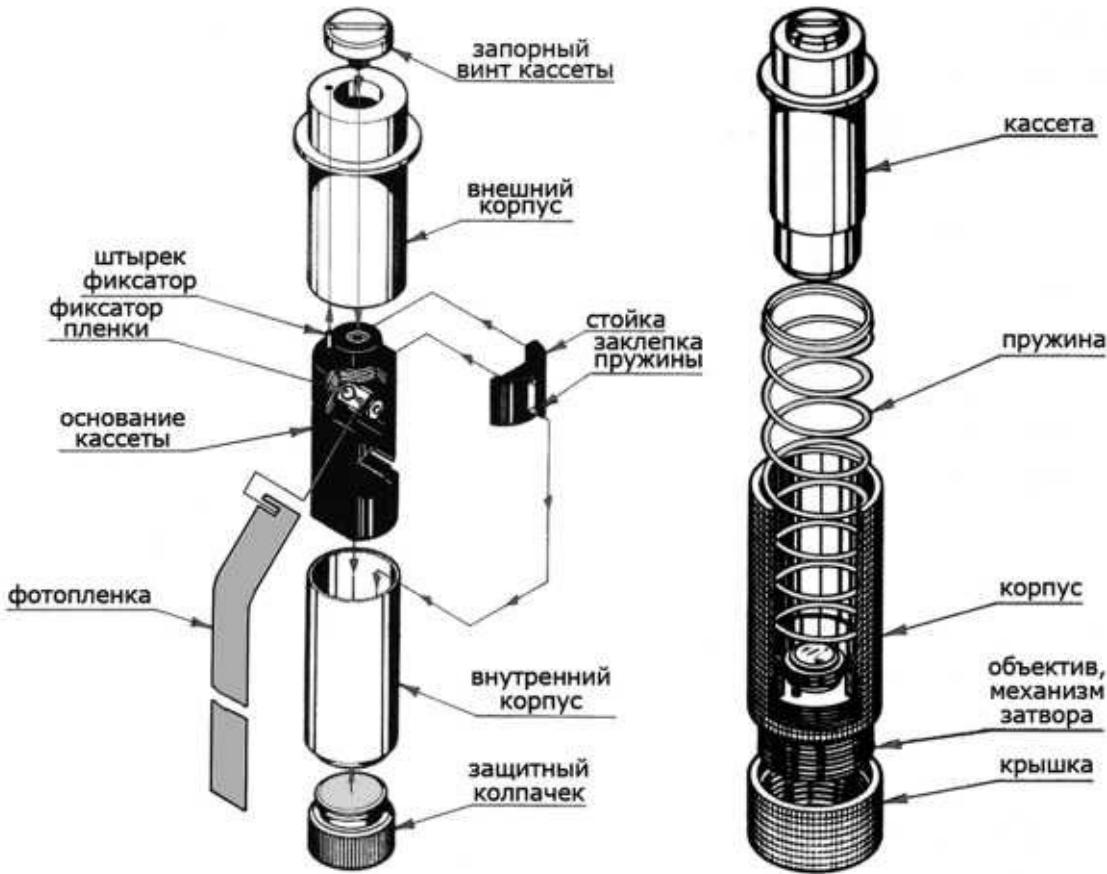
Главным условием, поставленным ЦРУ перед изготовителем, была возможность использования новой камеры для фотографирования в особо охраняемых помещениях. Обязательным было высокое фоторазрешение для четкого копирования изображения всей страницы документа: фотокамера не должна была давать искажений по краям кадра. Работа с фотокамерой предполагалась без вспышки, а сам аппарат должен был вмещать не менее сотни кадров и работать бесшумно. К тому же ОТС ЦРУ добавила требование, чтобы фотокамера имела минимальные размеры для установки ее внутри бытовых предметов, которые можно было бы вносить в охраняемые помещения и зоны безопасности советских зарубежных миссий.

Через некоторое время изготовитель показал офицерам ОТС новый аппарат. Он был в шесть раз меньше известного «Минокса»; основной блок Т-100 имел цилиндрическую форму, что в сочетании с малыми размерами позволяло использовать в качестве камуфляжа такие бытовые предметы, как авторучки, зажигалки и даже цилиндрический брелок для ключей.

Как писал Роберт Уоллес, объектив фотокамеры диаметром 4 мм был собран из восьми элементов с ювелирным искусством и точностью часовго механизма. Некоторые детали объектива были чуть больше булавочной головки. Объектив, механизмы затвора и подачи пленки объединялись в алюминиевом корпусе размерами 38 мм в длину и 10 мм в диаметре. При максимальной длине пленки 38 см можно было сделать до 100 кадров.

Основные блоки фотокамеры Т-100 (из архива Keith Melton Spy Museum)

Детали фотокамеры Т-100 (из архива Keith Melton Spy Museum)

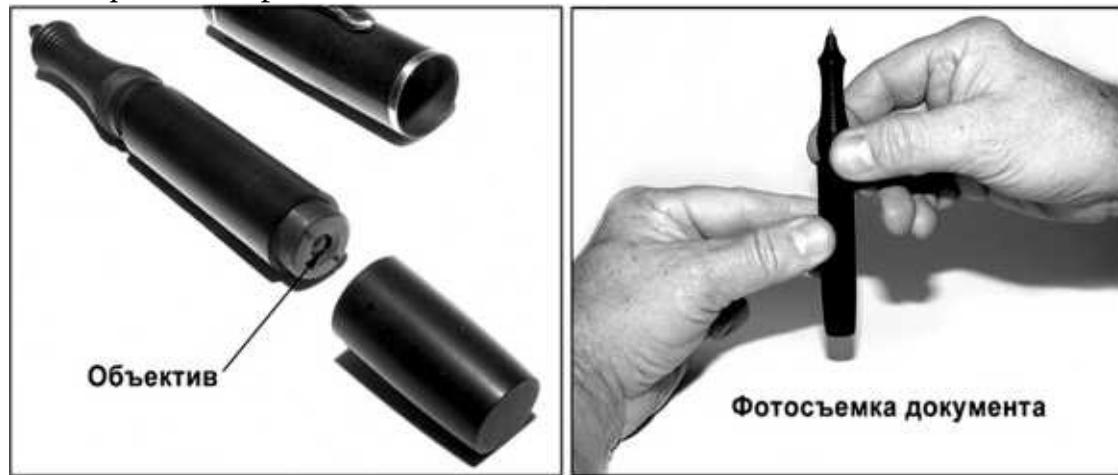
Новая фотокамера была создана в обстановке строгой секретности и предназначалась для использования особо ценной агентурой для негласного копирования документов. Теперь агент ЦРУ мог бесшумно фотографировать, спрятав камеру в ладони, на расстоянии около 28 см от плоскости документа. При этом со стороны казалось, что агент просто изучает текст, чертежи или документы.

Необычная конструкция Т-100 требовала специальной сверхтонкой фотопленки с высоким разрешением. После долгих попыток в ОТС ЦРУ нашли выход, используя старые запасы фотопленки для спутниковых фотоаппаратов. Фирма «Кодак» по секретному контракту уже давно производила для ЦРУ специальную фотопленку «Кодак-1414», основа которой была покрыта сверхтонкой фотоэмulsionией, её стали применять для фотокамер Т-100.

Глава 18. Как учили агента ЦРУ TRIGON

Одним из первых агентов, в работе с которым планировалось использование новейшего секретного аппарата, стал Огородник, сотрудник советского посольства в Колумбии, получивший после его вербовки псевдоним TRIGON. Однако, в отличии от Пеньковского, кадрового офицера ГРУ, перед началом работы с Огородником требовалась его специальная подготовка по многим направлениям агентурной деятельности, в том числе обучение работе с новой фотокамерой. Для этого в столицу Колумбии Боготу был командирован опытный сотрудник советского отдела ЦРУ Джордж, знавший русский язык и уже имевший практику работы с камерой Т-100. В связи с особой секретностью общения и обучения Огородника Джордж прибыл в Боготу под туристическим прикрытием, о чем в резидентуре ЦРУ в Колумбии знал только один оперативный сотрудник, которого Джордж мог вызвать для экстренной помощи или для связи с Лэнгли.

Обучение агента TRIGON проводилось в течение нескольких месяцев в одном из номеров отеля Хилтон, куда Огородник мог по легенде заезжать по пути, выполняя рутинные дипломатические и хозяйственные поручения. Для Огородника, который в период его вербовки курил сигареты, вначале была изготовлена фотокамера Т-100 в зажигалке. Однако через некоторое время TRIGON решил отказаться от сигарет, поскольку заботился о своем здоровье. И потому Джордж привез для Огородника новую модификацию Т-50, которая отличалась от первой модели только длиной фотопленки. Дело в том, что во время испытаний и практического использования Т-100 фотопленка нередко заклинивала внутри фотокамеры, и конструкторы изменили механизм подачи пленки, пожертвовав количеством кадров, но существенно повысив надежность работы фотокамеры.

Макеты фотокамеры Т-50 в авторучке (из архива Keith Melton Spy Museum)

Для уже некурящего Огородника предназначалась модификация Т-50, закамуфлированная в дорогую авторучку "Паркер", которая была вполне уместным предметом личного пользования второго секретаря советского посольства. По секретному заказу ЦРУ фирма «Паркер» сконструировала авторучку на 1,5 мм толще, с уменьшенным контейнером для чернил и более короткой основой для пера, что позволило создать полость внутри авторучки, в которую и была вмонтирована камера Т-50.

В конце своего обучения TRIGON решился на рискованный шаг: он уговорил своего наставника использовать авторучку-фотоаппарат внутри референтуры посольства, где советские дипломаты работали с секретными документами и телеграммами. По мнению Огородника, особый интерес для ЦРУ представлял недавно полученный из Москвы документ «О состоянии и

перспективах советско-китайских отношений». Этот материал был новый, совершенно секретный, и TRIGON терпеливо ждал своей очереди, когда советский посол внимательно прочитает этот документ и затем напишет фамилии дипломатов, которым следует ознакомится и высказать свое мнение на совещании.

Однако читать секретный документ можно было только в небольшой комнатке референтуры посольства, куда совершенно неожиданно заглядывал через окошко в двери «курьер спецохраны» референтуры как круглосуточный дежурный самого важного помещения посольства.

Инструктор Джордж был против идеи Огородника, поскольку обучение агента еще не закончилось. К тому же был велик риск расшифровки всего мероприятия, поскольку TRIGON планировал делать снимки внутри ознакомительной комнаты референтуры, куда мог неожиданно войти не только охранник, но и шифровальщик, который выдавал и забирал секретные документы после ознакомления.

Однако, получив «ОК» из Лэнгли, Джордж тщательно проинструктировал Огородника и выдал ему готовую к работе авторучку «Паркер». Через несколько дней TRIGON появился в номере Джорджа со словами: «Я думаю, что сделал это».

Когда Огородник ушел, Джордж, выйдя из отеля на приличное расстояние, из уличного автомата вызвал условной фразой на встречу своего помощника, которому и передал авторучку, пройдя пешком около километра до места встречи, опасаясь местных таксистов, которые нередко грабили американских туристов.

Ближайшим авиарейсом в США связной доставил авторучку в Лэнгли, где опытные фотоспециалисты аккуратно проявили и отпечатали все 50 отснятых Огородником кадров. Оказалось, что нечитаемых было только 2 кадра, не содержащих важной информации. Это было настоящим успехом, и директор ЦРУ в тот же день лично поехал на встречу с государственным секретарем Генри Киссинджером, который оценил полученные ЦРУ материалы «как самую важную разведывательную информацию, которую он когда-либо читал, будучи главой Госдепартамента».

Джордж был доволен успехом своего ученика и качеством работы специальной фототехники. В истории ЦРУ этот случай был первым, когда удалось сфотографировать секретные документы внутри референтуры советского посольства.

В 1975 г. после завершения командировки TRIGON вернулся в Москву, где в МИДе получил не самое престижное место. Однако его должность давала возможность читать и фотографировать «авторучкой» документы советских послов, присылаемые со всего мира. TRIGON до момента ареста в 1977 г. активно использовал микрофотокамеры, которые через тайники в Москве передавали ему американские разведчики. Судьба же владельца фотокамеры в зажигалке сложилась совсем по-другому, опять же по иронии судьбы...

Настоящего хозяина потерянной на партсобрании зажигалки искали долго, поскольку КГБ бросил все силы на разработку вернувшихся в СССР «курильщиков», которые, ничего не подозревая, спокойно работали кто в ПГУ, кто в МИДе и МВТ, иногда, правда, удивляясь кадровым решением: под любыми предлогами их не пускали за границу, тщательно «обкладывая» объектов разработки агентурой и спецтехникой со всех сторон, чтобы получить какие-либо материалы улик или хотя бы намеки на них. Карьеры «курильщиков» также складывалась странно: их двигали, но не наверх, а в разные стороны, опять-таки в надежде зафиксировать попытки проявления признаков работы на ЦРУ.

А настоящий хозяин зажигалки оставался в США и уже крайне осмотрительно работал со специальной техникой. Его контакты с ФБР, а затем с ЦРУ начались раньше, во время первой командировки в Америку в качестве «аспиранта» в составе группы советских студентов.

Достаточно легкая его вербовка контрразведкой США объясняется, скорее всего, тем, что

Борис не был кадровым офицером ПГУ КГБ, а был переведен в разведку с периферии на волне кадрового укрепления центрального аппарата Комитета. Борис не имел достаточного опыта оперативной работы за границей и после непродолжительной работы в московском ТАССе с группой аспирантов и студентов был послан на стажировку в один из университетов США.

Контрразведка ФБР сразу обратила внимание на молодого, активного аспиранта, который имел хорошую языковую подготовку, легко заводил контакты и планомерно собирали материалы для докторской диссертации. Борису «подставили» разбитную американку, агента ФБР, которая быстро стала подругой советского стажера. Именно она познакомила Бориса со своим «старшим братом» Ларри, (в действительности офицером ФБР), с которым постепенно у Бориса сложились приятельские отношения.

Как-то «старший брат» дал ценный совет получить университетскую материальную помощь Борису, который ожидал приезда жены из СССР и собирался показать ей Америку и, конечно же, сделать подарки. Борис подписал липовый «университетский» документ, который подготовил «старший брат» и с легким сердцем получил от ФБР 500 \$, что по тем временам было приличной суммой.

Теперь Борис был «на крючке» у контрразведки, и после отъезда жены состоялась его вербовка. Напоследок перед отъездом в СССР «старший брат» снабдил Бориса открытыми материалами, которые должны были показать руководителям Бориса в Москве эффективность его командировки в США. Расчет ФБР строился на возвращении Бориса в Америку, но уже в качестве оперативного сотрудника одной из резидентур КГБ в США.

Впоследствии Борис во второй командировке работал на ФБР, а затем и на ЦРУ, обеспечивая оперативными сведениями американские спецслужбы, которые планировали продолжить контакты с Борисом после окончания командировки. Именно ЦРУ снабдило своего агента фотоаппаратом Т-50 в зажигалке для фотографирования секретных документов в резидентуре, куда Борис периодически приезжал, работая «под крышей» пресс-büro ТАСС. Для повышения качества фотоснимков Борис практиковал печатание на машинке итоговых документов о работе резидентуры, приезжая в дипмиссию вечерами и в выходные дни, чтобы никто из чекистов не мешал его фотоработам.

Однажды Борис получил задание от своего куратора сфотографировать внутренние помещения своей резидентуры. Проводя съемку, Борис сделал последний снимок большого зеркала перед дверью выхода из резидентуры, что, как и потерянный фотоаппарат, способствовало затем его расшифровке.

В 1985 г. Олдридж Эймс в начале своей работы на КГБ в числе советских сотрудников, завербованных американскими спецслужбами, назвал и молодого офицера, работавшего в 1970-е гг. в Сан-Франциско. Однако этого было недостаточно для идентификации Бориса. Позднее КГБ удалось получить тот самый снимок, на котором было сфотографировано зеркало с отражением самого Бориса, что оказалось окончательной уликой против него.

В отличии от покончившего с собой Огородника, а затем расстрелянного Толкачева, судьба Бориса оказалась гораздо счастливее. По приговору трибунала ему дали 15 лет, но через 6 лет Борис уже был на свободе после президентского помилования. Он перебрался в США, а затем к нему присоединилась и семья.

В ОТУ КГБ предпринимались различные попытки повторить фотокамеру ЦРУ. Надо сказать, что на вооружении КГБ уже были свои собственные микрофотокамеры со сходными параметрами, которые активно применялись в период холодной войны. Однако многократные попытки КГБ и Штази создать специальную тонкую фотопленку с высоким разрешением, как у «Кодак-1414», не давали нужного результата.

По словам Роберта Уоллеса, ЦРУ неоднократно обращалось в дружественные спецслужбы с

просьбой изготавливать фотокамеры Т-50 на основе полного комплекта конструкторских и сборочных чертежей. Однако повторить уникальный фотоаппарат ведущие мировые фотооптические лаборатории либо сразу отказывались, либо не смогли после многократных попыток изготавливать такие элементы, как объектив и затвор.

Контейнер в советской батарейке для хранения кассет фотокамеры Т-50 (из архива Keith Melton Spy Museum)

А настоящие фотокамеры Т-50 можно посмотреть в музее ФСБ на Лубянке и в музее Академии ФСБ.

Очерк VI. Фотоаппараты компромата

Глава 20. Зачем и как дискредитировать человека

В XX веке фототехника активно использовалась спецслужбами для получения компрометирующих фотографий наряду с киносъемкой, видеосъемкой и записью акустической информации. Оперативные мероприятия с целью дискредитировать человека и заставить его затем действовать с интересах конкретной спецслужбы, как правило, тщательно планировались, организовывались и проводились, как хорошо отрепетированные спектакли, где в финальной части «герой», в отличии от театральной сцены, не выходил счастливый к зрителям «на поклоны и цветы», а зачастую думал о том, а как теперь жить дальше?

Советская контрразведка и разведка активно использовали мероприятия по компрометации объектов оперативного интереса в довоенный и военный периоды, а также весьма активно в период холодной войны. Целями таких мероприятий были в большинстве своем иностранцы, члены делегаций, сотрудники торговых и дипломатических миссий, а также советские граждане, занимавшиеся противозаконной деятельностью и попавшие под бдительное око госбезопасности для последующего возможного использования в качестве внутренней агентуры, а также для передачи дел в суд. В большинстве мероприятий для получения компрометирующих фотоснимков использовалась классическая формула «алкоголь плюс секс», которая активно применялась как оперативными сотрудниками центрального аппарата КГБ и МВД, так и офицерами территориальных подразделений.

В обширной оперативной практике КГБ были случаи, когда компрометирующий материал не «срабатывал», что было следствием недостаточного изучения иностранца, объекта разработки. Так, например, один «уникальный объект» сумел убедить оперативников КГБ, что предъявленные ему фотоснимки пикантных постельных сцен в обществе специально подосланных ему в отель женщин произведут на супругу иностранца эффект необычного подарка. По словам «объекта компромата», они с женой были страстными любителями порноснимков. Для оперативников такой поворот финальной части мероприятия оказался совершенно неожиданным. В результате иностранец вежливо отказался от какого-либо сотрудничества и попросил подарить «на память» копии прекрасно сделанных фотоснимков.

На разборке итогов этого «прокола» от руководителя досталось всем, кроме оперативно-технических сотрудников, полностью выполнивших поставленные перед ними задачи: скрытое или негласное фотографирование (иногда использовался термин «документирование») действий иностранца в заранее подготовленном помещении, как правило, в городской квартире, номере гостиницы, элитном загородном клубе или в специальном охотничьем домике.

В результате активного развития фототехники в послевоенный период в арсенале спецслужб появились специальные стационарные фотокамеры, которые были рассчитаны на автоматическую фотосъемку в течение длительного периода времени. Такие фотокамеры, как правило, имели часовой механизм, который позднее заменили на электронный таймер, обеспечивающий покадровое фотографирование, например, каждые 5, 10, 15 секунд и более.

Понятно, что для длительной фотосъемки обычные фотокассеты не подходили, и потому специальные фотокамеры имели особые кассеты на 100, 200, 400 и более кадров, что давало возможность фиксировать действия объекта в течение нескольких часов и даже дней.

Подобного рода фототехника, как правило, размещалась внутри интерьера комнаты, в предметах, таких, как цветочные и декоративные вазы, настенные украшения и картины, в элементах мебели и в конструктивных особенностях комнаты: пустотельные «фальшивые» перекрытия и выступы, настоящие или специально изготовленные вентиляционные отверстия и др.

Специальная фототехника заранее устанавливалась в предварительно подобранные камуфляжи-прикрытия, которые оборудовались как для многократного использования: в этом случае должен был быть обеспечен легкий доступ как для смены фотокассеты, так и для одноразового применения. Сотрудники, отвечавшие за все технические этапы выбора и подготовки камуфляжа, установку фотокамеры и проверку ее эффективной работы, часто использовали термин «закладные фотоаппараты», которые «закладывались» заранее готовые места (камуфляжи, прикрытия) для проведения скрытой фотосъемки.

Глава 21. Фотоаппарат "Забег"

В начале 1950-х гг. был разработан один из первых «закладных» стационарных фотоаппаратов «Лавр», затем появились его модификации «Лавр-5» и «Лавр-6». В конце 1950-х гг. появилась фотокамера «Жимолость», а затем «Морозник». В комплекты этих аппаратов уже входили не только различные объективы, но и оптические насадки, позволявшие производить негласную фотосъемку через предварительно сделанные отверстия в стенах, полах и потолках соседних помещений. К сожалению, авторам не удалось отыскать фотографии этих камер или их описания. Однако эти устройства послужили основой для создания в 1970-х гг. одного из самых удачных стационарных фотоаппаратов «Забег», который длительное время использовался оперативными подразделениями разведки и контрразведки КГБ.

Камуфляж «Цветочная тумба» для фотоаппарата «Забег» с таймером. Фотографирование производилось через боковые декоративные решетки (из архива Keith Melton Spy Museum)

Надежная, автономная и бесшумная работа, возможность покадрового фотографирования в течение длительного времени сделали «Забег» одним из лучших советских спецаппаратов. Небольшие габариты и высокие фототехнические параметры камеры были весьма удобными для размещения в самых различных камуфляжах: в цветочных горшках и декоративных вазах, настольных часах и в различных предметах интерьера и декорирования комнаты, кабинета или гостиничного номера.

В аппарате «Забег» была предусмотрена возможность автоматической установки скорости затвора в зависимости от освещенности помещения. В качестве измерителя освещенности использовался фоторезистор с креплением в виде кольца, которое устанавливалось на основании объектива.

Основные узлы и элементы фотокамеры «Забег». В качестве камуфляжа использовалось основание настольной лампы с декоративными отверстиями (из архива Keith Melton Spy Museum)

Элементы фотокамеры «Забег» (из архива Keith Melton Spy Museum)

Фотографировал «Забег» автоматически с помощью пульта управления, где задавались все необходимые по плану мероприятия параметры. Часовой таймер задавал время начала фотографирования, например, через определенный период от 15 минут до 12 часов. С помощью правой рукоятки пульта управления устанавливался цикл съемки: фотографирование каждые 5 — 15—30 — 60 секунд. Левой рукояткой с делениями 1,2, 3 и 4 задавалась чувствительность используемой в аппарате фотопленки в относительных единицах: 32, 45, 140, 250 ед. ГОСТ или 50, 100, 200, 400 ASA. Световые индикаторы «съемка» и «перемотка» показывали офицеру-технику режимы работы фотоаппарата в период его настройки перед установкой в камуфляж.

Выносной пульт управления-таймер аппарата «Забег» (из архива Keith Melton Spy Museum)

По своим техническим и оперативным параметрам «Забег» представлял собой полностью автономную систему для негласного фотографирования из камуфляжа с автоматической выдержкой, контролируемой в зависимости от освещенности помещения. Работа «Забега» обеспечивалась своими источниками электропитания, емкость которых заранее подбиралась в зависимости от длительности мероприятия.

Глава 22. Подготовка и проведение мероприятия для фотосъемки компромата

При планировании операций с применением «Забега» учитывалось время, отведенное на подготовку мероприятия, которое должно было позволить изготовление оригинального камуфляжа или доработку уже имеющегося в комнате предмета подходящих размеров для размещения фотокамеры и пульта управления.

В оперативной практике часто возникали ситуации, когда время на подготовку камуфляжа было крайне ограничено и оперативно-технический сотрудник использовал такие предметы, как небольшие чемоданы, сумки с твердыми стенками и даже пустые картонные коробки. В стенках этих предметов было достаточно просто сделать небольшое отверстие для объектива, а также удобно закрепить с помощью резиновых растяжек или термоклея корпус фотоаппарата, пульт управления и соединительные кабели.

Такие «быстрые» камуфляжи устанавливались, как правило, на шкафах, на верхних книжных полках и в других местах, откуда возможен был максимальный угол фотографирования действий, например, беседы объектов или их передвижения по комнате.

Стационарные фотокамеры «Забег» часто использовались для получения фотоснимков компрометирующего содержания, когда в качестве основной цели оперативного мероприятия было создание ситуации, которая в дальнейшем могла быть использована как основа вербовки. На рис. 22-1 показана интимная встреча иностранного военнослужащего с женщиной, агентом КГБ. Фотокамера «Забег», размещенная в настенной деревянной фигуре-камуфляже, периодически фиксировала все обстоятельства этого свидания в гостинице. В ближайшем номере располагался оперативный пост КГБ, из которого велся акустический контроль гостиничного номера и запись разговоров агента с объектом возможной вербовки.

Знаменитые московские гостинцы советского периода, такие, как «Россия», «Космос», «Москва» и «Националь», имели часть номеров, специально оборудованных для негласного наблюдения за действиями иностранцев, их гостей, а также для фотографирования и акустического контроля. В этих гостиницах технические подразделения КГБ использовали различные способы негласной фотосъемки.

Фотографирование аппаратом «Забег» в номере гостиницы (из архива Keith Melton Spy Museum)

Наиболее старой, проверенной годами была система зеркал, установленных под разными углами, которые давали возможность фотографировать действия объекта в номере гостиницы, используя обычную «ручную» фотосъемку. Такая система позволяла применять профессиональные отечественные или импортные фотокамеры, дававшие высококачественные фотоснимки.

Во время фотографирования звук срабатывания затвора следовало «прикрывать» музыкой проигрывателя или телевизора, что заранее обеспечивалось одним из участников мероприятия.

Фотографирование компромата с помощью зеркала (из архива Keith Melton Spy Museum)

На этом рисунке показан вариант фотографирования через специально подобранные вентиляционное отверстие, расположенное напротив большого зеркала. Опергруппа располагалась в соседнем служебном помещении, доступ в которое имелся только у сотрудников КГБ, обслуживающих гостиницу.

Глава 23. Фотосъемка через потолочное перекрытие

Часто в практике спецслужб возникали задачи негласного фотографирования в служебных и жилых помещениях, используя предварительно оборудованные отверстия в потолочном перекрытии. Для этих целей применялись специальные фотообъективы с трубками-удлинителями. Длина таких фотосистем доходила до 1 м. и более, а заканчивалась трубка-усилитель оптическим отверстием 0,8 мм.

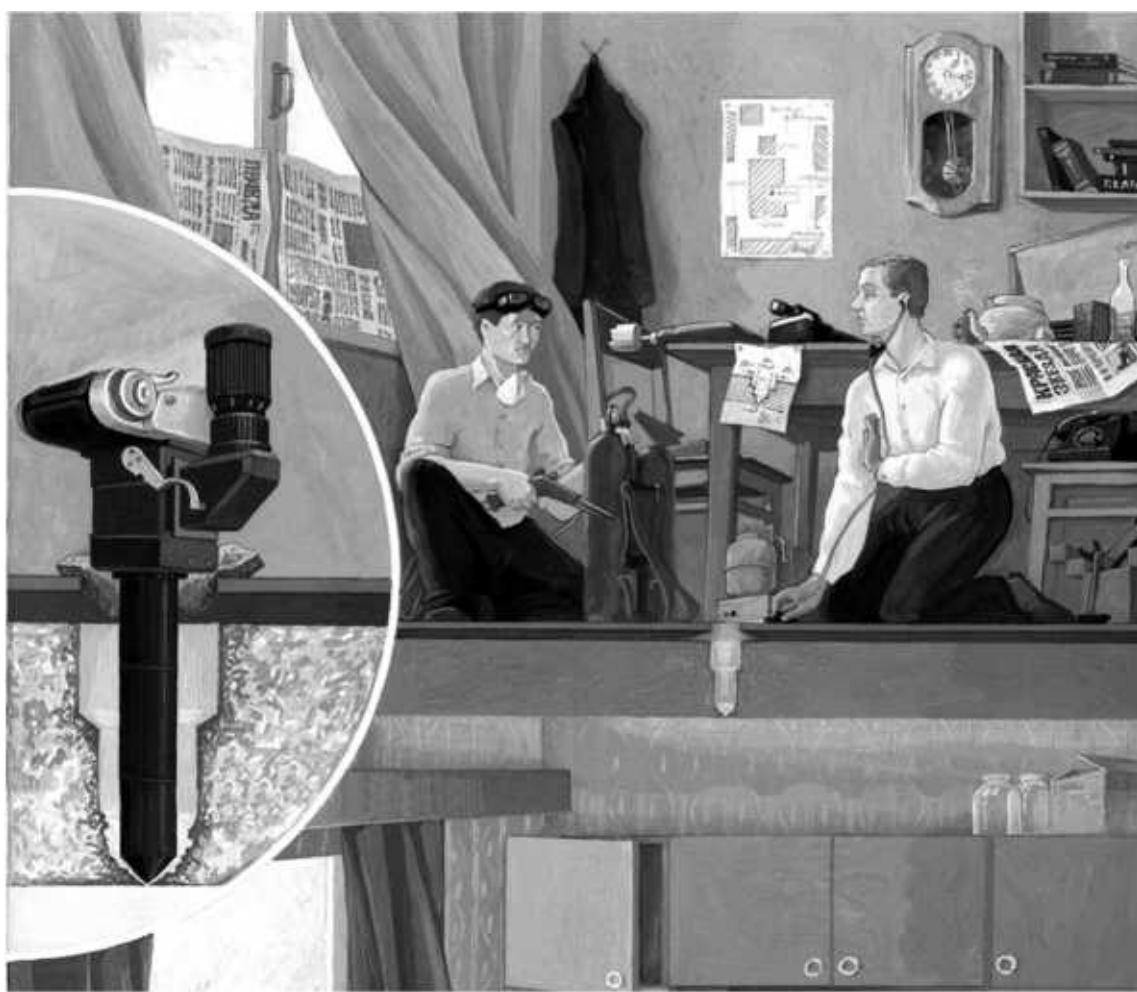
Для сверления отверстий в перекрытиях сотрудники КГБ использовали малошумящие пневматические турбинные дрели, укомплектованные сверлами с особо твердыми наконечниками и необходимым количеством трубок-удлинителей. Требуемая длина отверстия определялась путем измерения конструкций схожих помещений.

Специальный комплект для сверления отверстий (из архива Keith Melton Spy Museum)

В дальнейшем подразделения КГБ стали использовать «пескоструйную» дрель, в которой мелкодисперсные частицы под большим давлением бесшумно могли сделать отверстия в любых строительных и отделочных материалах: бетоне, плитке, штукатурке и даже в стекле.

По мере развития оптики для негласной фотосъемки стали практиковать использование гибких световодов-объективов, с помощью которых удавалось фотографировать через потолочные перекрытия без предварительного сверления, при котором была определенная вероятность расшифровки всего мероприятия.

Изготовление отверстия в потолочном перекрытии с помощью пескоструйной системы для фотоаппарата «Циния» со специальным объективом «Ленок»(из архива Keith Melton Spy Museum)

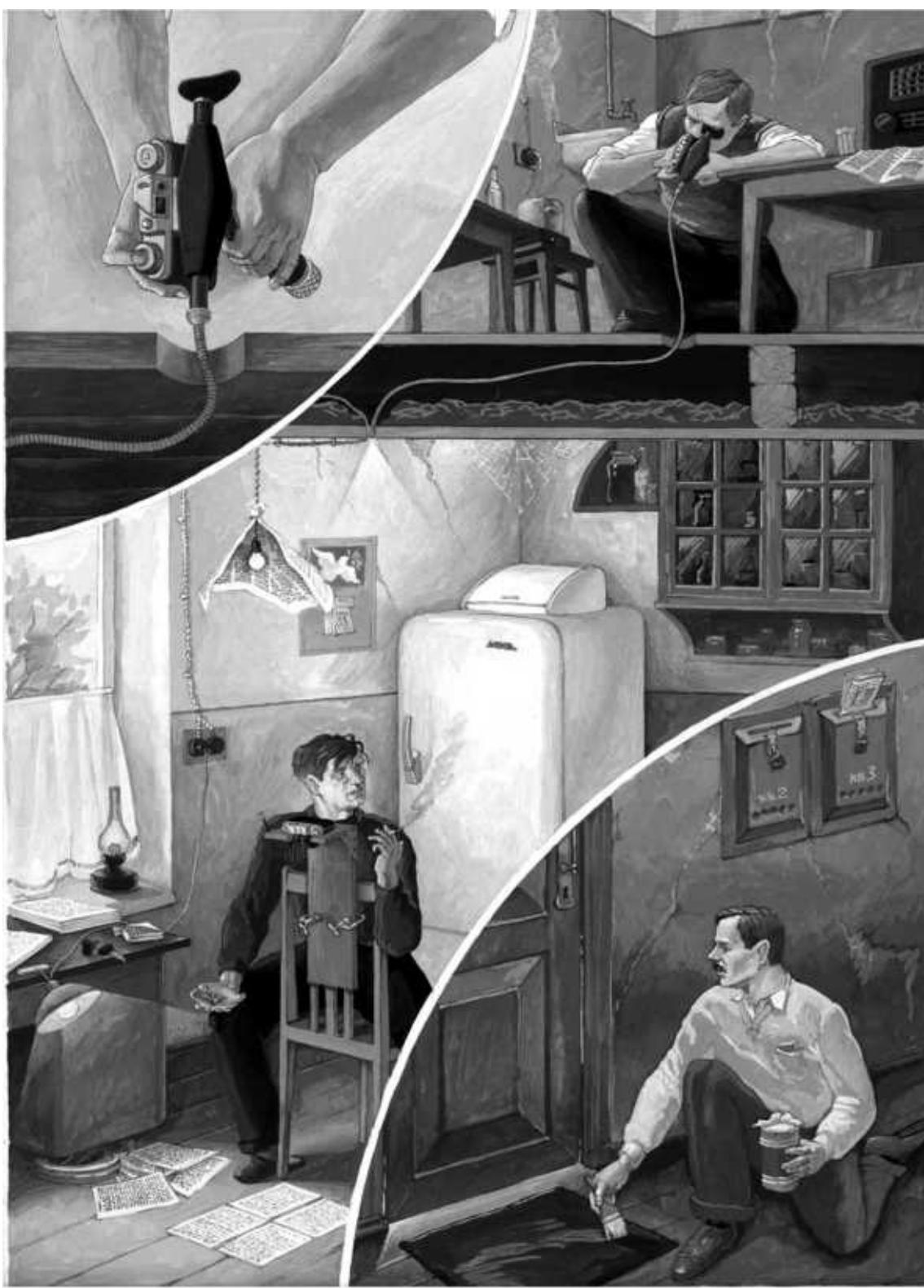
Глава 24. Как ловили любителя копировать документы

В качестве примера использования специальной фототехники может служить эпизод из оперативной практики КГБ, когда в 1980-е гг. агентурным путем была получена информация о сотруднике режимного предприятия «Л», который в выходные дни постоянно проводил время на своей загородной даче, где фотографировал какие-то документы. В течение рабочей недели сотрудники оперативной службы КГБ несколько раз посетили дачный домик объекта разработки и выяснили, что «Л» действительно оборудовал на первом этаже своей дачи самодельную установку для фотокопирования документов. В качестве штатива для крепления фотоаппарата использовался стул, на котором была закреплена с помощью самодельного приспособления фотострубцина. На полу были замечены карандашные отметки, которые «Л», скорее всего, использовал для размещения документов перед началом фотосъемки. Тщательный конспиративный обыск на даче не выявил каких-либо предметов, бумаг и документов служебного или секретного характера, к которым «Л» имел доступ на рабочем месте.

После этого была поставлена задача разработать план проведения негласного фотографирования действий «Л» с документами в выходные дни. Для этого было решено воспользоваться чердачным пространством, где имелась небольшая комната, в которой можно было разместить фототехнику и укрытие для оперативно-технических сотрудников. Конструкция чердачного перекрытия имела пустоты, через которые удалось протащить гибкий световод-объектив, который позволял просматривать место, где «Л» собирался фотографировать, а также фиксировать все действия с помощь аппарата «Циния».

Наружное наблюдение за «Л» показало, что он ведет себя осторожно и даже предпринимает попытки выявить наличие слежки. В связи с этим было решено не пускать за ним «наружку» по дороге на дачу, куда «Л» ездил на электричке. Сотрудники наружного наблюдения встретили «Л» около железнодорожной станции, откуда он быстрым шагом направился на дачу.

Прибыв на дачу, «Л» сразу достал из своего портфеля фотоаппарат «Практика», который закрепил на самодельном штативе. Наблюдавшие за ним из чердачной комнаты офицеры зафиксировали все этапы подготовки «Л» к фотосъемке документов. Во время раскладывания документов на полу оперативники увидели, что «Л» собирается снимать сразу четыре документа на один кадр, что требовало в то время высокой квалификации, наличия фотопленки с высоким разрешением и жесткого фиксирования фотокамеры, для чего «Л» садился на стул, чтобы придать жесткость все его самодельной конструкции для фотокопирования.

Негласное фотографирование действий объекта «Л». Справа сотрудник наружного наблюдения обрабатывает коврик специальным порошком для последующей конспиративной слежки за «Л» (из архива Keith Melton Spy Museum)

По ходу мероприятия сотрудники наружного наблюдения обработали коврик перед входной дверью специальным веществом из разряда «люминофоров», чтобы в дальнейшем определить адрес в Москве, куда «Л» предположительно привозил и хранил фотопленки.

Результаты мероприятий сотрудников КГБ по установке московского адреса и действий его обитателей показали, что «Л» оказался втянутым в действия группы диссидентов, которым требовался профессиональный фотограф. Его использовали для фотокопирования рукописных и машинописных материалов антисоветского характера для передачи пленок на Запад через

иностраница, сотрудника одного из посольств в Москве.

Тщательное изучение биографии «Л», его образа жизни и психологических особенностей его характера подсказало оперативным сотрудникам Комитета возможность его вербовки. На конспиративной квартире КГБ, куда «Л» пригласили под предлогом работы для другой группы диссидентов, ему были показаны фотоснимки его действий в загородном доме. Вначале «Л» не мог понять, каким образом чекистам удалось его сфотографировать. В свою очередь оперативники выразили удивление и восхищение тем, как «Л» удавалось фотографировать на один кадр сразу четыре документа формата А4, что считалось в кругу фотоспециалистов КГБ большим техническим достижением. Польщенный столь высокой оценкой, «Л» рассказал чекистам, как он готовил свою необычную фотосистему копирования документов и даже предложил набросать чертеж с расчетами своего штатива. Положительное развитие беседы с «Л» закончилось его согласием на сотрудничество с КГБ в интересах государственной безопасности.

Очерк VII. Агентурные фотокамеры для негласной съемки документов

Глава 25. Фотоаппараты «Минокс»

В оперативной деятельности КГБ, как и других спецслужб в период холодной войны, большое значение придавалось миниатюрным фотокамерам, с помощью которых было необходимо фотографировать секретные документы в особо важных, охраняемых местах их использования и хранения. Разработка и конструирование подобной фототехники для КГБ велась в специальном отделе НИЛ-11 и поручалась только опытным кадровым сотрудникам, уже имевшим офицерские звания. В Штази, например, для изготовления «шпионских» камер использовался потенциал знаменитого концерна «Карл-Цейс-Йена», где в секретных отделах и цехах трудились наиболее талантливые ученые и конструкторы ГДР. В ЦРУ же оперативно-техническая служба привлекала для выполнения своих секретных заданий небольшие частные фирмы, в которых творцы-одиночки делали часто «на коленке» уникальные микрофотокамеры, повторить которые позднее не смогли ни всемирно известные фотоконцерны, ни ближайшие партнеры США по НАТО.

В довоенный и военный периоды признанным лидером среди миниатюрных фотокамер по качеству негативов, оригинальности конструкции и габаритам считался аппарат «Рига-Минокс», созданный в 1938 г. в Риге небольшим коллективом латвийских инженеров, где автором этого проекта по праву считался прибалтийский немец Вальтер Запп. В начале Второй мировой войны американцы активно скупали рижский «Минокс» по цене 400 \$ — 500 \$ за комплект (почти в 5 раз дороже) у частных владельцев и в фирмах для оснащения Управления стратегических служб (УСС) — молодой зарубежной разведки США. Советские спецслужбы также применяли «Рига-Минокс», но в тяжелые годы войны массовых закупок, как это делала Америка, агентурная разведка СССР позволить себе не могла.

Однако в послевоенный период подразделения советских спецслужб активно приобретали фотоаппараты «Минокс-А», когда в ФРГ одноименная фирма начала серийный выпуск уже ставшей знаменитой фотокамеры, которой длительное время пользовались многие службы мира и даже киногерой Голливуда Джеймс Бонд.

Принципы, заложенные в конструкции «Минокса», схема подачи пленки, дизайн кассет и другие детали фотоаппарата были использованы спецслужбами самых разных стран в качестве основы для создания своих собственных моделей, среди которых были весьма удачные, по мнению мировых фото экспертов. Так, например, существенным улучшением «Минокса» стал советский специальный фотоаппарат «Точка-58» и его последующие модификации, которые через представительства КГБ быстро разошлись, а затем активно использовались дружественными СССР (и не только) спецслужбами многих стран мира. Другая фотокамера КГБ, уникальный аппарат «Зодчий», также с кассетой «под Минокс» до сих пор поражает своим дизайном, конструкцией и надежностью всех тех, кто тщательно исследует мировую историю развития специальной фототехники и с гордостью показывает эту камеру на зарубежных выставках и в своих богатых иллюстрациями книгах. И потому начало этой главы будет посвящено «Миноксу», «отцу» послевоенных миниатюрных фотокамер.

Вальтер Запп начал разработку и конструирование первого образца «Минокса» еще в Таллине, в 1934 г. Переехав затем в Ригу, Запп в 1936 г. на заводе VEF сделал первый работающий «Рига-Минокс» и в 1937 г. зарегистрировал свой патент в Финляндии. В 1938 г. появились первые серийные фотоаппараты «Рига-Минокс», что произвело настоящий фурор на мировом рынке фототехники. Особый интерес к совершенной в то время конструкции «Минокса», превосходной оптике и малым размерам проявили спецслужбы. И как результат в 1939 г. 17 тысяч аппаратов «Рига-Минокс» быстро разошлись по всему миру.

После войны, в 1948 г., в Германии был выпущен новый «Минокс-А» с улучшенным объективом, затем в 1958 г. появился «Минокс-В» со встроенным селеновым измерителем освещенности, и в 1969 г. начал продаваться самый длинный «Минокс-С» с электронным экспонометром, работающим от батарейки, которая устанавливалась в специальный отсек корпуса. Концепция кинематической схемы, конструкция фотооптического узла и оригинальная кассета аппарата «Минокс» — все эти идеи первой модели 1938 г. сохранялись и в последующих модификациях. При этом изменялся объектив и материалы филькового канала, модернизировался видоискатель и добавлялись выдвигаемые из боковой ниши светофильтры, появился синхроконтакт для вспышки, экспонометр и др.

Аппарат «Рига-Минокс», 1938 г.(из архива Keith Melton Spy Museum)

Представительства КГБ и спецслужбы многих стран мира активно закупали все три модели «Минокса», отдавая предпочтение «Минокс-А» с наименьшими габаритами, что было важно при изготовлении тайников и контейнеров в случаях хранения и транспортировки этого фотоаппарата. Спецслужбы также приобретали принадлежности фирмы «Минокс», такие, как портативные треноги, различные штативы креплений, фототросики для стационарной съемки документов, оригинальный фотоувеличитель и др.

Большим спросом у спецслужб пользовались металлические цепочки для «Минокса» с отметками, которые помогали пользователям при фотографировании документов «с руки» точно фиксировать расстояние до поверхности документов четырех стандартных размеров. Интересно, что эти цепочки считались особым шиком у офицеров центрального аппарата КГБ. Этими цепочками крепились для надежности личные печати, потеря которых влекла за собой большие неприятности как по партийной линии, так и в карьерном продвижении сотрудника советской госбезопасности.

Джон Уокер, офицер шифровальной службы ВМС США, 18 лет работал на КГБ. Многие секретные документы Уокер фотографировал аппаратами «Минокс-А» и «Минокс-В». Во время фотосъемки Уокер часто пользовался измерительной цепочкой для фиксирования расстояния до поверхности документа (из архива Keith Melton Spy Museum)

Особо привлекательной для спецслужб была конструкция миниатюрной пластмассовой кассеты «Минокса», обеспечивавшая легкое извлечение ее из аппарата и замену на «чистую» за несколько секунд при обычном освещении. Оперативные офицеры и агенты КГБ, в отличии от других спецслужб, в том числе и ЦРУ, практиковали весьма оригинальный прием для хранения и передачи не целой кассеты «Минокса», а только той части, в которой была экспонированная фотопленка. Для этого пластиковую перемычку кассеты отрезали ножницами или просто разламывали руками.

Такое «обрезание» кассеты после фотосъемки более чем вдвое сокращало размеры тайников и контейнеров, особенно важных для конспиративной доставки фотопленок с информацией. Так, например, в период холодной войны практиковалась секретная доставка половинок кассет «Минокса» в дорогих конфетах, в плитках шоколада, в бритвенных наборах, парфюмерных дорожных комплектах и в других подобных обиходных продуктах и предметах. Половинки кассет «Минокса» в небольшом контейнере были также весьма удобными для операции «моментальная передача», или «моменталка» на жargonе КГБ, когда контейнер с фотопленкой за доли секунды при большом скоплении людей незаметно передавался из рук в руки при движении офицера-куратора и агента навстречу друг другу в заранее оговоренном месте и времени.

Специалисты подразделений фототехники КГБ научились перезаряжать одноразовую кассету «Минокса». Это позволяло снаряжать кассеты импортными фотопленками чувствительностью 100–200 ASA. Активно применялась и специальная советская фотопленка

«1-70», в два раза более тонкая, чем стандартная «Минокс». Пленка «1-70» давала возможность увеличивать емкость кассет «Минокса» и фотографировать до сотни кадров, что с большим энтузиазмом применялось агентурой загранаппаратов КГБ.

Кассета «Минокс»(из архива Keith Melton Spy Museum)

Интересный факт: для устранения возможного заклинивания пленки «1-70» зубцом подающей части кассеты «Минокс» изобретательные офицеры-техники 14 отдела ПГУ искусно мастерили крохотные колечки из обычной 35 мм фотопленки. Эти дополнительные колечки закрывали зубец внутри кассеты и тем самым предотвращали заклинивание тонкой пленки.

Фотокамера «Минокс-А»(из архива Keith Melton Spy Museum)

Технологии работы с «Миноксом-А» и варианты использования различных пленок были тщательно отработаны в Оперативно-техническом управлении КГБ, после чего офицеры-кураторы и оперативно-технические сотрудники тренировались в Москве, в учебных фотолабораториях перед началом работы за рубежом, где опыт работы с «Миноксами» передавался агентуре и нелегалам советской разведки. В деятельности КГБ был период, когда все оперативные офицеры центрального аппарата в обязательном порядке обучались приемам оперативной съемки фотокамерами «Минокс».

Особенно тщательно специалисты КГБ отрабатывали методы проявления и печатания экспонированных фотопленок с документальной информацией, схемами и таблицами. Несмотря на возможность использования оригинальных фотобачков для «Минокса» с термометрами внутри, а это было очень важным для подготовки нужной температуры растворов во время химической обработки пленок «Минокс» и советских тонких пленок «1-70», проявление экспонированных негативов в подразделениях КГБ практиковали в большинстве своем руками, в кюветах, постоянно контролируя во время всего процесса проявления плотность и контраст изображений с помощью небольших и удобных приборов ночного видения.

Химическая обработка фотопленок от «Минокса» в территориальных и зарубежных подразделениях КГБ осуществлялось, как правило, проявителем «Rodinal», широко известным на Западе как специальный раствор-концентрат для обработки негативов с микроизображениями, когда нельзя было допускать быстрого роста зерна эмульсионного слоя фотопленки. «Rodinal» разбавлялся чаще всего в пропорциях от 1:10 до 1:50, при этом строго

контролировалась температура готового раствора. В местах с жарким и субтропическим климатом использовался холодильник с запасами кубиков льда для снижения температуры часто теплой и даже горячей воды из городской водопроводной сети, которая нужна была для приготовления проявителя, закрепителя и промывки фотопленок «Минокса».

Подразделения КГБ, где активно применялись «Ми-ноксы» в оперативной работе, закупали за рубежом и применяли специальный фотоувеличитель «Минокс» с точечным источником света. Именно этим увеличителем можно было качественно отпечатать на фотобумаге негативы от «Минокса» и других миниатюрных фотокамер, что достигалось за счет равномерного освещения по всему крохотному кадру негатива.

В 1970-е гг. в подразделениях КГБ появился отечественный увеличитель «4176» с точечным источником света. По своим параметрам новый увеличитель оказался лучше зарубежного и в дальнейшем активно применялся для фотопечати негативов тонких и сверхтонких пленок, экспонированных с помощью миниатюрных фотоаппаратов.

Увеличитель «Минокс» для фотопечати (из архива Keith Melton Spy Museum)

Использованные в «Миноксе» технические решения, оригинальная конструкция кассеты, а также уже отработанные приемы фотосъемки документов, проявления и печатания негативов дали разработчикам и конструкторам КГБ огромный практический опыт, который был успешно реализован в советских миниатюрных и микрофотокамерах. Интересно отметить, что первые агентурные фотокамеры для ЦРУ также были изготовлены под кассету «Минокс».

В 1958 г. разработчики и конструкторы НИЛ-11 создают советский фотоаппарат с пружинным взводом затвора на 20–25 кадров для автоматической фотосъемки. Эта уникальная по всем параметрам малогабаритная фотокамера и ее модификации стали весьма популярными не только среди оперативных офицеров КГБ, но и сегодня пользуются особой любовью у современных коллекционеров фототехники. Новый по тем временам аппарат, которому было присвоено в КГБ странное название «Точка-58», вначале предназначался для негласной

фотосъемки объектов наружного наблюдения из различных камуфляжей.

Специальный микрообъектов 1:3, 5/15 мм позволял фотографировать на расстоянии 1,5–3 м, что было важным для получения снимков лица объекта, его особых примет, деталей одежды и носимых предметов. Аппарат был оборудован счетчиком кадров с отдельный диском регулировки и установки на ноль.

Аппарат «Точка-58» крепился под одеждой сотрудника, на верхней части туловища с помощью резиновых лямок. Фотографирование производилось через специальную прозрачную галстучную булавку, через отверстие, которое насквозь пробивалось в галстуке из плотного материала, делая пригодным красивый галстук только для «темных дел».

Визирование фотоаппарата на объект съемки производилось «вслепую» и потому требовалась хорошая предварительная тренировка для получения качественных снимков.

Спуск затвора осуществлялся из кармана брюк рукояткой дистанционного управления, с помощью которой можно было также изменять выдержку затвора. Полный завод пружины «Точки-58» обеспечивал автоматическую съемку 25–27 кадров, после чего сотрудник должен был вновь незаметно завести пружину. «Точка-58» работала практически бесшумно, что было в то время большим достижением.

Кроме «галстука», для «Точки-58» изготавливались и другие «фотомодели», в том числе бытовые носимые предметы, такие, как радиоприемники, сумочки для документов и др.

В качестве фотоматериала для «Точки-58» вначале использовались стандартные пластмассовые кассеты «Ми-нокс» с фирменной фотопленкой «AgfaPan100» толщиной 135 микрон или с советской 35-мм пленкой А-2 толщиной 150 микрон и чувствительностью 250 ед. ГОСТ, которую разрезали на полосы нужной ширины.

Фотомодель «галстук» для «Точки-58»(из архива Keith Melton Spy Museum)

В ОТУ была выпущена большая партия разборных кассет типа «Минокс» из легкого сплава, куда, кроме обычной фотопленки, могла устанавливаться более тонкая. Это позволяло существенно увеличить количество снимаемых кадров без замены кассеты.

Позднее в НИЛ-11 разработали видоискатель и новый объектив с регулируемым фокусным расстоянием. Минимальная дистанция съемки теперь была 35 см, что давало возможность использовать модернизированный аппарат «Точка-58М» для копирования документов. Если съемка документов производилась на рабочем месте, где была вероятность появления посторонних людей, то габариты «Точки-58М» позволяли быстро спрятать ее в карманы брюк, пиджака или накрыть любым предметом, лежащим рядом на столе.

Фотокамера «Точка-58»(из архива Keith Melton Spy Museum)

Фотоаппарат «Точка-58М»(из архива Keith Melton Spy Museum)

Специалисты Оперативно-технической службы Штази (ГДР) сделали один из самых оригинальных камуфляжей: он позволял использовать «Точку-58» для негласного фотографирования самых разных объектов от людей до образцов военной техники. Камуфляж «чехол для очков» давал возможность фотографировать секретные объекты весьма конспиративно, открыто держа его в руках и нажимая на рычаг спуска затвора. Естественно, что нужен был второй чехол с настоящими очками, которые оперативный сотрудник или агент постоянно держали на рабочем месте и дома.

Камуфляж «чехол для очков», изготовленный в МГБ ГДР для советского фотоаппарата «Точка-58М»(из архива Keith Melton Spy Museum)

Для работы с «Точкой-58М» применялась тонкая фотопленка «1-70», снаряжаемая в пластиковые кассеты «Ми-нокс». При необходимости «Точка-58М» оснащалась и обычными фотопленками с высокой чувствительностью для съемки документов в местах с пониженным уровнем освещенности.

По мнению специалистов разных стран мира, фотокамера «Точка-58» и ее модификации считаются одними из лучших малогабаритных аппаратов второй половины XX века.

Глава 28. Первые микрофотокамеры «Загадка» и «Залив»

Недавно мы получили письмо из Германии от нашего общего знакомого Детлева Врейслебена, известного европейского историка и коллекционера спецтехники. Вместе с письмом он прислал очень интересные, редкие фотографии одной из первых советских микрофотокамер «Загадка». Об этой фотокамере, изготовленной всего в десяти комплектах, практически не было ничего известно. Однако благодаря немецкому историку мы смогли восполнить этот пробел.

В середине 1960-х гг. НИЛ-11 разработала одну из первых советских микрофотокамер «Загадка», которую удалось полностью закамуфлировать в стандартную шариковую авторучку «Паркер».

Фотокамера «Загадка»(из архива Detlev Vreisleben Collection)

Фотокамера была смонтирована в правой части авторучки. В достаточно толстую кнопку управления авторучки был установлен узел объектива и механизм затвора. Чуть дальше, в глубине корпуса авторучки располагался отсек для кассеты. Для фотографирования документа авторучка переворачивалась кнопкой-объективом вниз и удерживалась в таком положении двумя руками, расставленными под углом, с опорой локтевыми суставами на поверхность стола. Затем кнопка нажималась внутрь авторучки до упора, после чего медленно, за 5 сек. кнопка начинала выдвигаться из корпуса авторучки. За это время надо было удерживать авторучку двумя руками, упираясь локтями на поверхность стола, и постараться точно навести кнопку-объектив на фотографируемый документ. В момент остановки кнопки в крайнем нижнем положение был слышен тихий щелчок спуска затвора и производилось фотографирование.

Объектив фотокамеры «Загадка» (из архива Detlev Vreisleben Collection)

При следующем нажатии кнопки «Загадки» происходил взвод затвора и перемотка фотопленки на один кадр. В аппарате использовался микрообъектив 1:4/4 мм «с вынесенным зрачком». Затвор был шторным, с постоянной выдержкой 1/50 сек. Угол поля зрения составлял 68 град., а диаметр кадра 5 мм. В аппарате использовалась специальная сверхтонкая фотопленка 28СЛ шириной 5 мм и длиной 280 мм, что давало возможность съемки до 30–50 кадров.

Рекомендованная дистанция фотосъемки была 35 см. Документ с размерами 200 x 300 мм

следовало фотографировать за 2 раза. Для освещения снимаемого документа применялась настольная лампа мощностью 75 — 100 ватт, расположенная на расстоянии 40–50 см.

Отсек для установки кассеты с пленкой (из архива Detlev Vreisleben Collection)

«Загадка» считалась большим достижением Оперативно-технического управления КГБ и коллектива разработчиков-конструкторов НИЛ-11. Примечательно, что ранее отработанные приемы снаряжения кассет и химической обработки тонких фотопленок для «Минокса» были реализованы и в методиках работы с «Загадкой»

Для проявления, промывки и фиксирования фотопленок «Загадки», как и других последующих моделей микрофотокамер, применялась входящая в комплект аппарата пластиковая рамка. Специальный резак позволял изготовить отрезки пленки шириной 5 мм из листа заводской партии фотопленки.

Через некоторое время появляется модернизация «Загадки», микрофотокамера «Залив». Для камуфлирования «Залива» применялись на полтора миллиметра более толстые шариковые авторучки «Паркер». Новая фотокамера была оснащена переключателем выдержки с положениями 1/20 и 1/50 сек, что обеспечивалось поворотом двух половинок шариковой авторучки относительно друг друга на 90°. В остальном же параметры у «Залива» были, как у предыдущей модели.

Установка выдержки фотоаппарата «Залив»(из архива Detlev Vreisleben Collection)

По воспоминаниям ветеранов, требовалась большая аккуратность для подготовки тонкой фотопленки нужной ширины и установка ее в фотокамеру. При этом малейшие ошибки, допущенные сотрудниками ОТ, приводили к заклиниванию пленки, закручиванию ее в процессе транспортировки внутри аппарата и даже к обрыву. В связи с этим подготовкой микрофотокамер для передачи через тайник агенту занимались только опытные офицеры ОТ, многократно выполнившие эту сложную процедуру.

Глава 29. Рука Москвы... с губной помадой

Холодная война XX века дала историкам и специалистам богатый фактический материал о противоборстве двух идеологий, об открытых политических, экономических и информационных масштабных сражениях и тайных закулисных битвах. К последним можно смело отнести операции специальных служб, среди которых наиболее результативными по мнению историков, по количеству книг, документальных и художественных фильмов, а также мемуаров бывших сотрудников без сомнения являются КГБ, Штази, ЦРУ и британская разведка МИ-6. Две первые спецслужбы, как и две вторые, нередко планировали и проводили совместные операции, громкие успехи которых приписывались, как правило, только одной «фирме», а вот провалы часто делились пополам, как это было в мероприятии «Берлинский тоннель» или в деле «шпиона двух разведок Пеньковского».

Самой молодой спецслужбой была Штази, и за свою сравнительно короткую биографию именно она смогла завоевать репутацию динамично развивающейся секретной организации с активно действовавшей, широкой агентурной сетью. Наиболее эффективной в системе Штази историки спецслужб называют разведку, или Главное управление А, созданное и руководимое на протяжении многих лет генералом Маркусом Вольфом, талантливым организатором, интеллектуалом, автором, вдохновителем и куратором многоходовых оперативных комбинаций и мероприятий, которые, как грабли в охраняемом саду, активно «вычищали» политические тайны ФРГ и ее союзников, военные секреты НАТО и США.

Одним из наиболее результативных оперативных мероприятий генерала Вольфа считается серия операций под кодовым названием «Ромео». Еще в середине 1960-х гг. Главное управление А начало искать, проверять и принимать на службу симпатичных молодых холостяков. Все эти офицеры проходили курс интенсивной подготовки в специальной школе Штази, и вскоре у генерала Вольфа был достаточно большой коллектив молодых офицеров-разведчиков для выполнения особо деликатных заданий. «Ромео», как их называли западные историки, должны были выявлять и оценивать прямые и перспективные разведывательные возможности, затем активно ухаживать, добиваться взаимности, а потом незаметно, но целенаправленно руководить секретаршами, референтами, личными помощницами и даже ответственными дамами-сотрудниками, работавшими в правительственные учреждениях и политических партиях, в спецслужбах и военных ведомствах ФРГ и НАТО.

Дальновидный Маркус Вольф также направлял часть своих разведчиков на южные курорты Европы, облюбованные незамужними западными немками, стремившимися к солнцу и различного рода развлечениям, в том числе и постельным. Большинство офицеров Штази по-разному талантливо и мастерски, но одинаково результативно сыграли до конца свои роли «Ромео». А когда одна из дам-агентов решилась исповедоваться у священника, разведчики генерала Вольфа в такой непростой ситуации организовали и полностью выполнили желание своего агента, не допустив утечки оперативной информации. Настоящий разведчик должен обладать творчеством актера, и офицеры Штази многократно это доказывали, часто импровизируя в сложных оперативных комбинациях.

В результате этих по-своему сложных и продолжительных любовных отношений разведка Штази получила устойчивые каналы поступления политических и военных документов различной степени секретности. По оценкам официальных ведомств Германии, на Штази работало до 50 дам-агентов с различными уровнями доступа к секретам, в том числе в разведке и военной контрразведке ФРГ.

Успех мероприятий «Ромео» историки приписывают целиком Штази, однако особую и

незаменимую помошь разведке ГДР оказал КГБ. Дело в том, что в процессе добывания всех ценных сведений наиболее трудоемким и особо рискованным было копирование секретных документов. В большинстве случаев это приходилось делать на рабочем месте, для чего Оперативно-техническая служба Штази вначале использовала один из первых советских специальных фотоаппаратов «Арника», справедливо названный генералом Вольфом в своих книгах лучшей агентурной техникой 1960-х гг. На основе «Арники» талантливые конструкторы ГДР изготовили свой фотоаппарат с камуфляжем «дамский носовой платок». Такой комплект полностью вписывался в набор личных предметов, которыми дамы-агенты могли пользоваться на своем офисном столе, работая с особо важными и секретными документами.

Немецкая «Арника» в носовом платке (из архива Detlev Vreisleben Collection)

Однако надежность такого камуфляжа вызывала справедливую критику, в связи с чем Штази и КГБ начали совместный поиск наиболее подходящего камуфляжа-прикрытия для негласного на жаргоне КГБ фотокопирования документов. В 2002 г. Детлев Врейслебен, известный немецкий историк спецтехники Штази, в журнал «Photo Deal» № 3 подробно рассказал о советской микрофотокамере «Губная помада», которая активно использовалась для съемки особо важных документов прямо на рабочем столе.

Советский микрофотоаппарат в губной помаде (из архива Detlev Vreisleben Collection)

Появлению фотоаппарата в губной помаде предшествовала большая работа оперативных офицеров КГБ по выбору наиболее подходящей фирмы-изготовителя, затем специальная лаборатория ОТУ КГБ создала несколько макетов, и после многократных испытаний новая уникальная спецтехника была передана разведке ГДР. Дамы-агенты по достоинству оценили великолепный камуфляж и простое управление микрофотокамерой, которой можно было

фотографировать и одновременно поправлять свой макияж. Фотосъемка производилась путем вращения нижней части тюбика губной помады. При этом поворотом в одну сторону взводился затвор, и пленка перематывалась на один кадр. И соответственно, вращая губную помаду в другую сторону до упора, производился спуск затвора и фотографировался лежащий на столе документ.

Фотопленки шириной 7,5 мм для «дамского» аппарата, как и для всех моделей этой серии, готовились с помощью небольшого резака из листов отечественных пленок «1-70» и «1-25», а также из импортных фотопленок, в том числе и «Kodak-1414». Для проявления, фиксирования и промывки экспонированных фотопленок применялась пластиковая рамка с зажимами для крепления концевых частей пленки. При этом обязательно использовался прибор ночного видения для постоянного контроля плотности негатива. Некоторые офицеры-техники проявляли пленки с важной информацией руками, однако такая обработка считалась исключением из правил и практиковалась только опытными «ассами», постоянно работавшими с микрофотокамерами.

Разборка аппарата для замены кассеты не представляла особых трудностей, однако эта процедура рекомендовалась дамам-агентам и оперативным офицерам КГБ, имевшим продолжительный и результативный опыт использования камуфлированных микрофотокамер. В других случаях микрофотокамера с экспонированной пленкой передавалась офицеру-куратору через тайник или другими заранее оговоренными и отработанными методами агентурной связи. В таких ситуациях из Центра направлялись два комплекта аппарата. Практиковалась быстрая замена аппаратов с тем, чтобы у дамы-агента постоянно был под рукой готовый к фотосъемке камуфлированный аппарат с чистой пленкой. И, если дама впервые начинала работу с камуфлированными фотокамерами, офицер-куратор проводил несколько занятий для освоения приемов управления аппаратом, размещения настольной лампы и правильного удержания камеры в момент съемки документов.

Манипуляции с губной помадой ни у кого не вызывали подозрений, тем более что дамы-агенты всегда носили в сумочке обычную губную помаду и другую, точно такую же, но с микрофотокамерой внутри. Ветераны КГБ рассказывали автору статьи, что все этапы создания и оперативного внедрения «Губной помады» были на личном контроле у В.А. Крючкова, начальника ПГУ КГБ.

В начале 1980-х гг. создается аппарат «Зодчий» — один из лучших специальных микрофотоаппаратов XX века, по мнению мировых фотоавторитетов. В качестве основы разработчики НИЛ-11 использовали конструкторские идеи фотокамеры «Арника». Возврат к этой легендарной, но уже старой модели был вызван периодическими нареканиями на малый размер кадра предыдущих моделей. И действительно, при съемках с недостаточной или неравномерной освещенностью документа кадр негатива не имел достаточной четкости для качественной фотопечати, что приводило к частичной, а иногда и полной потере информации. К этому добавлялись сообщения офицеров-кураторов о периодических заклиниваниях специальных тонких пленок в кассетах микроаппаратов, что негативно сказывалось на отношении в целом к агентурной фототехнике для негласного копирования документов. В связи с этим специалисты центрального аппарата КГБ стали высказывать мнение о возврате к стандарту «Минокс», негатив которого в 4 раза превышал площадь кадра аппарата в губной помаде.

В процессе проектирования и последующего конструирования «Зодчего» удалось максимально сократить его размеры: новый аппарат был немногим больше самой кассеты «Минокс». В первых образцах «Зодчего» использовались объективы, специально разработанные концерном «Карл-Цейс-Йена». На государственных испытаниях «Зодчий» получил высокие

оценки и был принят разведкой КГБ в качестве фотокамеры для негласного копирования документов. Как показали первые оперативные результаты, «Зодчий» позволял делать читаемые копии сложных схем и текстов с редкими языками даже в условиях неравномерной освещенности.

Фотоаппарат «Зодчий»(из архива Keith Melton Spy Museum)

Сегодня цифровая техника практически полностью вытеснила классические пленочные фотоаппараты, что привело, например, к потере лидирующих позиций на фоторынке знаменитой фирмы «Кодак», не успевшей вовремя перестроится под изменившиеся интересы покупателей. То же самое произошло и с огромным арсеналом специальной пленочной фотоаппаратуры, которая с появлением цифровых технологий осталась невостребованной и хранится теперь на складах, дожидаясь очередной инвентаризации, заканчивающейся, как правило, уничтожением некогда уникальных и весьма дорогих образцов, ставших теперь совершенно ненужными.

Вместе с уничтожением специальной фототехники потихоньку исчезает и сама история проектирования, создания и применения специального пленочного фотоарсенала КГБ, считавшегося лучшим среди ведущих спецслужб мира по количеству, ассортименту и частоте модернизации моделей, а также по объемам и качеству полученной информации.

Надо сказать, что проектирование, разработка и производство специальной фототехники всегда были непривлекательными направлениями для крупнейших советских и западных концернов фотоиндустрии. По сравнению с обычными фотокамерами специальная фотоаппаратура, как правило, заказывалась небольшими партиями, изготовление было мелкосерийным, а потому и невыгодным для основных производственных показателей фотооптических предприятий. Кроме того, все этапы изготовления специальной фототехники от разработки эскизов и чертежей до испытания опытных и серийных образцов необходимо было засекречивать. Для этого на предприятиях создавались специальные секретные отделы и цеха, все сотрудники которых получали соответствующие допуски, выдаваемые после тщательной проверки кандидата органами КГБ. За выполнением всех требований допуска велся тщательный контроль офицерами контрразведки, главной задачей которых было предотвращение утечки любой информации о производимой спецтехнике, используемых материалах и технологиях. А сами разработчики и конструкторы не имели возможности выступать на крупных отечественных или международных симпозиумах с докладами о своих изобретениях, новых реализованных идеях или просто с гордостью похвалиться образцами новой продукции своих коллективов. Даже мемуары и простые печатные воспоминания были категорически запрещены для специалистов всех уровней этой закрытой от посторонних глаз особой фотоиндустрии КГБ.

Эта глава — дань уважения и памяти до сих пор неизвестным настоящим героям холодной войны: офицерам-разработчикам, проектировщикам и механикам, а также ветеранам оперативно-технической службы ПГУ, создавшим уникальный арсенал советской оперативной

техники и методов ее использования, в том числе и этот шедевр XX века — микрофотокамеру в губной помаде, с помощью которой разведки ГДР и КГБ получали бесценные документальные материалы.

Глава 30. Специальные тонкие фотопленки

Первые практические результаты использования тонкой фотопленки «1-70» и перспективы проектирования серии микрофотоаппаратов поставила перед ведущими специалистами ОТУ КГБ и НИЛ-11 задачу создания сверхтонких пленок, которые бы имели мелкозернистую структуру, обязательную для детальной проработки изображений документов, схем и рукописных материалов с редкими языками. С другой стороны, сверхтонкие пленки должны быть достаточно чувствительными, чтобы пользователь мог при выдержках 1/30 — 1/50 сек применять обычные настольные лампы мощностью 75 — 150 ватт для освещения фотографируемого документа. Но показатель чувствительности пропорционален размеру зерна фотоэмulsionии, и решение проблемы надо было искать в новых фотоматериалах и способах повышения чувствительности, которые не влияли бы на увеличение зернистости эмульсионного слоя.

Параллельно созданию серии микрофотокамер технические подразделения и первые отделы советских фотохимических концернов «СВЕМА» и «ШОСТКА», а также научно-исследовательские центры военной разведки ГРУ вели интенсивный поиск новых технологий изготовления сверхтонких пленок толщиной порядка 25–50 микрон с чувствительностью 400–800 ед. ГОСТ и высоким разрешением. Для помощи в решении проблемы создания новых фотоэмulsionий привлекался коллектив НИИ кинофотоиндустрии СССР.

Бывшие в распоряжении КГБ фотоматериалы имели чувствительность до 400 ед. ГОСТ, однако при этом зерно таких пленок было достаточно большим и не позволяло использовать эту пленку для микрофотокамер с выдержкой 1/30 и короче.

Повышение чувствительности фотопленки (этот процесс назывался сенсибилизацией) достигалось двумя способами: оптическим, за счет увеличения размеров зерна эмульсионного слоя, и химическим. Желатина, как основа фотослоя, изготавливала из кож и костей маленьких бычков. Затем эту смесь варили и отстаивали. Далее следовала операция полива эмульсии на подложку и сушка. Готовую фотопленку в КГБ получали партиями, в маркировке которых изготовитель указывал рекомендованное время проявления и реальный показатель чувствительности. Такие измерения каждой партии пленок были обязательными, поскольку в то время все этапы изготовления фотоэмulsionионного слоя выполнялись вручную, и потому имел место некоторый разброс параметров фотослоя от партии к партии.

Однажды в ОТУ КГБ получили очередную партию фотопленки с высокой чувствительностью порядка 800 единиц ГОСТ, но измерения показали, что зернистость эмульсии не увеличилась и осталась на прежнем приемлемом уровне. Это была настоящая сенсация, и в КГБ сразу попытались узнать причины столь хорошего результата. Представители предприятия-изготовителя клятвенно убеждали офицеров КГБ, что никаких экспериментов с этой партией фотопленки не производилось. Было решение организовать оперативное расследование силами работника КГБ, имевшего агентурные возможности. В результате проведенных мероприятий оперативники вышли на сторожа склада готовой фотопленки. Длительный допрос сторожа позволил выяснить настоящую причину появления нового сорта специальной фотопленки. Оказывается, во время ночных дежурств сторож периодически мочился на рулоны готовой фотопленки, которая по разным причинам длительное время хранилась в условиях теплого и сырого склада. Постепенное добавление порций мочевины в складских условиях превратилось в химическую сенсибилизацию, но без заметного увеличения зернистости эмульсии.

В дальнейшем этот процесс был отработан уже в заводских условиях, без привлечения

сторожа, который был страшно напуган допросами в райотделе КГБ, но потом клятвенно обещал сохранить в тайне все свои не регламентированные уставом охраны действия, и даже предложил свою личную помощь "родным органам". После этого появились сверхтонкие пленки 28СЛ с более высокой чувствительности и с приемлемой зернистостью фотоэмульсии.

Однако лучшей в КГБ считалась американская фотопленка «Kodak-1414» толщиной 51 микрон с высоким разрешением и высокой чувствительностью. Такие фотопленки были занесены правительством США в список товаров эмбарго для поставки в страны Варшавского блока. Однако через агентуру и дружественные спецслужбы периодически удавалось доставать для КГБ фотопленку «Kodak-1414» для оснащения советских микрофотокамер. А вот повторить американскую фотопленку не удалось ни лабораториям КГБ, ни специалистам мощных химических концернов ГДР.

Очерк VIII. Как и чем снимали секретные кинофильмы в КГБ

Глава 31. Кинокамеры «Оса» и «Имбирь»

В оперативной практике КГБ скрытая киносъемка использовалась не так часто, как фотосъемка, и только в специальных мероприятиях, например, когда советская контрразведка следила за сотрудником ЦРУ Лонжелли и его супругой, чтобы зафиксировать «моментальную передачу» между агентом ЦРУ полковником Поповым и его американским куратором в вестибюле ресторана «Арагви» в Москве. Скрытая киносъемка активно применялась и в деле агента двух разведок, шпиона Пеньковского.

В довоенный и военный периоды каких-либо специальных кинокамер на вооружении органов госбезопасности не было, и потому оперативная киносъемка велась обычными, неспециальными киноаппаратами из заранее оборудованных стационарных постов наблюдений или из автомашин. В таких случаях объективы кинокамер прятались чаще всего за наклонно опущенными жалюзи или за полупрозрачными стеклами, имевшими с одной стороны зеркальное покрытие. Иногда для целей негласной киносъемки использовались переоборудованные газетные киоски, афишиные тумбы, фальшивые трансформаторные будки и т. п. Практиковалось размещение кинокамер в багажниках стоящих автомобилей. При этом отверстие для объектива кинокамеры оборудовалось в задних фонарях автомобиля.

В оперативных мероприятиях использовались деревянные или металлические контейнеры, размещаемые на земле или на небольшом грузовике. Внутри таких контейнеров располагались сотрудники, управлявшие работой кинокамеры, стационарно установленной на штативе напротив естественной щели или отверстия. Длительное пребывание сотрудника в таком контейнере обеспечивалось питанием, водой и другими необходимыми предметами.

После образования НИЛ-11 была организована группа специалистов, перед которой была поставлена задача создания специальной малогабаритной кинокамеры, которую можно было бы разместить, как и фотоаппарат «Аякс», под одеждой сотрудника. Одной из первых явилась разработка изделий «Оса» и «Светлячок», в которых использовались импортные и отечественные кинопленки стандарта 8 мм.

Кинокамера «Оса» с дистанционным управлением и блоком питания(из архива Keith Melton Spy Museum)

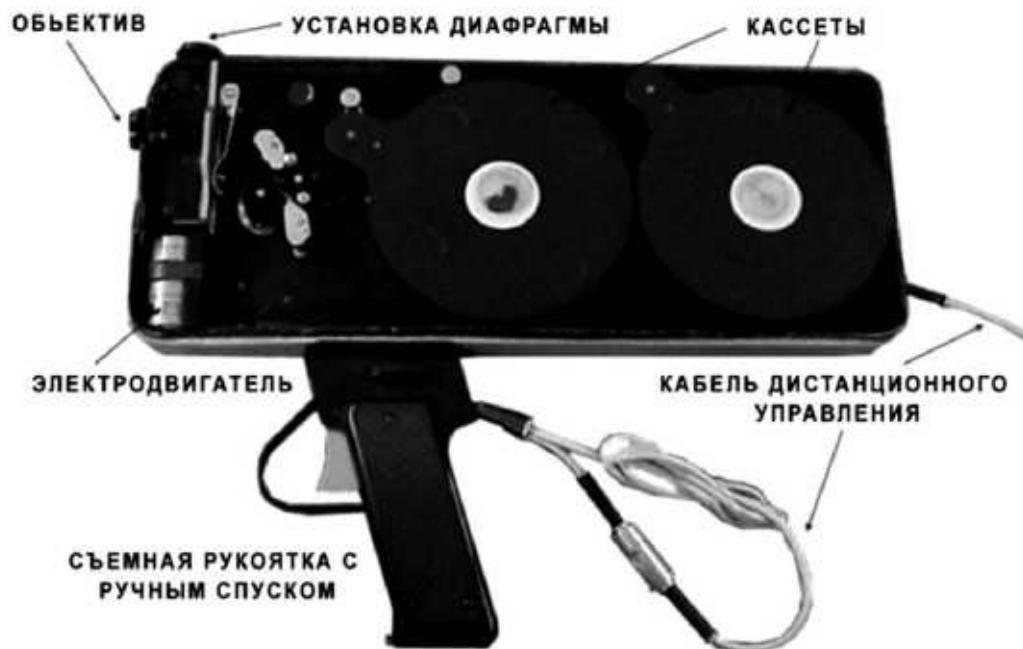
Прикрытием для объектива был камуфляж «Пуговица», внутренние створки которой раздвигались во время киносъемки. В транспортном механизме подачи пленки применялся микроэлектродвигатель с питанием 4,7 вольт от стандартной батарейки типа КБСЛ. Была выпущена серия специальных кинокамер для испытания в оперативных условиях. Новая техника работала достаточно стабильно и надежно, однако малые размеры кадра 3,25 x 4,4 мм не давали требуемой во многих случаях четкости. В дальнейшем было решено отказаться от стандарта 8 мм

и начать разработку специальной кинотехники для работы с 16 мм кинопленкой.

Первой такой разработкой явилась кинокамера «Имбирь», опытные образцы которой были выпущены в 1959 г. В новом аппарате использовалась стандартная 16 мм кинопленка, светосильный объектив 1: 2,0, возможность съемки «с руки» или внутри переносного камуфляжа, такого как обычный портфель. В кинокамере использовались кассеты для 30 метров кинопленки. Скорость съемки у «Имбиря» была 16 кадров в секунду.

Кинокамера «Имбирь» с кабелем электропитания (из архива Keith Melton Spy Museum)

«Имбирь» со снятой крышкой и рукояткой (из архива Keith Melton Spy Museum)

Дистанция съемки могла меняться от 5 до 25 м в зависимости от установленной диафрагмы. Простая и надежная конструкция аппарата «Имбирь» сделала его популярным не только в КГБ.

В музее Истории полиции в Праге на одном из стендов представлена советская кинокамера «Имбирь» в камуфляже «Портфель».

Позднее появилась модификация «Имбиря» со склоненным нижним углом и другим расположением кассет, что уменьшило габариты кинокамеры для более удобного размещения ее в камуфляжах.

Модифицированная кинокамера «Имбирь» (из архива Keith Melton Spy Museum)

Кассеты новой модели камеры «Имбирь» снаряжались более тонкой кинопленкой длиной 60 метров, что увеличивало продолжительность киносъемки. На верхней передней части камеры располагался диск регулировки диафрагмы. Корпус камеры и камуфляж дополнительно оснащались звукопоглощающими элементами для снижения звука работающей спецтехники, чтобы не расшифровать мероприятие по негласной киносъемке.

Кинокамеры «Имбирь» активно применялись в 1950-е и 1960-е гг. различными подразделениями КГБ и МВД для негласного документирования действий объектов разработки, фиксирования операций по задержанию и аресту агентов иностранных разведок, преступных «авторитетов» и пр.

Глава 32. Кинокамеры «Заряд» и «Зурна»

В начале 1970-х гг. НИЛ-11 представила новую специальную кинокамеру «Заряд» (заводской индекс 9РКС). В конструкции «Заряда» использовались детали и узлы серийно выпускаемых заводских кинокамер. Такое конструкторское решение существенно сократило период разработки и создания новой специальной кинокамеры, позволило использовать уже отработанные и опробованные детали и узлы, показавшие на практике требуемую для оперативной работы надежность.

Комплект кинокамеры "Заряд" (из архива Keith Melton Spy Museum)

«Заряд» имел встроенное экспонометрическое устройство, что обеспечивало автоматическую установку диафрагмы. В кинокамере могла использоваться стандартная или «двойная» (в 2 раза тоньше) 16-мм кинопленка чувствительностью от 130 до 600 ед. ГОСТ. Киносъемка велась со скоростью 16 или 24 кадр / сек. Емкость кассет была рассчитана на 30 или 60 метров кинопленки в зависимости от ее толщины. В комплект кинокамеры входили два объектива с фокусным расстоянием 25 мм и 40 мм.

Привод механизма кинокамеры работал от микроэлектродвигателя. Кинокамера комплектовалась автономным блоком питания, куда устанавливались 14 аккумуляторов типа НКГЦ-1,3с. Обращают на себя внимание климатические условия использования кинокамеры «Заряд» от — 15 до + 30 °C, а также работа при высокой влажности до 95 %.

Конструкция «Заряда» обеспечивала сравнительно низкий уровень шума, не более 45 dB. Вес аппарата с заряженной кассетой составлял 2,1 кг, аккумуляторный блок весил 1,3 кг, а блок управления 0,4 кг. Суммарный вес комплекта «Заряд» был около 3,8 кг, что позволяло размещать киноаппарат в кожаной папке с твердым каркасом, в портфеле или плечевой сумке.

Кассета кинокамеры «Заряд»(из архива Keith Melton Spy Museum)

Комплектовалась кинокамера «Заряд» двумя кассетами на 30 и двумя на 60 м кинопленки. Имелось зарядное устройство, бачок для проявления кинопленки и комплект запасных деталей.

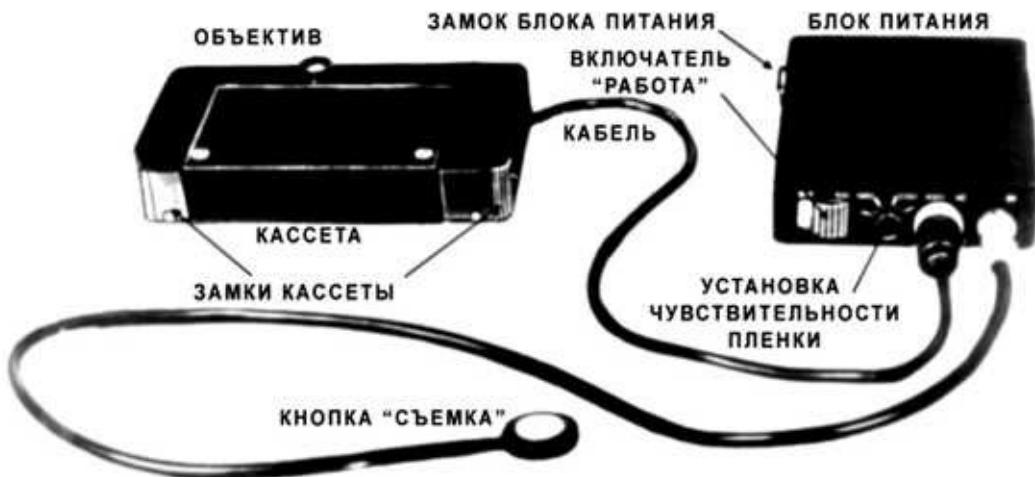
Следующей и, вероятнее всего, последней разработкой явилась малогабаритная специальная кинокамера «Зурна». Ее конструкция существенно отличалась от предыдущих моделей: была значительно меньше по размерам, более приспособлена для камуфлирования под одеждой и работала практически бесшумно.

Существенной особенностью «Зурны» явилась новая конструкция кассеты, в которой был реализован весь транспортный механизм подачи кинопленки. В кассете обеспечивалась постоянная и равномерная скорость намотки пленки, что в конечном счете снижало энергопотребление основного электродвигателя транспортного механизма. В новой камере могла применяться специальная тонкая высокочувствительная кинопленка с односторонней или двухсторонней перфорацией.

Оригинальная оптическая схема «Зурны», в которой использовался специальный объектив с электронной регулировкой диафрагмы, давала возможность размещать кинокамеру под одеждой оперативного работника, камуфлируя отверстие под объектив различными элементами, такими, как пуговицы, брошки, решетчатые пряжки и др.

Встроенный экспонометр позволял определять через объектив реальную освещенность объекта и с помощью микро электродвигателя регулировал относительное отверстие объектива от 1: 2,8 до 1: 22.

Продолжительность киносъемки была до 2 мин, однако конструкция кассеты обеспечивала быструю ее замену на запасные во время оперативного мероприятия. Емкость кассеты составляла 15 м кинопленки; извлечение кинопленки и ее замена производились в специальной «темной» фото комнате. Малогабаритная, удобная для камуфлирования конструкция «Зурны» должна была способствовать ее широкому оперативному использованию, однако стремительное появление видеотехники практически полностью вытеснило из оперативной практики специальные кинокамеры.

Скрыто носимый комплект кинокамеры «Зурна»(из архива Keith Melton Spy Museum)

В завершении необходимо отметить, что в КГБ СССР в период холодной войны был создан большой и разнообразный арсенал специальной техники для негласной киносъемки, которую активно и эффективно использовали не только советские спецслужбы, но и подразделения государственной безопасности стран Восточной Европы. Однако бурный натиск видеоаппаратуры как стационарной, так и носимой, портативной, имевшей гораздо более значительное время продолжительной съемки, практически сразу вытеснил специальные кинокамеры из арсенала советских спецслужб. Ведущие фотооптические лаборатории, и в первую очередь НИЛ-11, стали создавать собственные малогабаритные видеокамеры с оригинальными объективами, которыми начали активно пользоваться оперативные подразделения спецслужб.

Очерк IX. Фотокамеры прокатки, удивившие западные спецслужбы

Глава 33. Первая фотокамера прокатки «Алыча»

В 1961 г. Питер Райт, заместитель директора британской контрразведки МИ-5 по научно-техническим вопросам, известный изобретатель и талантливый исследователь, выразил искреннее восхищение «карманной копировальной машиной в портсигаре», обнаруженной у Конона Молодого, легендарного советского разведчика-нелегала. В портсигаре полковника Молодого был встроен первый в мире фотоаппарат, делавший копии методом прокатывания (сканирования) по документу. Западные спецслужбы были удивлены и озадачены тем, что «Советы опять неожиданно изобрели нечто совершенно новое», так писали британские газеты, когда позднее у советского агента была изъята такая же фотокамера в портсигаре. Дотошные корреспонденты изловчились и сумели заснять эту удивившую всех фотокамеру-сканер.

В кругу ветеранов КГБ до сих пор существует мнение о том, что фирма «Ксерокс» тайком скопировала принцип сканирования «советского портсигара» для использования в первых образцах своих впоследствии всемирно известных копировальных машин.

Конструирование этой новой техники началось в середине 1950-х гг. в фотооптической лаборатории НИЛ-11 КГБ. Как часто бывает, сегодня неизвестно имя изобретателя, кто первый предложил разработку новой оригинальной системы фотокопирования документов, в которой использовался принцип оптической развертки изображения по кадру, наподобие современных копировальных машин. Первым таким устройством стал фотоаппарат «Алыча» для копирования документов методом контактного сканирования, или «прокатки», именно так именовалась в те годы подобная схема фотографирования документов. Конструкция «Алычи» была настолько компактной, что умещалась целиком в небольшой записной книжке или в портсигаре стандартного образца, которые, находясь на письменном столе или в кармане пиджака агента или офицера-нелегала, не должны были вызывать никаких подозрений у сослуживцев и близких. При весе 150 гр. габариты «Алычи» были всего 120 x 80 x 16 мм. Копирование документов производилось при дневном свете, и надо было выбирать место для расположения документов, достаточно освещенное для получения четкого фотоснимка.

Британская газета с фотографией «неизвестного аппарата КГБ» в портсигаре (из архива Keith Melton Spy Museum).

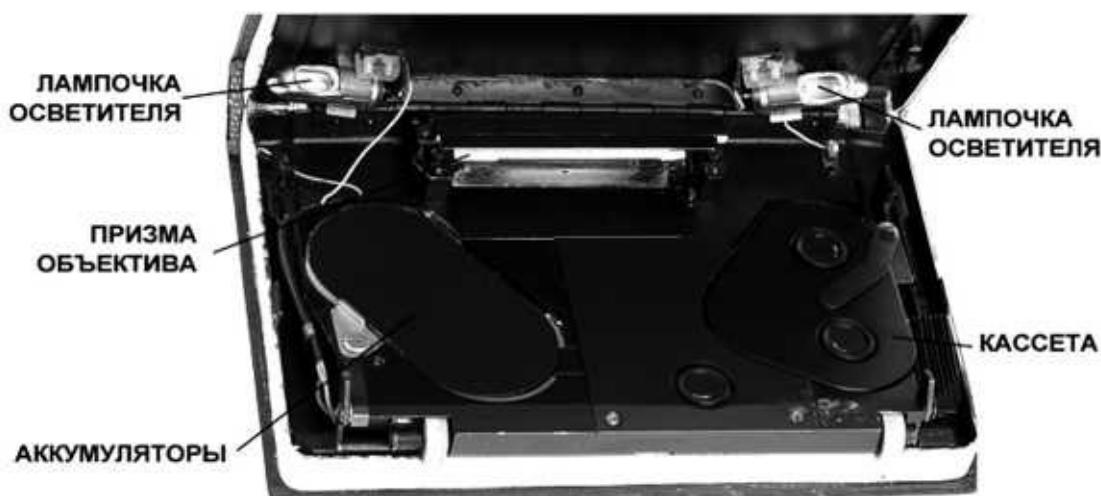
В процессе обучения приемам работы с камерой «прокатки» пользователю также вручался дубликат: бытовой предмет, такая же записная книжка или портсигар, но без фотоаппарата. Дубликат должен был постоянно лежать на рабочем столе, приучая окружающих коллег к этому личному обиходному предмету. А когда появлялась возможность конспиративного копирования документов, агент или оперативный офицер доставал из тайника и приносил на работу такой же предмет, по внешнему виду абсолютно похожий на портсигар или записную книжку. Дождавшись удобного момента, агент доставал документы, переводил в рабочее положение «Алычу» и начинал копирование. В случае возможного появления кого-либо в офисе «Алычу» можно было закрыть за секунду, с тем чтобы на столе этот аппарат выглядел, как обычная записная книжка или портсигар, который можно было для верности прикрыть заранее развернутой газетой или документами.

Оперативный состав КГБ с большим интересом начал освоение приемов работы с «Алычой», чтобы впоследствии обстоятельно, со знанием дела обучить свою агентуру приемам негласного копирования документов в различных ситуациях: в офисе, дома или в другом удобном для таких мероприятий месте, например, в номере отеля.

Фотокамера «Алыча» в записной книжке (из архива Keith Melton Spy Museum)

Через несколько месяцев на вооружении КГБ появилась модифицированная модель «Алыча-2», в которой имелся встроенный светильник с электропитанием от аккумуляторов. Это давало возможность агенту копировать секретные документы в затемненных местах, а также повышало качество фотоснимков за счет постоянного и равномерного освещения, которое создавал сам аппарат «Алыча-2».

Фотокамера прокатки «Алыша-2» в записной книжке (из архива Keith Melton Spy Museum)

Основой конструкции аппаратов «Алыша» была оригинальная зеркально-призменная система, которая через объектив последовательно переносила изображение текста на фотопленку при перемещении (прокатывании) фотоаппарата по документу. Отсюда и пошло жаргонное название подобного рода фототехники: «каталки» по-русски и «rollover» по-английски.

Для освещения копируемого документа «Алыша-2» уже имела две микролампы. В качестве электропитания использовались импортные аккумуляторы типа DEAC. В рабочее состояние «Алыша» и «Алыша-2» переводились путем нажатия на скрытый в торце «записной книжки» или «портсигара» замок. При этом створки открывались для выдвижения небольших резиновых роликов. Один ролик выполнял функции контакта с поверхностью бумаги и включал осветительное устройство фотоаппарата. Два других ролика, двигаясь по документу во время съемки, приводили в движение весь механизм транспортировки фотопленки аппарата, в том числе и катушки фотокассет.

В кассету «Алыши» помещалось 180 см фотопленки, что обычно хватало на 25–30 листов документов формата А4 при условии 3-х кратной «прокатки» фотокамеры по листу с небольшим перекрытием.

Сразу после своего появления, «Алыша-2» стала активно использоваться для высококачественного и конспиративного копирования документов, в том числе и с редкими языками. В дальнейшем принцип действия фотоаппаратов "Алыша" был реализован в других камерах прокатки, таких как «Нихром» и «Нихром-2», которые принципиально ничем не отличались от «Алыши», однако были сделаны под различные варианты камуфляжей.

Глава 34. Фотоаппарат «Ниппель»

В конце 1950-х гг. на испытание в КГБ поступила новая фотокамера прокатки «Ниппель» в расчете копирования документа формата А4 за одну прокатку. Идея этого аппарата возникла в НИЛ-11 после многократных обращений оперативного состава, уже имевшего положительную практику работы с «Алычой». Оперативники хотели получить камеру с большими размерами, чем «Алыча», чтобы копировать документ за одну прокатку.

Это желание было вполне понятным для конструкто-ров-разработчиков и вскоре появился аппарат со странным названием «Ниппель», камуфлированный в записную книжку-ежедневник. В новой камере применялась 16 мм фотопленка, имевшая более высокое разрешение, весьма важное для копирования документов, особенно с арабскими или японскими шрифтами. Аппарат был оборудован встроенными осветителями с электропитанием от аккумуляторных батарей.

Как это было принято в ОТУ КГБ, проводились всесторонние и продолжительные испытания «Ниппеля», в которых приняли участие оперативно-технические специалисты ПГУ КГБ. В результате этой работы новый аппарат прокатки был принят «на вооружение» и направлен в загранпредставительство для внедрения в оперативную практику.

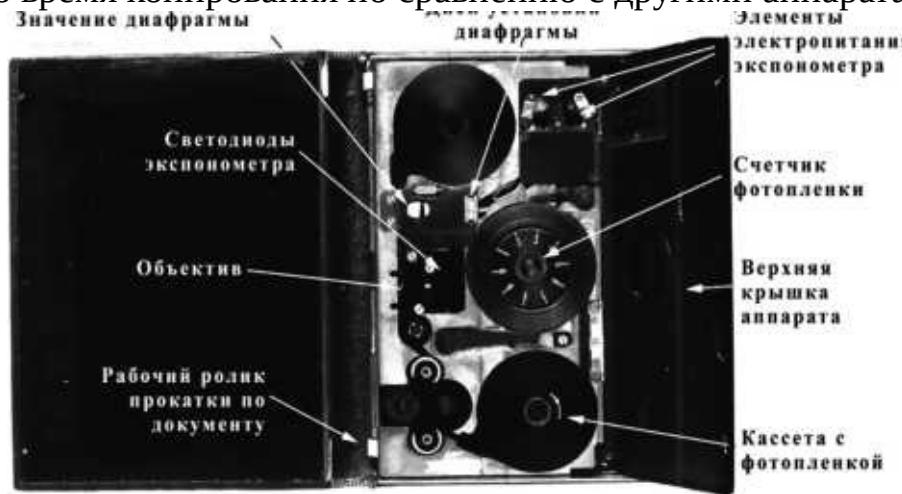
Продолжительное использование комплекта «Ниппель» показало достаточно стабильное его функционирование, однако выявило определенный недостаток: во время прокатки по документу рабочие резиновые ролики фотокамеры оставляли следы давления, которые могли расшифровать саму операцию по негласному копированию документа. Кроме того, на роликах «Ниппеля» иногда оставались частички бумаги копируемого документа, что также считалось недопустимым в работе с такой техникой.

В итоге аппарат «Ниппель» был отправлен на доработку в НИЛ-11, специалисты которой пришли к выводу о нецелесообразности модернизации этой камеры прокатки.

Глава 35. Фотоаппарат «Залом»

Неудача с фотоаппаратом прокатки «Ниппель» не смущила конструкторов НИЛ-11, которые уже готовили к испытаниям новый аппарат «Залом».

По сравнению с предыдущей моделью «Залом» не имел внутренних осветителей, но был оборудован экспонометрическим устройством для измерения уровня внешнего освещения, что давало возможность подбирать оптимальное значение диафрагмы для получения качественного негатива. Кроме того, размеры «Залома» позволяли прокатывать документ за один раз, и это значительно снижало время копирования по сравнению с другими аппаратами прокатки.

Аппарат «Залом» с открытой верхней крышкой (из архива Keith Melton Spy Museum)

Для подготовки аппарата к работе надо было полностью открыть одну из внешних крышек «Залома» так, чтобы при копировании можно одной рукой удерживать обе крышки вместе. Затем аппарат размещался в месте копирования документов, и вращением диска установки диафрагмы устанавливалось ее значение, при котором один из светодиодов экспонометра переставал светиться, а другой загорался.

В комплект аппарата «Залом», направляемого для оперативного использования, обязательно входила книжка-дубликат, которой должен был постоянно пользоваться агент или оперативный офицер дома и в офисе.

Оперативная практика применения «Залома» подтвердила его преимущества по сравнению с аппаратом «Алыча». Однако во время копирования «Заломом» требовалась более равномерная прокатка аппарата по документу, в противном случае возникали заклинивания и даже обрыв фотопленки. Неравномерная прокатка документов со схемами и таблицами давала искривление изображений на негативе, и офицерам-техникам во время фотопечати приходилось делать дополнительные клише, затем их разрезать и подклеивать для получения правильной копии документа. В таких случаях пользователям было рекомендовано прокатывать схемы и таблицы несколько раз, чтобы избежать ошибок при фотопечати.

Было также отмечено, что продолжительное использование «Залома» приводило к появлению на торце аппарата трещин коленкорового покрытия из-за периодического перегибания одной из крышек аппарата во время копирования документов. В таких достаточно редких случаях применялись соответствующие краски для замазывания повреждений торцевой части «Залома». Этот несложный ремонт делали сами агенты или передавали аппарат офицеру-куратору для квалифицированной проверки и ремонта «Залома» оперативно-техническим сотрудником.

Для увеличения количества копий документов на одну кассету в аппарате «Залом» стали

применяться новые тонкие фотопленки Ш-1 и Ш-2. Это потребовало особо тщательного снаряжения кассет и аккуратной установки их в транспортный механизм «Залома». Тем не менее оперативное применение «Залома» с новыми фотопленками показало снижение надежности копирования документов, поскольку изначально конструкция «Залома» была рассчитана на использование пленок стандартной толщины. А тонкие фотопленки нередко заклинивали и даже рвались в процессе копирования документов, что послужило причиной появления негативного отношения к «Залому» как со стороны оперативного состава КГБ, так и агентов, ранее обученных и применявшими «Залом» для негласного копирования документов. В связи с этим в 1968 г. было принято решения об изъятии этого аппарата из оперативной практики подразделений советской госбезопасности.

Глава 36. Фотоаппарат «Гранитник»

Несмотря на трудности внедрения в оперативную практику аппаратов «Ниппель» и «Залом», коллектив разработчиков и конструкторов НИЛ-11 тем не менее продолжал работы по созданию новых эффективных аппаратов прокатки.

В 1965 г. в ПГУ КГБ поступила новая фотокамера прокатки «Гранитник», в дальнейшем ставшая, по мнению специалистов, одной из самых удачных разработок специальных фотокопировальных аппаратов.

Фотоаппарат «Гранитник» в сигаретной пачке (из архива Keith Melton Spy Museum)

«Гранитник» существенно отличался от всех предыдущих моделей новой оригинальной оптической схемой, в которой изображение попадало на фотопленку через специальную зеркальную призму, выдвигавшуюся из корпуса аппарата только в момент копирования документа при движении фотокамеры по его поверхности. Через призму текст документа попадал в объектив, который формировал изображение и далее направлял его на фотопленку через щель в кассете. После копирования призма убиралась внутрь корпуса аппарата.

Оперативники были приятно удивлены внешними размерами «Гранитника», позволявшими полностью спрятать его внутрь стандартной сигаретной пачки, и это оказалось надежным камуфляжем при использовании и хранении аппарата. В отличии от предыдущих моделей, фотооптическая схема «Гранитника» не имела собственных осветителей, и пользователь должен был подбирать место для копирования документов с достаточным уровнем внешней освещенности, например, от близко расположенного окна в комнате с яркими потолочными светильниками или применять боковое освещение документа от настольной лампы мощностью 100 ватт.

Оптимальные условия освещенности подбирались опытным путем, копируя документы при различных вариантах освещения, отмечая при этом каждый из них. Затем кассета с отнятой пленкой или аппарат целиком передавались офицеру-куратору, который уже в служебной фотолаборатории проявлял фотопленку и отмечал наиболее удачные негативы. Эти результаты передавались обратно пользователю, который при копировании придерживался отмеченных

оптимальных условий освещенности.

Сигаретная пачка в качестве камуфляжа подбиралась, исходя из предпочтений агента или офицера какому-либо сорту сигарет.

Для правильного копирования документа рекомендуется удерживать фотокамеру как показано на фотографии

Пример рекомендаций для работы с аппаратом «Гранитник» (из архива Keith Melton Spy Museum)

Простая и надежная конструкция «Гранитника», его удачное его камуфлирование, а также стабильное получение качественных негативов способствовали его активному использованию в течении последующих лет. В 1975 г. появилась обновленная модель "Задаток", в которой были использованы новые конструкционные материалы, а также учтены рекомендации, накопившиеся за период оперативной практики применения "Гранитника" — одного из самых оригинальных и эффективных фотоаппаратов КГБ.

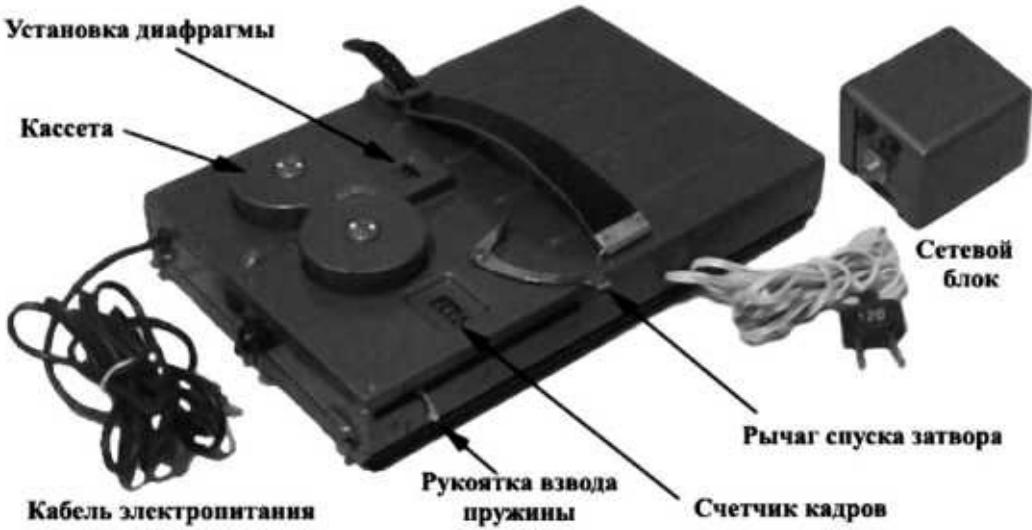
Глава 37. Фотокопировальные аппараты «Корица», «Зима», «Загар»

Результативность использования аппаратов прокатки, а также необходимость быстрого и качественного копирования большого количества документов натолкнули разработчиков НИЛ-11 на создание портативного фотокопировального аппарата прокатки для документов формата А4. В новой фотокамере с названием «Корица» документ накрывался прижимным стеклом рабочей стороны аппарата (с размерами, как у формата А4), и перемещающийся внутри аппарата зеркально-призменный механизм равномерно сканировал по документу под действием пружины.

Фотокопировальный аппарат «Корица» (из архива Keith Melton Spy Museum)

Для равномерного освещение документа в «Корице» был предусмотрен специальный тонкий и длинный светильник наподобие люминесцентных ламп, который двигался вместе с зеркально-призменным механизмом. Его перемещение, а также транспортировку фотопленки обеспечивала пружина, взводимая боковым рычагом для съемки одного кадра. Кассета «Корицы» вмещала до 400 кадров стандартной 35 мм фотопленки и могла быстро заменяться на «свежую» на свету за несколько секунд, что давало возможность копирования большого количества документов. Диафрагма объектива подбиралась в зависимости от чувствительности пленки. «Корица» имела счетчик кадров, а также удобный рычаг спуска затвора, который работал как от правой, так и от левой руки. Для электропитания светильника «Корицы» могла использоваться стандартная электросеть 110 / 220 вольт, а также напряжение 12 вольт через разъем прикуривателя автомобиля.

Комплект аппарата «Корица»(из архива Keith Melton Spy Museum)

«Корица» оказалась весьма эффективным аппаратом для быстрого копирования большого количества документов, например, когда офицер-куратор получал через тайник от своего агента секретные документы на достаточно короткое время, копировал их в автомобиле, соблюдая требования конспирации и после завершения работы обратно возвращал их агенту заранее оговоренным путем. «Корица» также активно использовалась на конспиративных квартирах и в номерах гостиниц, куда доставлялись полученные на время документы и после фотокопирования возвращались в места официального хранения. Габариты и вес «Корицы» вместе с блоком электропитания и заранее снаряженными фотопленкой кассетами позволяли переносить весь комплект в обычном портфеле или в атташе-кейсе, что обеспечивало конспиративность всего мероприятия работы с аппаратом как в автомобиле на стоянке или в движении, так и для съемки документов в помещении.

Оперативные подразделения КГБ активно использовали «Корицу», отмечая простую настройку и удобное управление аппаратом, в связи с чем было организовано серийное производство «Корицы» на красногорском заводе, где аппарату был присвоен заводской индекс С-125.

Позднее в оперативные подразделения КГБ поступил прототип «Корицы», разработанный для использования 16 мм фотопленки с электродвигателем для привода зеркально-призменной системы и механизма транспортировки пленки. Новый аппарат «Зима» был меньше по размерам и обеспечивал копирование документа А4 за два раза с перекрытием каждой половины листа. Кассета «Зимы» была рассчитана на 400 кадров, вмещала 6 метров 16 мм фотопленки с двойной перфорацией и чувствительностью от 45 до 700 ед. ГОСТ. Фотографирование одного кадра начиналось после смещения вправо рычага-включателя большим пальцем правой руки и производилось в течение 2,5 сек. Входящие в комплект «Зимы» блоки электропитания обеспечивали работу аппарата от автомобильной сети 12 вольт и от стандартной электросети 110 / 220 вольт.

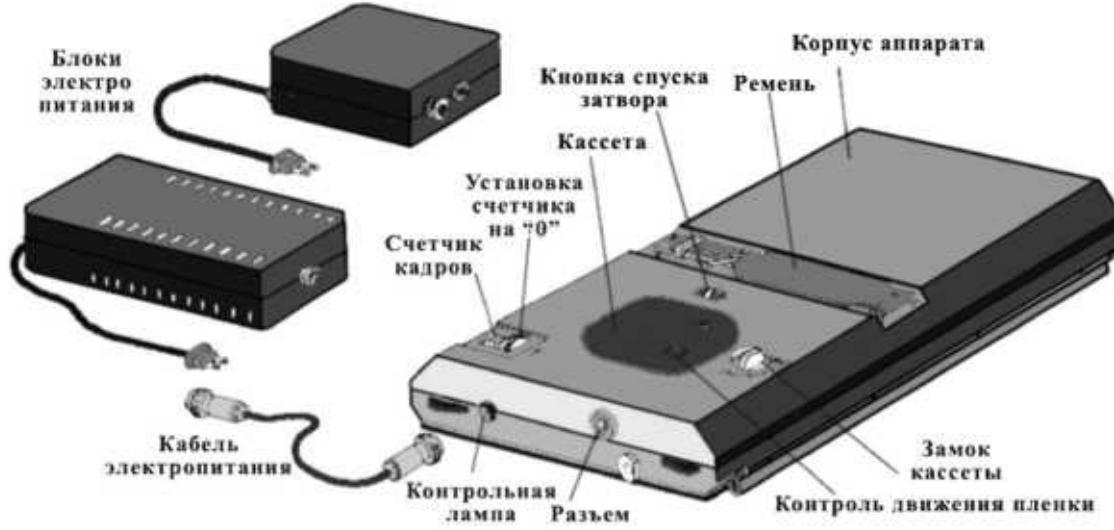
Несмотря на меньшие габариты и наличие электропривода, аппарат «Зима» не получил активного применение в оперативной практике. По словам офицеров КГБ, аппарат нередко годами лежал в местах хранения оперативной техники и вынимался только для ежегодной инвентаризации. По мнению специалистов, копирование документа А4 за два раза оказалось неудобным, и многие оперативники предпочитали старую «Корицу».

Фотокопировальный аппарат «Зима» (из архива Keith Melton Spy Museum)

В середине 1980-х гг. появляется прототип «Корицы» и «Зимы», фотоаппарат «Загар», для копирования полного листа А4 на 16 мм фотопленку с электроприводом зеркально-призменного механизмов сканирования и транспортировки пленки.

Кассета «Загара» была рассчитана на 400 кадров, в комплект также входили еще две кассеты. Таким образом, «Загар» мог обеспечить сравнительно быстрое копирование более тысячи листов документов.

Фотокопировальный аппарат «Загар»(из архива Keith Melton Spy Museum)

Однако новый «Загар» не получил активного применения, возможно, из-за сравнительно большого веса (более 3 кг) и увеличенных габаритов, что, скорее всего, оказалось неудобным для оперативных офицеров в случае транспортировки «Загара», который уже с трудом помещался в стандартный портфель. Во второй половине 1980-х гг. началось активное использование компьютерных сканеров, на которых копирование по сравнению с громоздким «Загаром» было значительно проще. Все это привело к тому, что заводская партия "Загаров" так и не нашла применения. Новые комплекты этого аппарата длительное время хранились на складах оперативной техники, пока не поступило указание отправить всю партию в НИЛ-11 для уничтожения или возможного использования отдельных блоков, узлов и деталей.

Так закончился век весьма результативного использования подразделениями КГБ фотокамер прокатки, давших массу необходимых и особо важных для СССР документов, в том числе копий материалов на редких языках, когда особо предъявлялись требования высокой четкости получаемых негативов. Сегодня в арсенале современных разведок имеются разнообразные бытовые цифровые устройства, позволяющие без какого-либо камуфлирования вполне открыто и легко сканировать документы и чертежи любой сложности.

Мы должны с благодарностью вспомнить до сих пор неизвестных изобретателей и конструкторов НИЛ-11 и ОТУ, давших советской разведке неоспоримые преимущества в оснащении оперативных офицеров и агентурного аппарата КГБ уникальной по тем временам специальной техникой, вызывавшей удивление, уважение, а возможно, и зависть, у западных разведок, часто копировавших новые передовые разработки КГБ.

Очерк X. Как фотокамеры КГБ доказали, что Пеньковский шпион

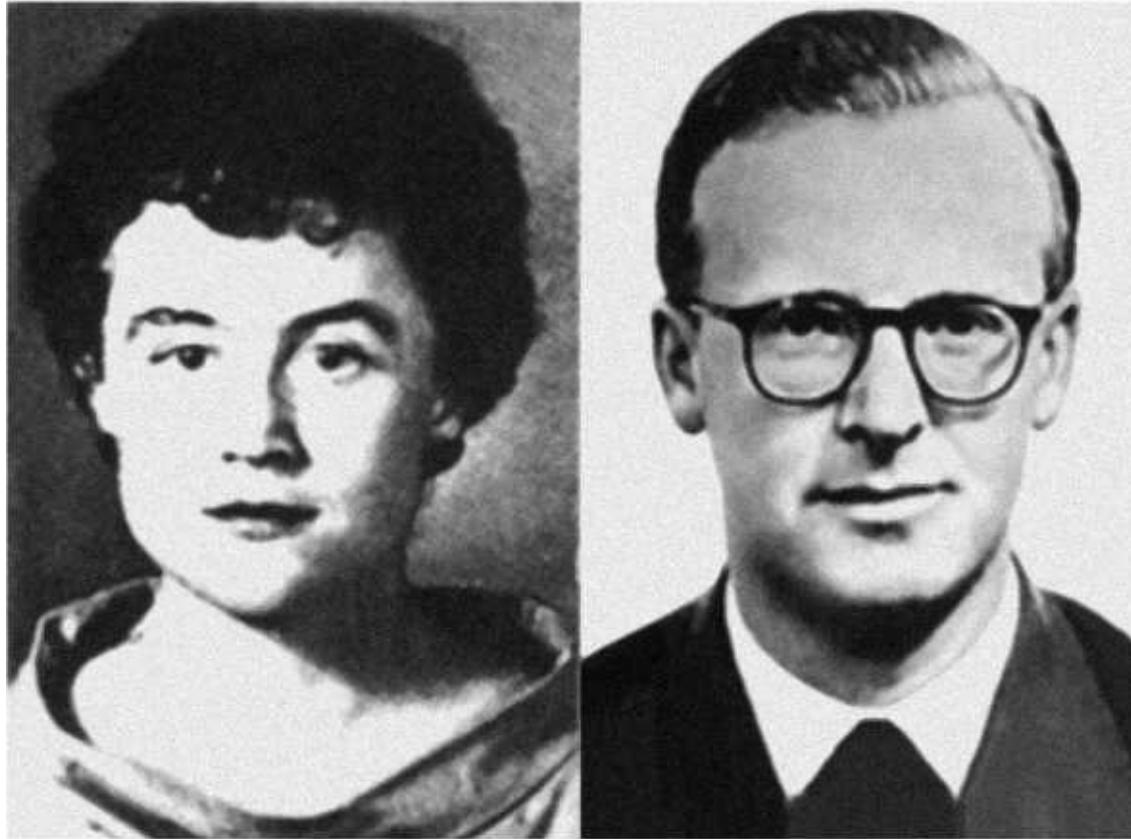
Глава 38. Как «прокололся» Пеньковский

История деятельности секретных служб в годы холодной войны убедительно показывает, что конечный результат специальных многоходовых операций часто зависел от действий рядовых исполнителей, чья инициатива и настойчивость могли существенно изменить динамику оперативного мероприятия и дать важный конечный результат.

Полковник ГРУ Олег Пеньковский начал интересовать советскую контрразведку из-за активных контактов с британским бизнесменом Винном, а также после нескольких официальных визитов в английское посольство в Москве, о которых он должен был бы уведомить КГБ, как это практиковалось в те годы. Вторично Пеньковский попал в поле зрения КГБ после неудачно проведенных под наружным наблюдением тайниковых операций с парой английских дипломатов, супругов Жаннет и Родериком Чизхолм.

Эта пара еще до приезда в Москву уже значилась в оперативной картотеке контрразведки СССР как установленные английские разведчики.

Их коллега, Джордж Блэйк, уже работавший на КГБ, своевременно информировал своего советского куратора о супругах, сотрудниках МИ-6, активно работавших в Берлине до перевода их в Москву. И потому совместная операция ЦРУ с английской разведкой по организации тайниковой связи с Пеньковским с самого начала была обречена на провал. Ведь с особо ценным агентом должны были работать расшифрованные разведчики, уже находившиеся под плотным, но конспиративным наблюдением сотрудников 7-го Управления КГБ.

Жаннет и Родериком Чизхолм, британские разведчики (из архива Keith Melton Spy Museum)

Пеньковскому вначале повезло, когда после одной из тайниковых операций «наружка» потеряла его в проходном дворе. Однако в следующий раз один из молодых сотрудников «семерки» вспомнил Пеньковского, когда тот зашел и вышел из подъезда, где Жаннет Чизхолм ранее заложила тайник, оправдывая заход в незнакомый московский подъезд легендой о необходимости поправить интимную деталь женского туалета.

Жаннет Чизхолм была опытным разведчиком, однако почему-то надеялась, что КГБ будет следить только за её мужем, вторым секретарем посольства Великобритании в Москве.

В этот раз Пеньковский привел «наружку» пряником к своему месту работы, в Госкомитет по координации научно-исследовательских работ, после чего установить личность человека, подозреваемого в тайниковых операциях с английскими разведчиками, не составило труда. Началась вторая, активная фаза работы советской контрразведки, во время которой квартира Пеньковского была оборудована системами акустического, а позднее и визуального контроля. К сводкам наружного наблюдения добавились материалы, касающиеся личной жизни Пеньковского в его домашнем окружении.

Оперативно-технический контроль показал, что Пеньковский регулярно слушает западные радиопередачи на частоте, которая ранее была установлена как принадлежащая одному из радиоцентров ЦРУ в Западной Германии. Принимая эти передачи на свой импортный коротковолновый приемник, Пеньковский делал при этом записи на листках бумаги, с которыми затем долго работал.

Пеньковский готовится фотографировать документы (из архива Keith Melton Spy Museum)

Однако наибольший интерес у советской контрразведки вызвали периодические манипуляции Пеньковского в его квартире у окна, выходящего на Москву-реку. На противоположном берегу на чердаке дома напротив квартиры Пеньковского контрразведка КГБ разместила стационарный пост наблюдения с кино- и фотоаппаратурой, оборудованной мощной оптикой. Таким образом, КГБ смог зафиксировать эпизоды фотографирования Пеньковским каких-то документов предположительно с помощью фотоаппарата «Минокс». Оперативным путем было установлено, что эти документы носили секретный характер, и Пеньковский, полковник ГРУ, тайком брал их домой из специальной библиотеки штаб-квартиры советской военной разведки.

Все собранные контрразведкой материалы были доложены Семичастному, новому руководителю КГБ, который сразу связался с Серовым, своим бывшим начальником,

направленным ЦК партии из КГБ на укрепление рядов ГРУ. Серов лично хорошо знал Пеньковского и специфику его работы в ГРУ. Возможно, Серов убеждал себя, что Пеньковский, работая с агентурой ГРУ в Москве, использует свою квартиру для документирования полученных от своих источников сведений, и потому не санкционировал передачу материалов следователям. Можно также предполагать, что Серову не хотелось портить отношения с высокими покровителями Пеньковского, такими, как Варенцов, маршал артиллерии и ракетных войск, а также с тестем Пеньковского, генералом Гапановичем. Оба активно способствовали успешной карьере Пеньковского, а он этого и не скрывал, постоянно благодарил своих покровителей дорогими западными подарками. Кроме того, Серов, вероятно, думал и о том, что его репутация может пострадать из-за личных контактов с Пеньковским, если бы начались полномасштабные следственные действия Комитета госбезопасности. А может быть, Серов, названный в мемуарах Хрущева «простым, до наивности простым человеком», особо не мучил себя такими сложными вопросами?

Так или иначе, но бригада сотрудников 7-го Управления КГБ получила указание продолжать рутинный сбор информации в отношении Пеньковского. Руководитель оперативно-технического отдела «семерки» поставил задачу своим подчиненным скрытно сфотографировать тексты документов, которые приносил домой Пеньковский. Для установки специальной фотокамеры было дано указание использовать цветочные горшки, стоявшие на подоконнике, где Пеньковский фотографировал документы. Однако такое задание руководства «семерки» выполнить было чрезвычайно трудно. Имевшиеся в арсенале КГБ специальные фотоаппараты с автономным электропитанием (а Пеньковский иногда передвигал горшки) не помещались под цветок и, главное, издавали во время съемки слабые шелестящие звуки. Полностью бесшумных фотоаппаратов в то время не было, и для звукоизоляции фототехнику часто помещали в большие специальные контейнеры. А Пеньковский мог услышать в полной тишине своей квартиры странные звуки из цветочного горшка, фотографируя рядом с ним документы.

Пеньковский в окружении цветочных горшков готовится фотографировать «Миноксом» секретные документы (из архива Keith Melton Spy Museum)

В оперативно-техническом отделе 7-го Управления КГБ разгорелись нешуточные споры о том, как всё-таки сфотографировать тексты документов, находившиеся на подоконнике, и получить уликовые материалы? Рядовые сотрудники «семерки», постоянно фиксируя действия Пеньковского, давно были уверены, что имеют дело со шпионом. Как нередко бывало в практике КГБ, начальство давило на своих подчиненных, которые пытались доказать, что цветочный

горшок не подходит в качестве камуфляжа и нужна принципиально другая система конспиративной фотосъемки для доказательства шпионской деятельности Пеньковского.

Одним из активных участников этой оперативно-технической группы был офицер-техник Юрий Озеров, родной брат знаменитого радиокомментатора Николая Озерова. Именно он, как впоследствии вспоминали ветераны контрразведки КГБ, пошел на прямой конфликт с руководством 7-го Управления, доказывая невозможность конспиративной фотосъемки из камуфляжа «цветок».

После изучении окружения квартиры и дома Пеньковского Юрий Озеров и его коллеги предложили другой, гораздо более конспиративный, но весьма сложный и дорогостоящий вариант размещения фотоаппаратуры внутри большого ящика на балконе верхнего этажа. В оперативно-техническом отделе начались жаркие дебаты и вызовы на ковер Озерова и тех, кто не поддерживал решение руководства. В конце концов начальников удалось уговорить, однако нервов и здоровья было потрачено немало. Жильцов верхней квартиры под благовидным предлогом переселили в другое место, в то время это делалось легко, а затем в моменты отсутствия Пеньковского началось уникальное оперативно-техническое мероприятие, о котором затем был снят великолепный кинофильм «Дело № 8...» в качестве учебного пособия для всего оперативно-технического состава КГБ СССР. В нем были продемонстрированы все возможности использования оперативной техники КГБ в деле Пеньковского, и остается надеяться, что когда-нибудь его смогут показать широкой аудитории, которая бы по достоинству оценила мастерство и творческий подход оперативно-технических сотрудников госбезопасности, всегда отличавшихся скромностью и трудолюбием среди разношерстной массы офицеров КГБ того времени. Лодыри и неумейки долго не задерживались среди профессионалов-технарей КГБ, поскольку быстро делали карьеру в других подразделениях или уверенно шагали по партийной лестнице внутри Комитета.

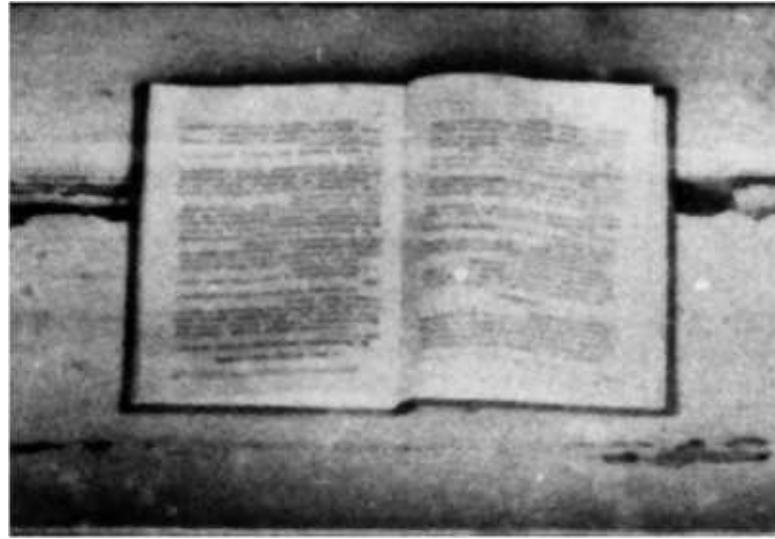
Стараниями и мастерством бригады «семерки», с которыми также работали ассы из ОТУ КГБ, на балконе, нависшем над окном Пеньковского, удалось установить две фотокамеры с обычным и длиннофокусным объективами в специальных выдвигающихся нишах с автоматически открывающимися шторками. К наблюдательному посту контрразведки на чердаке противоположного здания по дну Москвы-реки был проложен специальный кабель для дистанционного управление фотокамерами, двигающимися нишами и шторками. Сотрудники «семерки», наблюдая за окном Пеньковского через Москву-реку, поддерживали телефонную связь с другой оперативной группой, контролирующей из квартиры верхнего этажа действия «объекта разработки с окраской «Ш» (шпионаж) — так официально назывался Пеньковский в оперативных документах контрразведки.

Две фотокамеры КГБ на балконе должны были последовательно зафиксировать вначале общий план окна, где Пеньковский раскладывал секретные документы, а затем получить «читаемые» фотоснимки текстов документов, чтобы получить полный ряд уликовых фотографий.

Впоследствии эти снимки полностью убедили многих высших советских руководителей в том, что бравый полковник ГРУ, делавший им личные дорогие подарки и постоянно оказывавший знаки внимания их женам западными сувенирами (приобретенными на деньги ЦРУ и МИ-6), на самом деле уже давно является активным агентом двух ведущих разведок Запада.

Схема наблюдения и фотодокументирования действий Пеньковского (из архива Keith Melton Spy Museum)

Один из секретных документов, фотографируемых Пеньковским (из архива Keith Melton Spy Museum)

Последующие активные следственные мероприятия и негласный обыск в квартире Пеньковского дали полный набор современной по тем временам шпионской техники. Были обнаружены несколько фотоаппаратов «Минокс» и фотопленки к ним, шифровальные блокноты, а также записи радиосигналов с пометками Пеньковского «Учебные передачи».

Все материалы улик, полученные в ходе оперативно-технических мероприятий, активно использовались в суде, который был проведен как показательная акция для Запада, а заодно и для всех граждан СССР в качестве наглядного примера, что есть предатель, как им становятся и

где может закончиться его карьера.

Зарубежные и российские историки, много писавшие об этом громком деле, сходятся в одном, что Пеньковский мог кое-что слышать за рюмкой коньяка (как это уже было в шпионском деле офицера ГРУ Попова) от своих высоких покровителей, которые сообщали перспективному, как они считали, полковнику ГРУ кое-что из высших военных и политических секретов СССР. Однако основную часть сведений, переданных Пеньковским на Запад, составляли фотопленки «Минокс» с фотографиями секретных документов из специальной библиотеки ГРУ, которые, конечно же, не содержали советских стратегических секретов.

Однако фотоснимки Пеньковского пришлись весьма кстати, когда ЦРУ попыталось доказать президенту Кеннеди, что котлованы и бетонные фундаменты для советских пусковых установок, строящихся на Кубе, предназначены совсем не для зенитных ракет «земля-воздух», как убеждал американцев Хрущев, а для стратегических ракет средней дальности с временем подлета до территории США в считанные минуты. Чтобы перепроверить эти предположения, ЦРУ организовало полет своих знаменитых самолетов «У-2», один из которых был сразу сбит над Кубой, а другой всё же смог получить качественные фотоснимки строящихся пусковых установок, совпадающие с данными, подготовленными для ЦРУ и МИ-6 их общим агентом Пеньковским.

Шпионский арсенал Пеньковского (из архива Keith Melton Spy Museum)

В настоящее время фигура Пеньковского благодаря стараниям западных и некоторых российских историков приобрела поистине очертания одного из главных героев холодной войны. Одни называют его спасителем человечества, который сохранил мир и снял угрозу термоядерной войны, другие считают его главной фигурой стратегической игры СССР с Западом, которую организовал КГБ под руководством талантливого стратега и тактика Никиты Хрущева, сумевшего разорить восстанавливющееся после войны сельское хозяйство своей родной страны, а заодно легко, одним росчерком пера, подарившего Украине стратегический Крым.

Если бы Пеньковский действительно являлся двойным агентом или его собирались использовать «втемную», ЦК партии и КГБ вряд ли стали бы так раздувать это шпионское дело с огромным количеством сфотографированных и переданных Западу секретных документов ГРУ и Минобороны. Ведь специально для Хрущева и аппарата ЦК КПСС был оформлен красивый «подарочный» фото альбом всех эпизодов шпионской карьеры Пеньковского. Ну и, конечно же, никто бы не взял на себя ответственность в те далекие и неспокойные 1960-е гг. снимать показательный учебный фильм для всего оперативного состава КГБ об «агенте влияния»,

смелом полковнике ГРУ.

По мнению авторов книги, Олег Пеньковский, бесспорно, был незаурядным человеком, сумевшим лестью, интригами и подарками завоевать доверие высших чинов СССР и обратившим их благосклонность для реализации своих безмерных и нереализованных амбиций. На фоне непомерно раздутой личности «шпиона двух разведок» историки как-то незаметно, а главное, незаслуженно отодвинули за задний план уникальные мероприятия советской контрразведки и разведки, реализованные благодаря таланту, инициативе и мастерству большого коллектива оперативных и технических сотрудников КГБ, которые достойны того, чтобы сейчас назвать каждого из них, настоящих героев холодной войны, честно и до конца выполнивших свой офицерский долг.

Очерк XI. Штази — самый верный друг КГБ!

Глава 39. Специальная техника МГБ ГДР

О Министерстве государственной безопасности Германской Демократической Республики (МГБ ГДР), или сокращенно Штази, опубликовано немало книг, статей, воспоминаний, и сегодня вряд ли кого-то можно удивить ещё одним рассказом об этой самой эффективной спецслужбе послевоенной Европы.

Однако мы откроем для читателя неизвестные страницы истории этой во всех смыслах уникальной организации, о которой написано не только много интересного, но и весьма ужасного. Все предыдущие авторы не касались наиболее таинственного и потому самого закрытого направления в деятельности секретных служб — специальной, или как её называют профессионалы, оперативной техники. Вероятнее всего, все предыдущие авторы не смогли раскрыть эту тему по одной простой причине: они не являются специалистами в этой сфере, и потому всегда опасно писать о том, чего уверенно не знаешь.

Справедливости ради надо отметить книгу «Seduced by Secrets» («Соблазненная секретами») греческой журналистки Кристи Макракис, которой случайно попали в руки материалы о специальной технике Штази. Мадам Макракис старательно перевела описания некоторых секретных устройств, изготовленных специалистами ГДР, и была, судя по названию книги, слегка потрясена. Однако известные коллекционеры-историки специальной техники назвали эту книгу самым слабым изданием последнего времени, а книгу молодого автора сразу поставили на полку, где уже теснятся ряды молодых писателей, которым профессионалы приклеили не обидный, но заметный ярлык «просвещённой некомпетентности».

Эмблема Штази (из архива Keith Melton Spy Museum)

Мы, авторы, близко знакомы со специальной техникой, активно работали с ней и

занимаемся её историей уже более 30 лет. И потому мы расскажем и даже попытаемся дать оценку специальной технике Штази. При этом, конечно же, мы рискуем попасть под огонь критики самых строгих читателей, ветеранов оперативно-технических служб, которые в большинстве своём тихо работают в коммерческих структурах, возможно, вынашивая в своей душе великолепные, насколько можно себе представить, мемуары, так и не решаясь рассказать по разным причинам о загадочном и необыкновенном мире специальной техники в своей (неизданной пока ещё) книге или хотя бы в журнальной статье. Самое печальное в том, что интереснейшие страницы истории создания и применения специальных устройств тихо умирают вместе с несостоявшимися авторами, навсегда закрывая для потомков историческую правду о многих гениальных изобретениях, изощренных оперативных приемах и фантастических результатах, полученных в одной из самых секретных и, вероятно, очень древних сторон человеческой деятельности — создании специальной техники и её применение секретными службами.

Секретный значок офицера Штази (из архива Keith Melton Spy Museum)

Немного из истории создания Штази — самой молодой специальной службы послевоенной Европы. 16 августа 1947 г. советская военная администрация организовала «Пятый Комиссариат» или К-5, немецкую политическую полицию, как отдельное управление внутри Народной полиции советского сектора Германии. В 1949 г. в этом секторе была образована Германская Демократическая Республика, ставшая надолго самым верным другом и союзником СССР. Советские специалисты помогли организовать Министерство внутренних дел ГДР, одно из управлений которого в 1950 г. было преобразовано в самостоятельное Министерство государственной безопасности (МГБ), или Штази, сократив длинное название «Государственная служба безопасности».

С первых шагов Штази работала под неусыпным контролем советских служб, которые через своих инструкторов набирали, обучали и помогали в организации деятельности всех подразделений МГБ ГДР. Когда молодая спецслужба Восточной Германии окрепла и набралась собственного опыта, её взаимодействие продолжилось не только с советским КГБ, но и с государственными службами стран Варшавского договора. Восточные спецслужбы, особенно ГДР, Польши, Чехословакии и, конечно же, КГБ, особенно тесно сотрудничали как в

оперативном, так и в техническом направлении, снабжая друга друга новинками спецтехники и подсказывая оригинальные технические решения оперативных задач. В служебной переписке прочно утвердился термин «друзья», когда речь шла о спецслужбах стран Варшавского договора. И это было настоящее и поистине дружеское взаимодействие, когда профессионалы делились не только техническими секретами, но и оперативными результатами, полученными с помощью спецтехники.

Через 40 лет и друзья, и враги Советского Союза были потрясены поступком Михаила Горбачева, «нового коммуниста» с глубоким демократическим сдвигом, который «кинул» ГДР и своего верного соратника Эриха Хоннекера в руки НАТО, напоследок обняв друга Эриха и крепко поцеловав его в губы: именно так высшие советские партийные функционеры показывали степень дружбы и доверия друг другу. Горбачев сделал свой прощальный поцелуй (как и все другие свои пафосные дела) торжественно и прилюдно, на военном параде в Берлине, в 1989 г. в честь юбилея образования ГДР.

Уже после уничтожения ГДР авторы книги неоднократно встречались с бывшими оперативно-техническими сотрудниками Штази, талантливыми инженерами и учеными. Эти люди скромно пытались найти свое место на «новой родине», оставившей их без военной пенсии и лишившей всяких возможностей работать по специальности, что так громко и торжественно обещали всем жителям бывшей ГДР германские политики под рев бульдозеров, со вкусом ломавших Берлинскую стену, которую затем долго распродавали на сувениры по всему свету.

Нормально, по-человечески смогли устроиться совсем немногие офицеры-техники Штази, способности и талант которых сразу оценили в других странах. В Бельгии, Франции, Австрии и даже в ЮАР оперативно-технические специалисты МГБ ГДР смогли создать свои собственные фирмы, оказывающие услуги в детективной сфере, в защите информации и др.

Многие современные авторы и на Востоке, и на Западе мечут громы и молнии как дань в адрес Штази и его сотрудников, которые, как они пишут, «боролись с демократией, душили свободу, тренировали террористов и убийц». Однако даже непросвещенный взгляд на всемирную историю специальных служб показывает, что этим грешили очень многие солидные фирмы, от передового отряда демократии ЦРУ до авангарда коммунизма КГБ, а также все другие страны, офицеры спецслужб которых учились, снабжались деньгами и спецтехникой от ЦРУ и КГБ, а затем периодически «посыпавшие свои головы пеплом», если их ученики «засыпались», и начинали страстно рассказывать всему миру, какую ужасную и бесчеловечную работу они выполняли. Можно посмотреть разные интервью и книги, в том числе предателей и перебежчиков, чтобы понять их желание показать себя настоящими диссидентами, боровшимися в душе за демократию и свободу еще со школьной скамьи.

Мы не будем касаться политики, оставив её на растерзание другим авторам, а воспользуемся документальными материалами о деятельности Штази и коллекцией оперативной техники, которую авторам удалось собрать и сохранить в своих частных музеях. Начнем с того, чем ГДР славилась на весь мир: немецкими фотоаппаратами и знаменитой оптикой завода «Карл Цейс».

Микрофотокамера «VENUS» в контейнере «электробритва» (из архива Keith Melton Spy Museum)

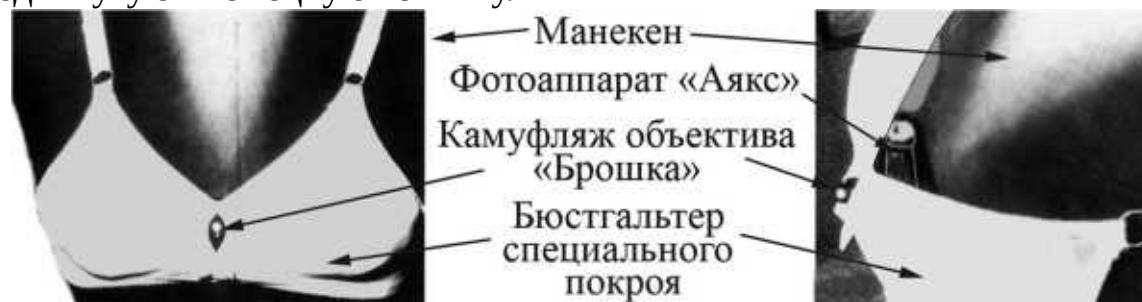
Разведка Штази во главе с легендарным генералом Маркусом Вольфом активно использовала «VENUS», одну из лучших в мире микрофотокамер для копирования секретных документов. Этот уникальный аппарат старательно применял знаменитый агент «Топаз» для съемки секретных материалов НАТО, где он долгое время работал. Весьма оригинальным был и контейнер «Электробритва» для тайного хранения аппарата «Venus-Z», который затем был оснащен системой из двух лампочек для точной установки дистанции фотосъемки, особенно важной для быстрого получения качественных снимков секретных документов.

Таким оригинальным и удивительно простым способом технические специалисты Штази легко решили одну из главных проблем, с которой постоянно сталкивались агенты ЦРУ, КГБ, МИ-6 и других спецслужб в период холодной войны. Дело в том, что микрофотокамеры для секретного копирования документов в большинстве своём не имели видоискателей, и потому многие агенты после длительных тренировок с инструкторами пытались «на глазок» точно навести свой крохотный фотоаппаратик в центр документа и дрожащими пальцами (а если кто войдет?) нажать на кнопку спуска затвора. При этом снимки часто получались плохими, и потому инструкторы в сердцах умоляли агентов фотографировать лист документа А4 за два раза: сначала верхнюю часть, а потом и нижнюю. А талантливые «злодеи» из Штази легко решили эту мировую проблему спецслужб с помощью двух простых лампочек и маленькой батарейки.

Другой интересный пример специальной фототехники Штази — одна из первых советских микрофотокамер «Арника», которую затем модернизировали специалисты Оперативно-технического сектора (ОТС) Штази. Легендарный агент Соня Л. фотографировала на рабочем месте особо важные материалы, используя необычный камуфляж — красивый дамский носовой платок. Остается только догадываться, что делала Соня Л., когда чувствовала опасность появления посторонних в моменты фотографирования документов. Наверно, это были чихания, утренний или дневной макияж, касание ресниц, бровей, глаз и пр. Нам же остается удивляться выдержке этой женщины, с огромным риском снабжавшей Штази и КГБ бесценной информацией.

Оперативно-технические сотрудники Штази иногда проявляли необычную инициативу, которая была так хорошо знакома в СССР. Как подарок ко дню открытия 20-го партийного съезда женщины из подразделения наружного наблюдения обязались освоить новый оперативный камуфляж «Лифчик с фотоаппаратом». Это была смелая инициатива, поскольку другие спецслужбы не использовали дамское нижнее бельё для камуфлирования спецтехники. Однако изобретатели из ОТС МГБ пошли дальше, точнее, вглубь, в женское бельё, проявив особый талант, и быстро сделали манекен со специальным «прикрытием» для обучения молодых девушек из «наружки» Штази.

Со временем ОТС Штази, также созданная с помощью советских коллег, продвинулась настолько вперед, что во время ежегодных совместных семинаров новинки спецтехники ГДР вызывали удивление и хорошую зависть у офицеров КГБ, которые старались копировать наиболее «продвинутую» немецкую технику.

Манекен «Дамский лифчик с фотокамерой Аякс»(из архива Keith Melton Spy Museum)

Так, например, офицеры-техники Штази сконструировали во всех смыслах передовой (по меркам 1970-х гг. передвижной наблюдательный пункт с поэтическим названием «Ласточка Б-1000», конспиративно и удобно расположенный в неброском автомобильном рефрижераторе для перевозки мясных и рыбных продуктов. Рефрижератор был установлен на базе легендарного автомобиля «BARKAS» производства ГДР.

Передвижной наблюдательный пост Штази в рефрижераторе (из архива Detlev Vreisleben Collection)

На фотоснимках цифры 1 и 2 — камуфляжи «вентиляционное отверстие рефрижератора» для специальной фото- и видеоаппаратуры скрытого наблюдения. Под цифрой 3 скрывается камуфляж «Дверная ручка» для второго комплекта фото- и видеотехники скрытого наблюдения. 4 — это отверстия для микрофонов, записывающих акустическую обстановку вокруг автобуса, например, во время уличных демонстраций, кто и какие лозунги выкрикивает или для фиксирования бесед объектов оперативной разработки, которые решили покурить и пошептаться, спрятавшись за «пустой» рефрижератор.

Элементы наблюдательного поста ШТАЗИ в «рефрижераторе» (из архива Detlev Vreisleben Collection)

«Ласточка» была оборудована самой современной компьютерной, фото-, видео- и звукозаписывающей аппаратурой, а также имела внутри все условия для длительной работы оперативных офицеров в любое время года.

Внутренняя часть наблюдательного поста ШТАЗИ в рефрижераторе (из архива Detlev Vreisleben Collection)

Слева на фото — помещение для операторов, справа — вид на размещенную внутри мощную фото- и видеоаппаратуру для скрытой съемки. Стены фургона были покрыты изнутри специальным звукопоглощающим материалом.

Фотокамера «HFK» с объективом JO-01 (слева) и кинокамера «Baulieu-R16» с объективом JO-03 (из архива Detlev Vreisleben Collection)

Эти необычные фото- и киноаппараты Штази были рассчитаны на съемку в полной темноте при освещении комнаты инфракрасными прожекторами и применялись для тайного фиксирования всего происходящего через стены и даже потолочные перекрытия помещений.

Документирование вербовочной беседы с помощью специального фотоаппарата из соседней комнаты (из архива Keith Melton Spy Museum)

Особым спросом в Штази пользовались хитроумные тайники и контейнеры для тайной перевозки секретных материалов, документов и хранения спецтехники для агентурной работы. Практически любой предмет искусными руками специалистов Штази можно было превратить в контейнер, например, дорожную фляжку для коньяка приспособить для хранения паспорта и денег для работы за границей. Чтобы открыть секретную часть фляжки, нужна была обычная булавка-ключ.

Контейнер «дорожная фляжка»(из архива Detlev Vreisleben Collection)

Для тайника годилась самая обычная домашняя вещь: подсвечник, батарейка для фонарика, щетка для обуви и даже шахматная доска. В оперативной практике известен случай, когда отчет о секретной работе агент вез в плитке шоколада, который он чуть было не съел, когда офицер таможни заинтересовался лишней (по правилам въезда в страну) шоколадкой на столике в поезде.

Наиболее ценными считались контейнеры, сделанные руками самих агентов, поскольку это были, как правило, элементы повседневной жизни, лежавшие на самых видных местах. Главное правило, чтобы они были всегда под рукой, когда агенту поступал сигнал опасности.

Штази была также европейским лидером в организации радиоперехвата мобильных телефонов, первые сотовые сети которых начали появляться в Западной Европе в 1970-е гг. На контроле у Штази были «мобильники» западных политиков и министров, руководителей НАТО и секретных служб. И, конечно же, эти сводки также читал большой друг Штази — советский КГБ.

Пост радиоконтроля Штази и схема их размещения на территории Германии (из архива Detlev Vreisleben Collection)

А проектировали, создавали и снабжали офицеров и агентуру Штази великолепной спецтехникой подразделения ОТС МГБ с его лабораториями, институтами и полигонами. В этих секретных организациях работали сотни талантливых инженеров, изобретательных конструкторов и гениальных ученых, тайные результаты работы которых мы попытались показать читателю...

Структура Оперативно-технического сектора ШТААЗИ (из архива Detlev Vreisleben Collection)

В этой книге использованы фотографии и документы из личного музея Детлева Врейслебена (Германия), который занимается коллекционированием фотоаппаратов и специальной техники более 20 лет. Ветеран фармацевтической фирмы «Байер», Д. Врейслебен начал создавать описания наиболее интересных образцов спецтехники МГБ ГДР, а затем и секретных служб стран Варшавского договора. За последние 10 лет коллекция Д.Врейслебена неоднократно демонстрировалась на выставках и в музеях Германии и стран Западной Европы, где неизменно пользовалась успехом.

Очерк XII. Фотопапки и фоточемоданы КГБ

Глава 40. Фотокамеры «Циния» и «Зола»

Практика скрытой фотосъемки сотрудниками наружного наблюдения КГБ объектов своей работы с помощью специальных фотоаппаратов «Аякс-12» и «Точка-58» не всегда отвечала оперативным требованиям. Это возникало, как правило, при фотографировании людей, их действий и окружения на дистанциях 7 — 15 метров и более. А причиной этому был малый размер негативов у аппаратов «Аякс-12» и «Точки-58».

В 1955 г. конструкторы НИЛ-11 решили использовать для оперативных целей серийную фотокамеру с полноразмерным негативом 24 x 36 мм. Была выбрана советская фотокамера «Зоркий-6», зарекомендовавшая себя как надежная аппаратура с достаточно высокими фото- и оптическими характеристиками. Для установки и применения в камуфляжах «Зоркий-6» был оборудован пружинным взводом для непрерывной съемки не менее 8 кадров. Также изменили конструкцию фильнового канала, что позволило разместить специально разработанный объектив ИК-75ЛМ в торцовой части фотокамеры. В КГБ новой фотокамере было присвоено кодовое наименование «Циния» (заводской индекс С-206).

Фотоаппарат «Циния» с торцевым объективом ИК-75ЛМ и боковым взводом рабочей пружины (из архива Keith Melton Spy Museum)

В качестве фотомоделей для «Цинии» были выбраны наиболее ходовые бытовые предметы тех лет, такие, как мягкая кожаная папка для бумаг и стандартный атташе-кейс с пластиковыми стенками. Для кожаной папки было сконструировано весьма оригинальное управления фотосъемкой. Внутри папки, в нижней ее части, устанавливался механизм, при нажатии на боковой рычаг которого специальные шторки раздвигали боковой (незашитый) шов папки, расположенный напротив объектива фотоаппарата. Момент полного раскрытия шва совмещался со спуском затвора. При отпускании рычага шов закрывался, происходил взвод затвора и перемотка пленки на один кадр.

ПАПКА В МОМЕНТ ФОТОГРАФИРОВАНИЯ - ОТВЕРСТИЕ КАМУФЛЯЖА ОТКРЫТО

Камуфляж «Кожаная папка» с механизмом спуска затвора (из архива Keith Melton Spy Museum)

Сотрудник, производящий съемку объекта, мог в укромном месте открыть папку для изменения выдержки, диафрагмы и дистанции фотографирования. Кроме того, в папке было достаточно места для размещения таких предметов, как журналы, газеты и нетяжелые книги. Можно было доставать эти предметы даже на виду у объекта фотосъемки, чтобы не вызывать сомнений в использовании папки.

Камуфляж «Кожаная папка» оказался самым эффективным прикрытием для негласного фотографирования, поскольку давал возможность делать «прицельные» снимки: папка могла уверенно удерживаться подмышкой локтевым суставом, а также одной или двумя руками за нижнюю часть, где размещался механизм спуска затвора. Это позволяло довольно жестко фиксировать направление фотосъемки и после необходимой тренировки получать качественные фотоснимки с требуемым ракурсом.

Фотографирование спецаппаратом «Циния» (из архива Keith Melton Spy Museum)

В середине 1970-х гг. советские спецслужбы получили еще один фотоаппарат для негласной фотосъемки. Справедливости ради надо сказать, что это не было полностью новой разработкой, а явились существенной модернизацией фотоаппарата «Циния», модели уже известной и популярной среди оперативных сотрудников. Новая камера с кодовым наименованием «Зола» стала первым специальным полноформатным фотоаппаратом с электронным управлением затвора.

Это был существенный шаг вперед в использовании специальной фототехники, поскольку сотрудники в ходе мероприятия часто не успевали менять значение диафрагмы объектива или выдержки затвора в условиях резко изменяющейся освещенности, когда объект заходил, например, в метро или с солнечной стороны улицы переходил на затемненную её часть. Новый аппарат «Зола» позволял сотрудникам не беспокоиться о выдержке, которая могла автоматически меняться в зависимости от показаний встроенного экспонометра.

Фотоаппарат «Зола» с основными элементами управления (из архива Keith Melton Spy Museum)

«Зола» была сконструирована для использования в двух вариантах размещения объектива: прямым и угловым. В соответствии с этим в комплект аппарата входили два одинаковых объектива ИК-75ЛМ с элементами прямого и углового крепления, которые по специальным «салазкам» вдвигались в центр верхней части корпуса и фиксировались винтами. Для установки дистанции съемки при размещении «Золы» внутри камуфляжа объектив своим внешним зубчатым кольцом совмещался с приемной частью механизма спуска затвора.

«Зола» также имела модернизированный пружинный механизм транспортировки пленки и взвода затвора. Полностью введенная пружина могла обеспечить автоматическую съемку до 17 кадров. Однако с течением времени пружина слабела и уже не могла «прокрутить» указанное в инструкции количество кадров. Опытные оперативно-технические сотрудники, зная слабости пружинных фотоаппаратов, рекомендовали оперативному составу не заводить до конца рабочую пружину пленки, что еще более уменьшало количество фотоснимков между двумя взводами.

«Зола» внутри камуфляжа «Атташе-кейс» у боковой его стенки. Фотоаппарат закреплен внутри механизма управления затвором (из архива Keith Melton Spy Museum)

В камуфляжах «Атташе-кейс» для аппаратов «Зола» использовался электромагнитный механизм спуска затвора с выносной кнопкой, расположенной на внутренней части ручки портфеля. В качестве источника питания применялись 6 батареек типа «Сатурн». Внутри камуфляжа механизм спуска затвора и блок питания закрывались легкими картонными крышками для маскировки во время кратковременного открытия портфеля.

Глубина резкости объектива задавалась фактическим отверстием камуфляжа. Некоторые модели камуфляжей имели небольшой диапазон ручной предварительной установки, для чего надо было найти укромное место, открыть портфель и передвинуть рычаг механизма установки диафрагмы на требуемое значение. Камуфляж «Кожаная папка» позволял это делать удобно и быстро.

Новый аппарат «Зола» был по достоинству оценен оперативно-техническими сотрудниками, поскольку давал возможность работать в широком диапазоне освещенностей от 100 до 40 000 люкс без предварительной установки выдержки.

Однако со временем пользователи «Золы» пришли к выводу о том, что при малых освещенностях фотоаппарат мог делать ошибки, что приводило к некачественным фотоснимкам.

Следует отметить, что в 1950-х гг., кроме серийных фотосистем, в технических подразделениях КГБ и МВД практиковали изготовление единичных и мелкосерийных «фотомоделей» для негласного фотографирования. В качестве камуфляжей использовались самые ходовые предметы того времени: портфели, папки, саквояжи, куда устанавливались наиболее популярные фотокамеры того времени. В качестве примера приводим описание несерийного камуфляжа «Саквояж» со встроенной фотокамерой «Москва-5» для получения негативов 6 x 9 см или 6 x 6 см при использовании дополнительного вкладыша в фильмовой канал.

Фотоаппарат «Москва-5» в камуфляже «Саквояж» (из архива Keith Melton Spy Museum)

Фотографирование производилось через боковую сторону саквояжа, оборудованную раздвигающимися в момент съемки шторками. Управление шторками производилось специальным электромагнитным механизмом с автономным электропитанием. Кнопка спуска затвора и открывания шторок была выведена около ручки и совмещена с планкой замка саквояжа.

Открывающиеся в момент съемки дистанционно управляемые шторки
Боковая сторона камуфляжа со шторками (из архива Keith Melton Spy Museum)

Перед каждой съемкой необходимо было открывать саквояж и взводить затвор, а также перематывать фотопленку на один кадр. Это в значительной степени снижало оперативные возможности этой фотосистемы. Однако широкоформатный негатив при правильно подобранной экспозиции давал возможность получать высококачественные снимки, используемые для оперативного опознания объекта.

Папки и портфели с фотокамерами всегда находились под рукой, в багажнике оперативной автомашины. В сложных ситуациях сотрудники часто фотографировали объекта слежки двумя фотокамерами для повышения вероятности получения качественных фотоснимков, что и позволяли делать камуфляжи «Кожаная папка», «Портфель», «Саквояж».

Очерк XIII. Кому прощают грех читать чужие письма?

Глава 41. О службе перлюстрации

Наверное, каждый из нас, открывая личное письмо, хоть бы один раз в жизни задавал себе вопрос: а кто-нибудь уже читал письмо до меня? И затем со вздохом, отбрасывая в сторону этот риторический вопрос, начинал успокаивать себя, что цензура и перлюстрация были всегда, у всех народов, во все времена и века.

Как это ни странно покажется с первого взгляда, но больше всего хлопот перлюстрация доставляла... разведкам и дипломатическим курьерам. На последних часто шла настоящая охота, с засадами и подсадными утками в качестве хорошенеких дам, готовых на всё, чтобы дипкурьеры смогли как следует отдохнуть и забыть на время о своих мешках с особо важными письмами, донесениями послов и разведчиков. А в это время целая бригада профессионалов набрасывалась на мешки, аккуратно вскрывала «вали-зы», специальные дипломатические печати, и начиналась кропотливая и тайная работа: аккуратное вскрытие каждого конверта и копирование каждого находящегося в нем письма.

Охота на почтовых и дипломатических курьеров всегда была одной из главных задач специальных служб. Так, например, в конце XVI века французский король Генрих IV подписал с Испанией условия мира, которые активно затрагивали интересы Англии и, конечно, сохранялись в строжайшей тайне. Достать текст мирного франко-испанского договора англичанам удалось через венецианского посла Контарино. По его поручению испанского курьера, который вез почту с подписанным договором, напоили снотворным зельем и усыпили. Однако текст договора находился в запаянной металлической трубке, на которой стояла печать (чем не современный контейнер для дипломатической почты!). Вскрыть трубку и не повредить печать оказалось крайне трудно. К тому же трубка-контейнер была внутри запечатанной сумки, которая крепилась цепью вокруг тела курьера. И всё же изъятие документа было осуществлено так искусно, что в Мадриде ничего не заметили.

Набор приспособлений для вскрытия писем, 1940-е гг.(из архива Keith Melton Spy Museum)

Об искусстве британских специалистов вскрывать чужие письма и читать дипломатическую почту можно узнать в знаменитой книге разведчика Кима Филби «Моя тайна войны». В истории КГБ упоминается май 1921 г, когда при ВЧК был создан 8-й спецотдел для организации криптографии, создания шифров, а впоследствии и службы радиоперехвата. Но для уверенной дешифровки требовались подлинные дипломатические документы, для чего позднее было организовано особое подразделение НКВД — ОГПУ, тайно проникавшее в дипломатические

миссии для вскрытия сейфов, фотографирования дипломатической переписки и шифровальных книг.

Генерал КГБ Юрий Павлов в своих мемуарах подробно описывает уникальную операцию вскрытия спецбригадой КГБ японской дипломатической почты на ходу поезда Владивосток — Москва. Этап подготовки этой особо важной и сверхсекретной операции начался... с закупки японских канцелярских товаров: бумаги, чернил, карандашей, сургуча, упаковочной бумаге и другой офисной мелочи, которой пользуются при упаковки японской дипломатической почты.

В почтовом вагоне была оборудована специальная лаборатория — маленький и тесный закуток, где предстояло совершить ювелирную по точности и аккуратности работу и не в спокойной обстановке, а на ходу, когда вагон трясется на стыках рельсов и при поворотах. И потому многие операции бригаде пришлось выполнять только во время длительных остановок поезда на больших станциях.

На первом этапе перлюстрации дипломатической почты внимательно осматривались все упаковки, особые печати и пломбы, которые принято было называть «дипломатическими вализами». Под лупой особенно внимательно изучались замки диппочты. Самое сложное начиналось при вскрытии внутренних упаковок с подкладками из японской рисовой бумаги, где могли быть секретные метки, которые также необходимо было выявить, сфотографировать, а потом и повторить.

К моменту запечатывания пакетов и вализы специалист бригады уже знал особенности kleев, сургуча и чернил, которыми были сделаны надписи на пакетах. Если пакеты заменялись на новые, то специалист по почеркам делал абсолютно идентичные надписи на новых упаковках.

Процесс обратного закрытия диппочты был настолько сложен, что бригада работала с чрезвычайным напряжением, чтобы уложиться в срок. В качестве гарантии от провала можно было потребовать от машиниста дополнительной остановки, не доезжая до Москвы. Неудивительно, что после такой «поездки» всему составу спецбригады предоставлялся отгул на целую неделю.

Однако перлюстрацией можно было заниматься и в гораздо более спокойной, почти домашней обстановке. Для чего во многих странах внутри почтовых служб действовали особо секретные подразделения полиции и контрразведки, занимавшиеся перлюстрацией и цензурой «почтовых отправлений» — так официально именовались письма, открытки, посылки, упаковки и прочие предметы, пересылаемые обычной почтой.

Особенно активно службы перлюстрации действовали во время двух последних мировых войн, когда к обычной гражданской цензуре добавлялась масштабная военная цензура. Легендарный Смерш также имел свои подразделения перлюстрации, одно из которых так круто изменило судьбу фронтовика Александра Солженицина, прочитав его письма с критикой И.В. Сталина.

Объемы почтовой службы в военный период позволяли просматривать все почтовые отправления, однако внимание уделялось подозрительным или проверяемым персонам, группам лиц или людей, опасным для государства. Специальная техника и особые приспособления позволяли открывать конверты без их повреждения. Крайне осторожно надо было обращаться с клапанами конвертов и с печатями. В первой половине XX века использовались три наиболее известные технологии вскрытия конвертов: открывание над паром, сухое открывание (отделение kleевого слоя) и влажное вскрытие с использованием воды.

Джордж Уиллис, эксперт разведки США по тайному вскрытию почты, показывает на фотографии пример извлечения письма из конверта с помощью своих инструментов. Уиллис был автором универсального набора для перлюстрации, названного «Клапаны и печати», который располагался в обыкновенном портфеле. Внутри находилась вся необходимая техника

для вскрытия конвертов и упаковок, а также для отделения (отклеивания) печатей. Основой набора было специальное нагревающееся основание для расклейивания клапанов конвертов в сочетании с увлажнением и с промокательной бумагой.

Джордж Уиллис, известный американский эксперт, изобретатель инструментов для перлюстрации (из архива Keith Melton Spy Museum)

Во время Второй мировой войны движение Сопротивления во Франции вело активную борьбу с оккупационными войсками Германии. Участники Сопротивления часто использовали почту для секретного уведомления о конспиративных встречах. В свою очередь, немцы использовали методы проверки французов, которые могли симпатизировать Сопротивлению. Для этого применялся способ «забытого или оставленного письма». Если француз получал такое фальшивое, сделанное немцами письмо, он мог прийти на встречу, где его могли арестовать. Если француз передавал такое странное письмо немецким властям, он рисковал оказаться предателем перед Сопротивлением, если письмо было подлинным приглашением на встречу.

Для помощи Сопротивлению британская разведка начала изготавливать фальшивые французские почтовые марки, которые отличались от настоящих только одной маленькой деталью, которую знали бойцы Сопротивления. Любое письмо, полученное якобы от Сопротивления, но без этой фальшивой марки, означало немецкую западню. Немцы так и не узнали об этой уникальной технологии использования фальшивых марок.

После Второй мировой войны международная почта заработала вновь, чем сразу воспользовались спецслужбы, «подогреваемые» задачами холодной войны. В те времена

перлюстрация включала в себя различные виды проверки всех типов почтовых отправлений: писем, открыток, бандеролей и посылок. Перлюстрация планировалась, организовывалась и проводилась как в отношении конкретных лиц, так и по организациям, подозреваемым в антигосударственной деятельности. Перлюстрация помогала спецслужбам в определении настроений и сборе слухов конкретных слоев общества. С помощью перлюстрации можно было определить подготовку каких-либо антиправительственных выступлений, митингов, демонстраций и массовых манифестаций.

В конце 1940-х гг. перлюстрация скромно именовалась «целевой проверкой корреспонденции». Инструкции того времени позволяли организовать проверку корреспонденции какого-либо адресата на срок не более 1,5 месяца, а в отношении зарубежного адреса — до 2-х месяцев. В последующие годы этот срок уже составлял до 6 месяцев, что было связано с увеличением штата подразделений перлюстрации.

Постоянной задачей перлюстрации была «выборочная проверка», которая давала высшему руководству страны и правительству возможность знать о настроениях общества, чувствовать мнение населения по наиболее актуальным вопросам жизни и политики. Так, например, в 1951 году контрразведка Чехословакии провела анализ результатов перлюстрации корреспонденции, который показал:

- умеренную критику населением повышения цен на некоторые виды потребительских товаров;
- опасения дальнейшего роста цен и призывы делать запасы продуктов;
- опасения выселения военных пенсионеров из столицы;
- слухи об эпидемиях гриппа в крупном районе страны;
- страхи населения перед третьей мировой войной и др.

Под перлюстрацию не попадала корреспонденция президента республики, членов правительства, центрального аппарата и периферийных органов коммунистической партии, а также депутатов Национального собрания ЧССР.

Сотрудники подразделений перлюстрации в 1950-е годы работали в почтовых отделениях под «прикрытием» обычных почтовых служащих и сотрудников отдела валютного контроля Министерства финансов ЧССР. Когда работы было много, офицеры госбезопасности привлекали для перлюстрации свою агентуру из числа опытных сотрудников службы почты.

Краевые и областные подразделения чехословацкой госбезопасности размещали пункты перлюстрации как внутри почтовых отделений, так и в помещениях службы охраны и безопасности Министерства железнодорожного транспорта, на пунктах гражданской обороны. Служба перлюстрации могла маскироваться под небольшие военные учреждения, а также «прятаться» внутри областных управлений связи.

В 1950-е годы прошлого века основными задачами службы перлюстрации ЧССР были:

- 1) поиск и документирование связи граждан страны с иностранными спецслужбами и разведками;
- 2) контроль, изъятие, оценка и документирование почтового отправления лиц и адресов по заданиям разведки, контрразведки согласно постановлению судов и во время расследования уголовных дел;
- 3) обеспечение (помощь) оперативной связи служб разведки и контрразведки ЧССР;
- 4) изъятие материалов антиправительственной «враждебной» направленности.

К этому времени контрразведки ведущих стран мира уже имели определенный набор видов перлюстрации. Вот их названия.

- 1) «Выборочная проверка». После войны она проводилась путем произвольной выборки почтовых отправлений и анализа содержания переписки. В дальнейшем этот вид проверки

становится базовым для других видов перлюстрации.

2) «Направленная проверка корреспонденции» также практиковалась сразу после войны. Её целью было обнаружение тайных каналов связи иностранных спецслужб, а также уголовно наказуемые действия, такие, как незаконные валютные операции и контрабанда. Такая проверка организовывалась только в отношении лиц, которые уже находились в оперативной разработке или стояли на оперативном учете по линии госбезопасности и Министерства внутренних дел ЧССР.

3) «Фокусная проверка» явилась дальнейшим развитием «направленной проверки». Основная цель — это контроль секретных каналов связи собственной разведки и контрразведки, проверка надежности действий агентуры при выполнения ими учебных и боевых заданий.

4) «Групповая проверка» проводилась с целью проверки почты зарубежных адресов определенной области, района, города и даже улицы по заданиям собственной службы разведки. Практически такой поиск систематически проводился по заданиям госбезопасности в отношении иностранных посольств и миссий и передавался соответствующему отделу или управлению госбезопасности.

5) «Превентивная проверка» проводилась, по существу, как выборочная проверка. Цель — изъятие почтовых от-правлений, которые своим видом или содержанием носили явно антисоциалистический или антиобщественный характер. Кроме того, целью «превентивной проверки» был контроль разглашения государственной и военной тайны.

Приспособление для изъятия письма без вскрытия конверта (из архива Keith Melton Spy Museum)

В 1950-е гг. многие виды «проверок» делались одновременно. Так, например, сотрудник службы перлюстрации ЧССР выбирал из почтовой корреспонденции определенного государства или области по различным критериям такое количество почтовых отправлений, которое он способен был сам проверить. Полученную информацию из-за её большого количества иногда было невозможно полностью проанализировать, поэтому в 1960-е гг. была введена «комплексная проверка», заключавшаяся в охвате максимального количества почтовых отправлений, их

химической проверке, графической экспертизе и подготовке доказательной документации для предъявления на следствии или в суде.

Из-за необходимости большого количества персонала «комплексная проверка» была ограничена только почтовыми каналами связи на крупнейшие страны Западной Европы, такими, как ФРГ, Франция и Великобритания. Позднее «комплексную проверку» стали называть методом «административно-технического отбора».

В послевоенный период посты или пункты перлюстрации специальных служб стран Варшавского договора имели в своем составе ряд подразделений:

1) отдел слежения, который отбирал почтовые отправления конкретных отправителей и получателей, а также письма, посланные или адресованные в определенную область. В этот отдел передавались все почтовые отправления из соответствующего почтового отделения, и только здесь они разбирались в соответствии с инструкциями и указаниями собственной разведки и контрразведки.

2) отдел целевой проверки анализировал отобранные почтовые отправления в соответствии с требованиями и указаниями собственной разведки и контрразведки для поиска признаков тайнописи, секретной переписки или уголовно наказуемых действий.

3) отдел поиска занимался выявлением признаков тайнописи в отобранных письмах из определенной области или региона.

4) технический отдел осуществлял поиск тайнописных сообщений с помощью специальных методов. Отдел был укомплектован профессиональной фотоаппаратурой для документирования почтовых отправлений. Кроме того, технический отдел занимался вскрытием особо важных писем и посылок.

Технический отдел мог состоять из отделения химического контроля, отделения графической экспертизы для разбора рукописных и машинописных текстов, фототехнического отделения, а также специального отделение вскрытия и запечатывания почтовых отправлений.

В годы холодной войны одной из наиболее важных считалась химическая проверка, которая позволяла обнаружить тайнописные сообщения, невидимые невооруженным глазом. Для прочтения тайнописи применялись как простые, так и весьма сложные химические и физические процессы. Задача химической проверки была не только обнаружить, проявить и прочитать тайнописное сообщение, но также и предложить новые химические и физические процессы тайнописи для нужд госбезопасности. Кроме того, сотрудники отделения химической проверки должны были собирать сведения о методах тайнописи западных спецслужб.

Пример выявления тайнописи на открытке, отправленной из Москвы в Берлин (муляж)(из архива Keith Melton Spy Museum)

Интернет существенно прибавил заботы спецслужбам и заставил создавать особые подразделения «электронной перлюстрации». Но классическая перлюстрация еще жива, поскольку поток внутренней и международной почты не уменьшился. Особенno важным является направление борьбы с терроризмом, и мы пожелаем удачи сотрудникам госбезопасности в поиске и выявлении каналов связи этого самого большого зла современного мира.

Очерк XIV. Партнеры и друзья КГБ

Глава 42. Служба государственной безопасности ЧССР

Ретроспектива современных документальных и детективных фильмов, мемуаров разведчиков и расследования журналистов пестрят такими названиями, как ЦРУ и ФБР, КГБ и Штази, ну и особенный интерес у историков, а также простых читателей вызывают исторические материалы о спецслужбах Великобритании. Что и говорить, секретные службы Соединенного Королевства, ранее совершенно засекреченные даже внутри своей страны, сегодня открывают свои архивы, чтобы показать историю своего создания, крупным планом показать успехи и скромно оттенить провалы.

Однако историки практически не вспоминают о спецслужбах стран Восточной Европы, которые особенно в годы холодной войны демонстрировали свой высокий уровень профессионализма, оригинальность оперативных комбинаций, а также создавали уникальные образцы специальной техники, которые бы украсили многие сериалы о Джеймсе Бонде и, конечно, открытый одноименный музей шпионажа в британской столице.

Чехословакия, или ЧССР, в системе стран Варшавского договора имела развитую экономику, эффективные предприятия тяжелой и легкой промышленности, высококвалифицированные научные и производственные кадры. Летом 1945 г. в стране создается Служба государственной безопасности, или STB, со своей разведкой и контрразведкой, а также Служба общественной безопасности, выполнявшая полицейские функции. Обе службы входили в состав Корпуса национальной безопасности.

Государственный Герб Чехословацкой Социалистической Республики (из архива Detlev Vreisleben Collection)

Историки не отрицают, что большое влияние на становление и развитие службы государственной безопасности ЧССР оказывал советский МГБ и затем КГБ. Советских офицеров-консультантов чехословацкие коллеги деликатно называли «товарищи из Трои» по названию района Праги «Троя», где проживали инструкторы из КГБ.

В середине 1950-х гг. в Праге начали работать официальные представительства болгарского, а затем и советского КГБ. В 1965 г. в чехословацкой столице появился офицер связи Штази со своим небольшим аппаратом помощников.

Уникальная микрофотокамера «Давид» в цанговом карандаше (из архива Detlev Vreisleben Collection)

Наиболее активно спецслужбы социалистических стран сотрудничали в сфере оперативной техники и у каждой страны были свои уникальные специзделия, которыми они делились, тем самым повышая общий оперативно-технический потенциал органов государственной безопасности стран — участниц Варшавского договора. Главными темами регулярных встреч-консультаций технических специалистов были методы эффективного использования оперативной техники, особенности разработки и производства специзделий.

С 1948 г. руководитель оперативно-технической службы ЧССР активно поддерживал партнерские отношения со своим венгерским коллегой, поскольку венгерские чекисты имели превосходные результаты в специальной радиотехнике и контроле телефонов, а коллеги из ЧССР делились своими эффективными методами негласной фото- и киносъемки, технологиями изготовления документов и тайнописными рецептами. Однако события 1956 г. помешали дальнейшему развитию этого сотрудничества.

Результативным было взаимодействие спецслужб в организации деятельности радиоконтрразведки, направленной на выявление шпионов-радистов западных разведок. Так, например, в середине 1970-х годов радиоконтрразведка ЧССР перехватила и расшифровала радиопередачу из центра американской разведки в ФРГ для агента ЦРУ в Венгрии, а радиослужба Штази пеленговала передачи западногерманского агента в районе Праги.

Один из лучших портативных фотоаппаратов «Микрома», активно применявшийся в оперативной работе многих спецслужб (из архива Detlev Vreisleben Collection)

Проблема выявления шпионов-радистов стала поводом создания в середине 1950-х гг. координационной группы, объединявшей первоначально Албанию, Болгарию, Чехословакию, Венгрию, ГДР, Польшу, Румынию и СССР. Страны — участники группы распределяли между собой диапазоны коротких волн и территории слежения и оперативно обменивались информацией о подозрительных частотах и радиопередачах. Также шел активный обмен новыми разработками радиоприемных и антенных устройств. В ЧССР в середине 1950-х гг. активно работали два стационарных поста радиоконтрразведки в Праге и Братиславе, а также три радиопеленгационные станции.

Кит Мелтон с радиозакладкой в каблуке (из архива Keith Melton Spy Museum)

В конце 1950-х гг. западные разведки начали активное использование аппаратуры быстродействия. Агенты заранее готовили свои шифрованные радиосообщения и затем передавали их в ускоренном режиме. За счет этого удавалось сократить время нахождения в радиоэфире до 10–50 секунд. Это создавало трудности службам радиоконтрразведки, которые не всегда могли «засечь» столь короткие радиопередачи.

Кроме поиска и пеленгации частот каналов агентурной связи, радиоконтрразведка ЧССР контролировала радиосвязь австрийской и западногерманской полиции не-далеко от границы, что позволяло получать оперативную информацию о деятельности этих спецслужб и объектах их работы. С середины 1970-х гг. был организован контроль мобильных телефонов в южной части ФРГ, между Мюнхеном и Нюрнбергом.

Госбезопасность ЧССР, как и КГБ СССР, оказывала материально-техническую помощь странам «народной демократии»: Кубе, Вьетнаму, Ираку, Гвинее, Эфиопии и др.

В Пражском музее истории полиции представлен один из шедевров спецтехники — микрофотоаппарат с кодовым наименованием «Давид» внутри изящного цангового карандаша. Таким «карандашником» оперативный офицер или агент могли конспиративно сделать десяток фотоснимков объектов оперативного интереса разведки или контрразведки.

А сколько важной информации дал госбезопасности ЧССР каблук изящного ботинка американского посла в Праге? Услужливая гувернантка заранее подменяла туфли послу перед проведением важных совещаний в дипломатической миссии США, а для включения

радиозакладки вытаскивала из каблука тонкую булавку.

Агенты спецслужб ЧССР наверняка с удовольствием использовали малогабаритный копировальный аппарат «Ян», удобно помещавшийся в обычный портфель, при этом качество фотокопий конфиденциальных документов было превосходным.

В работе госбезопасности ЧССР иногда происходили «проколы», а самый скандальный — это дело известного чешского «диссидента» доктора Зденека Млынаржа, который в декабре 1973 г. самостоятельно обнаружил микрофон подслушивания в своей квартире. Кабель от микрофона был проложен из квартиры соседки, которая жаловалась на плохое качество работы своего телефона. Доктор Млынарж внимательно осмотрел телефонные кабели в квартире соседки и заметил следы заделки штукатурки, которые скрывали микрофонный кабель, проложенный в его квартиру.

Специальный копировальный аппарат «Ян» и обычный портфель для его переноски (из архива Detlev Vreisleben Collection)

Возмущенный Млынарж официально обратился с письмом к министру внутренних дел ЧССР Яромиру Обзине, который был вынужден отдать распоряжение о начале расследования. Параллельно с официальным расследованием госбезопасность вела конспиративное наблюдение за окружением Млынаржа и даже контролировала телефоны его близких знакомых, чтобы определить возможность утечки информации о ходе расследования. Спустя более года расследование сделало вывод о том, «что факты преследования определенного лица установить не удалось...»

Авторы советуют, если читатели будут в Праге, обязательно посетите Пражский музей истории полиции. Вы увидите большое количество экспонатов специальной техники КГБ и STB. Мудрые чехи не стали выбрасывать достижения социализма, а сохранили образцы специальной техники, которые, конечно же, не имеют политической окраски и дают представление о таланте, изобретательности и мастерстве поколения XX века Восточной Европы.

Очерк XV. Техника оперативной звукозаписи спецслужб

Глава 43. Диктофон для Штирлица

В легендарном сериале "17 мгновений весны" показано, как всеми любимый актер Вячеслав Тихонов в роли разведчика Штирлица пользуется в своей работе портативным диктофоном «Siemens». В действительности же знаменитый концерн никогда не выпускал подобных устройства, которые к тому же не могли производиться во время Второй мировой войны, поскольку мировой технический прогресс в то время еще не достиг таких технических высот. Однако реквизитор советского популярного сериала долго не ломал голову над вопросом, где же достать военный германский диктофон 1940-х гг., а просто приkleил заранее нарисованный ярлык «Siemens» на... советский аппарат «Электроника-52Д» образца 1967 г.

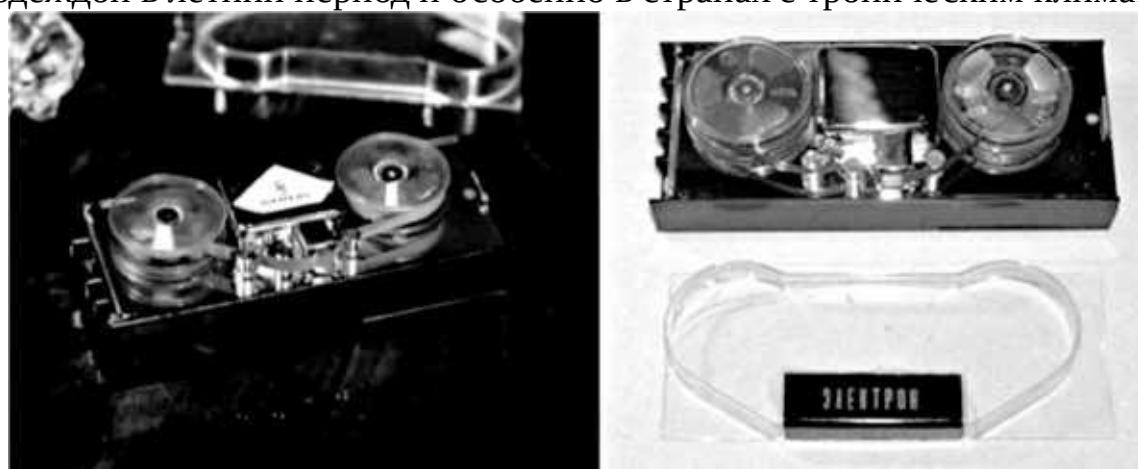
Надо сказать, что диктофон «Электроника» имел время записи всего 15 минут, а стоил около 80 рублей, что по тем временам считалось весьма большой суммой. Именно эти параметры и решили судьбу советского диктофона, производство которого быстро прекратилось в связи с отсутствием спроса. И конечно же, для технического арсенала КГБ столь короткое время записи совершенно не подходило по оперативным соображениям. А чем же на самом деле пользовались офицеры госбезопасности СССР для записи вербовых бесед, устной агентурной информации, описания будущих мест операций по связи, поведения сотрудников наружного наблюдения и отличительных деталей их автомашин? В деятельности КГБ такое направление использования техники называлось «оперативная звукозапись». При этом применялись скрытно размещаемые разнообразные портативные диктофоны, позволявшие фиксировать речевую информацию незаметно для окружающих.

Штирлиц со своим диктофоном (из архива Keith Melton Spy Museum)

В конце 1970-х гг. в США был задержан офицер КГБ, под одеждой которого сотрудники американской контрразведки ФБР обнаружили техническое устройство размеров спичечной коробки. В своей штаб-квартире специалисты ФБР после детального изучения изъятой советской техники с нескрываемым удивлением заявили, что имеют дело с уникальным малогабаритным диктофоном КГБ, в котором запись речи велась на сверхтонкую проволоку продолжительностью до 5 часов. По тем временам это считалось техническим чудом, поскольку кассетные диктофоны того времени были в несколько раз больше, а время записи обеспечивалось 45- и 90-минутными кассетами. Были в то время и портативные ленточные

диктофоны, но с гораздо большими габаритами, что часто не давало возможности их надежно спрятать под одеждой в летний период и особенно в странах с тропическим климатом.

Диктофон Штирлица (слева) и советский аппарат «Электроника-52Д»(из архива Keith Melton Spy Museum)

Вообще говоря, деятельность агентов и офицеров спецслужб трудно представить без специальной малогабаритной техники, такой, как фотоаппараты и диктофоны. О фототехнике КГБ сегодня можно найти много интересного в интернете. Так, например, порой на грани риска расшифровки действовали «агентессы» Штази, фотографируя изящным тюбиком «губной помады» особо важные документы США и ФРГ, используя уникальную микрофотокамеру советского производства. Даже сегодня на международном Венском фотоаукционе высоко котируются специальные фотокамеры КГБ. А вот другой атрибут «шпионских игр» холодной войны незаслуженно забыт, хотя детективные фильмы и книги постоянно демонстрируют шпионов и охотников на них с микрофотоаппаратом в одном кармане и специальным диктофоном в другом.

Откровения Эдварда Сноудена еще раз подтвердили постоянную активность спецслужб в записи и хранении речевой информации. В практике работы КГБ существовало правило, когда на вербовочную беседу или на встречу с агентом оперативный сотрудник выходил, вооруженный спрятанным под одежду портативным диктофоном, чтобы не пропустить ни одной важной детали агентурной информации, которую затем уже в своем подразделении или на конспиративной квартире нужно было подробно и точно изложить в отчетном документе. И потому усилия секретных разработчиков и конструкторов специальных служб направлялись на создание диктофонов с габаритами, которые бы давали возможность их прятать при необходимости даже в нижнее белье оперативных офицеров, что в странах с тропическим климатом было важной служебной необходимостью.

В специальных институтах и лабораториях конструировались уникальные магнитофоны и диктофоны, которые активно и результативно работали в мероприятиях как на территории СССР, так и за рубежом, фиксируя важную информацию, добываемую агентами и офицерами спецслужб.

Глава 44. Из истории звукозаписи

Термин «звукозапись» появился в 1877 г. после изобретения американцем Эдисоном фонографа, с помощью которого звук записывался иглой-резцом на вращающийся покрытый воском цилиндр. Колебания иглы создавались рупором, служившим вначале микрофоном в процессе записи, а затем динамиком при последующем воспроизведении. Фонограф Эдисона пользовался огромным успехом, поскольку мог записывать и воспроизводить не только речь, но и музыкальные произведения. В Швейцарии стали производить маленькие переносные фонографы, что существенно расширило границы их применения.

Позднее были созданы разные устройства и системы звукозаписи, среди которых был и советский аппарат Александра Шорина, сконструированный в 1928 г. В «шоринофоне», так называли это устройство, склеенная в кольцо кинопленка перемещалась мимо резца, который, записывая звук, смешался в сторону на следующую дорожку, пока не использовалась вся ширина пленки.

Портативный фонограф Эдисона (из архива Keith Melton Spy Museum)

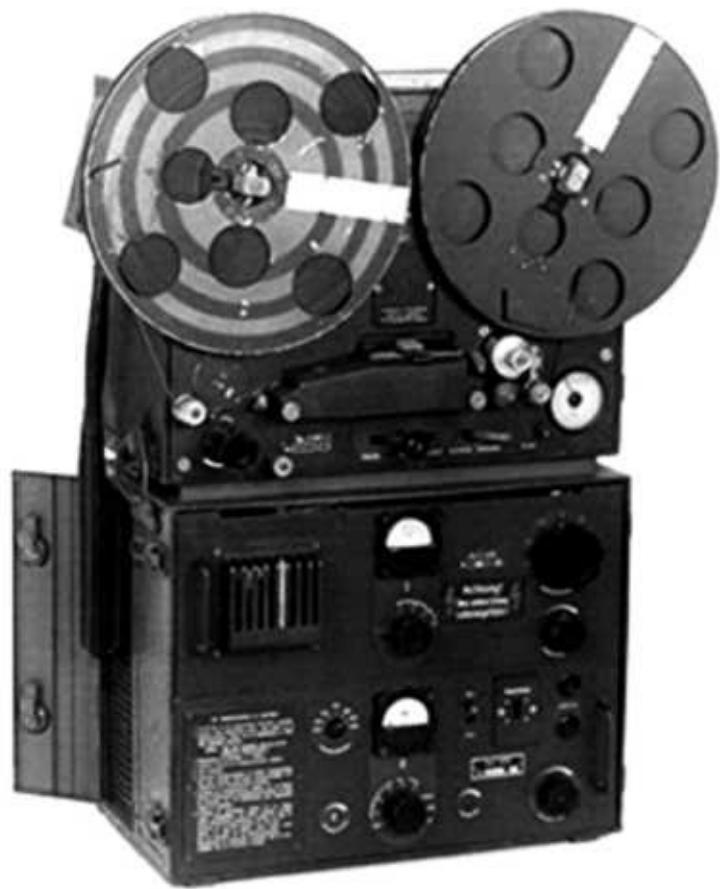
Примечательно, что на кинопленке шириной 35 мм размещались до 50 звуковых дорожек, что позволяло при рулоне пленки длиной 300 м получать запись продолжительностью до 8 часов. Начиная с 1936 г. «шоринофоны» стали использоваться регулярно, а в 1940 г. появились репортажные (переносные) «шоринофоны». Это были еще несовершенные аппараты, однако они намного расширили возможность применения механической записи звука. «Шоринофоны» стали активно использовать репортеры «последних известий». Многие радиопередачи с фронтов Великой Отечественной войны были сделаны на основе звукозаписей с применением «шоринофонов». Знаменитые советские комедии «Веселые ребята», «Волга-Волга» и др. озвучивались с помощью аппаратов А. Шорина, что можно прочитать в титрах.

Репортажный «шоринофон», 1940 г.(из архива Keith Melton Spy Museum)

Однако по-настоящему перспективной для деятельности спецслужб стала магнитная запись звука, в которой использовались как специальная сверхтонкая стальная проволока, так и магнитная лента. Первый «проводочный» аппарат для звукозаписи запатентовал еще в 1898 г. датский инженер Поульсен, назвавший свое детище «телефон». В Европе с 1924 г. стали продаваться улучшенные модели телефонов, в которых уже был электронный усилитель звука.

В довоенной Германии инженер Пфлеймер начал эксперименты с различными типами лент, покрытых оксидом железа для записи и воспроизведения звука. И вот в 1932 г. ведущая немецкая фирма «АЕГ» выпустила первый аппарат звукозаписи под названием «Магнитофон-К1», в котором использовалась магнитная лента, изготовленная на химическом концерне «BASF». Немецкие спецслужбы и вермахт активно применяли «Магнитофон-К1» и его модификацию «К4-HF» в конце 1930 гг. Во время войны немецкие ленточные магнитофоны уже имели дополнительную систему высокочастотного подмагничивания, что существенно, до 10 кГц, увеличило частотный диапазон звукозаписи и повысило качество звучания.

Модель «K4-HF» с армейским радиоприемником, 1942 г. (из архива Keith Melton Spy Museum)

Выпускаемые в Германии ленточные магнитофоны не поставлялись на экспорт, да и специалисты по звукозаписи в разных странах мира не придавали особого значения громоздким аппаратам фирмы «AEG». Однако в 1945 г. после разгрома Германии американский офицер-связист Джек Маллин обнаружил в радиостудии Франфурта-на-Майне несколько немецких магнитофонов и километры записанной пленки. Недолго думая, предпримчивый связист отправил личным багажом найденную им технику в США, где с успехом продемонстрировал специалистам трофеиную звукозаписывающую аппаратуру. Ловко используя немецкие технические идеи и решения, американская фирма «AMPEX» быстро наладила свое собственное производство ленточных магнитофонов, которые по достоинству оценили в разных странах и быстро начали конструировать свои собственные модели, успешно конкурировавшие с американскими аппаратами звукозаписи.

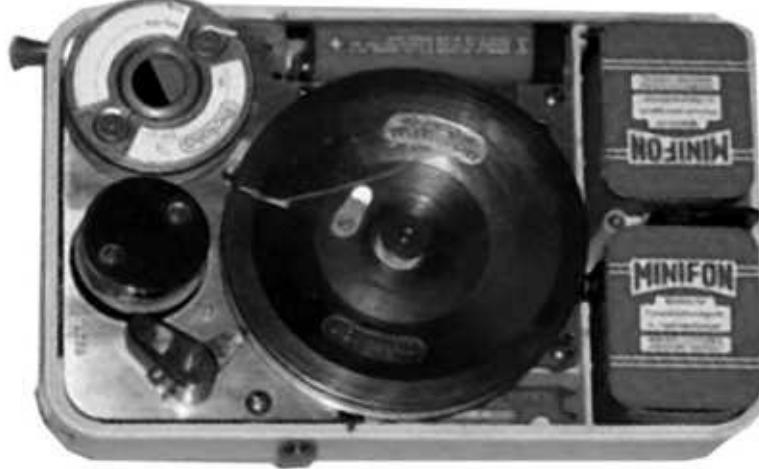

Джек Маллин с первой моделью американского ленточного магнитофона «AMPEx 200», конец 1940 гг. (из архива Keith Melton Spy Museum)

Немецкую аппаратуру ленточной звукозаписи по достоинству оценили и в СССР. В начале 1944 гг. появились первые отечественные студийные магнитофоны «МАГ-1» с подмагничиванием постоянным током и «МАГ-2», в которых использовалось высокочастотное подмагничивание. В 1945 г. создается Всесоюзный научно-исследовательский институт звукозаписи (ВНИИЗ), где начинается активное проектирование и создание новых образцов магнитофонов для сети радиовещания СССР, для потребностей армии, спецслужб и предприятий, использующих вычислительную технику. Параллельно на заводах химической промышленности создаются новые образцы магнитной ленты «ТИП-1», «ТИП-2» и «ТИП-6», массовое производство которых осваивает фотохимический концерн «СВЕМА».

Глава 45. Первый послевоенный проволочный диктофон

В годы войны технические подразделения армии и госбезопасности активно применяли как отечественные «шоринофоны», так и трофейные немецкие ленточные аппараты звукозаписи. Однако габариты и энергопитание этих систем давали возможность их использования только в стационарных условиях или в специальных автомобилях с автономными системами электропитания. Оперативным подразделениям контрразведки и разведки КГБ постоянно требовались небольшие по размерам диктофоны, которые можно было применять конспиративно, камуфлируя аппаратуру звукозаписи в сумки и портфели, а при необходимости и под одежду. Толчком к разработке советской портативной спецтехники стало появление в 1951 г. немецкого проволочного диктофона «Minifon Mi51». Несмотря на использование миниатюрных радиоламп в его электронной схеме, габариты нового диктофона уже позволяли прятать его в портфель или дамскую сумочку, что давало возможность скрытой и качественной записи беседы продолжительностью до 2-х часов. В комплект диктофона входили наручные часы-микрофон, что сразу привлекло внимание к нему спецслужб и частных детективов.

Немецкий «Minifon Mi51», 1951 г.(из архива Keith Melton Spy Museum)

Интересно, что изобретатель этого замечательного во всех смыслах аппарата Вилли Драхейм начал конструировать свой диктофон еще в 1948 г. Несмотря на высокую стоимость порядка 700 немецких марок, «Minifon Mi51» пользовался большим спросом и выпускался фирмой «Protona» до 1955 г. Изобретение транзистора способствовало появлению в 1958 г. еще одного уникального аппарата — диктофона «Minifon Liliput», который был меньше по габаритам (13,6 x 8,7 x 4,3 см), обеспечивал 2 часа записи и был в то время самым маленьким устройством звукозаписи. Однако по разным причинам производство этого диктофона ограничилось небольшой партией выставочных образцов.

Конструкторы и разработчики техники КГБ попытались воплотить идеи фирмы «Protona», и в конце 1950 гг. для советских спецслужб создается первый проволочный диктофон «Собеседник», в конструкции которого были использованы схемотехнические решения моделей «Minifon».

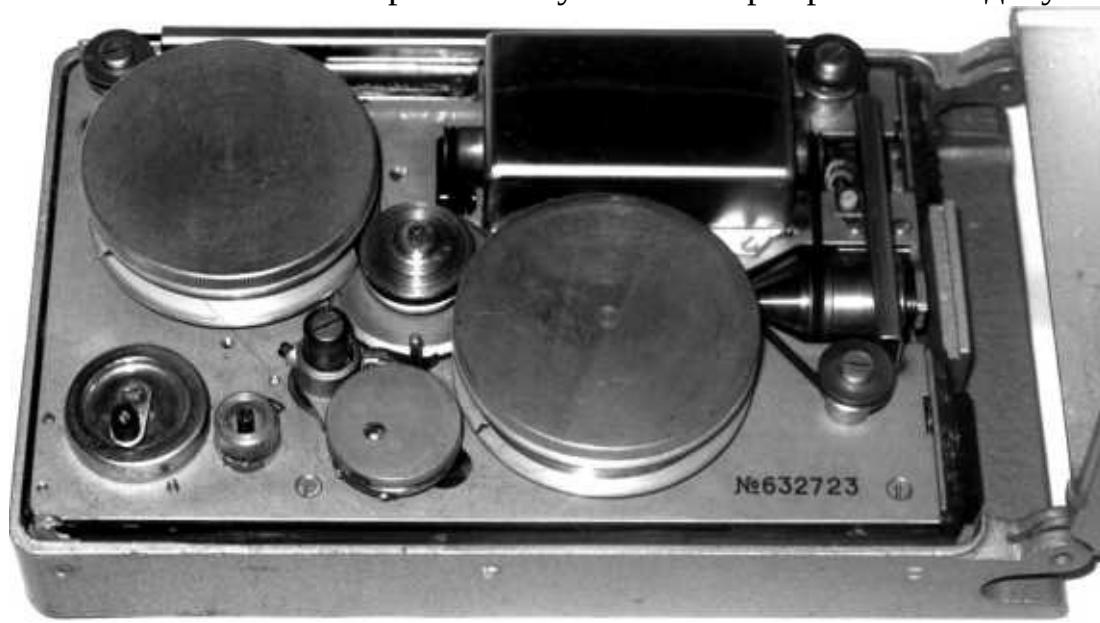
«Собеседник» уже можно было спрятать под одеждой, закрепив микрофон под галстук, в нагрудный карман пиджака или под манжетой рубашки. Диктофон имел внешний пульт управления и предназначался для записи речи около 2 часов. Практика использования «Собеседника» показала недостаточную надежность его работы, отчасти из-за материалов, использованных в его конструкции (пластиковый корпус), а также из-за нестабильной работы

советских аккумуляторов, реальную энергоемкость которых в то время было трудно заранее предсказать.

Советский проволочный диктофон «Собеседник»(из архива Keith Melton Spy Museum)

ПГ КГБ, в отличии от территориальных подразделений Комитета, имело право покупать и применять интересные технические новинки за валюту, поэтому резидентуры госбезопасности за рубежом в 1950-е гг. активно использовали немецкие проволочные диктофоны «Minifon», которые можно было камуфлировать в переносные предметы для записи речи, а также применять в составе автономных контрольных пунктов в мероприятиях подслушивания.

Проволочный магнитофон «Тритон» (из архива Keith Melton Spy Museum)

С 1962 г. в подразделения КГБ начал поставляться проволочный диктофон «Тритон», в отдельных блоках и в конструкции которого также повторялись идеи, реализованные в аппаратах «Minifon». Фрезерованный металлический корпус «Тритона» был значительно более прочным, чем у «Собеседника», а в электронной схеме применялись как миниатюрные лампы, так и транзисторы. Снижение собственных шумов «Тритона» обеспечивал специальный контейнер с

разъемами для подключения внешнего управления диктофоном. По разным причинам «Тритон» не стал массовым диктофоном, и оперативные офицеры были вынуждены использовать импортную технику в надежде на активную работу конструкторов в создании новых удобных систем «секретной» или «негласной звукозаписи» — такие термины нередко использовались в оперативных отчетах.

Практически одновременно с «Тритоном» в территориальных подразделениях КГБ появился проволочный диктофон «Тантал». Это специзделение по конструкции, весу и габаритам можно было относить к разряду портативных магнитофонов. Достоверных сведений о ведомственной принадлежности разработчиков «Тантала» не имеется. Возможно, что подобного рода проволочная спецтехника изготавливалась на предприятиях Министерства обороны СССР для нужд многочисленных подразделений радиоразведки, их подвижных постов радиоперехвата и радиоконтроля.

Проволочный магнитофон «Тантал» (из архива Keith Melton Spy Museum)

Глава 46. Диктофоны «Мезон» и «Лист»

В середине 1960-х гг. настоящим событием явилась разработка в ЦНИИСТ ОТУ КГБ проволочного портативного диктофона «Мезон», который после испытаний и доводки стал серийно выпускаться на Украине. «Мезон» обеспечивал 1,5 часа записи на стальную проволоку толщиной 50 микрон, имел внешний микрофон, пульт дистанционного управления и удобно крепился под одеждой в специальном поясе. При необходимости «Мезон» мог записывать с помощью бесконтактного адаптера переговоры по телефонной линии.

Новый диктофон работал тихо, достаточно надежно и стал одним из массовых специальных изделий того времени для оперативного состава КГБ, а затем и МВД. По линии сотрудничества спецслужб «Мезоны» отправлялись в Берлин для оснащения Министерства государственной безопасности ГДР, а также в Прагу, в технические подразделения госбезопасности ЧССР.

Проволочный диктофон «Мезон» (из архива Keith Melton Spy Museum)

Однако «Мезон» имел недостатки, порой существенно усложнявшие работу оперативников. Так, например, для поиска записанной на проволоку важной информации надо было дождаться в течение часа перемотки катушки и затем прослушивать всю запись до необходимого места. Быстрая подмотка и периодическое воспроизведение диктофона иногда приводили к обрыву проволоки, что сразу делало диктофон непригодным для работы оперативника, который должен был нести аппарат офицеру-технику для связывания проволоки. А этот процесс был весьма кропотливым и к тому же во многом зависел от усидчивости, практических навыков и ловкости техника. Да и 1,5 часа записи уже было недостаточно в сложных оперативных мероприятиях, таких, как продолжительные вербовые беседы и записи информации с радиозакладок.

Офицеры госбезопасности предложили создать диктофон с отдельным блоком воспроизведения, что и было реализовано во второй половине 1960-х гг., когда ЦНИИСТ ОТУ КГБ выпустил первую партию проволочных диктофонов «Лист». Новый аппарат записи имел 5-ти часовую кассету, которая могла быстро выниматься и заменяться на «чистую». Для тщательного и многократного прослушивания применялся отдельный и удобный аппарат воспроизведения «Лист-В», который имел быструю перемотку кассеты в обе стороны, плавную регулировку скорости и тембра звука. Это сразу улучшило процесс анализа записанной на кассету информации, что по достоинству оценил оперативный состав не только КГБ, но и восточно-европейских партнеров Комитета. Однако не все кассеты «Листа» работали одинаково устойчиво, и потому офицеры-техники заранее тестировали поступающие заводские партии кассет для обнаружения нестабильных экземпляров. Тем не менее новая аппаратура «Лист» была принципиальным шагом вперед в конструировании проволочных диктофонов, и все

последующие модели специальных проволочных диктофонов имели раздельные аппараты записи и воспроизведения.

«Лист» оказался удачной разработкой: оперативный и технический состав самых разных подразделений КГБ по достоинству оценил как параметры нового устройства записи, так и удобный блок воспроизведения. А 5-ти часовые кассеты с важной информацией теперь можно было многократно прослушивать, а также пересылать и хранить как документальные материалы, что было требуемым атрибутом в работе спецслужб, особенно в агентурных и вербовочных мероприятиях.

Проволочный диктофон «Лист» (из архива Keith Melton Spy Museum)

Деловое, партнерское взаимодействие конструкторов-разработчиков и офицеров-техников центрального аппарата КГБ давало возможность периодического совершенствования аппаратуры с учетом замечаний и рекомендаций оперативных офицеров, уже имевших опыт эффективного применения аппаратуры звукозаписи «Лист». Позднее, в середине 1980-х гг., появилась новая модель «Лист-М», получившая в дальнейшем кодовое название «Ягуар». Сохранив габариты кассеты, «Ягуар» получил практически новую электронную схему, а также возможность применения особых 12-часовых кассет в составе переносных контрольных пунктов для мероприятий подслушивания.

Глава 47. Аппарат «Мошка» — самый массовый диктофон КГБ

Следующей удачной разработкой проволочного диктофона стал аппарат записи «Мошка» с размерами, как у пачки сигарет. Новый диктофон имел цельнометаллический корпус без внешних разъемов и съемных блоков, что у предыдущих моделей нередко было причиной отказов. Теперь внешний микрофон и удобный пульт дистанционного управления соединялись с блоком записи надежным гибким и "безразъемным" кабелем. Кассеты «Мошки» обеспечивали 90 минут записи, могли удобно и быстро заменяться на «чистые». Для прослушивания записанной информации предназначался отдельный аппарат воспроизведения «Мошка-В» с боковой установкой кассеты. После многократных испытаний и доводки нового диктофона было организовано его серийное заводское производство.

Комплекты «Мошка» стали поступать во все подразделения КГБ, от центрального аппарата до региональных подразделений и резидентур. Массовое и продолжительное оперативное применение «Мошки» давало возможность конструкторам-разработчикам получать ценные практические результаты, которые использовались для исправления недостатков и совершенствования аппаратуры «Мошка».

Одной из главных причин отказов были кассеты «Мошки», часть которых неожиданно останавливалась во время записи или при воспроизведении, а иногда происходил обрыв проволоки. Чтобы избежать таких ситуаций, приводивших нередко к потере важной оперативной информации, технические специалисты подразделений КГБ стали практиковать предварительное тестирование и выбраковку всех кассет «Мошки», поступавших с завода большими партиями.

Проволочный диктофон «Мошка»(из архива Keith Melton Spy Museum)

Подобные процедуры проводились и в резидентурах КГБ за рубежом, где оперативно-технические сотрудники тестировали не только полученные из Центра комплекты «Мошка», но и рабочие кассеты после наработки определенного количества часов. Эти меры повысили надежность работы «Мошек», к чему добавлялась и проверка больших партий отечественных элементов питания. Один из авторов статьи хорошо помнит картонные заводские коробки с аккумуляторами серии Д и батарейками типа АА, где, как правило, две трети или более элементов питания уже были покрыты белым химическим налетом, а проверка тестером показывала их негодность. Остальные, имевшие нормальный вид батарейки также приходилось тщательно тестировать, однако отправлять в резидентуры такие энергоносители было рискованно. И потому советские элементы питания производства 1960–1970 гг. использовались только для тренировки технического и оперативного состава, а также для проверки

работоспособности специальной техники перед отправкой на профилактику или в ремонт.

Аппарат воспроизведения «Мошка-В» (из архива Keith Melton Spy Museum)

Следует отметить, что и у ЦРУ в начальный период холодной войны были такие же проблемы, что заставило химиков американской разведки всерьёз заняться малогабаритными батарейками и аккумуляторами. Финансирование компании «Мэллори» и активный поиск эффективных химических компонентов привели к появлению надежных элементов электропитания. ЦРУ, например, до сих пор гордится активным участием в разработке батареек для кардиостимуляторов, о чём свободная западная пресса не писала.

А КГБ не смог продвинуть научную работу огромных предприятий химической промышленности СССР, и начиная с 1970-х гг. оперативно-технические подразделения стали постепенно переходить на импортные аккумуляторы и батарейки. Особенно высоким спросом пользовались фотокомплекты «Полароид», внутри которых плоские и весьма энергоемкие батарейки активно устанавливались в самые разные специзделия КГБ и особенно в радиозакладки.

«Мошка» постепенно становилась самым популярным диктофоном, однако оперативный состав все чаще высказывал мнение об увеличении продолжительности записи. В начале 1980-х гг. в Институте спецтехники КГБ началась модернизация «Мошки» для работы с увеличенным временем записи. Это потребовало обновления многих узлов и блоков «Мошки» на новую элементную базу и применение современных материалов. После продолжительной инженерно-конструкторской работы, испытаний и «доводки» появилась модель «Мошка-М» под новую 4-часовую кассету. Это явилось событием для оперативного состава всех подразделений КГБ, который получил замечательный во всех смыслах, надежный диктофон с чувствительным микрофоном и удобным дистанционным управлением. Интересно, что прочным корпусом «Мошки» можно было при необходимости нанести удар в ответ на неожиданные агрессивные действия. Массовое заводское производство позволило существенно снизить себестоимость комплекта «Мошка», и специалисты в то время считали «Мошку» одним из лучших специальных диктофонов в мире.

Глава 48. Диктофоны «Лилипут» и «Мотылек»

Успех «Мошки», однако, не остановил конструкторов и разработчиков Института спецтехники, которым поставили новую задачу создать проволочный диктофон с размерами, близкими к спичечной коробке. Такой аппарат был крайне важен для сотрудников разведки КГБ, которые в жарких и тропических странах носили футболки и шорты. Такая экипировка не позволяла конспиративно прятать аппараты «Мошка» под одеждой, что, конечно же, не давало никаких возможностей для записи бесед с агентурой, кандидатами на вербовку и пр. После нескольких лет активных экспериментов и поисков коллектив Института спецтехники создает изделие «Лилипут» с кассетой на 5 часов записи.

Проволочный диктофон «Лилипут»(из архива Keith Melton Spy Museum)

Габариты «Лилипути» позволяли его камуфлировать в самые разные предметы, от пачки сигарет и небольшой книжки-ежедневника до мелких предметов интерьера комнаты, где предстояло записать важную информацию. Особенно удобным «Лилипут» оказался для оперативных офицеров разведки КГБ, которые теперь могли прятать новый диктофон под любой одеждой и надежно пользоваться внешним пультом управления. Такой успех «Лилипути» дал хороший творческий импульс разработчикам спецтехники, которые сконструировали новую 8-ми часовую кассету.

Теперь оперативный офицер мог провести и записать информацию о нескольких встречах с агентурой и осведомителями, что было в то время очень важным оперативным преимуществом, особенно в странах с жесткой контрразведывательной обстановкой, когда наружное наблюдение спецслужб постоянно чередовало демонстративную слежку с конспиративным наблюдением. И если офицер разведки грамотно уходил от слежки, появлялась возможность последовательного проведения нескольких оперативных мероприятий.

Аппарат записи "Лилипут"

5-ти часовая кассета "Лилипут"

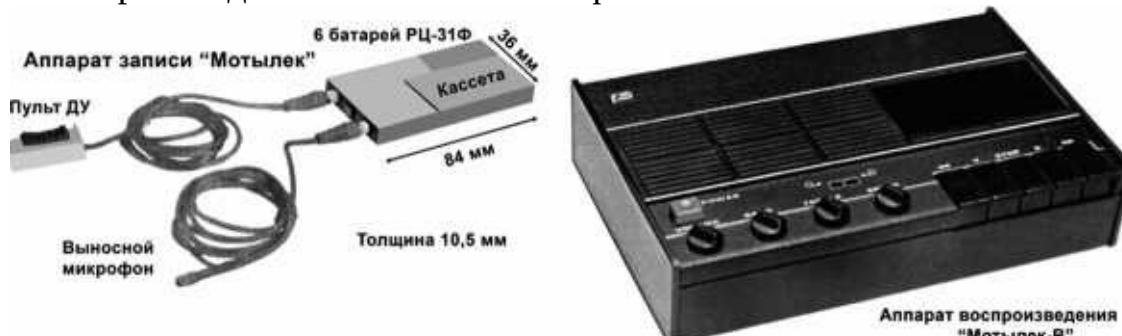
Проволочный диктофон «Лилипут»(из архива Keith Melton Spy Museum)

«Лилипут» использовался для документирования описаний будущих мест операций по связи с агентурой, таких, как подбор мест для тайников и условных сигналов, районов проведений «моментальных передач» и др. Даже в случаях демонстративной слежки разведчик диктовал на «Лилипут» номера, марки и особенности автомобилей «на-ружки», приметы, детали одежды и манеры поведения сотрудников, участвующих в слежке. В резидентуре эта ценная информация накапливалась для анализа с целью определения методов эффективного противодействия слежке.

Разработчики спецтехники КГБ сконструировали «связку» из двух магнитофонов «Лилипут», когда окончание работы одного диктофона автоматически включало запись второго аппарата. Такой комплект стал использоваться как закладка в мероприятиях подслушивания, когда по разным причинам нельзя было использовать канал радиосвязи, например, на объектах, где могли располагаться пункты контроля эфира.

Как и в предыдущих моделях проволочных диктофонов, для воспроизведения кассет «Лилипуга» и анализа записанной информации в комплект входил аппарат воспроизведения «Лилипут-В» с удобным управлением уровнем звука и его тоном, плавным изменением в обе стороны скорости воспроизведения.

Значительный опыт конструирования и применения малогабаритных проволочных диктофонов позволил специалистам ЦНИИСТ ОТУ КГБ разработать и организовать в начале 1980-х гг. серийное производство нового магнитофона «Мотылек».

Комплект проволочного диктофона «Мотылек» (из архива Keith Melton Spy Museum)

Этот диктофон обладал всеми качествами, необходимыми оперативному составу КГБ. При толщине всего 10,5 мм диктофон давал возможность скрытно разместить его в любой части

одежды офицера. При этом корпус «Мотылька» был изготовлен из специального высокопрочного сплава, что обеспечивало защиту электронной схемы и кинематики диктофона от возможных ударов и толчков.

У диктофона был новый высокочувствительный и малогабаритный внешний микрофоном, который обеспечивал качественную запись речи даже при наличии посторонних шумов. Размеры микрофона позволяли камуфлировать в такие предметы, как колпачок авторучки и узел галстука. Кассета была рассчитана на 4 часа записи, что считалось вполне достаточным для документирования важной информации во время встречи с агентом или другим источником оперативных сведений. «Мотылек» активно использовался для записи вербовых бесед, а его кассета в дальнейшем могла храниться как документальный материал.

Для воспроизведения кассет применялся отдельный удобный блок «Мотылек-В» с раздельной регулировкой тембра, плавным изменением скорости воспроизведения и функцией «откат назад».

«Мотылек» выпускался с разъемами для внешнего микрофона и для выносного пульта дистанционного управления. Позднее появилась модификация диктофона со встроенным микрофоном и торцевым включателем записи. Оба варианта активно использовались в оперативных мероприятиях КГБ и позднее демонстрировались на международных выставках в качестве образцов спецтехники ФСБ.

В начале 1990-х гг. производство проволочных диктофонов на Украине было прекращено. Однако производственные мощности ЦНИИСТ ОТУ КГБ позволили выпускать небольшие партии модернизированной модели «Мотылек». Этот «подмосковный» проволочный диктофон получил кодовое наименование «Сойка» и несколько лет использовался в оперативной работе за рубежом. Появление отечественных и зарубежных малогабаритных устройств цифровой звукозаписи полностью вытеснило в середине 1990-х гг. проволочные диктофоны из оперативной практики подразделений государственной безопасности.

Глава 49. Кассетные и микрокассетные магнитофоны в практике КГБ

В 1963 г. концерн «Phillips» разработал оригинальный стандарт звукозаписи на компакт-кассету, которая оказалась весьма оптимальной по размерам, надежности, качеству записи, а также простому и удобному использованию по сравнению с катушечными магнитофонами. Все ведущие производители начали активное производство как самих компакт-кассет, так и техники звукозаписи этого стандарта. В 1967–1969 гг. в СССР было освоено производство компакт-кассет и портативных магнитофонов — копий известных зарубежных моделей.

Оперативный состав КГБ вначале осторожно отнесся к новой кассетной технике из-за небольшого времени записи. Однако в конце 1970-х гг. появились компакт-кассеты типа С-120, которые совместно с моделями диктофонов с уменьшенной в 2 раза скоростью движения ленты давали возможность 2-часовой записи. Началось активное использования таких диктофонов оперативным составом разведки и контрразведки КГБ. В 1980-х гг. появились двухскоростные модели диктофонов с автоматическим реверсом, что позволяло увеличить время записи уже до 4 часов. Следует отметить, что компакт-кассеты большей частью использовались для записи, хранения и пересылки информации, полученной с помощью проволочных диктофонов.

В 1969 г. появились первые модели микрокассетных диктофонов, которые могли обеспечивать оптимальную запись речи. Зарубежные подразделения КГБ активно использовали микрокассетные диктофоны в мероприятиях, когда по различным соображениям проволочные диктофоны не применялись. Микрокассеты оказались весьма удобными для закладки в тайники, небольшие по размерам контейнеры и для операций «моментальная передача». Использование импортных диктофонов и микрокассет давало возможность оперативному составу в случаях опасности захвата и возможного ареста контрразведкой быстро избавиться или уничтожить как диктофон, так и носитель информации. Надо сказать, что экстренное уничтожение специальной аппаратуры звукозаписи и кассет с проволочным носителем было сопряжено с различными трудностями. А после захвата специальной техники проводилось обязательное служебное расследование причин и последствий этого чрезвычайного происшествия.

Наиболее популярные в КГБ микрокассетные диктофоны (из архива Keith Melton Spy Museum)

В оперативной практике КГБ периода 1980–1990 гг. наиболее популярной и активно используемой моделью считался 2-х скоростной диктофон «Panasonic RN36» с возможностью подключения выносного микрофона, который обычно устанавливался в узел галстука или в колпачок авторучки. Небольшие габариты этой модели позволяли прятать сам диктофон в пачку сигарет, верхний карман пиджака и в другие места. Применялись также различные диктофоны «Panasonic», имевшие две скорости записи.

В середине 1980-х гг. концерн «Olympus» выпустил малогабаритный двухскоростной диктофон «L400» с автореверсом и автопуском (Voice Activation), что позволяло увеличить время записи до 2-х часов. Этот диктофон длительное время считался наиболее удобным и надежным диктофоном с оптимальным качеством записи речи и активно приобретался спецслужбами, несмотря на достаточно высокую стоимость около 300 \$.

В середине 1990-х гг. цифровая техника постепенно начала вытеснять проволочные и микрокассетные диктофоны из оперативной практики российских спецслужб. В настоящее время отечественные цифровые диктофоны выпускаются в широком ассортименте, что дает возможность оперативным подразделениям выбирать наиболее подходящие модели по времени записи, габаритам и особенностям управления.

Глава 50. Импортные катушечные магнитофоны в практике спецслужб

Оперативная звукозапись была одним из приоритетных направлений в деятельности Штази, одной из самых эффективных восточных спецслужб, офицеры-разработчики и конструкторы которой успешно сочетали собственные идеи и образцы технических новинок Запада. И если институты и лаборатории КГБ уже имели большой опыт в оснащении оперативного состава и агентуры современной специальной техникой, то в начальный период холодной войны научные и конструкторские коллективы Штази, как, впрочем, и других спецслужб Варшавского договора, только начинали свою работу. В этой связи интересно отметить, что Оперативно-техническая служба ЦРУ (OTS CIA) в 1950-е гг. также испытывала трудности в разработке и проектировании специальной техники в связи с отсутствием конструкторской базы, острым дефицитом собственных инженерных и научных кадров, а также из-за недостаточного финансирования. И потому опыт КГБ в создании собственных научно-технических лабораторий и организации серийного производства спецтехники в «закрытых» цехах ведущих фотооптических, радиоэлектронных и других заводов СССР активно изучали не только на Востоке, но и на Западе.

При существенном различии в масштабах и специфике технического оснащения подразделений КГБ и служб государственной безопасности стран Восточной Европы задачи, стоявшие перед разработчиками и конструкторами, были в целом одинаковыми. Так, например, в структуре Штази 26-ой отдел (мероприятия подслушивания и телефонный контроль) и 3-е Главное управления (радиоразведка и дешифровка) были основными заказчиками аппаратуры звукозаписи. 26-ой отдел должен был обеспечивать работу собственных подразделений в каждом из 15 округов ГДР. Офицеры этого отдела вели контроль до 4000 телефонных номеров централизовано и до 1500 номеров на окружных постах. Ежегодно организовывалось и проводилось до 900 мероприятий подслушивания. 270 стационарных постов радиоразведки и радиоконтрразведки Штази располагались в округах, вдоль границы с ФРГ и в официальных зарубежных представительствах ГДР. Для обеспечения бесперебойной работы только этих подразделений Штази требовалось огромное количество надежных магнитофонов с высоким качеством записи, в связи с чем оперативные и технические службы Штази, наряду с разработкой собственной аппаратуры звукозаписи, активно использовали импортные магнитофоны.

Другие спецслужбы, в том числе и КГБ, также придерживались практики оснащения своих ведущих подразделений импортными магнитофонами. Справедливости ради надо сказать, что многократные попытки КГБ организовать в СССР серийное производство ленточных магнитофонов высокого качества и надежности не вызывали поддержку у крупных радиоэлектронных предприятий. Заводы радиоэлектронной промышленности предпочитали этому сложному во всех смыслах заказу Комитета массовое производство недорогих и потому не особенно надежных магнитофонов, активно раскупаемых непрятязательными советскими гражданами.

А вот любимыми поставщиками техники звукозаписи для восточных и западных спецслужб в период холодной войны стали западногерманский концерн «UHER» и швейцарская фирма «NAGRA». Магнитофоны с маркой «Uher» были дешевле, имели выгодные технические параметры, обладали достаточной надежностью и потому охотно закупались странами Востока и Запада, что ежегодно увеличивало производство и денежные обороты этой западногерманской фирмы.

Стойка с импортными магнитофонами одного из постов радиоконтроля Штази (из архива Detlev Vreisleben Collection)

Самым популярным для западных и восточных спецслужб стал знаменитый портативный магнитофон «UHER Report», модификации которого можно было найти в работе в самых разных уголках мира. Оперативные и технические подразделения армий, разведки и контрразведки, многие полицейские и детективные службы использовали «UHER Report» для официальной и скрытой записи бесед и допросов, в мероприятиях подслушивания, телефонного контроля и др. И действительно, небольшие размеры и высокая надежность, качественная запись на 4-х скоростях, собственный аккумулятор для автономной работы и многие другие выгодные параметры делали аппараты «UHER Report» самыми подходящими для оперативной работы. В мировой истории техники звукозаписи магнитофоны серии «UHER Report» были названы поистине легендарными, учитывая масштабы производства и географию применения.

Магнитофоны «UHER Report» различных модификаций, 1961–1997 гг. (из архива Detlev Vreisleben Collection)

Офицеры центрального аппарата и зарубежных подразделений КГБ справедливо считали магнитофоны «UHER Report» наиболее подходящими для своей работы и, как правило, настаивали на включении этих магнитофонов в состав комплекта оперативной техники при планировании самых разных мероприятий, когда требовалась надежная и качественная звукозапись. Так, например, если контрольный пункт в операциях подслушивания должен был располагаться в легковой автомашине или в микроавтобусе, можно было не сомневаться, что документирование информации будет организовано с помощью магнитофонов «UHER Report». Запись хода вербовки, длительная беседа с ценной агентурой на конспиративной квартире или в отеле, фиксирование "подозрительного" радиосигнала во время контроля эфира из автомобиля и многие другие важные оперативно-технические мероприятия редко обходились без использования аппаратов «UHER Report». Западные спецслужбы и, в первую очередь ЦРУ, также активно практиковали широкое применение магнитофонов «UHER Report» в самых разных

операциях. Многие американские государственные ведомства и даже аппарат президента США длительное время пользовался этими аппаратами.

В КГБ активная работа с магнитофонами марки «UHER» подтолкнула технические подразделения к тому, чтобы организовать самостоятельный ремонт и профилактику импортной техники. На местах составлялись списки наиболее ходовых запчастей, затем Оперативно-техническое управление КГБ готовило «Перечень потребности» в импортных запасных частях, которые закупались через резидентуры, работавшие «под крышей» торгпредств СССР за рубежом или напрямую в ФРГ через Машприборинторг.

Военная разведка (ГРУ) и другие ведомства СССР, а также ведущие корреспонденты и журналисты советских СМИ активно применяли аппаратуру марки «UHER Report», и потому поставки этой техники из-за рубежа для нужд КГБ не были заметными внутри потока импортной электронной аппаратуры, поставляемой в Советский Союз по разным каналам.

Другими легендарными аппаратами холодной войны стали стационарные магнитофоны серии «UHER Universal 5000», имевшие три скорости записи, электронное управление лентопротяжным механизмом, высокую надежность и ремонтопригодность. КГБ и другие спецслужбы часто применяли эти магнитофоны для записи оперативных бесед и личных отчетов о крупных и важных мероприятиях, для прослушивания и анализа ранее записанной информации и подготовки справок и пр. Магнитофоны этой серии активно и эффективно использовались в составе постов радиоконтроля в 1960-е и 1970-е гг.

Интересно, что «UHER Universal 5000» был в комплекте аппаратуры, арестованной американской полицией в деле «Уотергейт», когда команда бывших специалистов ЦРУ пыталась организовать подслушивание одной из штаб-квартир Демократической партии США в ходе предвыборной кампании 1972 г.

В 1971 г. швейцарская фирма «NAGRA» начала серийный выпуск оригинального портативного магнитофона «NAGRA SN» с высокими параметрами записи для нужд киноиндустрии, радиовещания и телевидения. Интересно, что разработка этого аппарата, ставшего мировым символом качества и надежности, началась еще 10 лет назад. Неожиданно новый портативный магнитофон вызвал огромный интерес западных и восточных спецслужб, которые начали оснащать этими сравнительно дорогими аппаратами своих оперативных сотрудников для ведения скрытой звукозаписи при маскировке этой техники под одеждой.

Магнитофоны серии «UHER Universal 5000» 1963–1978 гг (из архива Detlev Vreisleben Collection)

Магнитофон «NAGRA SN», многократно отмеченный призами международных выставок, 1970-е гг

Учитывая повышенный спрос, в 1972 г. появляется новая модель «NAGRA SNS» с увеличенным временем записи до 5 часов, также получившая широкую известность благодаря своим исключительным в то время техническим характеристикам. В практике КГБ был интересный случай обнаружения в спинке автомобильного сидения аппарата «NAGRA SNS», скрытно установленного американскими спецслужбами для подслушивания личных бесед советских сотрудников, работавших в США.

Справедливости ради надо сказать, что разработчики и конструкторы заводов, институтов и лабораторий, где проектировались и выпускались специальные устройства для подразделений госбезопасности СССР и стран Восточной Европы, выпускали уникальную технику на уровне мировых стандартов. Однако эти секретные герои холодной войны так и остались неизвестными, а все лавры победителям мировых выставок и презентаций достались западным фирмам и их владельцам. «Отец» знаменитых магнитофонов «NAGRA», Стефан Кудельский, например, был обладателем специальных призов и наград индустрии звукозаписи, а также нескольких «Оскаров» за вклад в развитие мирового кинематографа.

Очерк XVI. Британский талант против русского гения

Глава 51. Кто и как обнаружил «жучок» в Гербе США

Инженер Джон Форд, руководитель специальной бригады "охотников на жучков", смотрел через окно поезда «Хельсинки-Москва» на бесконечные заснеженные русские поля и пытался представить все трудности его особой миссии в русской столице. Форд уже четыре года работал на дипломатической службе США, однако зимой 1952 г. его команда была оснащена самой современной поисковой аппаратурой для обнаружения «новейшей советской системы подслушивания в дипломатических миссиях США, Великобритании и Канады», — так писал Форд в своем дневнике.

Причиной особой миссии Форда была информация ЦРУ о том, что «руssкие имеют устойчивый канал поступления сведений из посольства США в Москве. Каких-либо деталей не приводилось, однако в сообщении было сказано о необычной технике подслушивания, которая длительное время работает в здании американской дипломатической миссии в Москве, постоянно обеспечивая секретами советское руководство».

Существует несколько версий того, как и откуда в ЦРУ попала эта сверхсекретная информация. По одной из них, назовем ее технической, Питер Райт, известный специалист фирмы «Маркони», консультант британской контрразведки МИ-5 и ставший впоследствии заместителем директора по научно-технической вопросам, заинтересовался необычным случаем, который произошел в 1951 г. в посольстве Великобритании в Москве. Один из английских дипломатов занимался своей ежедневной и довольно скучной работой: он пытался слушать переговоры советских военных самолетов в небе над Москвой, для чего использовал специальный УКВ-радиоприемник. Этот дипломат, скорее всего, был сотрудником британской разведки, для которой радиоперехват и прослушивание военных каналов связи были обычными атрибутами деятельности в СССР.

Питер Райт, 1950-е гг (из архива Keith Melton Spy Museum)

Вращая ручку настройки радиоприемника, дипломат-разведчик вздрогнул, неожиданно услышав в динамике громкий и ясный голос британского военно-воздушного атташе, находившегося в здании посольства. Сообразив, что это может быть работа техники подслушивания, дипломат-разведчик незамедлительно сообщил об этом в Лондон, где эта

информация попала Джону Тейлору, ветерану Второй мировой войны, инженеру-исследователю специальной лаборатории Министерства почт, которая выполняла особо важные работы для дипломатической службы Великобритании.

Тейлор был старым приятелем Райта и знал, что его друг по контракту с Адмиралтейством активно занимается ультразвуковыми системами обнаружения подводных лодок. В то время Питер Райт был одним из самых известных британских специалистов по акустике и радиосвязи, а в свободное время занимался изучением особенностей отражения инфракрасного (монохроматического, как от современных лазеров) излучения от офисной мебели. Райт предполагал, что можно найти такое место, где отраженные от мебели ИК-сигналы взаимно компенсируются, и на фоне минимального уровня излучений можно будет услышать ведущиеся в офисе разговоры. Это блестящее предположение впоследствии будет реализовано спецслужбами как один из тайных инструментов подслушивания, или, говоря современным языком, создания технических каналов утечки информации.

Джон Тейлор понимал всю особую важность и секретность информации о возможном подслушивании русскими британского посольства и потому срочно вызвал Райта на встречу в парк около Министерства иностранных дел. Тейлор подробно рассказал Райту об истории в Москве и попросил проконсультировать инженера дипломатической службы Дона Бейли, который должен был разобраться на месте и провести поиск техники подслушивания в Москве. В своих мемуарах Питер Райт писал: «Перед отъездом в Москву я проинформировал Бейли, как лучше всего искать подслушивающее устройство. Впервые я начал понимать, насколько отсталой была техническая служба британской разведки. Она даже не имеет подходящей аппаратуры, и я должен был самостоятельно помочь в подготовке Бейли».

Прибывший в Москву специалист провел в посольстве тщательный поиск, но ничего не обнаружил. Однако такой результат не смутил Райта, который сделал весьма ценный и принесший затем успех в дальнейшей работе вывод о том, что, во-первых, русские явно были предупреждены и, во-вторых, устройство подслушивания было выключено.

После возвращения Бейли из Москвы Райт подробно расспросил инженера о всех деталях его работы. Райт предположил, что «русские, как и мы, проводили эксперименты с какой-то резонансной системой подслушивания». Знаменитый британский исследователь сделал совершенно правильный вывод, однако он не мог знать, что резонансная система подслушивания, именуемая «эндовибратор», или «пассивный резонатор», была создана и испытана в СССР почти десять лет назад, еще в 1943 г. Сам Иосиф Сталин по достоинству оценил возможности новой системы подслушивания, созданной гениальным советским ученым и изобретателем Львом Терменом, и приказал Лаврентию Берии найти пути внедрения уникальной техники в американское посольство.

Об этой всемирно известной операции КГБ «Исповедь» написано много статей и снято несколько документальных фильмов. В них красочно описывается момент вручения американскому послу Авереллу Гарриману великолепного деревянного Герба США с советским «жучком» внутри, имевшим кодовое название «Златоуст». Однако авторы статей и фильмов почему-то решили, что советский пассивный резонатор был изготовлен в единственном экземпляре. Но Питер Райт в своих мемуарах указывает на резонансную систему подслушивания в британском посольстве в Москве, о которой историки, возможно, не знали или забыли? Напрашивается вывод, что советский «жучок» вместе со своим «американским братом» длительное время работал и внутри британского посольства.

Лев Сергеевич Термен, 1930-е гг.(из архива Keith Melton Spy Museum)

Один из ветеранов Оперативно-технической службы КГБ, Вадим Федорович Гончаров, был участником этой операции и подробно рассказал автору статьи о некоторых деталях многолетнего уникального мероприятия. По свидетельству Гончарова, он обеспечивал работу приемной части под кодовым названием «Лось», которая была размещена в одном из номеров гостиницы «Националь», рядом со зданием американского посольства.

КГБ очень внимательно следил за всеми прибывающими в Москву американцами, среди которых надо было точно определить инженеров-поисковиков. Слаженная совместная работа пограничников, контрразведки и службы наружного наблюдения позволяла точно определять моменты приезда из США в Москву американских специалистов, после чего передатчик облучения «Златоуста» отключался. Служба наружного наблюдения внимательно фиксировала окончание работы поисковиков в американском посольстве и сообщала об их выходе из здания. И только после этого работа «Златоуста» возобновлялась.

Гончаров знал о том, что американские инженеры использовали широкополосный индикатор излучений, который мог зафиксировать мощный радиосигнал из соседнего здания для активизации эндовибратора в деревянном гербе. Бдительные чекисты обязательно выключали передатчик во время нахождения в здании посольства поисковиков.

И тут американцам помогла информация Питера Райта о том, что русские выключают свою новую систему подслушивания, чтобы лишить возможности использовать радиоаппаратуру для обнаружения излучения.

Американцы решили перехитрить чекистов и выпустили из здания посольства переодетых и загrimированных сотрудников охраны. При этом настоящие поисковики остались лежать на полу кабинета посла с включенными приборами. А чтобы окончательно заставить чекистов включить своё «Нечто» (так американцы назвали советское устройство подслушивания), посол США Джордж Кеннан сделал вид, что диктует секретарю дипломатическую телеграмму, хотя на самом деле он зачитывал вслух отрывки из официальной истории Государственного департамента — «Международные отношения Соединенных Штатов».

Вадим Федорович Гончаров, ветеран Оперативно-технической службы КГБ (из архива Keith Melton Spy Museum)

Джон Форд, сотрудник Бюро дипломатической безопасности, США (из архива Keith Melton Spy Museum)

Джон Форд и его американская бригада заранее готовились к выявлению «новейших советских систем подслушивания». Такое «предвидение» дает основание предполагать, что второй версией является оперативная информация о технике подслушивания в кабинете посла, полученная американцами оперативным путем.

Ветераны КГБ высказывали автору статьи предположения, что такие весьма чувствительные для США сведения «слил» агент-инициативник офицер ГРУ Петр Попов, служивший порученцем у генерала Серова, ставшего затем первым председателем КГБ. Попов

пользовался большим доверием Серова, присутствовал на вечеринках генерала с большим количеством алкоголя и часто выполнял его личные поручения вплоть до отъезда в Австрию, где в 1952 г. и 1953 г. обращался к американцам с предложениями о сотрудничестве, передавая при этом важные оперативные сведения, среди которых могли быть намеки на уникальное по тем временам устройство подслушивания в кабинете посла США в Москве.

Гончаров, как и его коллеги, участвовавшие в операции «Исповедь», постоянно следили в течение нескольких лет за действиями американских поисковиков, которые ежегодно проверяли посольство США. Однако чекисты обратили внимание на особую активность поиска техники подслушивания в 1952–1953 гг. и наличие специальной радиоизмерительной аппаратуры, которую ранее в посольстве не использовали.

Спрятавшись от чекистов на полу кабинета посла, американцы обнаружили мощное радиоизлучение, зафиксировали акустическую «заязку» и, последовательно обследуя всё помещение, обратили особое внимание на деревянный герб. Разломав его, они обнаружили внутри совершенно неизвестное и никому не понятное устройство. Очень быстро описания и фотографии найденного устройства подслушивания были отосланы специалистам ЦРУ, ФБР, а также ведущим исследовательским лабораториям и научным центрам страны. Однако никто в США не смог разобраться в том, как же «Нечто» работает. Отчаявшись «по-знать истину, которая сделает тебя свободным» (девиз на стене главного вестибюля ЦРУ), американцы обратились к своим британским коллегам.

Джон Тейлор первым из британских технических специалистов получил необычную просьбу из США и по традиции опять вызвал Питера Райта на секретную встречу на скамейке в парке, которая состоялась через 6 месяцев после первой. Тейлор сообщил Райту, что «американские поисковики, обследуя кабинет посла США в Москве в рамках подготовки к визиту Государственного секретаря США в СССР, обнаружили небольшое устройство внутри деревянной копии герба. Поисковая аппаратура зафиксировала «заязку» на частоте 1800 МГц, однако после изъятия обнаруженное устройство никак не реагировало на эту частоту».

Кабинета посла США в Москве, 1945 г. (из архива Keith Melton Spy Museum)

Для встречи американской делегации британцы организовали небольшую секретную

лабораторию подальше от шумного Лондона, в комплексе зданий исследовательского центра «Маркони» в Эссексе, куда «торжественно прибыли два американца в сопровождении Тейлора», как вспоминает Райт. Он внимательно осмотрел привезенное американцами устройство и сразу обратил внимание на поврежденную пленочную диафрагму. Американцы «робко объяснили, что один из ученых случайно просунул палец через диафрагму».

Райту было оказано большое доверие, поскольку американцы оставили ему поврежденное устройство в надежде разобраться в принципах его работы. А в это время проходили очень важные для Райта испытания новой системы противолодочного обнаружения. Однако заинтригованный британский исследователь каждую ночь и каждый уик-энд проводил в своей секретной лаборатории. Путем проб и ошибок Райту удалось отремонтировать поврежденную диафрагму, начать поиск резонансной частоты и наконец «заставить» русское «Нечто» заработать на частоте 800 МГц. Через два месяца состоялась торжественная демонстрация включения «Нечто», во время которой, как писал Райт, «американские поисковики с ужасом смотрели на простоту всего этого устройства».

Как вспоминали ветераны американских спецслужб, «концепция советского устройства представляла собой замечательный рывок вперед в технике подслушивания. Для ЦРУ появление «Нечто» в сфере контроля акустической информации было равнозначно запуску первого советского спутника. Таким образом, как и в космической сфере, ЦРУ надо было ликвидировать отставание в спецтехнике».

А что же Райт? Неутомимый британский изобретатель и ученый через 18 месяцев изготовил подобную систему подслушивания для британских спецслужб, названную «Сатир», что расценивалось как огромный успех середины 1950-х гг. Но можно ли это событие назвать адекватным британским ответом на советское изобретение 1943 г. в период невероятно тяжелых военных испытаний для СССР? Ответ на этот вопрос мы оставляем читателям.

Очерк XVII. Что прячет ЦРУ внутри копировальных машин?

Глава 52. Фирма «Ксерокс» — лучший друг ЦРУ

В годы холодной войны две сверхмощные спецслужбы, КГБ и ЦРУ, в погоне за источниками информации не жалели ни финансовых ни человеческих ресурсов для того, чтобы проникнуть в тайны друг друга, организуя сложнейшие и порой казавшиеся в то время фантастическими операции.

В XX веке выросший на Западе человек не мог понять, почему в СССР и многих странах «развитого социализма» обычное банальное копирование (а в США в то время копия стоила 10 центов за лист в любом магазине или аптеке) было всегда опутано частоколом особых специальных журналов учета, книг допуска и разрешений, которые подписывались и визировались многократно на самых разных уровнях, постоянно отвлекая внимание советских руководителей от решения важнейших ежедневных вопросов: «Что делать?» и «Куда идем?».

Привлеченные такими сложными и непонятными процедурами, западные спецслужбы, справедливо решив, что любое копирование у русских — это всегда огромная тайна, не смогли устоять перед соблазном «провертеть дырку в этом заборе», чтобы убедиться, а всё ли так уж секретно у них там, за «железным занавесом»?

Инициатором этого смелого проекта выступило ЦРУ как передовой отряд капитализма, уговорившее в 1962 г. Джона Дэссоэра, вице-президента «Ксерокс Корпорэйшн», помочь родной разведке в этом непростом деле. Поддавшись на уговоры, вице-президент назначил ответственным за этот проект Дональда Кэрри, руководившего направлением правительенных заказов. Кэрри, недолго думая, завербовал ведущего конструктора и инженера «Ксерокс Корпорэйшн» Рэя Заппота и еще трех своих специалистов: оптика, электронщика и телевизионщика. Рэя Заппота, талантливого изобретателя, к тому же прекрасного семьянина и отца восьмерых детей, выбрали не случайно, поскольку именно он участвовал в разработке первой автоматической модели «Ксерокс-914», которую, по данным ЦРУ, «уже активно использовали русские в своём посольстве» в Вашингтоне.

На создание небывалой по тем временам копировальной машины с «жучком внутри» были выделены большие средства и организовано специальное секретное конструкторское бюро. Для конспирации это бюро разместили внутри небольшого торгового центра, в просторном помещении заброшенного боулинга, где смогли бы «парить в пространстве идеи» четырех конструкторов-изобретателей и где не было окон, чтобы проходящие мимо девушки не мешали мужчинам вершить государственной важности дела. «Приземлил» всех, конечно же, Рэй Заппот, гениально придумавший установить внутрь огромной по тем временам копировальной машины маленькую бытовую 8-мм кинокамеру «Bell&HoweN». В режиме покадровой съемки кинокамера могла фотографировать на одну кассету большое количество титульных листов копируемых документов, отражение от которых через специальное зеркало попадало на селеновый барабан копировальной машины и далее, на листы белой бумаги. Демаскирующий стрёкот кинокамеры полностью перекрывался шумом работы ксерокса.

Окрыленные первым успехом конструкторы продемонстрировали своё чудо в штаб-квартире «Ксерокс Корпорэйшн» в Вебстере, штат Нью-Йорк. Рэй Заппот затем был вызван в Лэнгли, где обучил двух офицеров-разведчиков в специальном подвале ЦРУ с кодовым названием «Дисней-лэнд-Восток». Как позднее вспоминал сам Рэй, эти занятия в подвале ЦРУ среди огромного множества горячих труб отопления оставили в его памяти неизгладимый след.

Технари из ЦРУ, в свою очередь, передали свой «фамильный секрет» специалисту фирмы «Ксерокс», который раз в месяц профилактировал советскую копировальную машину. Ему подробно объяснили, как и куда надо скрытно установить кинокамеру. Этот завербованный ЦРУ

специалист в то время обладал относительной свободой действий в посольстве СССР и возился со сложным ксероксом без какого-либо наблюдения со стороны службы безопасности. Как и предполагали в ЦРУ, техник смог периодически менять заряженную свежей пленкой кассету в кинокамере каждый раз во время профилактики и ремонта в советском посольстве в течение всего 1963 г.

Кинокамера
Bell&Howell
внутри
копировальной
машины

Копировальная машина «Ксерокс» с кинокамерой внутри (из архива Keith Melton Spy Museum)

Довольное результатами ЦРУ, однако, не дало почивать на лаврах своей секретной команде из «Ксерокса» и вновь обратилось с предложением установить «жучок» в более компактную, уже настольную машину «Ксерокс-813». В этой модели не было места для обычной 8-мм кинокамеры, и бригаде «Ксерокса» пришлось создать новый миниатюрный фотоаппарат с большим количеством пленки, попутно изменив конструкцию зеркала копировальной машины и удалив второстепенную деталь, которая мешала скрытному фотографированию документов. Работа была столь секретной, что все детали для новой камеры заказывались в разных фирмах, чтобы полностью скрыть идею их использования.

В 1964 г. труд Рэя Заппота был наконец вознагражден секретным патентом, выданным изобретателю за разработку миниатюрной специальной фотокамеры для использования в ксероксе. Рэй уже подумывал о грандиозном плане оснащения всех копировальных машин скрытой системой документирования, которая помогала бы США проверять союзников и бороться с врагами, когда в 1969 г. одна химическая фирма была «поймана за руку» при попытке шпионить за конкурентами подобным образом. Можно было ожидать, что советское посольство начнет проверять свои копировальные машины и найдет искусно внедренный «жучок». Возможно, что ЦРУ прекратило в то время попытки контроля советских и других «восточных» ксероксов. Рэй Заппот и его партнеры по спецпроекту этого так и не узнали. Рэй вышел на пенсию в 1979 году и молчал почти 20 лет, пока муки совести, а возможно, и гордости не заставили его рассказать на страницах американского журнала «Popular Science» эту удивительную историю, которая, однако, имела неожиданное продолжение.

Глава 53. Как опасно сдавать копировальную машину в ремонт

Генеральное консульство СССР в Сан-Франциско, штат Калифорния, приобрело в середине 1970-х гг. ХХ века японский копировальный аппарат «Тошиба», справедливо не доверяя американским моделям. По контракту с советской миссией местная фирма присыпала своего техника для периодической чистки и ремонта капризной машины, которую нещадно эксплуатировали все советские сотрудники как в личных, так и в служебных целях. Специально выделенный оперативно-технический сотрудник резидентуры КГБ внимательно следил за работой американского техника, всегда и подробно комментировавшего свои действия и показывавшего всем своим видом, что он любит СССР и ничего предосудительного не делает. Привыкнув к американскому умельцу, дипломаты и разведчики неожиданно вздрогнули, когда через несколько лет вместо любящего СССР техника пришла молодая девочка. В отличие от своего предшественника, она пыталась бойко говорить по-русски, при этом неумело тыкала отверткой внутри аппарата и всем очаровательно улыбалась. Уходя, она оставила свою визитную карточку, чем и воспользовалась служба безопасности генконсульства для «контрольного» звонка в сервисную фирму. На вежливый, но законный вопрос русских, почему же вместо профессионала прислали очаровательного дилетанта, секретарша фирмы, искренне и простодушно извинившись, ответила, что приходил не специалист фирмы, а сотрудник ЦРУ, временно работающий у них в качестве стажера. «А почему бы и нет», — спросили бы в те годы в Одессе или сейчас на Брайтон-Бич?

Крепко затаив обиду, чекисты-разведчики, однако, вида не показали и продолжали вежливо принимать появившегося опять (после продолжительной болезни) старого, многократно проверенного умельца, который возобновил профилактику и ремонт уже разваливающегося японского ксерокса.

Вскоре сервисная фирма прислала такой счет за ремонт машины, что советский бухгалтер поставил ультиматум: или я или «копировалка». Тут весьма кстати фирма и предложила провести недорогой капитальный ремонт, который, однако, ей придется делать уже в своей мастерской. Пожалев бухгалтера и получив разрешение из Москвы, что было редким совпадением в те далекие застойные годы, советская миссия отправила «Тошибу» в ремонт. Через некоторое время машина вернулась обратно на свое законное место, которое, увы, было уже занято другой, совсем новенькой «копировалкой», купленной нетерпеливыми русскими. Старую машину отправили в Москву от греха подальше, а вдруг ЦРУ или еще кто «свинтил» что-нибудь внутри? В Москве тоже не стали ломать голову и отправили «Тошибу» прямиком в знаменитый институт специальной техники КГБ СССР, где в одной из лабораторий начинал свою трудовую деятельность сам Александр Исаевич Солженицын, лауреат Нобелевской премии.

Схема работы «жучка» в копировальной машине (из архива Keith Melton Spy Museum)

Велика же была радость специалистов КГБ, когда внутри сварного основания копировальной машины нашли изощренное устройство съема информации. Эта система с помощью специального оптического сенсора фиксировала изображение первого листа копируемого документа, а затем передавала его уже в цифровом виде по радиоканалу в соседний частный дом. Вероятнее всего, именно там и располагался специальный приемник и принтер, которые восстанавливали изображение на бумаге для последующего изучения американскими «компетентными органами».

Аппаратура ЦРУ внутри копировальной машины (из архива Keith Melton Spy Museum)

Неискушенный читатель справедливо захочет узнать, а что можно использовать в качестве средства борьбы с «жучками», ведь наверняка уже есть что-то, чего эти насекомые не переносят и оставят в покое ваш копировальный аппарат? Увы, с этим злом радикальных и доступных широким слоям потребителей средств борьбы пока нет. Можно посоветовать не делать копии секретных документов на обычных ксероксах, а воспользоваться такими «копи-ровалками», которые оборудованы специальной защитой и периодически проверяются в специализированных организациях или подготовленными для этих целей сотрудниками. Но тогда у вас не будет уникальной возможности найти «жучка», познакомиться с ним поближе, чтобы попытаться подобрать современное и эффективное средство борьбы с этими вредителями. Уважаемые читатели, выбирайте, пожалуйста, сами...

Очерк XVIII. Когда «жучки» сильнее президентов

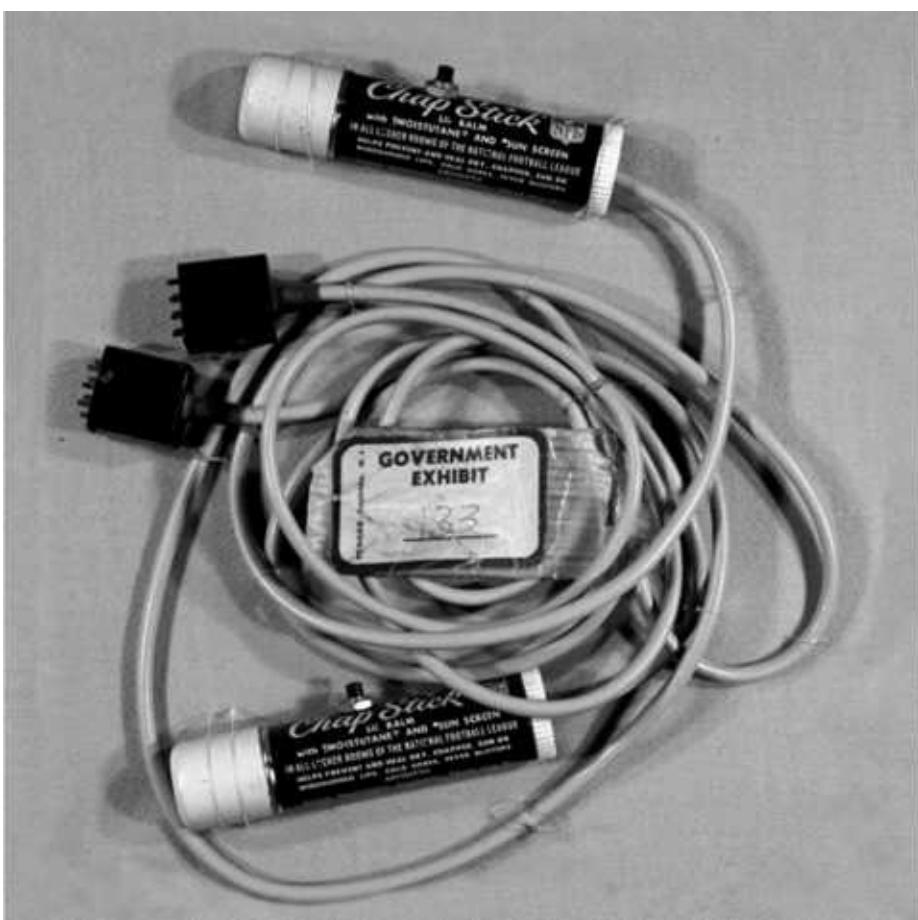
Глава 54. Откуда взялся термин «Уотергейт»?

Обиды и упреки друзей в адрес Америки после разоблачений Эдварда Сноудена вынудили президента США публично заявить о запрещении электронной слежки за десятком лидеров иностранных государств. Налицо очередной скандал с подслушиванием, который уже назвали «Обамагейт». Откуда же взялся столь странный, необычный термин, которым журналисты и телекомментаторы награждают политиков, как бы вешая «жучок» на лацканы парадных костюмов мировых лидеров в качестве награды или упрека за скандальные истории с подслушиванием?

А дело было так: в 1972 г. в США проходили очередные выборы президента. Кандидатов было два: действующий глава государства республиканец Ричард Никсон и сенатор Джордж Макговерн от демократической партии. Никсон имел значительно больше шансов на победу, так как он был популярен в стране, а Соединенные Штаты значительно усилили свои международные позиции за время его четырехлетнего пребывания у власти. И вдруг произошло событие, которое стало для Америки чем-то вроде предмета национальной гордости, а для американских президентов — пугающим напоминанием о том, как легко лишиться власти.

В ночь с 16 на 17 июня 1972 г. бдительный охранник Фрэк Уилс совершил очередной обход здания гостиничного комплекса «Уотергейт», расположенного в северо-западной части Вашингтона. В нескольких номерах этого отеля располагалась штаб-квартира Национального комитета демократической партии. Внезапно Фрэнк обнаружил, что замок двери одного из офисов штаб-квартиры демократов был зафиксирован в открытом положении с помощью клейкой ленты. Понимая, что в здание, вероятно, проникли посторонние, охранник сразу же позвонил в полицейский участок.

Прибывший наряд полиции задержал в этом помещении пятерых безоружных неизвестных, одетых в обычные рабочие костюмы и резиновые хирургические перчатки. Неизвестные имели при себе разнообразное фотооборудование и электронную аппаратуру, предназначенную для подслушивания разговоров как внутри помещения, так и переговоров по телефонным линиям. Кроме того, полицейские обнаружили, что две панели на подвесном потолке офиса были удалены, что, скорее всего, давало возможность установить в межпотолочном пространстве подслушивающее устройство.

Техника подслушивания, использованная в отеле «Уотергейт» (из архива Keith Melton Spy Museum)

В процессе расследования инцидента выяснилось, что в состав группы налетчиков входили два бывших сотрудника ЦРУ и три кубинских эмигранта, также тесно связанных с разведкой. Руководитель группы, бывший специалист по оперативной технике ЦРУ Джеймс У. Мак-Корд занимал в тот момент должность координатора по вопросам безопасности в штабе по переизбранию Никсона. Следствие вышло еще на двух лиц, причастных к взлому штаб-квартиры демократов: консультанта Белого дома Говарда Ханта, также бывшего сотрудника ЦРУ, и Гордона Лидди, советника комитета Республиканской партии по переизбранию президента. Выяснилось, что все они входили в так называемую группу «водопроводчиков» подразделения специальных операций и расследований при администрации президента Никсона. Против всей «семерки» были выдвинуты официальные обвинения в краже со взломом и попытке незаконного подслушивания.

Следует отметить, что поначалу Америка не придала особого значения этому событию. СМИ пошумели немного, да и только. Тем более, что с момента ареста «водопроводчиков» Белый дом постоянно подчеркивал, что случившееся не более чем заурядное ограбление, и категорически отрицал, что действия обвиняемых согласовывались или были инициированы кем-либо из администрации Никсона. ЦРУ также официально откrestилось от своих бывших сотрудников. В результате в ноябре 1972 г. Ричард Никсон вновь стал президентом.

Но механизм юридической машины США был уже запущен и постепенно набирал обороты. В январе 1973 г. обвиняемые предстали перед судом. Кроме того, ведущие американские газеты не оставили попыток разобраться в этом темном деле и начали проводить собственные расследования. Благодаря настойчивости и смелости двух репортеров газеты «Вашингтон пост» Карла Бернстайна и Боба Вудворда, раскопавших ряд скандальных подробностей уотергейтской операции, в 1973 г. был создан специальный сенатский комитет, которому было поручено

проводить тщательное расследование фактов, опубликованных в этой газете. А само это скандальное дело с легкой руки репортеров получило название «Уотергейт».

В процессе слушаний всплыло, что еще в марте 1972 г. Джон Митчелл, который ушел в отставку с поста министра юстиции, чтобы возглавить Комитет по переизбранию президента, утвердил широкую программу шпионажа и других «спецопераций» против демократов. В частности, в рамках этой программы намечалось установить подслушивающие устройства в номерах отеля «Фонтенбло» в Майами-Бич, где должны были остановиться организаторы июльского съезда Демократической партии. В соответствии с этим же планом была напичкана подслушивающими устройствами и штаб-квартира Национального комитета Демократической партии.

Первая попытка организовать прослушивание штаб-квартиры демократов, предпринятая в еще мае 1972 г., оказалась неудачной. «Водопроводчикам», правда, удалось проникнуть в помещение комитета и установить подслушивающие устройства, а также сфотографировать некоторые документы. В мотеле «Говард Джонсон», расположенному прямо напротив комплекса «Уотергейт», был оборудован контрольный пункт для приема сигнала от спецтехники. Но мощность радиопередатчиков оказалась недостаточной, чтобы зафиксировать на контрольном пункте сигнал приемлемого для расшифровки разговоров качества, и потому было решено 17 июня заменить их на более мощные. Чем закончилась эта операция уже известно.

Далее в процессе расследования выяснилось, что еще в 1970 г. президент Никсон приказал секретной службе тайно записывать на магнитофон все беседы и телефонные разговоры, ведущиеся им в Белом доме и в своей резиденции в Кэмп-Дэвиде. Конгресс и назначенный для расследования этого дела государственный обвинитель Арчибалд Кокс официально потребовали, чтобы все пленки с этими записями были переданы на ознакомление суду и специальному сенатскому комитету, но Никсон сначала наотрез отказался выполнить это требование, сославшись на «привилегию исполнительной власти». Вместо записей он был готов предоставить их письменный вариант с сокращением «несущественных эпизодов». Но Кокс не согласился пойти на уступки, и в результате он был отстранен от расследования. Новый специальный прокурор Леон Яворски оказался еще настырнее своего предшественника и, в конце концов, через Верховный суд США заставил президента предоставить на ознакомление все магнитофонные записи.

Сенатская комиссия по расследованию получила все необходимые доказательства причастности Никсона к попытке скрыть истину в уотергейтском деле. В частности, из записей разговоров выяснилось, что президент обсуждал со своими помощниками возможность использования ЦРУ как орудия давления на ФБР с целью прекратить начавшееся расследование. А еще раньше, в июле 1970 г., он одобрил план секретных служб по проведению несанкционированных обысков и просмотру корреспонденции у конгрессменов-демократов. Попутно вскрылись и другие неблаговидные дела президента.

Сенатом и Палатой представителей Конгресса были предприняты шаги по отстранению Никсона от власти. Его обвинили в неподчинении решениям Конгресса, намеренном препятствовании правосудию и в злоупотреблении властью. Было официально заявлено, что Ричард Никсон вел себя неподобающим президенту образом, подрывал основы конституционного строя США и потому должен быть смешен со своего поста, а также предстать перед судом. В результате, не дожидаясь окончания процедуры импичмента, в августе 1974 г. Никсон объявил о своей отставке.

В 1975 г. завершился судебный процесс над группой «водопроводчиков». Обвиняемые получили от двух с половиной до восьми лет тюремного заключения. А Ричард Никсон избежал наказания благодаря специальному указу нового президента США Джеральда Форда, который

гарантировал ему прощение без каких-либо оговорок и условий. Через много лет Национальный архив США рассекретил 500 часов магнитофонных записей совещаний и бесед в Белом доме периода правления Никсона.

После «Уотергейтского дела», которое продемонстрировало то, что банальная попытка подслушивания может быть раздута до таких размеров, что приведет к смешению президента страны, любой мало-мальски громкий скандал, в котором фигурирует руководитель государства, по аналогии начал получать в средствах массовой информации окончание «гейт». Вспомним же о некоторых из них, напрямую связанных с подслушиванием.

Глава 55. Российский «Пресня-гейт»

В начале 1991 г. в СССР разразился скандал, связанный с возможным подслушиванием Бориса Ельцина, который занимал в ту пору должность Председателя Верховного Совета РСФСР, и получивший по аналогии с американским «Уотергейтом» название «Пресня-гейт».

В этот период резко усилилось противостояние нового руководства Российской республики во главе с Борисом Ельциным и союзной власти во главе с Президентом СССР Михаилом Горбачевым. Суть того момента политики и политологи единодушно усматривают в жесточайшей борьбе за власть между двумя противоборствующими силами. Но политическое противоборство зачастую ведет к громким скандалам, и поэтому «Пресня-гейт» возник как раз в нужный момент.

5 февраля 1991 г. «Комсомольская правда» на первой странице поместила небольшую и не очень броскую заметку следующего содержания: «Как нам стало известно, в здании Верховного Совета России на Краснопресненской набережной обнаружены комнаты с аппаратурой прослушивания. Об этом конфиденциально сообщили службе охраны здания специалисты связи. В комнатах 420 и 420-а (над кабинетом Бориса Ельцина), по сведениям связистов, установлена специальная аппаратура, которой пользуются работники КГБ СССР.

Как сообщил один из сотрудников охраны Верховного Совета РСФСР Юрий Горячев, это помещения «повышенной режимности», и даже у хозяйственных служб Верховного Совета нет ключей от этих помещений. Пропуска сотрудникам КГБ выдал бывший управляющий делами Совмина Стерлигов, перешедший на работу в аппарат КГБ. Горячев сообщил также, что аппаратура, установленная в этих комнатах, не относится к правительственный связи, она оказалась сейчас как бы «бесхозной».

После опубликования этой статьи поздно вечером 6 февраля группа сотрудников отдела обеспечения безопасности Председателя ВС РСФСР, а также ряд депутатов российского парламента в присутствии прокурора Краснопресненского района Москвы и понятых взломали дверь комнаты 420, чтобы разоблачить происки "недружественных сил".

Немаловажная подробность: здание Верховного Совета и Совета министров РСФСР, именуемое «Белым домом», было введено в эксплуатацию в 1981 г. С этого же времени комната 420 находилась в ведении КГБ, что, конечно, не было секретом ни для управления делами Совмина РСФСР, ни для главы российского правительства Ивана Силаева.

Далее процесс пошел по нарастающей. 7 февраля Верховный Совет РСФСР создал депутатскую комиссию для расследования предполагаемого отечественного «Уотер-гейта». Депутатской комиссией была сформирована экспертная комиссия, которая должна была выяснить действительное назначение обнаруженной в таинственной комнате аппаратуры. Руководство 8-го Главного управления КГБ СССР, отвечавшего за защиту секретной информации в государственных учреждениях, публично отвергло возможность такого прослушивания, упомянув о «непродуманных действиях службы охраны ВС РСФСР». В то же время главный охранник Ельцина Александр Коржаков заявил: «В настоящее время в соответствующие органы КГБ СССР поступило указание об активном сборе материалов, компрометирующих Председателя Верховного Совета РСФСР Бориса Ельцина. Через партийные структуры КГБ СССР с использованием оперативно-технических средств проводится компания по дискредитации демократических движений РСФСР и в первую очередь их лидеров».

Ответ центра общественных связей КГБ СССР не заставил себя ждать: «Комитет госбезопасности заявляет, что подобные обвинения есть не что иное, как измышления, преследующие далеко не благовидные цели. Они свидетельствуют не просто о

профессиональной безграмотности и некомпетентности сотрудников охраны, но, прежде всего, являются злонамеренным выпадом против КГБ СССР с целью его дискредитации и создания никому не нужной напряженности. Следует подчеркнуть, что это делается не впервые и представляет собой еще одно провокационное утверждение об акциях, якобы проводимых органами КГБ в отношении Бориса Ельцина».

Но тем временем созданная Верховным Советом РСФСР экспертная комиссия завершила свою работу. В своем итоговом докладе комиссия сделала вывод о том, что аппаратура КГБ, установленная в здания Дома Советов РСФСР, по своему составу и техническим характеристикам предназначена для информационной защиты особо важных помещений.

Критически оценила результаты расследования «Пресня-гейта» газета «Комсомольская правда», отметившая: «Комиссия в своем беспомощном докладе практически не ответила ни на один вопрос. Экспертиза аппаратуры, выяснение ее возможностей проведены не были. Совсем забавно, что сам председатель комиссии предложил ее распустить, несмотря на предварительность выводов. Комиссия, по сути, подтвердила вывод КГБ СССР о невозможности использовать эту аппаратуру как прослушивающую, однако, намекнула, что при определенных технических условиях она таковой может стать».

М. Горбачев и Б. Елицин во время дискуссии (из архива Keith Melton Spy Museum)

Известно, чтобы завалить какое-нибудь уголовное дело, лучшим способом всегда было организовать его передачу на доследование. В этом случае так и поступили. Таким образом, «Пресня-гейт», в отличие от «Утергейта», закончился ничем. Никто, похоже, в нем по большому счету и не был заинтересован. Шел просто обмен политическими ударами.

Дыма без огня, конечно же, не бывает. Вряд ли союзные власти не стремились добыть руками КГБ СССР упреждающую и достоверную информацию о намерениях своих политических оппонентов. Но кто же соблюдает законы, когда идет борьба за высшую власть в стране? Поэтому грех было не использовать подслушивание в таком серьезном деле, но, думается, выполнялось оно не так грубо и нахально, как стремились представить это инициаторы «Пресня-гейта». Бывший первый глава КГБ РСФСР Виктор Иваненко, уже будучи в отставке, говорил о прослушивании разговоров Ельцина в бане, на теннисном корте. И нет особых оснований не верить ему. Правда, деталей он не уточнял.

Глава 56. Скандал вокруг испанской разведки

В середине 1999 г. мадридский суд приговорил к 6 месяцам тюрьмы и запрету в течение 8 лет занимать ответственные посты бывшего шефа главной испанской спецслужбы СЕСИД генерала Эмилио Алонсо Манглano. Вместе с ним осуждены его бывший первый заместитель полковник Хуан Альберто Пероте, а также еще несколько офицеров испанской разведки. Всем им инкриминировано то, что они в течение нескольких лет без разрешения соответствующих судебных органов подслушивали и записывали разговоры по мобильным телефонам весьма высокопоставленных политиков, бизнесменов, видных общественных деятелей Испании. Список подслушиваемых возглавлял сам глава Испанского государства — король Хуан Карлос.

На суде обвиняемые пытались оправдаться, что короля они записали по ошибке, так сказать, случайно, но остальных — намеренно, поскольку радели о высших государственных интересах. Однако суд не признал этого довода и обвинил их в превышении власти. Многие в Испании считают, что СЕСИД делало это в интересах тогдашнего правительства, желавшего «на всякий случай» иметь компромат на видных персон. Так, полковник Пероте на суде, заявил, что правительство страны во главе с Фелипе Гонсалесом было осведомлено о практике подслушивания телефонных разговоров.

Примечательно, что те, кто заказывал эту грязную работу, сами на ней и погорели. Человек № 2 в СЕСИД, полковник, снимал копии телефонных разговоров и уносил их домой, чтобы на них заработать. Он передал компромат прогоревшему супербанкиру Марио Конде, который принялся шантажировать правительство. Списки записанных приватных телефонных бесед и фрагменты некоторых из них были опубликованы в печати, главным образом, в скандальной газете «Мундо».

Глава 57. «Кучма-гейт»

Шестнадцатого сентября 2000 г. в Киеве исчез редактор и ведущий автор независимой интернет-газеты «Украинская правда» Георгий Гонгадзе: вышел вечером в магазин купить корм для кота и не вернулся. Полтора месяца спустя в лесу, неподалеку от Киева, крестьяне нашли изуродованный труп, в котором после серии экспертиз опознали пропавшего Гонгадзе.

А в конце ноября на Украине разгорелся небывалый в ее новейшей истории так называемый «кассетный скандал», названный в прессе «Кучма-гейт», в котором оказался замешан президент страны Леонид Кучма. На заседании Верховной рады один из лидеров оппозиции, бывший соперник Кучмы на президентских выборах Александр Мороз зачитал с трибуны расшифровки аудиозаписей, на которых «человек с голосом, похожим на голос президента», матерясь через слово, требовал у своих собеседников "разобраться с этим грузином"». Голоса собеседников, как заявил Мороз, были похожи на голоса министра внутренних дел Кравченко и главы президентской администрации Литвина.

Немного спустя где-то в Европе объявился бывший сотрудник управления государственной охраны Украины майор Николай Мельниченко, который утверждал, что именно он тайком с помощью цифрового диктофона «Тошиба», спрятанного под диваном в кабинете президента страны, сделал эти сенсационные записи.

Обнародование аудиозаписей и подозрений в причастности президента к устранению оппозиционного журналиста стало поводом для начала общественных волнений, вылившихся затем в крупномасштабную акцию «Украина без Кучмы». Требования оппозиции, вышедшей на улицы Киева после того, как разразился скандал, были сформулированы предельно жестко: личная встреча с Кучмой, зарубежная экспертиза аудиозаписи о причастности президента к заговору, предоставление эфира на государственном телевидении для депутатов, которые встречались с Мельниченко, отставка силовых министров. Возникла угроза отрешения от должности и самого Кучмы. За три дня был подготовлен и внесен на рассмотрение Верховной рады специальный закон об особой комиссии, которой предстояло подготовить материалы для объявления импичмента президенту.

Через некоторое время последовали первые уступки со стороны Кучмы. Президент принял двух представителей демонстрантов, а затем согласился отправить в отставку тех, кто, по мнению инициатора скандала Александра Мороза, осуществил операцию по устраниению Гонгадзе — главу МВД Кравченко и начальника Службы безопасности Украины Деркача. Кроме того, Кучма согласился уволить также и генерального прокурора.

Однако окончательно сдаваться Кучма не собирался. Сразу же после обнародования пленок президент обратился в прокуратуру. Против Мельниченко было возбуждено уголовное дело по факту клеветы, а сам он был объявлен в розыск. Результаты полуторамесячного расследования, проведенного украинской генпрокуратурой, оказались в пользу президента. Аудиозапись была признана фальшивкой.

Как показало следствие, слова и фрагменты разговоров на обнародованной 21 ноября 2000 г. лидером Социалистической партии Александром Морозом аудиокассете были действительно использованы фрагменты из текстов бесед президента Украины, в том числе и добытых путем подслушивания докладов ему руководителей правоохранительных органов о состоянии преступности в стране. Но «установить достоверно, оглашались ли определенные фразы по делу Гонгадзе гражданами Кучмой, Кравченко, Литвиным и Деркачом, невозможно вследствие редактирования, изъятия или вставки отдельных фрагментов, слов, звуков и низкого качества исследованных записей, что не позволяет выделить достаточно доказательств», — так было заявлено в докладе генпрокурора. Эксперты пришли к выводу, что запись, представленная на кассетах, не могла проводиться из-под дивана. Оппозиция, однако, выводам генпрокуратуры не поверила.

Тем временем выяснилось, что бывший сотрудник охраны Кучмы Николай Мельниченко увлекался подслушиванием президента в течение двух лет. Как специалист по защите информации, в обязанности которого входило регулярное обследование кабинета главы государства на предмет поиска подслушивающих устройств, он имел свободный и практически бесконтрольный доступ ко всем помещениям, где пребывал президент Украины. При этом, по его словам, для документирования бесед он использовал различные записывающие устройства.

Мельниченко утверждал, что помимо уже обнародованных записей по делу Гонгадзе он располагает и другими обличающими президента пленками. В частности, по его словам, на них зафиксированы распоряжения Кучмы, касающиеся подавления нелояльных к нему средств массовой информации, подслушивания оппозиционных политиков, продажи Ираку оружия в обход существующих санкций и др. Общая продолжительность аудиозаписей, по словам Мельниченко, составила более трехсот часов. Около 35 часов из них вскоре оказались в Интернете. О причинах, побудивших его заниматься подслушиванием президента, майор Мельниченко бормотал что-то невнятное насчет «верности присяге».

После обнародования признаний бывшего охранника президента украинские спецслужбы провели масштабные проверки всех административных зданий на предмет обнаружения в них подслушивающих устройств. Результаты были ошеломляющими. Так, заместитель главы Службы безопасности Украины, руководитель департамента специальных коммуникационных систем и защиты информации Григорий Лазарев заявил, что во время проверки в министерствах и ведомствах страны были выявлены несколько тысяч «жучков».

По его словам, все подслушивающие устройства были обнаружены в результате проведения плановой проверки и не имеют отношения к спецслужбам. «Большинство средств, которые мы нашли, использовались для выяснения отношений одних сотрудников с другими, причем использовались они на таком примитивном уровне, что мы обнаруживали их в первые секунды

после того, как входили в помещение».

Поскольку оппозиция продолжала свои акции, направленные на отрешение Кучмы от власти, и настаивала на независимом расследовании дела Георгия Гонгадзе, президентская администрация привлекла к изучению обстоятельств исчезновения журналиста и экспертизе пленок с записями американское частное детективное агентство «Кролл». После шестимесячного расследования американские сыщики заявили о том, что никаких доказательств вины президента Кучмы найти не удалось. Проведенная ими аудиоэкспертиза пленок, на которых записан разговор о Гонгадзе, подтвердила выводы генпрокуратуры о том, что пленки были отредактированы.

Но впоследствии, в 2002 г., эксперты американских спецслужб официально признали аутентичность записи, зафиксированной, как украинский лидер якобы санкционирует тайную продажу Ираку радарного комплекса «Кольчуга». Подлинность некоторых записей, сделанных Мельниченко в кабинете президента, была подтверждена и депутатами украинской рады Иваном Драчом и Борисом Олейником, которые, прослушав фонограммы их встреч с Кучмой в июне 2000 г., опознали свои голоса и голос собеседника.

В «Кролл» также усомнились в том, что записи в кабинете президента были сделаны с помощью диктофона, спрятанного под диваном, так как во время проведенного ими следственного эксперимента с использованием аналогичного цифрового диктофона на фонограмме четко фиксировались высокочастотные помехи от стационарного рамочного металлодетектора, установленного в коридоре за стеной, как раз напротив того самого дивана. На записях Мельниченко таких помех не было. Поскольку качество записей на разных пленках было неодинаковым, одни четкие, другие во многом неразборчивые, была выдвинута версия о том, что президента прослушивали разными способами, в том числе и с использованием стационарной системы контроля, возможно, оставшейся в бывшем здании ЦК Компартии Украины со времен КГБ. Немаловажный вывод, сделанный агентством «Кролл», состоял также в том, что «Мельниченко работал не один».

Украинская пресса и оппозиция к результатам расследования, проведенного американскими детективами из «Кролла», отнеслись скептически. Оппозиционные газеты писали о том, что у силовых структур не было никаких оснований для того, чтобы помогать независимому расследованию, и что сыщики вряд ли были свободны от политических пристрастий заказчика, безоговорочно поддерживающего президента.

В конце 2002 г. на Украине вновь вспыхнул «шпионский» скандал, на этот раз связанный с обнаружением подслушивающих устройств в депутатском офисе оппозиционной партии «Вперед, Украина!». Первого «жучка» случайно нашли охранники в ходе рутинного осмотра кабинета одного из руководителей партии, депутата Владимира Сив-ковича. Маленькая, величиной с сигаретку, радиозакладка была запрятана в пластмассовую елку, стоявшую на его письменном столе. После этого в ходе обследования офиса специалистами СБУ в соседнем помещении для переговоров была выявлена стационарная техника подслушивания с передачей сигнала по электропроводам, которая была замурована в потолке за люстрой. В организации подслушивания противники президента обвинили государственные структуры, и это вновь послужило поводом для обвинений украинского лидера в незаконной слежке за оппозицией. Но какого-либо резонанса в обществе эти обвинения не вызвали.

Начав раскручивать «кассетный скандал», украинская оппозиция явно недооценила масштабы административного ресурса своего президента и поэтому не смогла осуществить задуманное. В дальнейшем «Кучма-гейт» вяло тянулся вплоть до окончания президентского срока Леонида Кучмы в 2004 г., то немного вспыхивая, то вновь затихая.

Глава 58. Президентский «Боинг» с «жучками» на борту

В январе 2002 г. очередной скандал из серии «гейт» разгорелся в Китае, когда китайские контрразведчики заявили об обнаружении 27 подслушивающих устройств на борту самолета «Боинг 767», приобретенного Пекином в США и предназначенного для полетов руководителя КНР Цзян Цзэминя. Устройства для тайного сбора информации, контролируемые со спутника, были обнаружены во время испытаний самолета, когда были выявлены какие-то странные помехи, оказывающие влияние на электронную аппаратуру лайнера. Один из «жучков» нашли в туалете, а еще один — у изголовья кровати китайского лидера. Свое открытие контрразведка КНР сделала накануне встречи Цзян Цзэминя и Джорджа Буша, которая должна была состояться в Пекине в феврале 2002 года. Информация об обнаруженных «жучках» привела китайского лидера в ярость.

Китайский лидер Цзян Цзэминь (из архива Keith Melton Spy Museum)

Как выяснилось, «Боинг» для Цзян Цзэминя был собран на заводе в Сиэтле. В июне 2000 г. его приобрела авиакомпания «Дельта Эрлайнз», вскоре продав Пекину за 120 миллионов долларов. Китайцы решили, что самолет надо сделать эксклюзивным — для Цзян Цзэминя. Пекин попросил корпорацию «Боинг» полностью переоборудовать самолет. Из салона было убрано стандартное оборудование, заменена отделка, подготовлен специальный узел связи для председателя КНР, который собирался передвигаться по миру в сопровождении офицеров с «ядерными чемоданчиками». В лайнере появились кабинет Цзян Цзэми-ня, спальня и ванная. Заказ был выполнен в августе 2001 г. Весь процесс сборки самолета проходил под контролем наблюдателей из КНР.

После сенсационного обнаружения «жучков» в самолете китайского лидера Белый дом и Госдепартамент США долгое время воздерживались от комментариев. В конечном итоге Госдепартаменту удалось «замять» этот скандал, и значительного влияния на дальнейшие отношения между США и Китаем он не оказал.

Глава 59. Британский премьер «под колпаком»

В начале октября 2002 г. на встрече с британским премьером Тони Блэром премьер-министр Северной Ирландии Дэвид Тrimбл заявил, что североирландские правоохранительные службы располагают записями конфиденциальных телефонных разговоров британского премьера, в том числе с президентом США Джорджем Бушем, и их обнародование «может привести к скандалу, в десять раз более громкому, чем утергейтский, после которого президент Никсон ушел в отставку». Шпионские записи, разумеется, были сделаны не по указанию североирландского премьера, искренне преданного правительству Соединенного Королевства. Их обнаружили при обыске в помещении парламентской фракции «Шинн Файн», выступающей за воссоединение Ирландии и являющейся политическим крылом террористической группировки ИРА.

Официальным поводом для проведения обыска послужила информация о том, что ирландские террористы активизировали свои действия и используют «Шинн Файн» как прикрытие для сбора секретной информации.

Бывший британский премьер Тони Блэр (из архива Keith Melton Spy Museum)

Уже на первых этапах следствия худшие подозрения полиции подтвердились.

В доме руководителя аппарата фракции «Шинн Файн» Дональдсона была найдена сумка с секретными документами, в том числе схемы расположения британских правительственные учреждений в Северной Ирландии, а также досье на британских военных и на активистов протестантских организаций.

Но самой интересной находкой полицейских стали кассеты с записями телефонных разговоров британского премьера Тони Блэра. Среди его собеседников оказался и американский президент Джордж Буш. Содержание этих записей до сих пор хранится в большом секрете, единственное, что Дэвид Тrimбл смог сообщить газете «The Daily Telegraph», это то, что обнародование этих материалов, по-видимому, привело бы к отставке правительства.

Глава 60. «В Греции всё Есть», и даже подслушивание телефонов

Утром 2 февраля 2006 года популярная в Греции оппозиционная газета «Ta Nea» опубликовала на первой полосе фантастическую на первый взгляд историю о том, что сотовые телефоны высшего политического руководства Греции многие месяцы кем-то прослушивались с помощью шпионской программы в аппаратуре «Vodafone Greece», одного из главных в стране операторов мобильной связи. Буквально через несколько дней после обнаружения закладки произошло загадочное самоубийство одного из топ-менеджеров «Vodafone» Костаса Цаликидиса.

На официальной пресс-конференции, посвященной этим событиям, министр общественного порядка, министр юстиции и пресс-секретарь кабинета министров поведали (не ссылаясь на газету «Ta Nea»), что установлен факт нелегального прослушивания в сети «Vodafone» ста мобильных телефонов, многие из которых принадлежали ключевым фигурам правительства. Помимо премьер-министра и его жены, министров обороны, госбезопасности и других важных членов кабинета в списке прослушиваемых лиц было множество других крупных фигур.

Применявшаяся для прослушивания телефонов технология была охарактеризована как чрезвычайно изощренная. Самые же интересные вопросы — кто и зачем это делал — остались без ответа. Компания «Vodafone», обнаружившая в своей аппаратуре шпионскую программу, сначала ее отключила (сделав невозможным быстрый поиск и арест владельцев четырнадцати телефонных номеров, получавших данные перехвата) и лишь потом дожила о находке.

Из крайне скучных сведений, найденных следствием, получалось, что подслушивающая техника, судя по всему, начала работать накануне летней Олимпиады 2004 г. в Афинах. Весной следующего года при плановом осмотре была обнаружена закладка техником фирмы «Ericsson», чья аппаратура обеспечивает работу телефонной сети. В марте 2004 г. «Ericsson» сообщила о находке директору «Vodafone Greece», а тот, ознакомившись со списком прослушиваемых номеров, уведомил о происшествии аппарат греческого премьер-министра.

Длившееся около года «секретное расследование» не дало результатов лишь потому, что огромное количество косвенных улик сразу и недвусмысленно указывало на организатора столь широкомасштабного шпионского проекта. Три антенны сотовой связи, обслуживавшие, как их назвали, «теневые телефоны» перехвата, находятся в центре Афин, и если соединить их на карте прямыми линиями, то внутри сравнительно небольшого треугольника оказывается здание посольства США.

Когда это стало известно, местные военные, ведающие закупкой оружия и техники, сразу же поняли источник поразительной, порой сверхъестественной осведомленности фирм американского военно-промышленного комплекса, продающих Греции вооружение на чрезвычайно выгодных для себя условиях. Греция является одним из самых заманчивых в Европе рынков для торговцев оружием, ежегодно расходуя на оборону не менее 3,5 млрд долларов из бюджета.

Начиная с февраля 2006 г. за собственное расследование энергично взялось специально созданное независимое Управление по защите конфиденциальности телекоммуникаций (ADAE). За три месяца, невзирая на скрытое и явное сопротивление «Vodafone», сотрудники ADAE нашли все то, что должны были, но «не смогли» раскопать греческие спецслужбы за предыдущий год.

В частности, управление ADAE проштудировало все записи звонков, исходивших от «теневых телефонов» перехвата, и установило факты соединений с США, Англией, Австралией и Швецией. Первые три страны являются членами глобальной автоматизированной системы электронной разведки «Эшелон», участие же шведских спецслужб в этом предприятии тоже

вполне объяснимо. А один из американских номеров, на который был сделан звонок, зарегистрирован в городе Лорел, штат Мэриленд. Чтобы стало понятно, что это означает, достаточно привести официальный почтовый адрес штаб-квартиры Агентства национальной безопасности США: «Форт-Мид, Лорел, Мэриленд».

Очерк XIX. Почему спецслужбы любят деревянные бруски?

Глава 61. Секреты милицейской будки

В советские времена москвичи и жители крупных городов, проходя мимо красивых особняков дипломатических представительств, часто наблюдали довольно странное сооружение в виде сторожевой будки около калитки или ворот, через которые проезжали иностранные автомашины, утром «проплывали» красивые и ухоженные секретарши, а также гордо маршировали советские граждане, неведомо как, но известно, где получившие право работать в штате посольства и получать зарплату в валюте, находясь на территории СССР, что считалось в кулаурах вершиной личного успеха советского гражданина.

В такой «сторожевой будке», а по-другому это было назвать трудно, находились советские милиционеры, зорко смотревшие вокруг через небольшое оконце, как раз на уровне головы смотрящего. Они следили за порядком на прилегающей к посольству территории, выполняя функции внешней охраны. Иногда они выходили наружу подышать воздухом, тщательно закрывая за собой дверь, что, конечно, крайне интриговало прохожих, которые были уверены, что в крохотной будке размещена сверхсекретная радио, видео-, фото-, кино- и другая спецаппаратура. Как наивно полагала большая часть обывателей больших городов, специальная милицейская будка могла видеть «насквозь» случайных пешеходов, среди которых были диссиденты, жаждущие скрытно, а иногда и демонстративно передать иностранному дипломату листок с описанием очередного примера «ужасных действий советского режима». «С холодком под сердцем» проходили мимо милицейской будки у посольства граждане СССР за получением визы и различных документов на право официально пересечь государственную границу и посмотреть на счастливый капиталистический рай, представления о котором давали кинодетективы, снятые в Прибалтике, а иногда и в ГДР. Прибалтийские и немецкие киноактеры в этих фильмах постоянно пили недоступное простым советским гражданам импортное пиво и виски со льдом, говорили по-русски с акцентом и носили самые стильные западные одежды, тщательно скроенные и сшитые в мастерских «Мосфильма» и на «Киностудии им. Горького».

Советская милицейская будка (из архива Keith Melton Spy Museum)

Однако среди проходящих мимо посольства простых советских граждан могли быть и «инициативники» (жаргон КГБ), которые тайно вынашивали планы поделиться, возможно, из желания мести режиму или выгодно продать иностранным разведкам политические и технические секреты СССР. В советские времена секреты тщательно охранялись и были труднодоступны шпионам, которые сегодня могут получать массу важных сведений из Интернета и российских СМИ.

Именно «инициативники» были одной из главных целей обитателей милицейских будок — молодых офицеров, для которых такое место работы было обогревом в студеное зимнее время, защитой от дождя или палящего летнего солнца. Офицеры обустраивали «среду обитания», как могли, и помимо телефона, чайника и печки молодежь придумывали всякие хитроумные приспособления, чтобы облегчить свою однообразную и монотонную работу. Ветераны с улыбкой вспоминают недовольные обращения дипломатов одной западной державы, на приветствия которых стоящий в будке офицер милиции никак не отвечал. Проезжавшие мимо посольства автомашины наружного наблюдения КГБ, однако, фиксировали в оконце будки молодое улыбающееся лицо своего офицера с открытыми глазами. По докладам «наружки» сотрудник в будке не спал и находился «постоянно при исполнении своих обязанностей». А нежелание офицера отвечать на приветствие дипломатов сочили за выражение классовой ненависти, что могло быть записано в положительный актив личного дела сотрудника, и, кто знает, в дальнейшем способствовало бы карьерному росту «неприветливого» милиционера. Секрет же открылся случайно, когда обратили внимание на здоровенный крюк, вбитый напротив оконца, выходящего на фасад будки. Изобретательный офицер смастерили для себя крепкие кожаные лямки, за которые сам подвешивал себя на крюк, чтобы «бдительно» спать всю смену.

Читатель спросит: а как же постоянно открытые глаза? Техника сна с открытыми глазами была изобретена еще во времена партийных собраний и обязательных политинформаций «о положении в стране и мире». Для верности спросите своих пап, мам, бабушек и дедушек.

Крохотные домики-будки устанавливались в стратегических точках районов расположения дипломатических миссий и, вне всякого сомнения, вели тайную работу против сотрудников и посетителей иностранных посольств. Эти советские сооружения вызывали повышенный интерес как у проходящих пешеходов, так и среди персонала иностранных миссий. Самыми нервными и любопытными оказались сотрудники ЦРУ, которым, видимо, надоела эта неопределенность, и они решили во что бы то ни стало узнать, а что же там внутри делается?

И вот в 1970-е гг., когда ЦРУ активизировало свои секретные мероприятия в СССР, резидент американской разведки задумал весьма смелый и рискованный шаг: прослушать с помощью специальной техники одну из милицейских будок. Такое прослушивание в перспективе могло дать весьма ценные сведения о том, как офицер милиции (или КГБ?) передает информацию бригадам наружного наблюдения о выходе или выезде дипломатов за пределы представительства. Также крайне интересными для американских разведчиков могли быть инструкции, которые получали офицеры в будках, что помогло бы разгадать особенности методов и всей организацию скрытого наблюдения за иностранным представительством. Особенно важными могли быть сведения о действиях КГБ в моменты проведения каких-либо оперативных мероприятий в отношении американских дипломатов-разведчиков.

Сотрудники ЦРУ, собрав все имеющиеся в дипломатической миссии сведения, уже точно знали, что офицеры в милицейской форме находились в будке круглосуточно и семь дней в неделю. Внутри самой будки величиной примерно в две «советские» телефонные будки находился вмонтированный в стену небольшой столик, телефон и электропечь, достаточная для обогрева двух человек в холодную русскую зиму.

Глава 62. Храбрый американский резидент

Через несколько месяцев интенсивного наблюдения офицеры ЦРУ заметили, что милиционер частенько покидает свой пост и переходит на другую сторону улицы, чтобы поболтать со своим коллегой. Когда дверь была открыта, сотрудники ЦРУ смогли определить размеры маленького столика в будке, а потом и составить вероятный график тех периодов времени, когда офицер устраивает перерывы для очередных разговоров со своим соседом напротив.

Было решено организовать прослушивание с помощью деревянного бруска с радиозакладкой, внутри которого должны находиться все необходимые компоненты: микрофон, передатчик, антenna и дистанционное радиоуправление. Камуфляж для радиозакладки, с одной стороны, должен быть достаточно небольшим, чтобы спрятать его под столиком в будке, но и достаточно вместительным, чтобы расположить в нем большое количество батареек для долговременной работы устройства подслушивания. Радиозакладка также должна иметь специальное крепление, чтобы обеспечить быструю и надежную её фиксацию под столом за время менее одной минуты, пока будка будет свободна.

В Лэнгли, штаб-квартире ЦРУ, специалисты оперативно-технической службы (ОТС) вначале изготовили деревянный брускок, внутри которого должна размещаться радиозакладка. Потом для бруска подобрали краску, точно подходившую под цвет столика. В одну из сторон деревянного бруска конструкторы ОТС вставили специальные самозавинчивающиеся шурупы с пружинными механизмами, которые могли быстро закрепить закладку под столиком. Когда брускок будет крепко прижат к нижней стороне столика, необходимо нажать на торчавшие штифты, чтобы освободить фиксаторы пружин, которые и завинчивали шурупы.

Поскольку такой «жучок» требовал много батареек, деревянный блок был слишком велик для переноски в атташе-кейсе, с которым обычно ходил резидент. В ОТС решили изготовить крепление в виде рогатки для удерживания бруска под верхней одеждой. Каждый день независимо от погоды резидент ЦРУ надевал пальто и проходил мимо будки, примеряясь и выбирая моменты, когда он сможет войти туда незамеченным, расстегнуть пальто, встать на колени, вытащить брускок из подкладки пальто, засунуть его под столик и активировать механизм завинчивания шурупов. И все это нужно было сделать за время не более тридцати секунд.

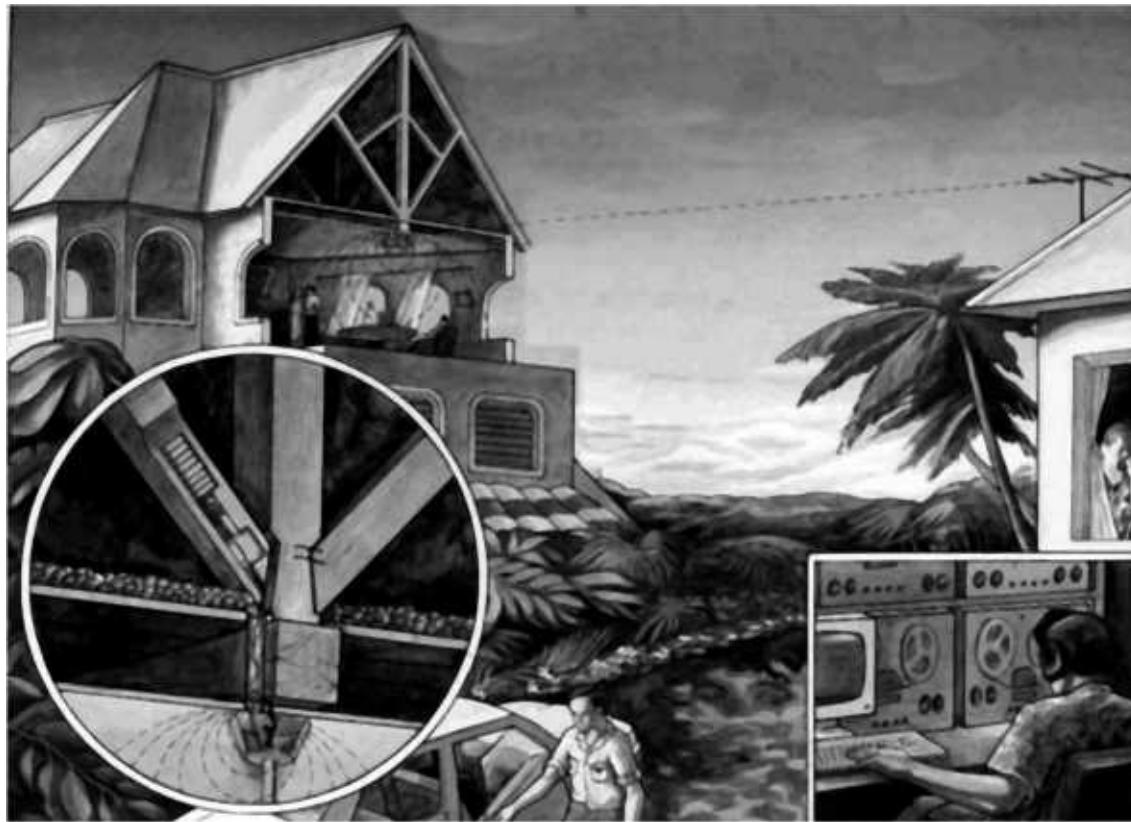
Прошло несколько недель, в течение которых резидент носил брускок каждый раз, когда он выходил на улицу и гулял, проходя мимо будки, чаще всего со своей собакой. Во время одной из прогулок американец почувствовал, что наконец-то появляется возможность: он заметил, что офицер покидает будку и переходит улицу, чтобы поболтать с другом, что как раз и предусматривалось планом проведения операции. Резидент быстро остановился, подтянул поводок собаки, «нырнул» в пустую будку, пристроил и закрепил брускок, а затем продолжил прогулку. Наблюдавшие за мероприятием другие сотрудники ЦРУ не заметили каких-либо подозрительных действий двух офицеров, мирно беседовавших на другой стороне улицы.

Позднее, вечером этого же дня, оперативно-технический сотрудник американской резидентуры в одной из комнат представительства, где была размещена специальная техника, слушал и записывал на магнитофон радиосигнал от бруска, который незаметно под столом «составил компанию» дежурившему в этот день офицеру. Кассеты с записью были отправлены с дипломатической почтой в ЦРУ для анализа всей полученной информации. В результате длительного прослушивания будки американской разведке удалось расшифровать коды и жаргоны, использовавшиеся в радиопереговорах советской контрразведки в периоды наблюдения за сотрудниками ЦРУ, а также получить представление о методах и приемах

слежки, практикуемой КГБ в 1970-е гг.

Руководство ЦРУ сделало вывод, что практика работы сотрудников разведки с необычным устройством подслушивания оказалось важнее, чем информация, полученная путем записи разговоров в маленькой будке. Результативность этого мероприятия была в том, что американской разведке удалось найти небольшую «брешь» в мощной системе контрразведывательного обеспечения, которую создавал КГБ вокруг дипломатических представительств западных стран, и реализовать достаточно рискованное мероприятие по внедрению спецтехники в один из объектов этой системы.

Глава 63. Опять БРУСКИ?

Радиозакладка в стропилах крыши (из архива Keith Melton Spy Museum)

Уместно вспомнить и другой деревянный бруск с электронной начинкой, который специалисты КГБ обнаружили в деревянных конструкциях чердака крыши особняка, где проживал советский дипломат высокого ранга, аккредитованный в одной из стран тихоокеанского региона. Микрофон этой радиозакладки был установлен в большой гостиной комнате, около отверстия в потолке, куда выходили электрокабели люстры.

Советский дипломат вел активный образ жизни и часто приглашал коллег по дипломатическому корпусу в свой особняк. Эти приемы проходили в гостиной комнате, где велись разговоры, весьма интересные для местной резидентуры ЦРУ. Для установки техники подслушивания использовался период ремонта особняка перед въездом туда советского дипломата. Контрольный пункт был организован американской разведкой в соседнем доме, где тайно располагалась аппаратура приема радиосигналов. Насколько важной была для ЦРУ эта подслушанная информация, можно только предполагать.

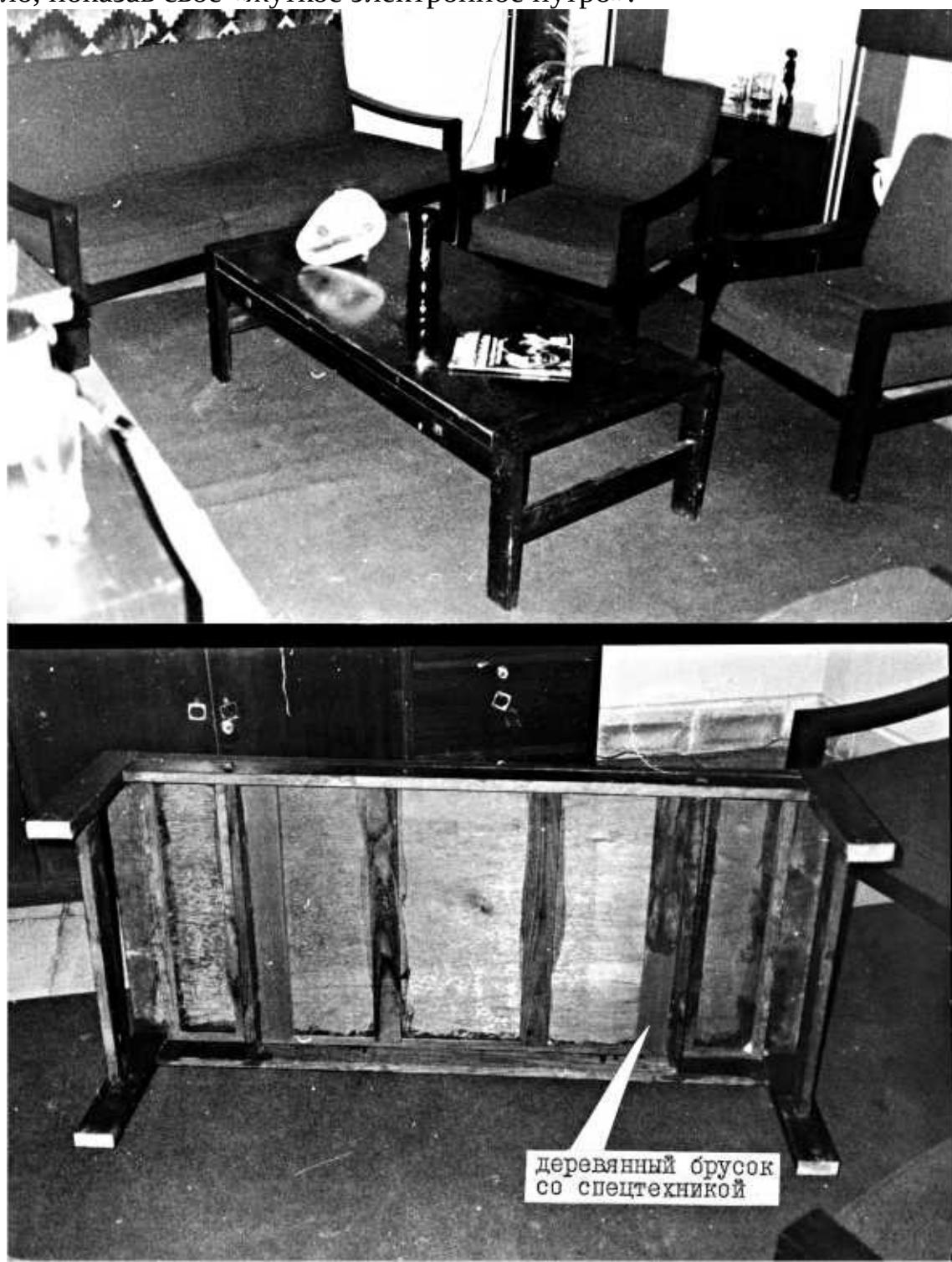

Радиозакладка внутри деревянного бруска (из архива Keith Melton Spy Museum)

Наиболее часто «электронные бруски» устанавливались в элементах мебели, которые дипломаты приобретали в местных мебельных салонах.

В нижней части журнального столика был обнаружен деревянный бруск с «жучком»

внутри, установленный много лет назад: батарейки внутри бруска стали разбухать от старости и дерево треснуло, показав своё «жуткое электронное нутро».

Журнальный столик с «жучком» внутри деревянного бруска (из архива Keith Melton Spy Museum)

Обнаружение спецтехники всегда считалось серьезным результатом в КГБ, поскольку тщательное исследование иностранного «жучка» давало много важной информации, которую другим путём получить было нельзя. Советские оперативно-технические службы, анализируя западную технику подслушивания, получали представление об уровне технической оснащенности противника, особенностях технических решений, использованных в конструкциях передатчика, приемника дистанционного управления, антенной системы и элементов электропитания. Важным показателем было время работы «жучка», что давало основание предполагать о степени утечки информации. Место расположения устройства

подслушивания могло подсказать варианты внедрения спецтехники в советское представительство. При этом не исключалась возможность использования агентуры, что, в свою очередь, давало повод для организации разработки и поиска самого агента.

Очерк XX. Кто же был «впереди планеты всей»?

Глава. 64. Технические потенциалы КГБ и ЦРУ

Историки холодной войны в своих исследованиях, давая оценку деятельности спецслужб, в большинстве своем делятся на два противоположных лагеря: ЗА и ПРОТИВ. Забравшись в «окопы» своих принципиальных позиций, они забрасывают друг друга «бомбами», собранными из фактов, происхождение которых нередко вызывает сомнение. Такой материал зачастую сообщается анонимными источниками в спецслужбах или историки делают ссылки на мемуары ветеранов разведки и контрразведки, которые в массе своей написаны под влиянием эмоций, как победных, когда автор слышал или участвовал в успешной операции, так и критических в адрес начальников, проваливших агента или заведомо результативное мероприятие.

Авторы этой книги пытались как-то поспорить на эту тему с Найджелом Вэстом, талантливым британским историком и публицистом, который часто пишет свои книги и очерки сразу набело, без черновика. На вопрос о возможной причастности спецслужб к смерти офицера ФСБ Литвиненко коренной британец и бывший член английского парламента мудро ответил: «О своей стране (читай спецслужбах) либо хорошо, либо ничего». И тем самым занес всех других в категорию «не патриотов».

Поборов искушение поспорить и далее на эту тему, мы решили остаться на нейтральной полосе, продолжая заниматься историей деятельности спецслужб Запада и Востока и собирая фактический материал о техническом арсенале разведок и методах его использования в послевоенный период. Фотографии, параметры устройств и результаты применения оперативной техники, по нашему мнению, могли бы прямо или косвенно свидетельствовать о потенциалах спецслужб и давали бы хорошую возможность для попытки ответить на главный вопрос, почти как в популярной песни Высоцкого: кто же, кроме балета, был впереди планеты всей?

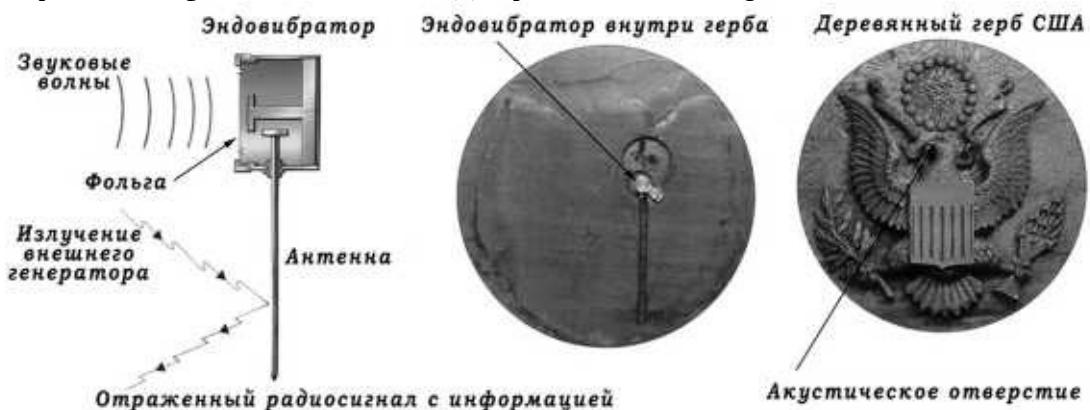
Взяв начало 1950-х гг. за основную точку отсчета, авторы сравнили имеющиеся в их распоряжении реальные образцы и фотографии спецтехники, активно применявшейся ЦРУ и КГБ в агентурных мероприятиях, а также друг против друга.

Радиоприемник «Лось» (макет) для контроля информации из кабинета посла США в Москве (из архива Keith Melton Spy Museum)

По свидетельству ветеранов ЦРУ, концепция устройства подслушивания КГБ в деревянном гербе (его иногда называют «Златоуст»), провисевшим около 7 лет над столом американского посла в Москве, представляла собой «замечательный рывок вперед в технике подслушивания». Заметим, что эти высказывания относятся к началу 1950-х гг., а сам пассивный резонатор — именно так называется этот вид техники подслушивания — был показан Сталину еще в 1943 г., о

чем свидетельствуют историки в книгах и документальных фильмах.

Макет деревянного герба с жучком внутри (из архива Keith Melton Spy Museum)

В 1958 г. КГБ сделал еще один очередной рывок вперед, снабдив офицеров разведки и контрразведки уникальным по тем временам фотоаппаратом «Точка-58». Эта была не просто советская копия знаменитого шпионского «Минокса» производства ФРГ, которым активно пользовались агенты спецслужб в период Второй мировой войны и после неё. «Точка-58» имела пружинный механизм взвода затвора и перемотки пленки. Это давало возможность делать 10–15 кадров непрерывной фотосъемки, что было особенно важным для фиксирования таких мероприятий спецслужб, как моментальная передача, закладка или выемка тайника, постановка условного сигнала, документирование автомашин и сотрудников НН и др. В ЦРУ в то время не было такой собственной техники, и офицеры американской разведки вынуждены были использовать западногерманский фотоаппарат «Робот» гораздо большего размера, закамуфлированный в портфель, в дамскую сумочку и др.

В отличии от ЦРУ, КГБ имел огромный военный и послевоенный опыт внедрения систем подслушивания в иностранные представительства как на своей территории, так и за рубежом, и потому на Западе в годы холодной войны стал популярным термин «советский бетон есть одна часть цемента плюс девять частей микрофонов». Так, например, в 1958 г. в здании американского посольства в Москве поисковики ЦРУ обнаружили несколько десятков микрофонов, которые были столь тщательно и хитроумно спрятаны, что, зная о наличии системы подслушивания от перебежчика Носенко, американцам пришлось полностью разрушить стены комнаты, прежде чем удалось наткнуться на первый микрофон.

Фотоаппараты ЦРУ и КГБ (из архива Keith Melton Spy Museum)

Сравнение методов, аппаратуры изготовления и чтения микроточки, этого весьма популярного вида секретной связи в период холодной войны, также показывает перевес в сторону КГБ, которому активно помогала оперативно-техническая служба Штази, имевшая в своем распоряжении одно из старейших в мире фотооптических предприятий — «Карл Цейс

Йена». Созданный на нем инженерами ГДР специальный объектив «Слива» размерами с наперсток три десятка лет исправно служил агентам и офицерам разведок Варшавского договора для изготовления микроточки и, по мнению фотоспециалистов ПГУ КГБ, считался одной из лучших разработок периода холодной войны.

Также особой любовью офицеров ОТ КГБ пользовался стационарный аппарат «Багульник» для копирования микроточек. Специалисты микрофотографии считали конструкцию «Багульника» гораздо более удобной и гармоничной по сравнению с аналогичным прибором ЦРУ, созданным почти на 10 лет позднее.

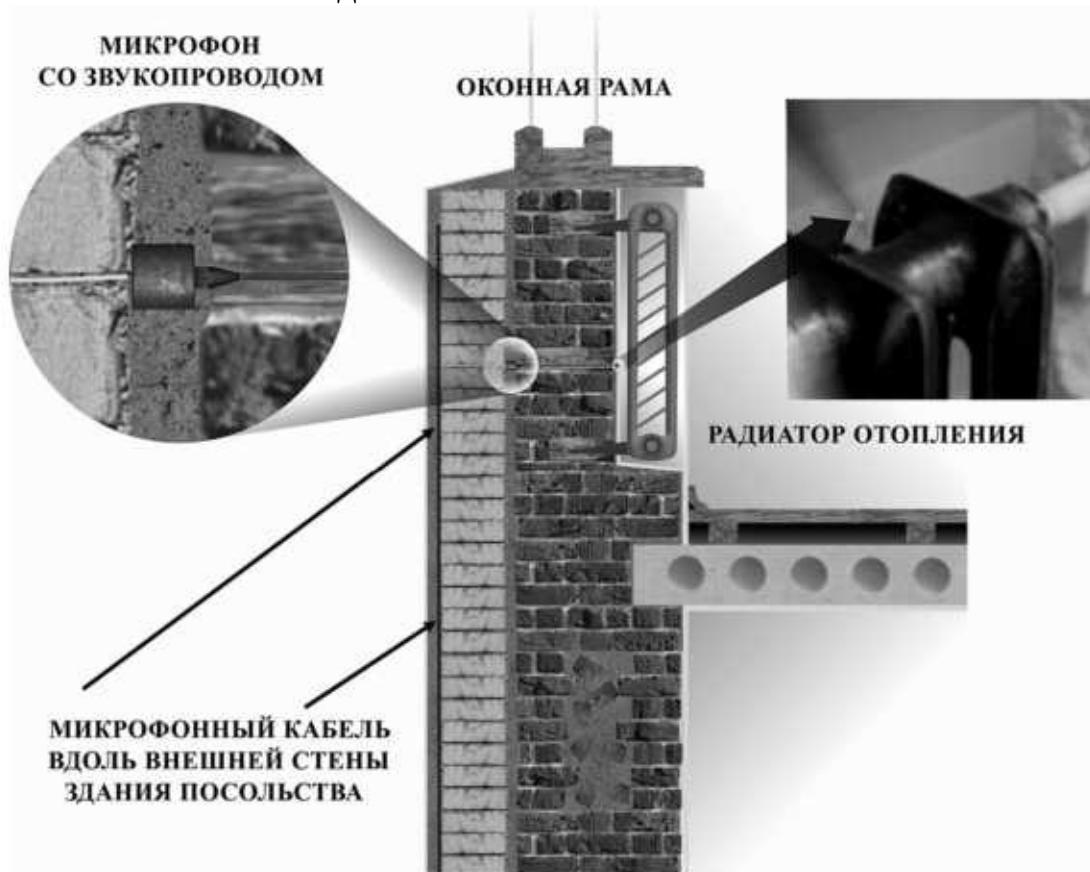

Схема установки микрофона во внешнюю стену посольства (из архива Keith Melton Spy Museum)

Глава 65. Даешь деньги ЦРУ!

Итак, авторы этой статьи рискнули сделать вывод о явном отставании от КГБ технической оснащенности ЦРУ в начальный период холодной войны. В подтверждение этому выводу также можно обратить внимание на мнения исто-риков-специалистов, например, признанного российского историка шифров Андрея Синельникова, который, в частности, делает предположение о плагиате ЦРУ в деле обеспечения своих агентов одноразовыми ручными шифрами (английское сокращение ОТР). Так, например, ОТР-шифры Пеньковского, Огородника и других последующих агентов ЦРУ, захваченные контрразведкой КГБ, удивительно похожи на те, которыми пользовались знаменитые разведчики Рихард Зорге, Леопольд Треппер и Рудольф Абель.

Разумеется, такое отставание американской разведки от КГБ не могло оставаться долгим. В конце 1950-х гг. генеральный инспектор ЦРУ, посетив техническую службу разведки и выслушав жалобы конструкторов и офицеров-техников, немедленно доложил руководству о необходимости увеличения бюджета в 10 раз для финансирования разработки и создания новой специальной аппаратуры. Справедливости ради надо отметить рывок ЦРУ в аэрокосмической сфере, когда американская разведка после 12 неудачных попыток запустила в 1960 г. спутник-шпион «Корона».

Финансовые вливания в ЦРУ дали результат: в 1973 г. сотрудник посольства СССР в Колумбии Огородник и по совместительству агент ЦРУ TRIGON «без отрыва от производства» прошел интенсивный курс освоения новой агентурной микрофотокамеры ЦРУ «Т-100», с помощью которой под бдительным оком охраны тайком сфотографировал особо секретный документ МИДа. Как вспоминают ветераны ЦРУ, это был первый случай тайного фотокопирования материалов внутри референтуры — особо охраняемой зоны советских посольств, где проводились все действия с шифрами и секретными документами. Одному из авторов статьи удалось изучать «живьем» несколько дней эту микрофотокамеру в камуфляже «зажигалка», которую незадачливый агент ЦРУ потерял на партийном собрании в середине 1970-х гг. в одном из советских представительств в США. Неприятно удивившая молодого офицера КГБ фотокамера «Т-100» оказалась настоящим шедевром, в котором использовался крохотный объектив, собранный под микроскопом из 8 различных элементов, а также оригинальная фотокассета, которую можно было передавать через тайник, с уникальной фотопленкой толщиной в несколько микрон и к тому же с высокой чувствительностью. Подобную фотопленку КГБ и Штази пытались создавать на собственной фотохимической базе, однако добиться суммарного оптического разрешения в 120 линий / мм, как у ЦРУ, восточным разведкам не удалось. Аналогичные «Т-100» советские агентурные спецфотоаппараты «Загадка», «Звук», «Зодчий» и др. имели разрешение не более 80 линий / мм, что требовало в отдельных случаях съемки документа со сложным текстом за два раза. Но в целом, сравнивая фототехнику ЦРУ и КГБ, можно с уверенностью сказать, что в конце 1970-х гг. наступил паритет между Востоком и Западом в этой сфере специального оборудования.

В 1969 году в секретном институте города Томска прошли государственные испытания новейшей системы поиска техники подслушивания, и в начале 1970-х гг. КГБ получил уникальный аппарат Л-1 «Обертон», надолго ставший головной болью для подразделений внедрения систем подслушивания ЦРУ и ФБР. Их «жучки» выявлялись с помощью «Обертона» настолько эффективно, что американцам приходилось постоянно менять свои схемотехнические решения в проектировании систем подслушивания с защитой от советского нелинейного локатора: именно так назывался новый обнаружитель жучков. По мнению западных

специалистов, советские, а затем российские методики и технические системы обнаружения систем подслушивания долгое время оставались лидирующими. Триумфом концепции технической защиты объектов разведки КГБ от утечки информации стала знаменитая серия советской поисковой аппаратуры «Орхидея», которую до сих пор держат в руках как свой основной рабочий инструмент разбросанные по странам Западной Европы бывшие сотрудники Штази и других спецслужб Варшавского договора.

Поисковый аппарат «Орхидея-2» для обследования коммуникаций (из архива Keith Melton Spy Museum)

Появление в США первого транзистора и создание новых радиожучков, уже меньших по размеру и с улучшенными параметрами, позволили ЦРУ наступать на пятки КГБ в его традиционно лидирующем направлении съема информации. В изданных в 1994 г. мемуарах Калугина, бывшего начальника внешней контрразведки ПГУ КГБ, описан эпизод доклада Николая Ямохонова, заместителя председателя КГБ по научно-технической работе, когда его вызвали «на ковер» к председателю Комитета и будущему генсеку Юрию Андропову. Он сделал выговор Ямохонову за то, что КГБ отстал от американской техники шпионажа, и спросил о радиопередатчике ЦРУ, полученном через возможности КГБ. «"Ну, что же, у нас нет устройств такого размера", — ответил Ямохонов. "А какие есть у нас?" — спросил Андропов. "Наш весит около килограмма", — сказал Ямохонов. Американское же устройство весило всего 100 гр. Все в кабинете знали, что большие килограммовые советские радиопередатчики и приемники были не очень подходящими для секретного использования». Конечно же, Калугин соврал: радиозакладки КГБ весили гораздо меньше килограмма. Но если сравнить основные оперативно-технические показатели закладок КГБ и заокеанской техники подслушивания, изъятой в период 1975–1985 гг. в миссиях СССР за рубежом, то напрашивается вывод, что Америка догнала СССР, а в некоторых направлениях стала показывать спину. Именно об этом писали эксперты Института спецтехники КГБ после изучения изъятых американских «жучков».

Настоящим бедствием для технических служб КГБ явился период прихода в органы Бакатина, который вместо реорганизации начал методично разрушать Комитет, легко сокращая бюджеты подразделений и увольняя на пенсию именитых ветеранов оперативных и технических управлений, этот золотой фонд советских и российских спецслужб. Видя такой беспредел, вслед за ними потянулись на пенсию и опытные офицеры 40–50 летнего возраста в попытке найти себя в молодом российском бизнесе. Ну а последствия «бакатинских реформ» обнаружились в 1998 году на праздновании 45-летнего юбилея Института спецтехники в Кучино, где был к этой

дате организован небольшой музей. Во время этого праздника состоялась экскурсия на 1-ю, историческую территорию Института, где во время последней войны как заключенные трудились на КГБ знаменитые советские конструкторы Королев, Туполев и Термен. Проходя по огромным и пустым цехам новой «2-ой площадки», некогда передовой кузницы советской спецтехники, участники экскурсии неожиданно обнаружили одного единственного офицера-инженера, стоящего за фрезерным станком. Оказалось, что в коммерцию ушли не все... На деликатное предположение, что другие сидят за праздничным столом, руководитель экскурсии с горечью замахал руками.

Американский пассивный резонатор размерами с карандаш (из архива Keith Melton Spy Museum)

К слову сказать, после распада СССР финансирование ЦРУ также существенно снизилось, что серьезно сказалось на проектировании и разработке американского шпионского арсенала 1990-х гг.

Как сейчас обстоят дела со спецтехникой в США и России, пока сказать затруднительно, ибо только история может дать фактический материал для подобного сравнения. Однако известно, что и российские, и американские спецслужбы активно привлекают к сотрудничеству именитых программистов, современных защитников от вирусов и задержанных за попытки электронных взломов хакеров как для обороны своих собственных компьютерных сетей, так и для нападения на электронные ресурсы за рубежом.

А если попытаться взглянуть и проанализировать мировое развитие техники, и в частности специального оборудования, напрашивается вполне понятный вывод, что долго удерживать в секрете техническую новинку сегодня практически невозможно, поскольку современный информационный ресурс дает достаточно возможностей сразу узнавать о последних изобретениях и открытиях. И потому спецслужбы тщательно оберегают информацию о месте и времени применения специальных технологий, а совсем не их технические параметры. Показательный пример — история создания микрочипа, современную технологию изготовления которой показал Эммануил Голдберг на всемирной выставке в Париже еще в 1925 г. и которая по иронии судьбы до сих пор является секретной только в спецслужбах Восточной Европы, в том числе и в России.

Итак, оперативно-техническое соревнование специальных служб продолжается.

Очерк XXI. Шпионские игры вокруг Калужского шоссе

Глава 66. Самая секретная операция ЦРУ в Москве

Комплексное оперативно-техническое мероприятие ЦРУ под кодовым названием СКТАВ было одним из особо хранимых секретов Америки. Бесценные разведывательные сведения о советских ядерных исследованиях и разработках лазерного оружия были получены не путем тайного фотокопирования агентом секретных оригиналов и не из тайников, расположенных в глухих местах Москвы. Однако прежде чем операция СКТАВ закончилась, в этой большой шпионской игре был использован весь спектр технических систем американской разведки, от орбитальных спутников до секретных оперативно-технических мероприятий ЦРУ, отработанных десятилетиями результативных агентурных операций в Москве.

Операция СКТАВ имела своей целью контроль подземных коммуникаций связи, которые соединяли Министерство обороны СССР с Научно-исследовательским институтом ядерных вооружений «Красная Пахра», расположенным в закрытом городке Троицке недалеко от Москвы. Сведения, передаваемые по телефону, телефону и телетайпу между этими двумя организациями, записывались американской разведкой во время их прохождения через безопасную, как полагали советские специалисты, часть подземного кабеля, расположенного вдоль Калужского шоссе в пригороде Москвы.

Туннели и прослушивание каналов связи ранее уже использовались против Советского Союза. В 1955–1956 гг. операция «Берлинский тоннель», именовавшаяся в планах ЦРУ как "GOLD", была спланирована в те далекие времена, когда советские коммуникации с подземными телефонными и телеграфными кабелями в большинстве своём шифрованием не защищались.

Однако затем, в 1960-е гг., незащищенные кабельные коммуникации вышли из-под контроля американской разведки, когда правительство и военные ведомства СССР стали использовать микроволновую радиорелейную связь. Направленные радиосигналы, передаваемые в пределах прямой видимости с помощью релейной связи, обеспечивали определённую безопасность. И хотя радиорелейные «тарелки» большей частью были видны издалека, их узконаправленные радиопередачи делали радиоперехват весьма трудным делом. И только если шпионская антенна находилась на линии между «тарелками», в Москве был бы возможен такой радиоперехват техническими разведками западных стран.

В середине 1970-х гг. сотрудники американской разведки, контролирующие каналы радиосвязи в Москве, обнаружили таинственные микроволновые сигналы, происхождение которых было непонятным. После трудоемкой работы эти сигналы были всё же идентифицированы как линия радиосвязи Министерства обороны СССР с закрытой лабораторией вооружений в Красной Пахре. Эти радиосигналы неожиданно появлялись в радиоэфире во время сильного дождя и внезапно исчезали, когда дождь заканчивался. Специалисты ЦРУ, изучавшие это явление, пришли к выводу, что такие периодические радиосигналы были вызваны атмосферной аномалией, связанной с одной из уникальных архитектурных особенностей Москвы. Оказалось, что дождь создавал дифракцию передаваемых микроволновых радиосигналов, которые отражались от цинковых покрытий крыш московских зданий. Комбинация дождя и старых столетних крыш, по существу, превращала узконаправленную радиорелейную передачу в подобие обычной радиосвязи с круговой направленностью, вполне доступной для обычного радиоперехвата. Дождь и точная настройка на выявленные частоты оказались для радиоразведки США именно тем, что было необходимо для прослушивания особо-охраняемых тайн разработки вооружений в Советском Союзе.

Однако такая удача была недолгой. Когда в СССР узнали (вероятнее всего, помогла разведка КГБ), что их микроволновые радиорелейные передачи стали уязвимыми для перехвата

спутниками и наземными станциями разведки, радиосигналы уменьшились и, в конце концов, полностью исчезли. Аналитики ЦРУ были уверены, что был создан другой, более безопасный канал связи, но никто не знал, где он располагается. В конце концов, анализ фотографий нового спутника-шпиона КН-11 показал, что советские военные проложили кабели в траншее, ведущей из Москвы в Троицк. Для подтверждения этого вывода офицеры-техники и оперативный состав ЦРУ в Москве использовали все возможные агентурные и технические источники информации, чтобы подтвердить предположение о траншее с новым каналом связи объекта «Красная Пахра».

Визуальная разведка выявила несколько люков вдоль предполагаемой линии прохождения подземного кабеля. Эти люки были установлены для ремонта и проверок системы безопасности, и, если бы ЦРУ могло получить доступ к одному из таких люков, ведущих в небольшой подземный бункер, возможно, что этот важной канал секретной связи удалось бы прослушивать.

Определение наилучшей точки доступа было возложено на оперативников ЦРУ, которые изучили более дюжины люков вдоль Калужского шоссе, около его наиболее загруженной части, рядом с московской кольцевой автодорогой. Однако, как и все операции разведки в Москве, мероприятие по изучению люков требовало детального и четкого планирования. Надо было точно ответить на вопросы: «Как часто американцы могли добираться до своих конечных целей без опасения попасть под наружное наблюдение КГБ? Можно ли было использовать технику скрытого фотографирования? Как близко можно подобраться к люку для обследования бункера под ним и при этом не привлечь никакого внимания?»

Калужское шоссе в районе проведения операции ЦРУ (из архива Keith Melton Spy Museum)

Глава 67. Подготовка оперативно-технического мероприятия СКТАW

На заключительной стадии обследования люков использовались только опытные офицеры ЦРУ, а также те, кто специально был подготовлен для этого мероприятия. Каждая поездка к люкам пешком или на автомобиле проводилась согласно детальному плану, и требовала дисциплины и оперативного мастерства и, что самое важное, заставляла производить точный подсчет времени, чтобы быть вне подозрений КГБ. Любой американец, который передвигается по Москве один и не по обычному маршруту движений, совершаемых пять раз в неделю из дома в офис и обратно, обязательно попадётся на глаза КГБ, который определит место, заинтересованное ЦРУ. В связи с этим старшие офицеры ЦРУ, отвечавшие за мероприятие СКТАW, потребовали от всех его участников разработать новые маршруты передвижений по Москве.

Наиболее ценные оперативные фотографии были получены с помощью швейцарской фотокамеры «Тессина», специально закамуфлированной специалистами Оперативно-Технической Службы ЦРУ (ОТС). Московская резидентура ЦРУ обработала спутниковые изображения, затем свои оперативные фотографии и эскизы для того, чтобы сделать трехмерный детальный рисунок всего участка операции, включая крупные планы особенностей местности. Важная для ЦРУ сторона постоянно загруженного Калужского шоссе имела уклон и сужение, что, в конце концов, стало причиной отказа от всех люков одного за другим. Наконец-то был выбран люк для входа, который располагался в плохом с оперативной точки зрения месте, однако все предыдущие люки были еще хуже.

Узкая часть зеленых насаждений вдоль Калужского шоссе стало одним из наиболее тщательно проверенных и изученных мест в мире. Детали люка, расположенного рядом с шоссе, были внимательно исследованы. Среди основных проблем для ЦРУ были 500 квадратных метров открытого пространства напротив нужного места и подозрительное, как полагали оперативники ЦРУ, учреждение на холме на расстоянии 2-х километров, принадлежащее, возможно, КГБ (в дальнейшем оказалось, что ЦРУ ошибалось: подозрительное учреждение входило в систему Газпрома). Была, однако, и положительная деталь: участок зеленых насаждений, который проходил параллельно шоссе. Хотя ширина этой полосы была всего 15 метров, его листва создавала в период с мая по октябрь хорошее прикрытие для того, чтобы приблизиться к люку.

Несколько месяцев офицеры ЦРУ тайно исследовали, фотографировали и даже ненадолго забирались в люк. Всё это позволило оценить трудности вскрытия люка, измерить подземный бункер под ним и глубину воды, которой был залит пол, а также убедиться в том, что кабели коммуникаций были в пределах доступности. Советские специалисты не только заэкранировали кабели, но и установили датчики сигнализации для обнаружения любого чужого вторжения. Теперь требовалось, не касаясь проводников, выявить кабель, по которому передавалась важная для ЦРУ информация, и при этом не повредить целостности всех слоёв изоляции проводов.

Фотокамера «Тессина» в камуфляже «Ключница» и дамская сумка (из архива Keith Melton Spy Museum)

Выявление кабеля было серьезным испытанием. Учитывая важность секретов, передаваемых по кабелю, ЦРУ в 1977 году организовало беспрецедентную техническую, высокорискованную и дорогостоящую программу проведения этого мероприятия.

Техническая экспертиза показала, что потребуется координация действий инженеров различных специальностей для проектирования и создания оборудования и датчиков. Затем следует укомплектовать группу офицеров-техников и оперативных офицеров ЦРУ, которые должны будут установить и обслуживать эту системы перехвата в Москве. Впоследствии в эту группу вошли офицеры Директората науки и техники ЦРУ, офицеры Оперативного директората, а также сотрудники Агентства национальной безопасности США. Руководство технической стороной подготовки этой операции осуществлял Офис разработки и создания Директората науки и техники ЦРУ, который был ответственным за программу спутников и высокочувствительных датчиков. Команда конструирования включала в себя несколько инженеров ОТС которые ранее были задействованы в подразделении радиоперехвата, а также сотрудников Национального фотографического центра исследований и оперативных подразделений советского и восточно-европейского направлений ЦРУ.

Ключевым компонентом новой системы перехвата была сенсорная муфта, которая должны была «охватывать» экранированный кабель для контроля сигналов и записи их на магнитофон большой емкости. Записанные сигналы должны были отсыпаться в Лэнгли, где с помощью сложного дешифровального оборудования будут проводиться анализ и расшифровка перехваченных электронных импульсов.

Пока шла разработка специальной системы перехвата, тайная деятельность вокруг люка продолжалось. Лэнгли и резидентура в Москве обменивались записками, телеграммами, толстыми пачками оперативных фотографий и спутниковых снимков, а также предложениями оперативников вместе со сводками о работе наружного наблюдения КГБ. Особо важные документы передавались с дипкурьерами. Оценка всех оперативных деталей потребовала многочасовых обсуждений в залах заседаний в Лэнгли и среди оперативных офицеров резидентуры в Москве.

Сотрудники московской резидентуры также делали периодические тайные посещения люка и бункера под ним для подготовки к установке сенсорной муфты и устройства регистрации. Несколько оперативных офицеров ЦРУ прошли обучение в полноразмерной точной копии подземного бункера, созданного на «Ферме», секретном учебном объекте ЦРУ в США. Во время этих важных тренировок офицеры были ознакомлены с основными оперативными задачами. Они получили практические навыки выполнения задания, которое им предстояло осуществить в Москве, что в конечном счете позволило бы оценить способности этих офицеров к выполнению всей этой необычной и рискованной операции.

Глава 68. Главный исполнитель операции ЦРУ и его проверочный маршрут

Кен Сикрест (имя и фамилия изменены) был одним из оперативно-технических офицеров ОТС ЦРУ, отобранных для работы в подземном бункере. Он должен был провести измерения и оценки кабелей, чтобы определить канал с наиболее ценной информацией. Эта важнейшая фаза операции требовала, чтобы Кен оставался один в локе в течение двух весьма нервных часов.

Время для проникновения в люк было выбрано в период, когда Кен чаще всего гулял пешком, пользовался автомобилем или городским транспортом. Были собраны и тщательно изучены графики работы и маршруты московского метро, троллейбусов и электричек, часто имевшие неточности и ошибки, которые корректировались созданными в ЦРУ картами московской области. Было точно измерено расстояние между офисом, где работал Кен, и местом расположения бункера. Было также тщательно подсчитано время движения Кена в район расположения люка в течение различных периодов дня.

Чтобы не вызывать подозрений во время нахождения в районе бункера, Кен должен был маскироваться под обычного жителя Москвы. Для этого следовало учитывать существовавший в то время стиль моды, доступный американцам в Москве и не вызывавший внимания наружного наблюдения.

Одной из важных частей оперативной деятельности Кена были постоянные семейные пикники, которые были частью хорошо спланированных проверочных маршрутов для обнаружения наружного наблюдения КГБ. Как только появлялась возможность, Кен вместе со своей женой и двумя маленькими детьми посещал лесопарковую зону Москвы. При этом Кен никогда не расставался с рюкзаком, который стал его неизменным предметом для тех, кто мог бы за ним наблюдать. В рюкзаке была еда, напитки, игрушки и одеяла — всё то, что могло бы пригодиться для прогулок в парке.

Весенним утром 1981 г., после пяти лет оперативного планирования, анализа места проведения операции и спутниковых фотографий, оценки сигналов радиоразведки и этапа разработки и создания оперативной спецтехники, наступила завершающая стадия одного из наиболее продуманных, заранее спланированных и дорогостоящих семейных пикников в мировой истории. Покидая свой дом в зелено-коричневом семейном автобусе «Фольксваген», Кен начал свою 35-ти километровую поездку, которая, казалось бы, ничем не отличалась от таких же предыдущих путешествий за город. Но в этот раз каждая улица, каждый поворот и каждая остановка были предназначены для обнаружения наружного наблюдения КГБ.

В ушах Кена и его жены Шарон (имя изменено) были маленькие наушники приемников радиоперехвата, изготовленные специалистами ОТС. Приемники прятались в специальные чехлы подмышками и были настроены на главную частоту радиосвязи наружного наблюдения КГБ. Кен также использовал второй сканирующий радиоприемник на шесть каналов, который мог уловить «в ближней зоне» радиопереговоры подразделений милиции и вездесущего Седьмого управления КГБ.

Кен совершил несколько автомобильных маневров, специально разработанных для обнаружения слежки. В отличие от приключенческих кинофильмов, где герой убегает от наблюдения с помощью захватывающих трюков, настоящий шпионаж для Кена был и более сложным, и более прозаическим. Он не разворачивался через осевую линию дороги и не делал опасных, неожиданных поворотов в последнюю секунду, чтобы уйти от преследования. Его передвижение должно было строго соответствовать манере главы семейства, который взял своих детей в автомобиль и собирается провести с ними пикник. Любая бригада «наружки», которая,

возможно, конспиративно наблюдала бы за ними, увидела, что Кен движется более или менее по прямому маршруту к парку на скорости, обычной для его фургона «Фольксваген».

Один раз Кен всё-таки резко остановился на дороге, выхватил ребенка с заднего сидения и помчался в кусты для короткого перерыва по «чрезвычайной нужде». Затем Кен «по ошибке» пропустил нужный поворот, развернулся и поехал назад, чтобы свернуть на другую дорогу. Это было очень похоже на изучение карты, когда на мгновение был потерян ориентир. Если бригада наблюдения следовала бы за ними, Кен и Шарон, выполняя эти, казалось, обычные маневры, наверняка бы увидели автомашины КГБ.

В ЦРУ хорошо изучили особенности работы Седьмого управления КГБ. Было известно, что для слежки использовалась советская «Волга», а также более компактные «Жигули». Поскольку только в КГБ имелись автоматические мойки, их автомобили, как правило, были более чистыми по сравнению с другими транспортными средствами на московских улицах. Кроме этого, автомашины КГБ могли похвастаться «дворниками» на ветровом стекле, столь редкими среди москвичей, имевших автомобили, с которых часто крали «дворники», если автомобили были припаркованы и оставлены без присмотра.

Уверенный в отсутствие слежки, Кен повернулся на парковку для автомобилей около большого парка, уже давно выбранного для этого пикника. Кен сознательно избегал мест в парках, популярных среди американцев, где «на-ружка» КГБ уже могла бы наблюдать за другим объектом. Если он всё-таки не был сегодня под наблюдением, то попадать под слежку за другим сотрудником ему совсем не хотелось. Семейство углубилось в лес на пару сотен метров, где Шарон на опушке расстелила одеяла.

Следующие полчаса во время пикника семья наслаждалась завтраком и продолжала наблюдение за окружением. Затем Кен надел свой любимый набитый рюкзак, кивнул Шарон и скользнул в лес. Этот молчаливый жест сказал ей, что если он не вернётся к определенному сроку, то она должна погрузить детей в фургон и двигаться домой самостоятельно. А дома, используя заранее запланированный сигнал, Шарон поставила бы в известность резидента ЦРУ, что Кен не вернулся к намеченному сроку и, вероятно, у него неприятности. В свою очередь, резидент бы немедленно принял меры, чтобы минимизировать последствия для других оперативных мероприятий и подготовить американского посла к неизбежному дипломатическому протесту со стороны советских официальных властей.

Как только Кен покинул своё семейство, он опять продолжил активное выявление слежки. Ему была необходима полная уверенность в том, что он «чист» перед этапом переодевания в обычного москвича. Кен был хорошо осведомлен о том, что Седьмое управление КГБ не всегда задерживало или арестовывало подозрительных офицеров разведки ЦРУ во время операций, а часто продолжало наблюдение в надежде на то, что слежка приведет их к агенту или к тайнику. Даже в таких случаях объекту слежки «на-ружка» давала возможность спокойно продолжать движение, как будто ничего и не произошло.

Пока Кен шел по дорожкам парка, его решение, идти далее к лесу или нет, осложнялось довольно большим количеством людей, которых он видел вокруг себя. Кен знал, что толпу могли использовать наблюдатели и осведомители КГБ.

Старик в полотняной шляпе, медленно бредущий, опираясь на палку, молодая пара, гулявшая, взявшись за руки по дорожке, мать с детьми, вышедшая на несколько часов из своей маленькой квартиры, или тучная женщина средних лет с традиционными пластиковыми пакетами, качавшимися в такт её движения — любой из них мог оказаться сотрудником Седьмого управления КГБ.

Кен хорошо знал об этом специфическом оперативном психозе. Офицеры разведки назвали это «видимыми призраками». Что большое всего досаждало, так это постоянная неуверенность

в доказывании самому себе любых негативных моментов. Но Кен надеялся на особую секретность операции, подготовительная часть которой уже была успешна проведена. Но, в конце концов, он всё же полагался и действовал сообразно своим чувствам и отработанным оперативным приемам. Ведь могло оказаться, что его одежда «под москвича» уже привлекла внимание, а те, кто покупал эту, уже кем-то использованную одежду, неосторожно привели бы в готовность силы наблюдения КГБ. Одежда Кена «под москвича» соответствующего размера, стиля, и требуемого сезона была куплена на барахолках и в магазинах «поношенной одежды» в Вене, в Восточной Германии и в Варшаве. Одежда затем была тщательно осмотрена, учтена и упакована в Лэнгли перед отправкой в Москву, где потом хранилась в безопасном месте, чтобы избежать любых возможностей и попыток КГБ пометить её специальным химическим препаратом для отслеживания перемещения Кена.

Кен и его семья прибыли в СССР в 1979 г. после завершения 6-ти месячного интенсивного курса изучения русского языка. Как часть своего оперативного прикрытия Кен использовал интерес к московской культурной жизни, никогда не пропускал возможность показывать кому-нибудь городские достопримечательности и тратил много свободного времени, насколько это было возможно, чтобы бывать на свежем воздухе вместе со своим семейством. Он постоянно пополнял свой список посещений туристических мест, спортивных баз для лыжных пробегов и пеших прогулок. При этом Кен редко пользовался своим русским языком и говорил на русском только с американцами, кто недавно прибыл в посольство.

В действительности же тщательно отобранные культурные экскурсии Кена и его интерес к пребыванию на открытом воздухе отрабатывались с единственной целью: создать предсказуемый образец деятельности, которая началась в день, когда он прибыл на работу, и продолжалась бы до тех пор, пока он не покинет страну. Эти искусно разработанные детали технологий шпионской работы Кена, его хобби и его интересов — все эти элементы, которые составляли его повседневную жизнь, были скрупулёзно разработаны прежде, чем он сошёл с самолета в аэропорту Шереметьево в Москве.

Подобно всем другим американцам в Москве, Кен был потенциальной целью для наблюдения и оценки КГБ. В течение первых нескольких недель Кен пришел к выводу, что он попал в середину списка КГБ, а техника радиоперехвата также не показывала активной слежки за ним.

Заключительное решение, идти или не идти к люку, должен был принять только сам Кен. И он остановился, глубоко вздохнул и решил про себя, что все прохожие вокруг него не представляют опасности. Затем Кен проник в заросшую, глухую часть леса, где он быстро снял плащ и надел местную, уже московскую одежду, которая была в рюкзаке.

Теперь на Кене была старая серо-коричневая фетровая шляпа с широкими полями, недорогие советские ботинки, пальто до колен и грубоватые, дешевого покроя брюки. На одном его плече небрежно висел рюкзак с необычными запасами для «пикника». Весом почти 36 килограммов вместе с одеждой в рюкзаке находилась новейшая аппаратура стоимостью около двадцати миллионов долларов — специальное электронное оборудование, разработанное для снятия сигналов с коммуникаций в бункере и записи их на кассетный магнитофон. Если бы всё это КГБ обнаружил, то расшифрованной была бы не только сама эта операция, но и другие технические мероприятия ЦРУ, которые могли проводиться в других частях мира, и все подобные мероприятия могли быть подвергнуты риску расшифровки.

Пробираясь через березовую рощу, Кен совершил длинный окольный маршрут и в общем потоке жителей Москвы вышел из леса на остановку общественного транспорта. Кен несколько раз менял автобусные маршруты. Вагоны и автобусы, в которых он ехал, уносили его далеко от люка на Калужском шоссе, чтобы затем возвратиться обратно для конечной цели этой

необычной операции.

При каждой смене автобуса или вагона метро Кен пытался выходить последним, чтобы увидеть кого-нибудь, кто за ним выскочит через закрывающиеся двери. Кен следовал по своему проверочному маршруту, двигаясь согласно графику, во время которого он должен принять второе важное решение: можно ли сегодня забраться в люк. Это его решение означало начало операции, которое открывало дверь к потенциальной «кладовой» разведывательных сведений. Но его проникновение в бункер могло закончиться и арестом, «установлением» его как офицера ЦРУ, высылкой из СССР и крахом многомиллионного мероприятия, что вызвало бы негативное мнение о работе ЦРУ самых высоких руководителей американского правительства.

Выйдя из автобуса на остановке, Кен прошел пешком последние три километра. Ранее он никогда не был так близко к люку, хотя карты, фотографии и спутниковые картинки, которые он изучал в течение многих месяцев, помогали ему теперь уверенно ориентироваться.

Глава 69. Внутри колодца с коммуникациями

Лесная полоса вдоль шоссе своей листвой защищала Кена от посторонних глаз, когда он стал доставать из рюкзака специально изготовленное ОТС приспособление для открывания люка.

Забравшись внутрь, Кен задвинул и поставил люк на место. Опустившись вниз по лестнице, он оказался в холодной воде. На боковой стороне бункера была плита с отверстиями, из которой выходили кабели в резиновой изоляции, они уходили в трубы на противоположной стене бункера. Внутри кабелей и находились линии телефонной связи.

Задача была в том, чтобы получить и записать образцы сигналов информации, передававшейся через множество проводов, находившихся в каждом из вложенных в трубы кабелей. Для оценки и точного выбора кабеля Кен использовал специальную электронную систему, разработанную частной подрядной фирмой для ЦРУ. Система помещалась в 11-ти килограммовый пакет и была похожа на прямоугольный радиоприемник с множеством индикаторов на верхней панели и набором проводов с боковой стороны для подключения и проведения нескольких измерений одновременно.

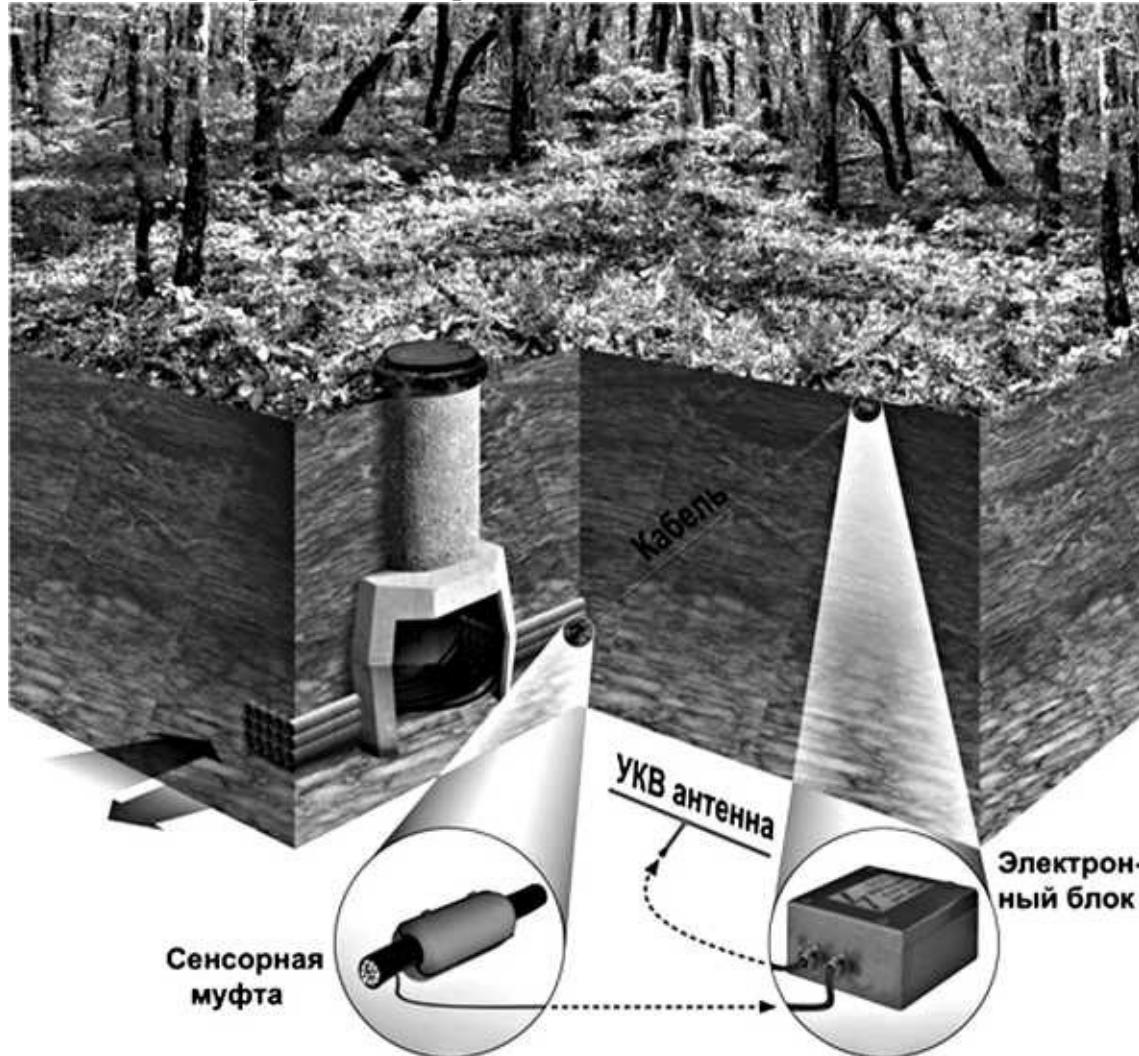

Схема размещения аппаратуры ЦРУ (из архива Keith Melton Spy Museum)

Внутри бункера было более десятка подземных кабелей, но внимание Кена было сосредоточено на коммуникациях, имевших надёжные защитные оболочки и помещенных в газонаполненные трубы, что указывало на их важное предназначение. Чтобы получить полный фрагмент записи информации, Кен должен был «анализировать» каждый кабель достаточно

долгое время.

Это была утомительная работа. Положение каждой трубы и кабеля следовало идентифицировать точным и логичным способом. Работая с контрольным списком, Кен делал образцы записей, отмечая их соответствующими примечаниями, и затем передвигался дальше к следующей группе кабелей. Закончив работу, Кен собрал инструменты и оборудование, упаковал всё в рюкзак и осторожно поднялся вверх по лестнице, отодвинув головой в сторону крышки люка.

Кен находился на некотором расстоянии от своего семейства, но теперь маршрут его возвращения к месту пикника был прямой и короткий. Проходя через лесопарк, Кен не заметил ничего подозрительного и нашел укромное место для смены своей уличной маскировки. После этого Кен возвратился к жене и детям, выглядевшим так же, как в то время, когда он уходил от них более 5 часов назад.

Не тратя попусту времени, взрослые собрали детей, все предметы для пикника и загрузились обратно в «Фольксваген». Ни Кен, ни Шарон не могли расслабиться, двигаясь в сторону дома, поскольку в багажнике автомобиля находились пленки с записями и специальное оборудование, которое могло расшифровать их владельцев и цель их семейной поездки.

Поскольку резидент ЦРУ, руководитель Кена, не получил никаких сигналов опасности от Шарон, он пошел в резидентуру, открыл дверь и, включив свет, увидел лист, оторванный от посольской записной книжки и приkleенный к стене. На числом листе была написана карандашом цифра «1». Этот условный сигнал Кена говорил об успешном завершении опаснейшего этапа одного из самых важных оперативно-технических мероприятий ЦРУ в СССР.

В Лэнгли проанализировали полученные Кеном записи и провели первичную установку требуемого кабеля для последующей оценки сигналов уже с помощью более продолжительной записи. Затем в течение нескольких лет операция СКТАW успешно регистрировала канал связи между «Красной Пахрой» и Министерством обороны СССР. Одна-

ко весной 1985 г. что-то пошло не так. Оперативный офицер, посланный для изъятия из устройства регистрации записанной пленки, вынужден был прервать свои действия, когда в ответ на дистанционный радиозапрос, посланный им в бункер, был получен ответный сигнал о посещении бункера кем-то посторонним. Записанную пленку удалось получить во время второй попытки посещения бункера, предпринятой через несколько недель. Оценка записи показала, что система контроля перестала функционировать, и все оперативные действия были прекращены.

Извлеченные специалистами КГБ магнитофон и муфта (из архива Keith Melton Spy Museum)

Глава 70. Расшифровка мероприятия ЦРУ

Первого августа 1985 г. полковник Виталий Сергеевич Юрченко, заместитель начальника 1-го отдела ПГУ КГБ, позвонил в посольство США в Риме и попросил убежища. Юрченко сообщил резиденту ЦРУ в Риме Аллану Д. Вольфу сведения о вероятных агентурных источниках информации, одном в Агентстве национальной безопасности США и втором под кодовым названием «Роберт» непосредственно в самом ЦРУ.

Юрченко утверждал, что не знал настоящего имени «Роберта», но предоставил два важных свидетельства: «Роберт» продал КГБ секретную информацию во время встречи в Вене в конце 1984 г. и что "Роберт" прошел подготовку для работы в резидентуре ЦРУ в Москве, но его командировка в СССР была отменена буквально накануне его отлета в Москву. Через два дня после получения информации от Юрченко Служба безопасности ЦРУ сообщила ФБР, что под псевдонимом «Роберт», скорее всего, скрывается бывший офицер ЦРУ Эдвард Ли Ховард.

Ховард поступил на службу в ЦРУ в 1981 г. и уже в 1982 г. был отобран для работы в качестве оперативного сотрудника резидентуры в Москве. Поскольку он, работая в ЦРУ, всё время находился под прикрытием и никогда не командировался за границу, его считали «чистым» и не расшифрованным на принадлежность к американской разведке. В процессе подготовки к назначению в Москву Ховард и его жена Мэри прошли интенсивный 6-ти недельный курс спецподготовки в секретном учебном центре для получения навыков действий против контрразведки КГБ в Москве. Они овладели методами обнаружения и ухода от слежки, которые особенно тщательно отрабатывались с участием бригад наружного наблюдения ФБР. Перед отъездом в Москву была проведена проверка Ховарда на полиграфе, где он признался в употреблении наркотиков и злоупотреблении алкоголем, а также в мелком воровстве и обманах во время обучения. После этого ЦРУ уволило Ховарда в начале в 1983 г.

Затаив обиду на ЦРУ, Ховард переехал в Санта-Фе, штат Нью-Мексико, где получил работу в качестве аналитика-экономиста. Но его проблемы с алкоголем и денежными долгами продолжались. Ховарда засекли, когда в октябре 1983 г. он слонялся около советского представительства в Вашингтоне, что можно было связать с предложением его услуг СССР. Ховард также совершил несколько необычных телефонных звонков, включая один в американское посольство в Москве, после чего 24 сентября 1984 г. его бывший начальник и специалист-психолог ЦРУ были посланы к нему домой для беседы.

Следуя информации, полученной 3 августа 1985 г., ЦРУ предположило, что Ховард есть агент «Роберт», и ФБР начало следить за Ховардом. Однако он обнаружил слежку, используя полученные в Лэнгли приемы. В начале сентября ФБР начало контролировать его телефонные переговоры. В результате Ховард оказался под круглосуточным визуальным и техническим наблюдением.

Две недели спустя ФБР вызвало Ховарда на допрос для идентификации его как советского агента. Ховард, однако, не признался и отказался от испытания на полиграфе. На следующий день во второго допроса Ховард заявил, что намерен нанять адвоката, и после этого согласился на следующую встречу, на которую уже не явился.

Во время его обучения в ЦРУ Ховард научился использовать манекен в автомобиле, чтобы тайно выбираться из поворачивающейся за угол автомашины. Чтобы избавиться от слежки ФБР, на этот раз Ховард сам изготовил манекен из шапочки для душа, вешалки и пиджака, прикрепленного к вешалке. Голова куклы была сделана из полистирола и украшена заранее купленным париком.

В субботу вечером Ховард и его жена поехали пообедать в местный ресторан в Санта-Фе.

Во время возвращения домой на автомашине они сделали медленный поворот за угол, где Ховард выпрыгнул из автомобиля в кусты. Его жена Мэри поставила на месте пассажира сделанный заранее манекен, закрепив его ремнем, и минуту спустя бригада НН вновь увидела двух человек в «Олдсмобиле» во время заезда его в гараж.

На самом деле Ховард был уже в гостинице аэропорта, где на следующее утро первым же рейсом добрался до Тусона, а затем самолетом в Европу, в советское представительство в Финляндии, откуда его доставили в Москву.

Откровения Ховарда в СССР имели катастрофические последствия для мероприятий ЦРУ в Москве. КГБ узнал о системе противодействий советской контрразведке, об отработанных методах работы ЦРУ, об американской секретной спецтехнике, эффективных приемах агентурной работы в Советском Союзе и, конечно же, раскрыл операцию СКТАW.

Через год, 7 августа 1986 г., ТАСС сообщило, что Ховарду предоставлено политическое убежище в СССР. Но Ховард продолжал пить и умер в пятьдесят лет, в июле 2002 г. Российские СМИ сообщили, что причиной смерти было падение с лестницы в его загородном коттедже. Однако ни российские, ни американские спецслужбы не оплакивали его смерть.

Очерк XXII. Как «жучки» пролезают в телеантенны!

Глава 71. Возможно ли невозможное в мире подслушивания?

На такой, казалось бы, странный вопрос в настоящее время можно найти массу ответов. И даже голливудская звезда Арнольд Шварценегер, уже занимая пост губернатора Калифорнии, не смог защититься от «жучка» в собственном ноутбуке, который подслушивал своего хозяина на его рабочем столе. Об этом дружно и с негодованием написали все мировые СМИ. Однако сам губернатор долго оправдывался перед журналистами за свои неосторожные высказывания о расовых проблемах в США, которые «жучок» сделал достоянием гласности.

В истории холодной войны имеются уникальные примеры «жарких битв» оперативно-технических служб разведки и контрразведки, когда «жучки заползали» не только в свои любимые места, такие, как бетонный каркас или стены домов, бензобаки или бамперы автомобилей, мебель или подарки от близких друзей. В конце 1960-х гг. многоэтажные жилые здания стали оборудоваться системами «коллективной телевизионной антенны», что позволило убрать с крыши весь лес индивидуальных антенн и заменить их одной большой и сложной системой для качественного приема телепрограмм в каждой квартире или офисе.

Специалисты-поисковики устройств подслушивания в то время считали установку «жучков» в коллективную антенну маловероятной, поскольку кабельная часть этой системы не выходила за пределы здания и заканчивалась на крыше здания, где обычно устанавливалась одна многоэлементная антenna. Такие системы домашнего телевидения сохранились в большинстве своем и по сей день, хотя с ними активно конкурируют кабельное и спутниковое телевидение.

Но в далекие 1960-е гг. кабельное телевидение только начинало развиваться и по стоимости было доступно далеко не всем. Во время строительства жилых зданий зарубежных дипломатических представительств СССР и его партнеров по Варшавскому договору западные архитекторы образца 1960-х гг. смело рисовали на чертежах большие антенные устройства, справедливо полагая, что заказчики-дипломаты с Востока не лишат себя радости посмотреть телевизор и обсуждать последние новости в кругу семьи или своих близких друзей.

Однако во время прокладки кабелей и установки телевизионного оборудования в новых дипломатических миссиях СССР и стран восточного блока было организовано специальное наблюдение за всеми действиями установщиков кабелей и антенн. Особенно тщательно службы безопасности восточных посольств следили за своими новостройками в США, справедливо считая американские спецслужбы самыми коварными по части «жучков», что периодически подтверждалось неожиданными находками микрофонов, посторонних кабелей и даже тщательно экранированных (для защиты от поиска) радиозакладок после окончания строительства новых дипломатических миссий.

Возможно, история когда-нибудь справедливо назовёт имя офицера оперативно-технической службы КГБ Венгрии, который первым вскрыл запаянную со всех сторон коробку кабельного разветвителя, установленного на лестничной клетке своего жилого дома. И, как опытный специалист, он сразу определил внутри лишние радиодетали, на которые простой обыватель, конечно же, не обратил бы никакого внимания.

Обычный кабельный разветвитель (слева) и разветвитель с элементами системы подслушивания (из архива Keith Melton Spy Museum)

Более тщательное обследование системы коллективной антенны позволило службе безопасности венгерской дипломатической миссии обнаружить малогабаритные микрофоны в комнатных телевизионных розетках.

Глава 72. Где же все-таки прятались жучки?

Далее венгерские специалисты нашли микрофонные усилители и модуляторы и, наконец, добравшись до крыши, где стояла огромная широкодиапазонная антенна, обнаружили, что часть элементов этой конструкции работает как радиопередатчик СВЧ-диапазона. Именно отсюда передавалась информация от микрофонов в жилых квартирах дипломатического представительства на соседнее, рядом расположеннное здание.

На чердаке здания среди стандартных блоков телевизионных канальных усилителей обнаружили один весьма необычный, который, однако, не отличался от других по внешнему виду. Детальная разборка этого блока показала спрятанный внутри радиопередатчик, который использовал один из элементов приемной телевизионной антенны как передающий для доставки информации на соседний дом.

Таким образом, информация от микрофонов передавалась на крышу и далее на antennu соседнего здания, где и располагался, как удалось установить, радиоприемный пост контрразведки ФБР.

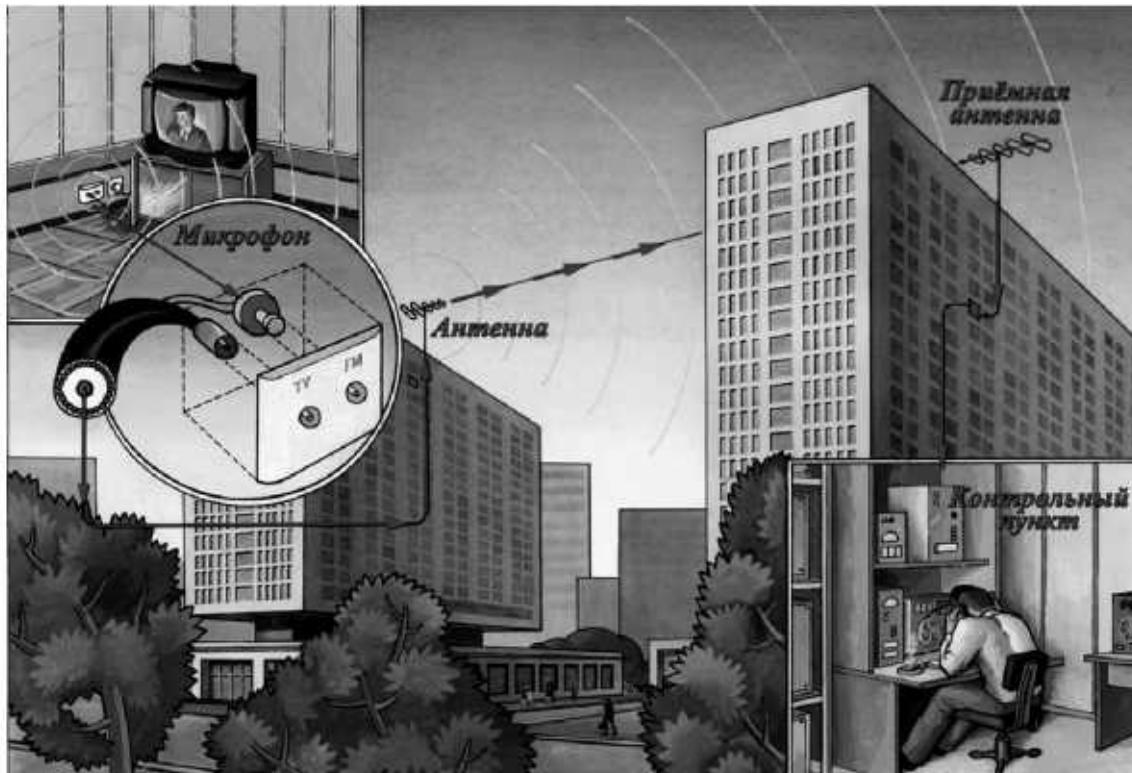

Схема системы подслушивания в коллективной антенне жилого дома (из архива Keith Melton Spy Museum)

Канальный телевизионный усилитель с радиопередатчиком внутри (из архива Keith Melton Spy Museum)

Венгерские специалисты не стали держать в секрете свою находку и поделились этим результатом со своими коллегами по Варшавскому договору, которые также смогли обезвредить аналогичные системы подслушивания в своих жилых и офисных помещениях.

Однако, как же смогли всё-таки установить систему подслушивания под наблюдением специалистов службы безопасности посольства? Последующий анализ показал, что во время монтажа всех элементов антенны коллективного пользования установщики техники подслушивания последовательно делали все технологические этапы и не добавили никаких действий, которые могли бы вызвать подозрение у наблюдателей. В случае какого-либо особого интереса со стороны службы безопасности сотрудники бригады установщиков «жучков» могли вообще не доставать из своих сумок блоки с уже вмонтированными элементами системы подслушивания, а ставить обычные блоки, ничем внешне не отличавшиеся от тех, где заранее были спрятаны «жучки».

Эта была одна из первых операций по внедрению системы подслушивания под наблюдением службы безопасности, в результате которой не удалось обнаружить признаки монтажа устройств съема информации. Такой негативный результат заставил специалистов-поисковиков пойти на такой крайне непопулярный в то время шаг, как частичный демонтаж только что введенной в эксплуатацию системы телевизионного вещания. При этом демонтировались и разбирались не только комнатные телевизионные розетки, но и вскрывались, разрушались запаянные кабельные разветвители, располагавшиеся на лестничных клетках и в подсобных помещениях.

Такая тактика принесла желаемый результат, и устройства подслушивания были обнаружены. Однако это потребовало больших затрат на восстановление и настройку всей системы телевещания после демонтажа, а также удаления всех телевизионных блоков с «жучками» внутри.

В дальнейшем практика демонтажа и разрушения строительных конструкций стала частью технологии поисковых работ и позволяла обнаруживать технику подслушивания до её монтажа внутри здания, несмотря на большие финансовые затраты и увеличение продолжительности

поиска.

Система контроля излучений, спрятанная в заземлении (из архива Keith Melton Spy Museum)

«Жучки» в телеантеннах заставили специалистов вести поиск методами разрушающего контроля, что могли себе позволить, как правило, ведущие спецслужбы мира. Однако в результате такого поиска было обнаружено несколько уникальных систем съема информации. На фото внизу специальная широкополосная приемная антенна для контроля радиоизлучений, искусно спрятанная внутри кабеля заземления, проложенного в металлических трубах электроснабжения здания. Для того, чтобы обнаружить этого «жучка», пришлось демонтировать часть системы заземления жилого здания.

Очерк XXIII. Секретное оружие советской разведки

Глава 73. Кто такие поисковики?

В арсеналах разведчиков, красочно представленных в детективной литературе, и особенно в стане героев кинобоевиков во главе с Джеймсом Бондом, в изобилии присутствуют разнообразные специальные устройства. В большинстве своем это техника добывания, хранения и передачи информации, от портативных магнитофонов, жучков и микровидеокамер до хитроумных контейнеров и тайников, в том числе и электронных, которые совсем недавно пытались использовать английские дипломаты, с завидной ловкостью подбирая у московских обочин камни в качестве образцов для изготовления шпионских новинок, столь поразивших воображение журналистов, обывателей и независимых борцов за права человека в России.

Однако в детективных фильмах и в мемуарной литературе герои-разведчики, как правило, не тратят своё время на такой важный аспект оперативной деятельности, как обеспечение безопасности зданий и помещений, где работает аппарат разведки, а также используется и хранится разведывательная и служебная секретная информация. И действительно, если взять, например, военную тему, то при огромном изобилии киногероев и книжных героев-танкистов (с собаками и без), летчиков (даже с музыкальным уклоном) и богов войны — артиллеристов, мало кто может вспомнить боевик или захватывающую книгу о герое инженерных войск или военном строителе, которые обеспечивали безопасность размещения и деятельности личного состава армии, командиров и военной техники.

В разведке такими инженерными войсками являются так называемые «поисковики», занимающиеся обнаружением возможных каналов утечки информации, и в первую очередь поиском техники подслушивания. Эти специалисты также умеют квалифицированно защитить особо важные здания и оборудовать там специальные помещения, предназначенные для работы с секретной информацией. Основное поле их деятельности — это зарубежные дипломатические и торговые представительства, официальные и личные резиденции, а также наиболее важные объекты разведки на своей территории.

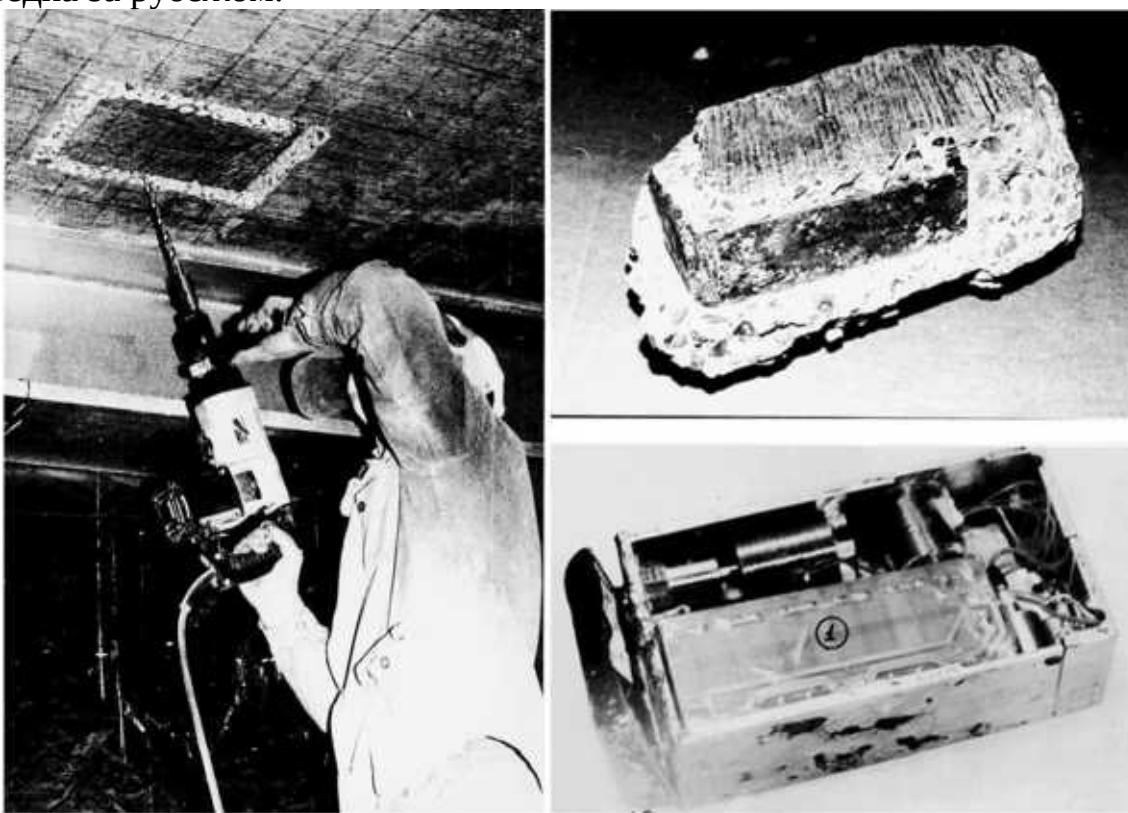
Поисковая служба советской разведки создавалась для защиты государственных и служебных секретов, которые постоянно подвергались атакам со стороны спецслужб ведущих стран мира. Первые сведения о применении специальных технических средств против советских заграничных представительств относятся к середине 1940-х гг. Это была американская аппаратура подслушивания, установленная в зданиях представительств СССР в США.

В годы холодной войны невиданное ранее противостояние спецслужб НАТО и СССР отразилось и на технике подслушивания. Многие иностранные государства пытались активно внедрять свои специальные технические средства в здания представительств СССР, а также в жилые помещения советских сотрудников.

Такие действия потребовали адекватных мер защиты от советской разведки, отвечавшей за безопасность советских граждан и учреждений СССР за рубежом. В начале 1950-х гг. появился специальный термин «поисково-защитные мероприятия», или сокращенно ПЗМ, к выполнению которых привлекались офицеры-специалисты 2 спецотдела МГБ, а затем 12 спецотдела КГБ СССР. А в апреле 1955 г. в ПГУ КГБ было создано отдельное подразделение для решения широкого круга задач использования специальной техники разведкой, от добывания информации до её защиты.

Этот отдел, позднее преобразованный в Управление оперативной техники (Управление ОТ ПГУ КГБ), всегда готовил себе кадры весьма основательно, в течение 5–7 лет, постоянно давая на практике молодым офицерам возможность обнаружить и обезвредить своими руками хитроумные устройства подслушивания в реальных боевых условиях, в которых работала

советская разведка за рубежом.

Поисковик извлекает из бетона радиозакладку (из архива Keith Melton Spy Museum)

При этом офицеры управления ОТ в полной мере использовали как оперативные, так и свои особые технические методы и средства, что полностью соответствовало их квалификации «оперативно-технический офицер разведки», или сотрудник ОТ.

Как известно из диалектики, средства нападения всегда опережают защиту. Поэтому техническим специалистам КГБ приходилось проектировать и создавать поисковые приборы, ориентируясь в основном на параметры микрофонов и радиозакладок, ранее обнаруженных в советских зарубежных представительствах.

Долгое время одним из основных инструментов поиска был громоздкий и опасный для здоровья рентгеновский аппарат для «просвечивания» стен, интерьеров помещений и мебели. В почете также были и различные отечественные и зарубежные поисковые радиоприемники, которые отличались как внушительными габаритами, так и весьма солидным весом. Однако с появлением радиозакладок с дистанционным управлением и электронной маскировкой поисковики стали меньше доверять радиоприемникам и всё больше внимания стали уделять визуальным обследованиям, вскрытиям стен и строительных конструкций, что, конечно, значительно увеличивало продолжительность и трудоемкость поиска.

Переносной
рентгеновский
аппарат 7Л2

Защитный свинцовый фартук

Рентгеновское обследование для
поиска техники подслушивания

Поиск техники подслушивания с помощью рентгеновской установки (из архива Keith Melton Spy Museum)

Глава 74. Первый советский нелинейный локатор «Л1»

Усиление гонки вооружений и противостояния с Западом в разгар холодной войны отразилось и на технике подслушивания: в советских зарубежных представительствах обнаруживается всё более изощренная специальная техника и расширяется сфера её применение. В ответ на это руководство КГБ принимает решение о создании принципиально новой высокоэффективной поисковой аппаратуры, а также качественном улучшении разработанных в середине 1950-х гг. поисковых систем.

В 1965 г. в Томске, в закрытом институте начинаются научно-исследовательские работы под кодовым названием «Ветер», целью которых являлось создание аппаратуры для выявления скрытых электронных и радиокомпонентов методом нелинейной локации. Руководителем был назначен Евгений Михайлович Кляшторный, выпускник Томского института радиоэлектроники и электронной техники.

Суть метода нелинейной локации заключалась в следующем: при облучении направленным радиосигналом высокой частоты порядка тысячи мегагерц основные компоненты техники подслушивания, такие, как транзисторы, микросхемы и др., начинали «откликаться» и посыпать ответный сигнал, даже находясь в выключенном состоянии. Такая возможность выявления спрятанных и неработающих радио- и электронных устройств была крайне важна для КГБ.

Одни из первых боевых испытаний опытного локатора «Л-1» были проведены в Сан-Франциско в начале 1970-х гг. после капитального ремонта нового здания Генерального консульства СССР, за которым, как стало известно, пристально следили американские спецслужбы.

Дебют нового «секретного оружия» превзошел все ожидания: в здании было обнаружено около десятка различных радиозакладок, в том числе две с пониженной мощностью и работающие к тому же в диапазоне СВЧ. Позднее была выявлена и хитроумная проводная система подслушивания с двумя десятками микрофонов с усилителями.

По тем временам это был огромный успех оперативно-технической службы советской разведки. Ведь поисковых радиоприемников на такие диапазоны в то время не было, да и малая мощность в сочетании с направленными антеннами радиозакладок вряд ли позволили обнаружить такие устройства уже имевшимися приборами.

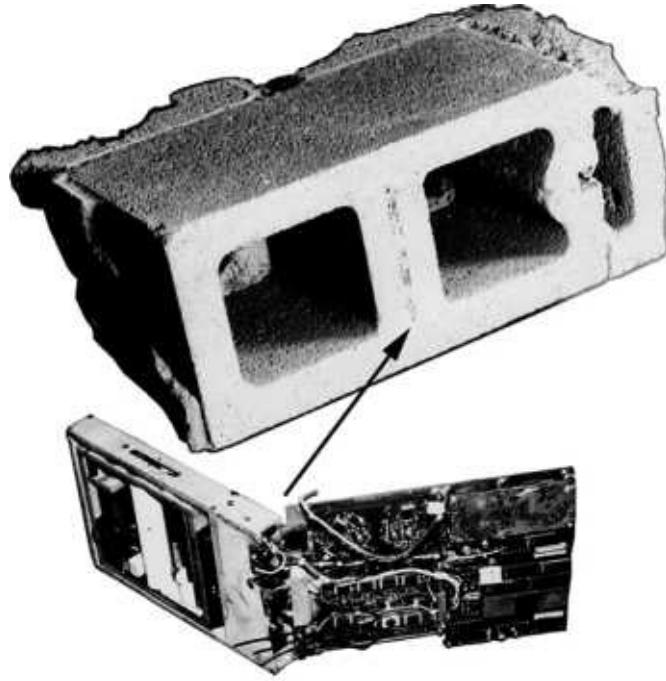
Через несколько лет советская разведка получила серийный нелинейный локатор «Обертон», ставший грозным оружием против самых разнообразных подслушивающих устройств. КГБ, как истинный боевой партнер, не стал скрывать новый высокоэффективный поисковый прибор от своих коллег по Варшавскому договору и щедро снабдил спецслужбы стран Восточной Европы своим изобретением. Настоящим подарком явился «Обертон» для спецслужб Кубы, которые весьма результативно использовали новый советский нелинейный локатор для капитальной «чистки» своих представительств и резиденций в странах Латинской Америки.

Блоки радиозакладок с частотой передачи в СВЧ диапазоне и пониженной мощностью

Уникальная американская техника подслушивания, обнаруженная с помощью советского нелинейного локатора (из архива Keith Melton Spy Museum)

Для Запада новый советский нелинейный локатор явился крайне неприятным сюрпризом, поскольку значительно увеличивал вероятность обнаружения устройств съема информации, которые активно использовались спецслужбами США и НАТО для внедрения в новые строящиеся здания дипломатических и торговых представительств СССР и стран-партнеров. Какие только «жучки» не ловил «нелинейник», как называли «Обертон» сотрудники разведки. На его счету были и «стреляющие» радиозакладки, и «жучки» со сверлами и даже с настоящими небольшими парашютами, которые вместе с дождевой водой скрытно протягивали в трубах канализации микрофонный кабель.

Уникальная американская техника подслушивания, обнаруженная с помощью советского нелинейного локатора (из архива Keith Melton Spy Museum)

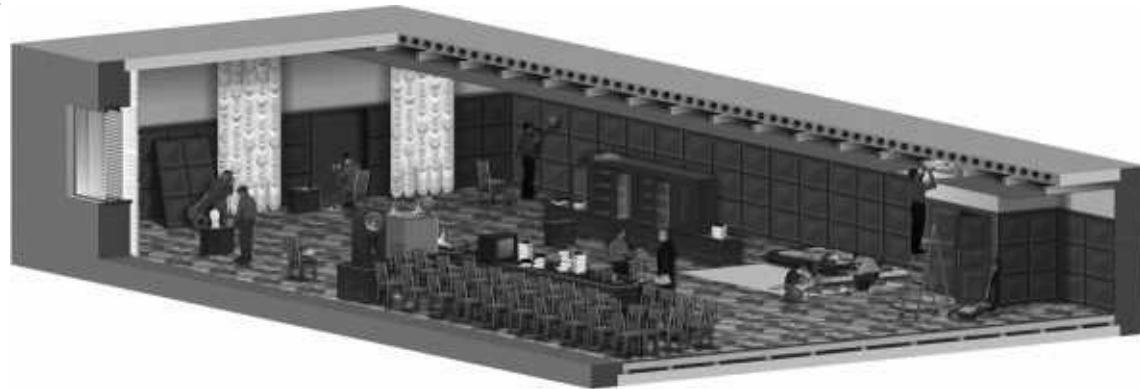
Лишь в начале 1980-х гг. на вооружение американских спецслужб поступил «Суперскант», первый западный серийный нелинейный локатор.

В настоящее время в России выпускается около десятка разнообразных моделей нелинейных локаторов, которые можно приобрести на коммерческом рынке систем безопасности. По мнению авторов статьи, одним из лучших является модель NR900, разработанная московской фирмой ЗАО «SST GROUP», где работает великолепный коллектив

ветеранов ОТУ КГБ СССР. Именно они разработали и создали другой уникальный прибор нелинейной локации «Коршун» для обнаружения «поясов шахидов», дистанционных взрывателей, электронных таймеров и замедлителей мин-сюрпризов, а также тайников, где террористы прячут оружие, взрывчатку, свои электронные и радиоустройства.

Выдающиеся результаты работы Кляшторного и его томского конструкторского бюро были по достоинству оценены. В 1984 г. он и его команда были награждены Государственной премией СССР, а в 1990 г. — премией Совета Министров СССР.

Авторы благодарят С.Н. Вернигорова, ученика и соратника Е.М Кляшторного, за материалы для этого очерка.

Поиск техники подслушивания в кабинете руководителя советского представительства (из архива Keith Melton Spy Museum)

Очерк XIX. Силиконовые уши «от Джеймса Бонда»

Глава 75. Какие улики спрятала офицер ЦРУ Марта Патэрсон?

Легендарный киногерой Джеймс Бонд всегда имел под рукой комплект разнообразного шпионского оборудования, выручавшего его в самых, казалось, безвыходных ситуациях. Каждый фильм «Бондианы» презентовал эффектную специальную технику. Секретные приспособления агента 007 неожиданно стреляли, тайно фотографировали, помогая следить за врагами, чтобы в конце концов изящно ликвидировать последних лазерным лучом или отравленной стрелой.

Вспоминается еще один персонаж, дополнение великолепного Бонда: почтенный изобретатель шпионских штучек Мистер Q, который с чисто британской мудростью и терпением обучает своего любимца использованию оперативной техники. Однако в шпионских книгах и кинофильмах о Бонде авторы почти не оставили места для такого уникального процесса, как разработка идей специальных устройств шпионажа и этапов их создания, тем самым скрыв от широкой публики труд многих сотен талантливых изобретателей, инженеров и конструкторов. Им самим обычно запрещено публиковать свои научные труды и показывать на международных конференциях действующие модели. Сама спецтехника ни славы, ни большой прибыли изготовителям не приносит, поскольку произведена в ограниченных количествах и не имеет выхода на широкий рынок.

Исключением является биография Льва Термена, гениального советского конструктора и автора многих необыкновенных изобретений, о котором в США вышло два документальных фильма и две книги. В начале 1930-х гг. мировую славу получил его терменвокс — первый электронный музыкальный инструмент. Но еще более сенсационным стало совсем другое творение Термена — уникальное устройство подслушивания, созданное им уже в 1943 г. в известной «кучинской шарашке» под Москвой в компании с Туполевым и Королевым, также сидевшими в этой относительно комфортабельной тюрьме по личному указанию Берии.

Некогда секретные страницы истории спецслужб еще раз показывают, насколько схожи оказались пути поиска идей, изготовления макетов и, наконец, действующих образцов оперативной техники КГБ и ЦРУ.

Мы начнем рассказ с событий у Краснолужского моста, в момент, как писала пресса, успешного завершения операции советской контрразведки, арестовавшей офицера ЦРУ Марту Патэрсон во время закладки тайника для Огородника. Этот ценный агент США работал в отделе МИДа, где анализировались отчеты советских послов. В мемуарах участников операции ничего не сказано о небольшом «проколе» группы захвата, упустившей одну деталь. Оперативники тщательно обыскивали даже бюстгальтер молодой американки, за что один из офицеров получил болезненный удар в пах. Однако результат того стоил: и в белье нашли небольшой электронный прибор, соединённый с элегантным ожерельем на шее задержанной шпионки.

Полагая, что в нём спрятана радиостанция, один из сотрудников КГБ даже попытался сказать «в прибор» пару слов в надежде услышать ответ другого неизвестного участника тайниковой операции ЦРУ. Однако этот приём не сработал, и группа захвата доставила госпожу Патэрсон на Лубянку под строгий взор руководителя американского отдела контрразведки КГБ, легендарного генерала Рэма Красильникова. Дожидаясь приезда консула посольства США, оперативники разложили найденные предметы шпионажа на столе. Однако один вешдок, небольшой по размеру, но весьма важный для понимания технических методов работы ЦРУ, так и остался в ухе Марты Патэрсон. Она извлекла небольшой телесного цвета наушник уже в посольской резидентуре ЦРУ, куда ее отпустили после трёхчасовой беседы на Лубянке.

Марта Патэрсон на Лубянке (из архива Keith Melton Spy Museum)

Справедливости ради надо сказать, что обнаружить ночью спецнаушник в закрытом причёской женском ухе, да еще в ажиотаже захвата, было действительно сложно, тем более что контрразведчиков озадачило появление у тайника женщины, которая, по сводкам «наружки», за два года никак не «засветилась» с деятельностью резидентуры ЦРУ. На самом же деле Марта настолько тщательно соблюдала все детали своего прикрытия, что умудрилась провести более десятка тайниковых операций. Это сильно ударило по авторитету Второго главного управления КГБ, контролировавшего деятельность западных спецслужб в СССР и создавшего в период холодной войны множество технических и оперативных барьеров для защиты от шпионов.

В КГБ позднее узнали об этом «козыре» в ухе Патерсон, что, конечно, весьма заинтересовало технических специалистов Комитета. А там прятался маленький наушник из латекса телесного цвета, содержащий в себе крохотное радиоприёмное устройство. А вместе с обнаруженным при захвате электронным прибором и антенной-ожерельем этот наушник представлял собой новую по тем временам американскую систему для конспиративного контроля каналов радиосвязи наружного наблюдения советских контрразведчиков.

Чекистов, вероятнее всего, обманула коробочка, по размерам не более двух пачек сигарет, прикрепленная липучкой под одежду шпионки. Но чекисты правильно разобрались в сути дела, и в кинофильме «ТАСС уполномочен заявить» руководитель операции по аресту американского разведчика предупреждает оперативников не выходить в радиоэфир, справедливо опасаясь прослушивания сотрудниками ЦРУ радиопереговоров в районе расположения тайника.

Глава 76. Как американцы слушали «наружку» КГБ

Разработка в США системы радиоперехвата под кодовым названием SRR-100 началась еще в семидесятые годы, после того как технический сотрудник американского посольства в Москве перехватил радиопередачи КГБ и сопоставил данные с перемещениями американского персонала. Чтобы в этом детально разобраться, московская резидентура ЦРУ организовала серию выездов своих оперативников по заранее известным маршрутам, назвав операцию «бегущий кролик». Так были проанализированы радиопередачи наружного наблюдения КГБ. После этого офицеры ЦРУ, настраивая свои приёмники, старались идентифицировать сигналы и даже делали записи радиопередач, что позволило отпечатать на стареньком струйном принтере распределение частот и картину радиосвязи КГБ.

Первые радиоприёмники ЦРУ для перехвата «наруж-ки» были достаточно маленькими, чтобы спрятать их под пальто. Однако они имели возможность сделать отметку времени нажатием кнопки в моменты, когда разведчик выходил на улицу, затем спустя пять минут и потом, когда он поворачивал налево или направо. Анализ отметок времени и местоположений объекта был сопоставлен с радиопереговорами сотрудников КГБ, чтобы определить, когда за «кроликом» была слежка и какая частота использовалась. Через какое-то время прояснилась картина интенсивности и вида слежки, с которой сталкивались американцы, и то, как наружное наблюдение координировало свои силы и действия. В результате у ЦРУ появилась модель для определения стандартной оперативной процедуры КГБ при выходе американского разведчика из здания и анализ типов поведения объекта при появлении слежки. Эта информация позволяла понять, кто из американцев чаще всего был под наблюдением.

Сканирующий радиоприемник «Beacat-250», активно применявшийся спецслужбами в XX веке (из архива Keith Melton Spy Museum)

Радиоперехват показал, что в радиопереговорах КГБ было совсем немного слов. Например, употребление числа «21» означало, что «объект в моём поле зрения», в то время как другие кодовые слова описывали определённых людей, а также их действия. Короткие диалоги или отдельные слова могли указывать на слежку, в то время как продолжительная тишина в эфире стала для ЦРУ надёжным признаком отсутствия наблюдения КГБ (на чем и «прокололась» офицер Патэрсон).

ЦРУ убедилось, что КГБ может следить за американцами несколькими бригадами. Одна вела откровенное демонстративное наблюдение, в то время как другая работала максимально конспиративно. Американские разведчики замечали, что сотрудники «наружки» во время слежки меняли одежду, чтобы избежать расшифровки. С этой же целью менялись модели автомобилей, их цвета. Наблюдение велось со стационарных постов КГБ, расположенных в

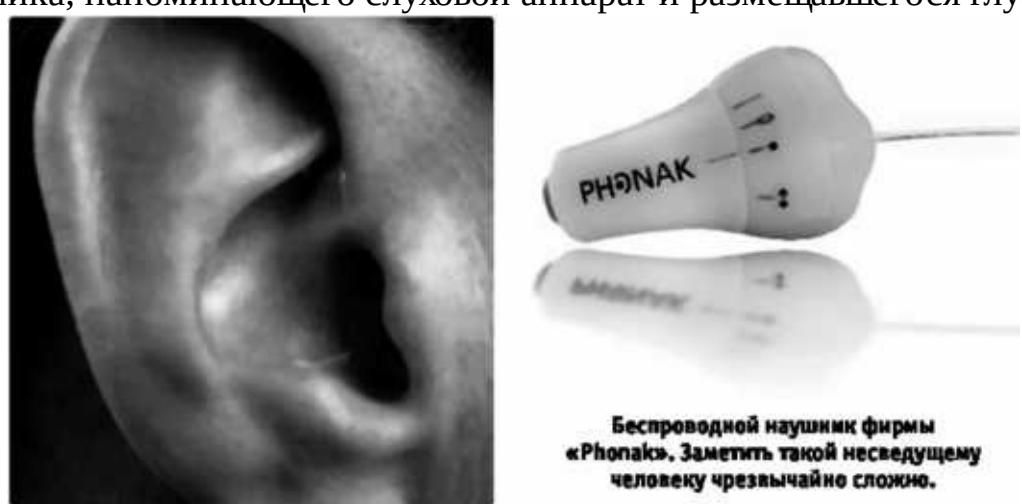
жилых домах и учреждениях. Существовали «теплые комнаты» для обогрева в зимние месяцы, где свободные от работы сотрудники «наружки» могли переодеться и где находился необходимый резерв. Для оперативных офицеров ЦРУ это означало, что наружное наблюдение могло появиться и исчезнуть практически в любое время. Ключом к проведению оперативного мероприятия ЦРУ было уверенное определение того, когда и кто был свободен от слежки, даже на короткий период. И чтобы теперь использовать результаты радиоперехвата, была поставлена задача: сконструировать скрытое устройство радиоконтроля. Так и возник приёмник, который позволял владельцу прослушивать радиопередачи наружного наблюдения.

Первые модели радиоприёмника SRR-100 могли контролировать только одну частоту. Затем появились двухканальная кварцевая модель и, наконец, многоканальный сканирующий приёмник радиоперехвата для прослушивания переговоров и контроля изменения частот радиосвязи во время слежки.

Вторая половина задачи заключалась в конструировании сканера, который был функционально удобным и скрытоносимым. Сканер должен быть маленьким, чтобы не привлекать внимание даже под лёгкой одеждой. В то время транзисторы уже позволяли сделать карманный радиоприёмник, однако возможности конспиративного прослушивания все еще не было.

Сегодня спустя более тридцати лет после появления сканера SRR-100 стало привычным видеть на улицах людей с большими или маленькими наушниками, подключенными к устройствам типа iPhone. А в Москве образца 1973 г. маленький наушник в ухе, особенно у иностранца, неминуемо привлек бы внимание. Любой намёк на провод, независимо от хитрости маскировки, был бы замечен и стал бы известен КГБ.

Но эта проблема была решена за счёт использования технологии «индукционная петля». Инженеры ЦРУ сконструировали металлическую петлю-антенну, которая могла размещаться вокруг шеи под одеждой и, в свою очередь, соединялась с радиоприёмником на плечевом ремне. Для женщин такое устройство могло помещаться в специальную сумку-кошелек с лямкой, внутри которой располагалась антенна. У Марты Патэрсон индукционная петля была в ожерелье вокруг шеи и выполняла двойную функцию: с одной стороны, служила антенной для приёмника радиоперехвата переговоров «наружки», а с другой — как передающая антенна для крохотного приемника-наушника, напоминающего слуховой аппарат и размещавшегося глубоко в ухе.

Беспроводной наушник фирмы «Phonak». Заметить такой несведущему человеку чрезвычайно сложно.

Беспроводный наушник «Phonak» (из архива Keith Melton Spy Museum)

Такое устройство уже изготавливалось известной швейцарской фирмой «Phonak» — производителем слуховых аппаратов. Хотя наушник и был маленьким, но все же мог привлечь внимание. Для его маскировки специалисты ЦРУ использовали «голливудскую» технологию изготовления силиконовых ушей, разработанную для грима сказочных персонажей. Новые

специзделия ЦРУ окрасили так, чтобы имитировать тень в ушном канале. Каждый оперативный сотрудник ЦРУ в Москве получал четыре наушника: два для правого уха и два для левого уха. Оперативники могли сами вставлять этот крохотный радиоприёмник в ушной канал и прикрыть его специальной заглушкой-камуфляжем. Эта деталь удерживала наушник в ухе, как пробка, а также заглушала уличные шумы, позволяя чётко понимать команды по радиосвязи на русском языке.

Через некоторое время ЦРУ продолжило эксперименты с другими методами контроля радиопереговоров «на-ружки» КГБ. Например, в проекте «Зубная фея» индукционная петля уменьшенных размеров была вмонтирована в курительную трубку. Оперативный сотрудник мог держать трубку в зубах и получать через зубную кость сигналы, проводимые через челюсть в ушной канал. В другом проекте изделие все той же фирмы «Phonak» поместили в зубной мост оперативника, который прослушивал радиоэфир, используя вибропроводимость зубной кости.

А что же КГБ? Практически одновременно с ЦРУ в Оперативно-техническом управлении Комитета началась разработка системы конспиративного контроля радиопереговоров. Инженеры одного «закрытого» НИИ посетили международную выставку, где было представлено различное иностранное полицейское оборудование. Там они увидели швейцарскую радиостанцию со скрытоносимой гарнитурой, в том числе маленький наушник телесного цвета с прикреплённым к нему кусочком лески для извлечения устройства из уха.

Имея задание добить или скопировать образец, советские инженеры быстро нашли оптимальное решение. Пока один из них отвлекал представителя фирмы, другой его товарищ хладнокровно «стянул» беспроводной наушник, что вполне соответствовало методам промышленного шпионажа. Добытый образец спецтехники продемонстрировали начальству, которое скомандовало: разработать свой, но сделать лучше.

Как посчитали в НИИ, одним из недостатков иностранного наушника был его телесный цвет, и поэтому, находясь в ухе, аппарат создавал впечатление, что у человека вообще нет ушного отверстия. Еще смешнее, по мнению советских конструкторов, он выглядел бы в ухе у негра, если сверху вдруг поступит команда оснастить новой системой партнёров СССР на африканском континенте.

Не зная о том, как ЦРУ решило эту проблему (вот когда бы пригодился наушник Марты Патерсон, на заглушке которого было нарисовано темное ушное отверстие), для КГБ наушник сделали меньше и темного цвета, чтобы он был невидим внутри уха даже при ближайшем рассмотрении. Новому проекту, как и всей спецтехнике КГБ, полагалось придумать оригинальное кодовое имя, и молодые конструкторы присвоили первому советскому конспиративному наушнику оригинальное и звучное, как им показалось, кодовое название «Инстанция». Гром скандала на бедные головы обрушился сверху от генералов, в переписке которых под словом «инстанция» уже полвека подразумевалось ЦК КПСС и его Политбюро.

В другом техническом подразделении НИИ без особых проблем сделали копию электронной части швейцарского наушника. Но конструкторы долго не могли понять, какую форму должен иметь наушник, чтобы его можно было вставить в любое ухо и чтобы он не вываливался во время разговора или еды, как это случалось на испытаниях опытной модели. Возникла оперативная задача изучения формы ушных отверстий у людей разного возраста и пола.

С этой проблемой конструкторы обратились в институт судебно-медицинской экспертизы. Те, недолго думая, предложили разработчикам самим исследовать данную тему, изучив уши с неопознанных трупов. Судмедэксперты распорядились приготовить для коллег из «органов» уже замороженные уши. В один из морозных зимних дней группа офицеров ОТУ КГБ поехала в рекомендованный подмосковный морг, где им передали мешочек с ушами от разных трупов.

Для нормального во всех смыслах человека посещение морга обычно вызывает сильный стресс. Молодые офицеры заранее подумали об этой проблеме и в ближайшем сельмаге купили водки и закуски. Стресс пришлось снимать уже в электричке, этот процесс немного затянулся и плавно перешёл в споры о смысле жизни и смерти. А когда увлеченно спорившие молодые сотрудники доехали до вокзала, то про заветный мешочек с ушами все забыли — его оставили под лавкой, в вагоне электрички. Можно только догадываться о реакции уборщицы, которая его потом обнаружила...

Но несмотря на все эти «взлеты» и «падения» обе разведки — и США, и СССР — получили практически одновременно аппаратуру конспиративного контроля радиосвязи наружного наблюдения, которая в значительной степени повысила безопасность оперативных мероприятий.

Очерк XX. Как работала американская разведка в советской Москве

Глава 77. Анализ службы перлюстрации КГБ

Во времена холодной войны одним из основных методов агентурной связи ЦРУ были обычные письма со стандартным текстом, на обратной стороне которых располагались секретные тайнописные сообщения. Эти письма-прикрытия с непроявленной тайнописью содержали описания каникул, путешествий, семейные новости, и считалось, что их фактически невозможно обнаружить среди миллионов других конвертов и открыток. Именно так полагали агенты, работавшие на американскую разведку, писавшие и получавшие сотни тайнописных сообщений из самых разных уголков мира.

Но в Советском Союзе ситуация для ЦРУ была совсем другой. КГБ тщательно контролировал входящую в СССР почту, а также письма, отправляемые за рубеж. Советские почтовые цензоры хорошо разбирались в методах тайнописи, и КГБ практически официально досматривал как почту иностранцев, так и своих граждан. Но в ЦРУ полагали, что даже КГБ не мог бы открыть, читать и проверять каждое письмо в отдельности. И потому американская разведка взялась за проведение мероприятий по изучению почтовой цензуры, применяемой в СССР для контроля и анализа внутренней и международной почты.

Вначале офицеры ОТС ЦРУ пытались теоретически представить себе правила, по которым работает советская почтовая цензура. И если бы американская разведка смогла бы понять технологию того, как письмо изымается из общей почтовой кучи, просматривается и затем анализируется, то в ЦРУ нашли бы средства противодействия.

Как вспоминает ветеран ОТС ЦРУ: «Для нас всегда был вопрос, в чем заключается процесс принятия решения специалистом-химиком КГБ об изъятии подозрительного письма в центральном почтовом отделении Москвы? Как только происходило такое изъятие, как только письмо становилось подозрительным, а наш агент являлся отправителем или получателем подобного послания, начинались неприятности. Возможно, что офицер-химик КГБ не подтвердил наличие секрета в письме, но было кое-что, какая-то аномалия для первой линии почтовой цензуры, которая кем-то ощущалась или кто-то первым это видел. Почему офицер КГБ отложил письмо в сторону? Почему письмо передано офицеру-химику на исследование?»

В этой работе, названной «Проба», сотрудники ОТС ЦРУ направили по почте сотни «контрольных» писем в СССР, а также из него с бесконечным числом перестановок времени и дат их отправления, изменяя районы почтового ящика, страну назначения, тип письма или открытки, а также характер письма: рукописный или отпечатанный на машинке.

Исследования таких посланий, написанных на разных языках, разных размеров и стилей, продолжались в течение нескольких лет. Письма посыпали из США на восточноевропейские и советские адреса. Письма посыпали из закрытых областей СССР в Европу и США на адреса «до востребования», именуемые в ЦРУ как «АА». Многие адреса «АА» являлись домами обычных американских граждан, привлеченных ЦРУ с единственной целью: получать почту от неизвестного отправителя. Как только почта поступала, получатель звонил сотруднику ЦРУ для прибытия за письмом.

Далее письма доставлялись в ОТС для экспертизы и анализа. Конверты рассматривались на матовом экране с яркой подсветкой в поисках следов отпечатков пальцев для определения методов вскрытий, а также для выявления следов химикатов, которые, возможно, использовались КГБ, чтобы проверить письмо на наличие тайнописи. Маленькие детали, такие, как, например, расположение отпечатков пальцев по периметру бумаги, давали ценные сведения о методах исследования данного специфического письма.

«Я путешествовал в Ленинград и затем в Прагу, чтобы изучить время почтового транзита.

Открытка, например, приходила приблизительно через два дня. А запечатанные бандероли поступали недели через две, — так описывал свои наблюдения один из специалистов ОТС. — Мы начали чувствовать и понимать, как различные страны организуют цензуру. Проект дал нам кое-какую основу, и мы направили в советский отдел ЦРУ наши рекомендации: используйте направляемую вам технику и методы для почтовых сообщений из этих городов. Теперь мы имели реальные почтовые рекомендации, которые оперативные сотрудники хотели получить и могли использовать».

Время транзита писем, открыток и других обычно отправляемых почтой посланий может показаться прозаической деталью для разведки, однако именно таким способом, как считали в ОТС, ЦРУ определило почтовый путь, минующий огромный аппарат цензуры КГБ.

В результате исследования ЦРУ оказалось, что аполитичное, безобидное сообщение от американского туриста на открытке, отправленной в США, не привлекало особого внимания советских цензоров. И наоборот, открытка или письмо от советского гражданина, отправленное за границу, гарантировало изъятие и тщательный анализ сотрудниками советской цензуры. Не раскрывая цели запроса, в ЦРУ было получено согласие американских должностных лиц, путешествовавших по всей Европе: они покупали черно-белые открытки обычно с видами Советского Союза всякий раз, когда посещали СССР. Это были разнообразные виды советских достопримечательностей, таких, как Эрмитаж, Кремль, Красная площадь и тому подобное. Затем открытки отправлялись в Лэнгли, где сотрудники ОТС писали на них обычные сообщения якобы от американских туристов, посещавших СССР. Открытки затем возвращались в Москву с дипломатической почтой для посольства США.

Получателем являлась резидентура ЦРУ, чьи сотрудники закладывали открытки в тайник агенту для использования согласно плану агентурной связи.

Вскоре после ареста Пеньковского, когда «выдохлись» все московские операции ЦРУ, один советский инженер пришел в американское посольство, расположенное за пределами СССР, и предложил свои услуги. Движимый «самыми честными намерениями», он принес с собой фотографии чертежей с детальными описаниями новой советской ракеты. Чтобы не сделать никакой ошибки, резидентура ЦРУ обеспечила новому агенту конспиративный «заход внутрь» посольства, и в соответствии с планом агентурной связи будущий агент получил инструкции, как принимать кодированные коротковолновые сообщения на свой бытовой радиоприемник.

Затем контакт с агентом был «заморожен», поскольку никто не мог дать гарантий, что это не подстава КГБ. Однако у Джорджа Сакса (фамилия изменена), одного из оперативных офицеров советского отдела ЦРУ, было ощущение, что стоит продолжить работу с агентом, и вскоре Джордж получил одобрение руководства начать операцию. Ничто не давало ему больших шансов на успех, а прошедшее время с момента первой встречи с агентом только усложнило и без того непростую ситуацию.

Джордж был настроен на то, чтобы операция проходила исключительно с помощью безличной связи для снижения политических рисков и выполнения требований безопасности. Он вспоминает: «Что случилось бы, окажись это провокацией? Мы могли потерять одного из наших немногих оперативников в Москве. И что затем происходит? Скандал доходит до госсекретаря США, который вызывает посла. И что делает посол? Он организует в посольстве настоящий ад. Он кричит на резидента: "Вы, ковбои из ЦРУ, ломаете советско-американские отношения! Мы уже имеем достаточно неприятностей с Советами и без ваших слов, которые выходят и делают что-то на улице с парнем, о котором Вы не знаете ничего!"»

Кроме рисков с дипломатической стороны, необходимо было оценить безопасность самого агента. Материал оказался столь специфический, что в случае его перехвата сотрудниками КГБ агента можно было бы сразу установить.

Глава 78. Сложное задание для агента ЦРУ

Для нового агента заложили тайник с рулоном специальной фотопленки, которую инженеры ОТС назвали «удаляемый слой». Первоначально созданная для программы разведывательных спутников США и впоследствии забракованная, фотопленка имела высокое разрешение, а тонкий светочувствительный слой эмульсии легко снимался с толстой пластмассовой основы. Отделенная от основы, пленка напоминала прозрачную обертку типа целлофана, в которую заворачивают еду для хранения в холодильнике. Эта специальная фотопленка спутниковой программы США стала настоящим сокровищем для ОТС.

Работая в секретном советском НИИ, агент мог фотографировать чертежи новой советской ракеты с помощью обычного 35 мм фотоаппарата. Затем изображения чертежей на проявленных негативах агент должен был перенести на специальную фотопленку с помощью так называемой «контактной фотопечати». Для чего негативы с чертежами накладывались на специальную фотопленку и освещались сверху на короткое время электролампой. После стандартного проявления с помощью обычных покупных фотоматериалов агент использовал химикаты для «отбеливания изображения», что делало пленку полностью прозрачной. Если точно следовать инструкциям, то на фотопленке размерами с обычную почтовую открытку можно было разместить девять кадров фотоснимков чертежей.

На последнем этапе агент приклеивал тонкий прозрачный лист фотопленки на открытку с изображениями московских достопримечательностей и заранее нанесенным в ЦРУ текстом. Готовое «почтовое изделие» напоминало обычную открытку, напечатанную на глянцевой бумаге. Однако все эти этапы агент должен был тщательно изучить, а потом повторить в своей крошечной советской квартире, где он проживал с семьей, в которой для такой работы не хватало места и к тому же не было никакой конспирации, как считали в ЦРУ.

Перед началом мероприятия Джордж две недели сам осваивал в Лэнгли этот метод и переводил инструкцию на русский язык, консультируясь с лингвистами по каждому слову, чтобы быть уверенным в простом и ясном изложении всего процесса. После длительной тренировки Джордж остался доволен тем, что справился с фототехникой и точно описал весь процесс по-русски. Затем он организовал кодированное сообщению по радио, переданное агенту из Европы в диапазоне коротких волн на бытовой радиоприемник. Это небольшое радиопослание информировало агента, что для него в безопасном тайнике спрятан пакет.

Каждый этап оперативного плана по копированию чертежей ракеты и подготовки их отправки в США требовал много времени и внимания к деталям, но работа того стоила. Изображения сверхсекретных чертежей советских ракет начали прибывать в американские почтовые ящики, расположенные как в больших городах, так и в сельской местности. Получатели, согласившиеся помочь ЦРУ из чувства патриотизма, возможно, и не подозревали, что некоторые из самых больших тайн советской Москвы проходили через их руки.

В Лэнгли обесцвеченные изображения чертежей были восстановлены с использованием специального оборудования для получения высококачественной печати. Первая партия чертежей убедила и контрразведчиков, и аналитиков советских вооружений ЦРУ в реальном доступе агента к секретам, и поскольку поступление чертежей продолжалось, то операция была обозначена как успех разведки.

Поток технической информации относительно новой советской ракеты поступал именно в тот момент холодной войны, когда знание возможностей ракеты являлось главной целью для разведки. Даже самые серьезные операции имеют курьезные моменты. Как-то на одном из брифингов Джордж сидел в зале заседаний ЦРУ с десятью аналитиками, изучавшими копии

чертежей советской ракеты.

«Я помню, что мы не смогли прочесть все цифры. Аналитики искали последовательность серийных номеров и частей, в том числе и на однотипных блоках. Как они не старались, однако не были уверены относительно каждой буквы и цифры. Наконец один из них в сердцах произнес: «Мне крайне неприятно критиковать вас и ваших ребят, но там, где вы это достаете, ради Христа, пойдите и купите вашему агенту фотокамеру получше!»

Джордж вспоминал: «Аналитики думали, что мы вручили этому парню дешевую фотокамеру типа "Пентакс". А я представил себе путь, который мы прошли, чтобы получить эти чертежи, и как техники ОТС должны были все продумать и технически, и оперативно. Представьте себе и то, что агент проделывал эту работу в состоянии стресса, исходя из тех условий, в которых он там находился. И когда аналитик предложил решение проблемы, как он ее видел: "Потратьте, наконец, дополнительные триста долларов и получите для нас более ясное изображение чертежей!" — в ответ я мог лишь усмехнуться».

Глава 79. Дипломатическая почта с рыбным запахом

Позже, когда операция успешно продолжалась, агент сообщил, что сможет посещать испытательный полигон, и предложил попробовать утащить часть ракеты, разрушенной в результате испытаний. Советские военные образцы являлись настоящей драгоценностью для Министерства обороны США и для аналитиков ЦРУ по вооружениям, поскольку состав материалов частей ракеты мог дать ранее недоступные разведке сведения о возможностях вооружений, проектах и процессах военного производства.

Агент сообщал, что должностным лицам его уровня, командируемым для выполнений ответственных заданий, разрешали покупать товары и продукты за городом и привозить их домой. И стало уже привычкой ездить в командировки с большими пустыми чемоданами, чтобы наполнить их местными продуктами, такими, как мясо, сыры, рыба, овощи и другие труднодоступные деликатесы. В регионе, где проводились испытания ракеты, агент знал о знаменитой селедке. И с тех пор он стал брать с собой две большие сумки, чтобы наполнить их селедкой и для себя, и для друзей. В сумках всегда оставалось достаточно места и для маленькой части от ракеты.

Приобретение фрагмента от действующей ракеты было столь важным, что в Лэнгли одобрили риск мероприятия по моментальной передаче «через автомобиль» на одной из улиц Москвы. Согласно инструкции агент должен был ждать автомобиль в переулке рядом с перекрестком. Переулок не имел уличного освещения, и встречу наметили на безлунную ночь. Агент нес хозяйственную сумку с фрагментом ракеты, спрятанным под едой, которую он купил на рынке в этот день. По плану агент должен был оставаться на своем месте не более пяти минут.

В назначенный день американец, обычный распорядок дня которого предусматривал вечерние покупки еды и напитков в одной из московских гостиниц, обслуживавших западных бизнесменов, выехал из дома. И, как обычно, наружное наблюдение КГБ появилось позади его автомобиля, придерживаясь вежливого расстояния.

В течение более трех часов американец выполнял свои обычные дела, находясь под наблюдением, следовавшим за ним. После завершающей вечерней выпивки, состоящей в основном из тоника, чем из джина, он отправился домой на небольшой скорости. Наблюдение продолжало следовать за ним в пределах 5 — 10 метров, и американец решил, что этого вполне достаточно для проведения операции. В последующие пять минут движения наблюдение «не закрыло» промежуток при повороте. Очевидно, что «на-ружка» в тот день работала не так активно и не шла «бампер в бампер». Однако сотрудники бригады НН не собирались прекращать слежку. Оба автомобиля ехали на небольшой скорости, и американец увидел, что автомашина

наблюдения отстала достаточно далеко. Это стало главным моментом операции. Если бы он ошибся, агенту был бы подписан смертный приговор.

Во время резкого поворота направо в переулок, который сокращал дорогу домой, автомобиль американца оказался на несколько секунд «закрыт» с обеих сторон трехэтажными зданиями. Бригада НН могла видеть, что тормозные сигналы не мигают. Когда автомашина «наружки» повернула за угол, американец двигался немного медленнее из-заужения дороги и несколько минут спустя припарковал автомобиль у своего дома.

Сводка наружного наблюдения на следующий день, без сомнения, включала все детали предыдущего вечера. Но не было никакого упоминания о стремительной тени, появившейся из темного дверного проема в то самое мгновение, когда автомобиль американца повернул за угол, и старая хозяйственная сумка была передана через открытое окно пассажира.

В это утро Джордж расшифровывал телеграмму, сообщавшую, что дипкурьер отбыл из Москвы со специальной упаковкой. Она весила немного больше, чем нормальный ручной багаж и испускала слабый рыбный запах.

Очерк XXI. Тайники и контейнеры

Глава 80. Важный атрибут разведчика и агента

В популярном советском сериале «17 мгновений весны» курьер Штирлица, профессор Плейшнер, доставляет шифровку советского разведчика в капсуле, которую прячет во рту. В случае опасности маленькую капсулу следовало проглотить, однако профессор не заметил сигнала «цветок» на подоконнике и сам передал секретное сообщение противнику. Так советскому зрителю наглядно показали один из реальных тайников с контейнером для доставки важного агентурного сообщения.

В истории спецслужб тайникам и контейнерам справедливо отведено одно из первых почетных мест. Молодые «Штирлицы» в специальных академиях в обязательном порядке изучают основы правильного выбора и практического изготовления контейнеров, их грамотного оперативного применений для связи со своими будущими агентами. Контейнеры содержат скрытые полости, доступ к которым закрывается специальными замками с особыми секретами. В XX веке для открывания контейнеров, как правило, использовалась последовательность неестественных закручиваний, поворотов, надавливаний, например, особенно популярной была левая резьба. Тайником же считается заранее оговоренное место в городе и сельской местности, где прячется контейнер для агента или оперативного офицера разведки.

Как пишут ветераны ЦРУ в своих мемуарах, в американской разведке контейнеры разделяли на активные и пассивные. Активные имели явную рабочую функцию, как, например, зажигалка, а потом авторучка с микрофотоаппаратом T-100 / 50 для агента ЦРУ Огородника, которым он пользовался для съемки секретных документов в советском посольстве в Боготе и позднее, в Москве, работая в Министерстве иностранных дел.

Пассивный же контейнер, например, статуэтка, не имеет никаких функций, но содержит полость для хранения важных документов. В ЦРУ практиковали доставку шифрблокнотов внутри недорогих сувениров, которые не имели никаких замков, а просто разламывались, чтобы достать вложение. Такие контейнеры назывались одноразовыми; их готовили индивидуально для каждого оперативного офицера и агента.

Контейнер ЦРУ «Камень», захваченный контрразведкой КГБ (из архива Keith Melton Spy Museum)

В разгар холодной войны резидентура ЦРУ в Москве, активно используя контейнеры и тайники, приняла принципиальное решение отказаться от кирпичей и деревянных брусков в качестве «одноразовых», или, как их иногда называли, «бросовых» контейнеров и заменила их на фальшивые полые камни. Американцы справедливо полагали, что практичные москвичи в условиях тогдашнего дефицита стройматериалов наверняка подберут увесистый кусок доски с агентурными материалами внутри, чего допустить было нельзя. И потому Марта Патэрсон, молодой офицер ЦРУ, для закладки тайника на Краснохолмском мосту уже несла «за пазухой» не деревяшку, а большой пластиковый контейнер «камень», состоявший из двух половинок, скрепленных между собой винтами и резиновым kleem.

Контейнеры длительного хранения изготавливались из высокопрочных сплавов с водонепроницаемыми крышками. Как правило, их использовали нелегалы и особо ценные агенты, когда при получении сигнала опасности надо было срочно менять документы и быстро запастись приличной суммой для экстренного побега в другую страну или обратно к себе домой. Один такой тайник, набитый документами и деньгами, аккуратно зарытый в тихом месте, пропал самым банальным образом, поскольку над ним вскоре построили автостраду, начисто преградившую путь к тайнику, за что и поплатился офицер разведки, отвечавший за его сохранность и не сумевший вовремя ознакомиться с планами расширения автодорог.

В Москве, в музее Пограничной службы России можно увидеть дипломатические чемоданы-контейнеры, в которых японцы пытались перевозить ценных для разведки персон, правда, не в совсем комфортных условиях. В 1965 г. египетские спецслужбы захотели тайно вывезти в специальном чемодане из Италии израильского агента Мордехая Лаука, накачав его наркотиками. Агент мог бы задохнуться во время перелета, но жизнь его была спасена из-за опоздания авиарейса и бдительности итальянских таможенников, которые обнаружили стонущего человека, висящего внутри чемодана на специальных ремешках. В период холодной войны западные спецслужбы готовили специальные охлаждаемые коробки и полости автомобилей для тайной транспортировки человека весом до 110 кг и ростом до 2 м. В таких контейнерах человек мог находиться до 8 часов, используя пакеты для мочеиспускания, впитывающие губки, еду, воду, пакеты со льдом, согревающие элементы и вентиляторы. Главным ограничением был запас кислорода для дыхания.

На протяжении всей новейшей истории было модно рыть тоннели, делать подкопы, прятаться и работать в специальных убежищах и скронах. Великолепным примером конспирации, изобретательности и мастерства является подпольная типография большевиков, так и не расшифрованная многочисленными агентами и провокаторами царской полиции. В 1925 г. грузинские коммунисты на свои деньги восстановили типографию в качестве музея, который теперь бережно сохраняется в Москве, на Лесной улице, сотрудниками Государственного музея новейшей истории России от воздействия времени и от активных попыток соседей выбросить «это старье» и открыть здесь наконец-то настоящий и современный городской «шедевр» — бутик, сауну или массажный салон.

Для скрытого фотографирования существовал большой арсенал самых разнообразных контейнеров для установки фотоаппаратуры, от брошек, пряжек и пуговиц пальто до радиоприемников, зоников, книжек и даже термосов с кофе.

Практиковались и стационарные фотоконтейнеры, один из которых, созданный изобретательными сотрудниками 7 Управления КГБ в ящике для цветов на балконе верхнего этажа, позволил заснять тексты секретных документов, старательно снимаемых шпионом Пеньковским на подоконнике у себя дома. Эти фотографии «семерки» стали одними из главных уликовых материалов в деле агента двух разведок.

Особо тщательно пряталась секретная информация при необходимости доставки, для чего

было разработано много самых разнообразных контейнеров с уничтожением. Весьма оригинальный пример показала чехословацкая разведка, сделав контейнер в виде пластикового футляра для мыла. Внутри этой «мыльницы» непроявленная пленка с секретной информацией наматывалась на фотовспышку, которая срабатывала при открывании крышки без ключа-магнита и мгновенно засвечивала фотопленку. Польская разведка помещала внутрь обычной сигареты тонкостенные алюминиевые кассеты для микропленки с информацией, которые можно было уничтожить, закурив сигарету.

Легендарный разведчик-нелегал Рудольф Иванович Абель был вооружен многочисленными контейнерами для хранения и доставки агентурной информации. Самыми известными были открывающиеся монеты, а также запонки и специальные полые внутри гвозди и болты, где он хранил уже известные читателю микроточки. Известно, что в поисках микроточек и тайников с информацией сотрудники ФБР во время ареста Абеля разломали на куски даже его любимую гитару.

КОНТЕЙНЕР «МОНЕТА»

Контейнер «Монета» с полостью для микроточки (из архива Keith Melton Spy Museum)

В 2006 г. ФСБ показала документальный фильм об использовании британской разведкой в Москве «электронного тайника», скрытого в искусственном камне. Внутри размещались приемник, передатчик, компьютер и элементы электропитания. Проходя мимо «камня», агент скрытно передавал свой отчет, используя только клавиа-туру стандартного сотового телефона или другого персонального электронного устройства. Заранее после подготовки сообщения устройство переводилось в режим передачи. Когда агент проходил недалеко от «камня», устройство из кармана агента непрерывно посыпало маломощный радиосигнал. Затем устройство автоматически получало подтверждающий сигнал от «камня» и передавало ему зашифрованную информацию в режиме быстродействия. Если в «камне» находились сообщения для агента, они также автоматически передавались на устройство в его кармане, если агент находился в ближней зоне от «камня».

При видимом удобстве в таком электронном тайнике надо было периодически заряжать аккумуляторы или менять батареи, а также целиком заменять сам «камень» для ремонта, что вынуждало британских дипломатов, как это видно в фильме ФСБ, бродить в темное время суток у обочины дорог, маскируясь под бомжей, собирающих ветки для ночного костра. Можно полагать, что офицеры разведки её величества в дальнейшем смогут уменьшить электронику «камня» до размеров спичечной коробки и даже меньше, но вот блок электропитания при всем

желании должен быть энергоемким и потому достаточно большим, и к тому же вся конструкция должна быть в герметичном, ударопрочном и морозоустойчивом контейнере.

Несмотря на активное наступление цифровых технологий, в тайной деятельности спецслужб трудно себе представить другой способ передачи агенту документов, специальной техники и денег без классического тайника. И потому самые захватывающие литературные эпизоды поимки шпионов описывают засаду контрразведки около места «закладки» тайника в стремлении определить личность агента, который должен этот тайник изъять.

Автору статьи во время тренировочного выезда с «на-ружкой» в конце дня показали бригадира, не по годам украшенного сединой. Оказалось, что бригадир был недавно отмечен правительственной наградой за то, что решился прикрыть картонкой странную фигуру, которую пытался незаметно чертить ботинком на асфальте иностранец, бывший в тот день «дежурным» объектом «наружки». Бригадир как мог убедил руководство организовать скрытое наблюдение за этим местом и затем, когда казалось, что все мыслимые и немыслимые сроки засады уже прошли, картонку как бы невзначай отодвинул скромно одетый «сельский труженик», оказавшийся впоследствии инженером расположенного в провинции оборонного предприятия. А нарисованная иностранцем ботинком на асфальте странная на первый взгляд фигура была меткой-сигналом, означавшим закладку тайника. Дальнейшая активная разработка «труженика» контрразведкой позволила обезвредить агента, снабжившего иностранного разведчика военными секретами СССР.

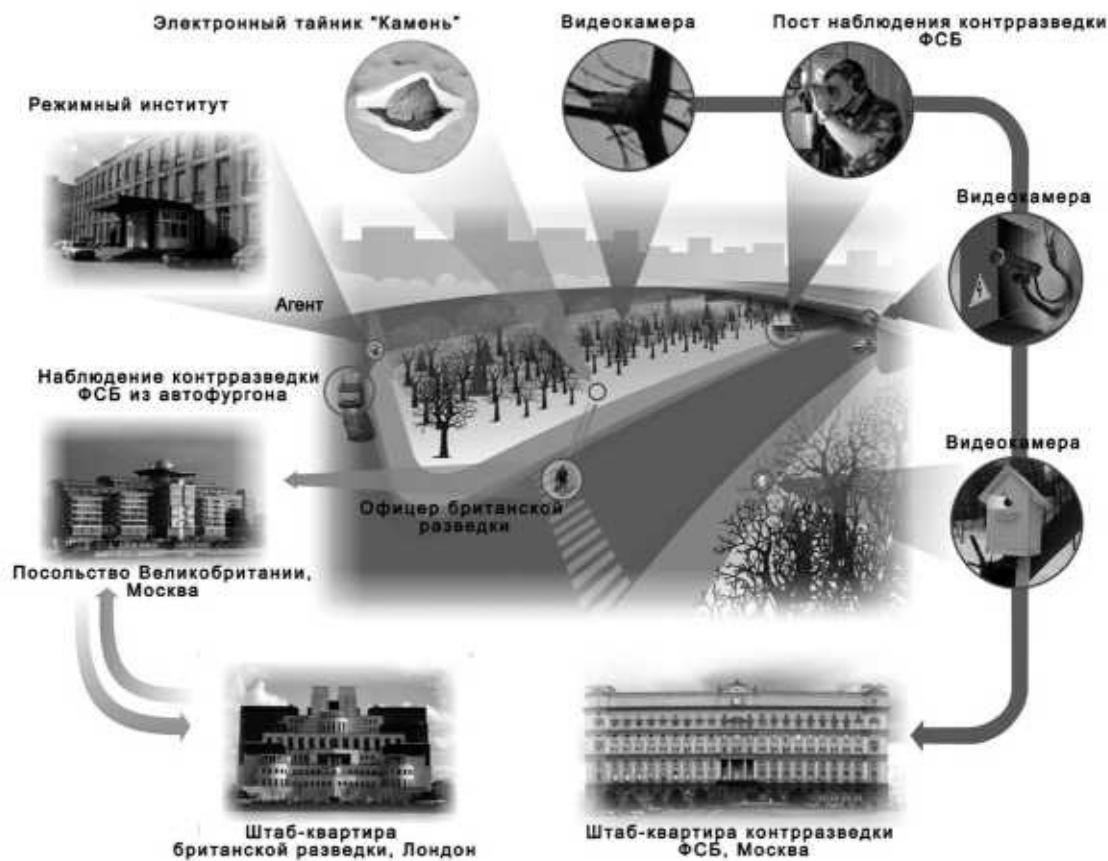

Схема использования и наблюдения за электронным тайником (из архива Keith Melton Spy Museum)

В другом эпизоде холодной войны засада у тайника была не такой удачной. В 1985 г. сотрудник ФБР подобрал пустую банку из-под «Кока-колы», которую оставил на обочине загородного шоссе бывший шифровальщик ВМФ США Джон Уокер, снабживший 17 лет советскую разведку особо секретными документами о военных шифраторах и системах криптографии. Уокер оставил банку в качестве сигнала о закладке тайника для советского

разведчика, которого ФБР планировало взять с поличным в момент изъятия приготовленного агентом пакета с секретными документами. Молодой американский контрразведчик ошибочно принял банку за контейнер Уокера, забрал ее и, удалив тем самым сигнал о готовности тайника, спас от захвата советского сотрудника, который не увидел банку-сигнал на положенном месте и вернулся обратно в резидентуру.

Остается пожелать будущим сотрудникам российской разведки и контрразведки наблюдательности, терпения и старательности, находчивости и разумной инициативы, и «госпожа удача» будет на вашей стороне.

Очерк XXII. Кто, где и как «разводит жучки» (часть первая)

Глава 81. Когда мероприятие идет не по плану...

Шпионы и контрразведчики, работая друг против друга, постоянно находятся в состоянии известной игры кошки с мышкой. Контрразведка, как большая и опытная кошка, делает сонный вид, показывая всем, как приятно ей дремать с закрытыми глазами. На самом деле контрразведка круглосуточно караулит крохотного по сравнению со своими возможностями и силой шпиона-мышку около любимой и безопасной норки, расположенной, как правило, в здании посольства, торгпредства или консульства. Когда, куда и с каким заданием выскочит шпион? Эти вопросы всё время мучают контрразведку, заставляя быть начеку и не давая ей расслабиться. Ну а, чтобы не свихнуться от постоянного напряжения и не «ломать» глаза от непрерывной визуальной слежки, спецслужбы давно и активно используют технические средства, которые прячут в бытовые предметы-камуфляжи, пытаясь окружить шпиона со всех сторон.

В официальных документах это называется «сбор акустической и визуальной информации о действиях и образе жизни объекта разработки», для чего всё пространство вокруг мышки-шпиона контролируются разнообразной специальной техникой, ласково названной в народе «жучками».

Для возможно неискушенного читателя надо уточнить, что «жучками» могут быть не только микрофоны под плинтусом или в телефоне. История тайной электронной борьбы в годы холодной войны имеет массу примеров «разведения жучков» в самых неожиданных местах, от ботинок посла великой державы перед секретным совещанием до целых зданий, построенных из смеси бетона с невероятным количеством радиоэлектронных, оптических и сейсмических систем, а иногда и химических спецсредств, медленно проделывающих дырки в бетоне для маленького, но опасного «жучка». Практически в каждом таком примере происходит большое количество как драматических, так и курьезных моментов, стоивших исполнителям не только наград, но и здоровья, сломанной карьеры, а иногда и семейного благополучия.

Техник устанавливает «жучок»(из архива Keith Melton Spy Museum)

О тех, кто «разводит жучки», тайно внедряя их в заранее выбранные предметы, написано мало, хотя работа и непростая жизнь оперативно-технических сотрудников достойна страниц

детективных романов и телесериалов. Но в центр внимания, как правило, технарь не пускают, выставляя на первый план провалившихся героев-разведчиков или мускулистых сотрудников контрразведки, поймавших за руку очередного шпиона около одной из аккуратно расставленных приманок. Однако перейдем к фактам.

Во время кубинского ракетного кризиса техник ЦРУ, работавший в Центральной Америке, выступил с амбициозной программой проникновения в советское посольство. Узнав, что русские пользовались одной и той же мастерской для ремонта пишущих машинок, оперативный офицер по его наводке завербовал владельца этого сервиса. Первую же поступившую в ремонт машинку «одолжил» техник, который разобрал ее и вставил в валик радиопередатчик. Ождалось, что по возвращении машинки устройство будет передавать секретные разговоры около машинки, а техники в это время будут анализировать стрекот клавиш в надежде получить буквы или даже слова.

Наблюдение подтвердило, что советский дипломат забрал машинку и отвез ее в посольство. План осуществлялся, и через некоторое время, отпущенное для возвращения машинки на рабочее место, техник послал радиосигнал на включение закладки и... ничего не услышал.

На следующее утро офицер ЦРУ, наблюдавший за входом в советское посольство, увидел выходящего сотрудника, который нес машинку высоко над головой. С театральной экстравагантностью он выбросил предательскую машинку в мусор. По какой-то неизвестной причине «жучок» был выявлен, и операция провалилась, но американцы сделали полезный вывод о повышении уровня безопасности. После этого инцидента оперативным офицерам ЦРУ было запрещено пользоваться пишущими машинками, и все документы теперь делались «от руки».

Следующая историю относится к 1963 г., когда резидентура ЦРУ начала мероприятие в жилом помещении советского комплекса, в то время когда интересующий американскую разведку советский дипломат был вне города. Оперативный план предусматривал установку микрофонов в бетонную стену здания, но, когда бригада ОТС начала сверлить стену, они обнаружили, что их сверла не подходят для такой задачи, к тому же, они создавали много шума. Техники решили смазывать сверла и на следующий день послали помогавшего им оперативнику на военный склад, чтобы купить несколько литров кулинарного жира.

После наступления темноты техники вновь принялись за работу, многократно опуская сверло в жир. Все были довольны низким уровнем шума, но по мере сверления металл стал нагревать и жир. И скоро в плохо проветренном доме стало пахнуть жареной едой, что могло полностью расшифровать мероприятие, если бы жильцы неожиданно возвратились домой.

В то время как одни специалисты бригады возились со стеной, два других прокладывали микрофонные кабели через великолепный сад дипломата и делали небольшие изменения на лужайке, ведущей к соседнему зданию контрольного поста. Работая в темноте под лунным светом, техники ножами отрыли неглубокую траншею. Это была утомительная работа. Мало того, что они должны были работать на открытой со всех сторон широкой лужайке и среди клумб в темноте, они также должны были тщательно убирать любую грязь на траве и заменить каждую часть дёрна или цветка, где проходила их канава для кабеля. Двигаясь по-черепашьи, техники провели несколько ночей, убирая любые признаки их работы на лужайке.

Один из сотрудников бригады вспоминал: «Там был очень добросовестный садовник, который тщательно заботился об озеленении. Мы установили наблюдательный пост, откуда было круглосуточно виден дом, если дипломат возвратился бы слишком рано или вдруг появились посетители. И тут мы начали замечать, что каждое утро, когда садовник приезжал на работу, он направлялся к клумбе, где мы работали, смотрел на нее, вздыхал и качал головой».

Среди сотрудников бригады возникала паника, которая передалась и руководителю

операции. «А вдруг садовник заметил траншею и ждёт, когда дипломат возвратится, чтобы сообщить ему об этом?» Восстановленный техниками газон выглядел безупречно, но, возможно, профессиональный садовник отметил что-то или увидел следы узкой канавки, которую они вырыли для кабеля. Каждый день садовник встревожено осматривал свои клумбы, но воздерживался от работы лопатой в траве. В конце концов, офицер-оперативник, отвечавший за мероприятие, решил, что единственный способ — это попытаться привлечь к операции садовника, так как он явно что-то заметил.

План сработал. После того, как садовник согласился на тайное сотрудничество с ЦРУ, он сам вздохнул с облегчением. Оказалось, что каждое утро в течение недели он приезжал на работу и видел, что красный цветок был на месте желтого, а вокруг вдруг появились синие цветы. Всё стало ясно: из-за темноты техники не разглядели цвета растений, которые они повторно сажали после рытья канавки, и неосторожно переставили их местами. Уверенный теперь, что он не свихнулся, садовник сохранил тайну, и операция по установке спецтехники завершилась.

Глава 82. Где этот чертов тройник?

Другой полный драматизма пример: как-то ЦРУ узнало о советском чиновнике, недавно приехавшем в страну и поселившемся в жилом комплексе. Местное подразделение контрразведки следило за чиновником в течение нескольких недель, и затем резидент ЦРУ решил организовать прослушивание чиновника с использованием недавно полученного радиопередатчика внутри обычного тройника. Когда тройник вставлялся в стенную розетку, радиопередатчик получал электропитание от электросети. Резидентура подготовила предложения о проведении мероприятия подслушивания и отправила их в Лэнгли, штаб-квартиру ЦРУ.

Прошла неделя, но штаб-квартира все не отвечала на предложение оперативников. Резидент забеспокоился, поскольку в городе находилась бригада опытных оперативно-технических сотрудников, готовая к проведению мероприятия. Был подготовлен детальный план, в котором учитывался распорядок дня чиновника и его нахождение в квартире, а также устоявшееся время ухода из квартиры и возвращения с работы. Все было точно расписано по минутам; период для установки спецтехники попадал на определенную дату и время, однако санкции из Лэнгли все не поступали. «Если сегодня к восьми вечера ничего не получим, начинайте операцию», — бодро сказал резидент бригадиру техников.

Согласно плану, команда из двух техников должна была пройти в жилой комплекс. Один контролировал бы лифт, удерживая его на этаже квартиры чиновника и осуществляя контрнаблюдение. Другой техник, пользуясь дубликатом ключа, вошел бы в квартиру и вставил тройник с «жучком» в розетку под кроватью. Затем бы он вышел, запер квартиру, присоединился к коллеге у лифта, и вместе с ним покинул здание. На всю операцию ушло бы не более пяти минут.

Радиозакладка в сетевом тройнике (из архива Keith Melton Spy Museum)

В восемь часов, так и не получив ответа из штаб-квартиры, операция началась. Техники углубились в работу, когда в 8.15 офицер связи принес резиденту телеграмму с грифом «к немедленному исполнению». Послание, содержавшее извинения по поводу задержки с ответом, не оставляло места для сомнений: операция не одобряется.

Покидая жилой комплекс, техники получили сигнал немедленно связаться с шефом. При встрече резидент передал им сообщение штаб-квартиры с отрицательной реакцией.

«Ну, слишком поздно, — ответил старший техник. — Вообще-то мы его уже слушаем. Он вернулся домой сразу после нас, почистил зубы и отправился спать». На следующее утро «жучок» исправно передавал обычную информацию о том, как чиновник готовится к предстоявшему дню, но в полдень передача неожиданно прекратилась.

Резидент был в недоумении. Он подтвердил получение приказа штаб-квартиры, но не доложил руководству о том, что уже произошло, следя старому правилу поведения оперативников «не выносить сор из избы». Резидент приказал техникам вернуться в квартиру и извлечь тройник. Был осуществлен второй заход в квартиру чиновника, на этот раз без информирования штаб-квартиры и без одобрения. Очутившись в квартире, техник заглянул под кровать, но тройника в розетке не было. Он быстро осмотрел все розетки в квартире, но тройника не нашел.

Для резидента, как и для техников, ситуация была хуже некуда. Они не только провели две запрещенные операции, но и потеряли «жучок» вместе с его камуфляжем. По всему было похоже, что спецустроство было не просто утрачено, но, возможно, попало в руки к русским.

На следующий день бригада техников встретились с переводчиком на посту контроля, который был оборудован в небольшой комнате в том же здании, где была квартира объекта. Теперь пост нужно было тихо прикрыть, а переводчика отправить в резидентуру. Когда бригадир начал тихо «плакаться» об утраченном передатчике и ситуации, в которой оказался резидент, он заметил, что один из магнитофонов поста подключен к сети знакомым на вид тройником. «Откуда у тебя этот тройник?» — спросил бригадир. «Я попросил служанку, и она достала его мне», — ответил слегка озадаченный переводчик. Девушка, которая обслуживала комнату поста прослушивания, убиралась еще и в квартире советского чиновника. Пару дней назад она отодвинула кровать, чтобы пропылесосить комнату, и увидела тройник. Решив, что он не используется, она положила его в свой карман. Позднее, когда переводчик во время уборки поста попросил у служанки тройник для магнитофона и радиоприемника, у нее как раз оказался один под рукой.

Бригадир тут же позвонил резиденту, который предложил всем собраться у него на ланч и по три «Мартини» каждому. Когда подняли первые рюмки, шеф предложил тост: «Запомните: ищи — и ты найдешь. Загляните в "Евангелие от Матфея", глава седьмая...»

Тщательно продуманные и отрепетированные планы не всегда осуществлялись гладко, а некоторые мероприятия становились просто жертвами неудач, попадая в категорию «технический успех, но оперативный провал». Типичным примером служит история, когда советский посол в одной из европейских столиц заказал для своей квартиры обычный стол. ЦРУ просыпало о заказе и завербовало мебельщика, который согласился на то, чтобы техники могли установить «жучок» в стол посла. Успех операции не внушал никаких сомнений, когда офицеры ЦРУ наблюдали из безопасного места, как бережно стол поднимали по ступенькам резиденции посла. Техник и оперативник обменивались улыбками и рукопожатиями. Но прежде чем они успели налить что-то для победного тоста, опять появились грузчики. На этот раз они вынесли стол из резиденции и, аккуратно прошагав по ступеням, погрузили его в грузовик. Вечером, когда оперативники вместе с мебельщиком осматривала вернувшийся стол, они узнали конец истории. Грузчики доложили, что, когда посол увидел стол, он был крайне удивлен тем, что столешница была изготовлена из огнеупорного пластика. «Некультурно», — пробормотал он, отказался от поставки и приказал убрать стол из дома.

Глава 83. Как можно выстрелить «жучком» по врагу

В 1960-е гг. ОТС ЦРУ проводила эксперименты со множеством экзотических систем акустического контроля. Так, например, советские дипломаты в одной центрально-американской столице были вынуждены часто собираться во внутреннем дворике посольства по наиболее важным делам, не рискуя обсуждать эти вопросы внутри здания из-за опасения подслушивания. Внутренний дворик, окруженный забором, однако, не охранялся, и сотрудники ЦРУ заметили одну скамейку, которая была особенно популярной для обсуждения важных, интересных тем для советских дипломатов. Рядом со скамьей было большое тенистое дерево. У сотрудников резидентуры ЦРУ не было никаких оперативных возможностей доступа к скамье, и потому было решено разработать средство прослушивания бесед, которые происходили вокруг скамьи. Открытое ограждение советского посольства натолкнуло на мысль выстрелить в дерево над скамьей специальной пулей, содержащей микрофон и радиопередатчик.

Для разработки радиомикрофона в пулье требовалось создание специального акустического радиоустройства, достаточно маленького, чтобы вписаться в пулью для секретной стрельбы в дерево, а также разработать радиоэлектронные компоненты, способные сохранить работоспособность после воздействия скорости выстрела и удара, чтобы «загнать» радиомикрофон в дерево и, конечно же, избежать обнаружения.

Инженер ОТС ЦРУ связался с президентом и руководителем научно-исследовательского сектора ведущей американской компании слуховых аппаратов, чтобы заказать микрофон, достаточно маленький, чтобы разместить его в пулье калибра 0.45 и, конечно, надежный, чтобы функционировать после удара о дерево. Проблема небольшого размера микрофона оказалась вполне разрешимой, но никто в компании не представлял последствий удара. По мере обсуждения всех аспектов этого необычного проекта проблемы, которые надо было решить, начинали разрастаться. В какой-то момент показалось, что у этой идеи нет никакого будущего, пока сам президент внезапно не решил: «Хорошо, для нас это действительно хороший вызов, и давайте-ка это сделаем». Была сформирована команда инженеров, чтобы создать единственный в своем роде микрофон без производственных маркировок и фирменных надписей.

Одновременно после получения подтверждения заказа от частной компании, специализирующейся на изготовлении микропередатчиков, в ОТС начали проводить свои анализы и оценки. Через 3 месяца был получен радиопередатчик на 400 МГц с батарейкой и микрофоном, достаточно маленьким, чтобы уместиться в пулье чуть больше, чем калибр 0,45. Срок службы аккумулятора зависел от его размеров, но подходящий работал менее одного дня.

Антенной служил простой провод, который был с тыльной стороны пули после вылета её из ствола, однако провод создавал вибрацию пули в полете, что могло снизить возможности точного прицела. Инженеры ОТС определили, что, регулируя длину антенны, можно управлять полетом пули, в том числе и задавая угол попадания, но не снижая качество радиосвязи с контрольным постом.

Испытательным оружием послужила старинная винтовка Первой мировой войны. Винтовку долго отлаживали и юстировали, чтобы добиться достаточной точности и скорости. Испытания проводили на мишениях из листов фанеры, скрепленных вместе, толщиной в 7,5 см в заброшенной каменоломне около Балтимора, штат Мэриленд.

В целях безопасности, поскольку использовалось старое оружие и нетрадиционные боеприпасы, инженеры прикрепили винтовку к столу, защищенному мешками с песком, и приспособили шнур к спусковому механизму для стрельбы. После нескольких испытательных выстрелов винтовка не развалилась, и наиболее храбрый офицер решился стрелять от плеча.

Повторные выстрелы дали возможность подсчитать правильное количество пороха, которое должно ограничить проникновение пули не более 5 см — максимальная глубина, на которой могли работать микрофоны и радиопередатчик.

Винтовка армии США образца 1903 г (из архива Keith Melton Spy Museum)

Инженеры подобрали глушитель для снижения шума, а также сделали специальный 200-литровый стальной барабан, заполненный акустическими перегородками для снижения звука выстрела. Оба конца барабана были срезаны; центр барабана был освобожден для наведения оружия на цель. Когда эта система была испытана, шум выстрела был значительно уменьшен до глухого басовитого удара. Однако эта система была всё ещё слишком шумной для оперативного использования, но тут пришла идея использовать два громких мотоцикла, которые будут заводить в точно назначенное время для маскировки звука выстрела для тех, кто мог находиться недалеко в пределах слышимости.

После первого тестирования все компоненты радиопередатчика и батареи оказались надежными и сохранили рабочие параметры. Для микрофонов потребовалось несколько регулировок, отчасти потому, что микрофоны были разработаны совсем не для ударов, а чтобы противостоять незначительным механическим воздействиям, гораздо более слабым, чем удар пули. В конечном счете и микрофоны, и другие компоненты оказались способными выдержать скорость пули около 800 км в час на расстоянии до 45 м. Испытанные микрофоны передавали звуки портативного радиоприемника, установленного рядом с фанерной мишенью, и передали качественный радиосигнал до 75 м.

На следующих этапах испытаний «звуковые пули» были запущены уже в живые деревья, чтобы смоделировать оперативный сценарий. После выстрела в дерево два человека поблизости вели беседу с нормальным уровнем громкости. Однако качество передачи речи в этом случае было хуже, чем тесты с фанерными мишениями. Анализ не показал дефектов электроники устройства, но живое дерево оказалось отличным от фанеры. Волокна дерева после повреждения пулей превращались в конусы, подобные элементам «безэховой камеры», поглощавшей звуки.

Дополнительный анализ показал, что, если корпус радиопередатчика был бы со складками, возможно усиление звука. В свою очередь, это потребовало большей по размеру пули, увеличения уровня шума выстрела и, в конце концов, модернизации самого ружья. Оказалось также, что отверстие в дереве будет большим и более заметным. В конце концов, руководство ЦРУ подсчитало, что потенциальная ценность информации не оправдывает стоимости времени и денег технического подразделения Лэнгли для дальнейшего продолжения этого проекта, и «радиозакладка в пуле» так и не была реализована.

Однако неудача этого проекта имела свои положительные результаты: были созданы очень маленькие микрофоны, которые могли противостоять механическому воздействию и нагреванию. Это новое поколение микрофонов могло вынести грубую обработку, позволяло установку их в практически любой влажной или сухой среде, а также имело крайне малые показатели отказов независимо от того, где они были установлены. Усилиями коммерческих фирм, проводивших исследования по контрактам, были созданы противоударные микрофоны,

которые не уступали размерам слуховых аппаратов при улучшенных микрофонных характеристиках в условиях различных температур и высокой влажности окружающей среды.

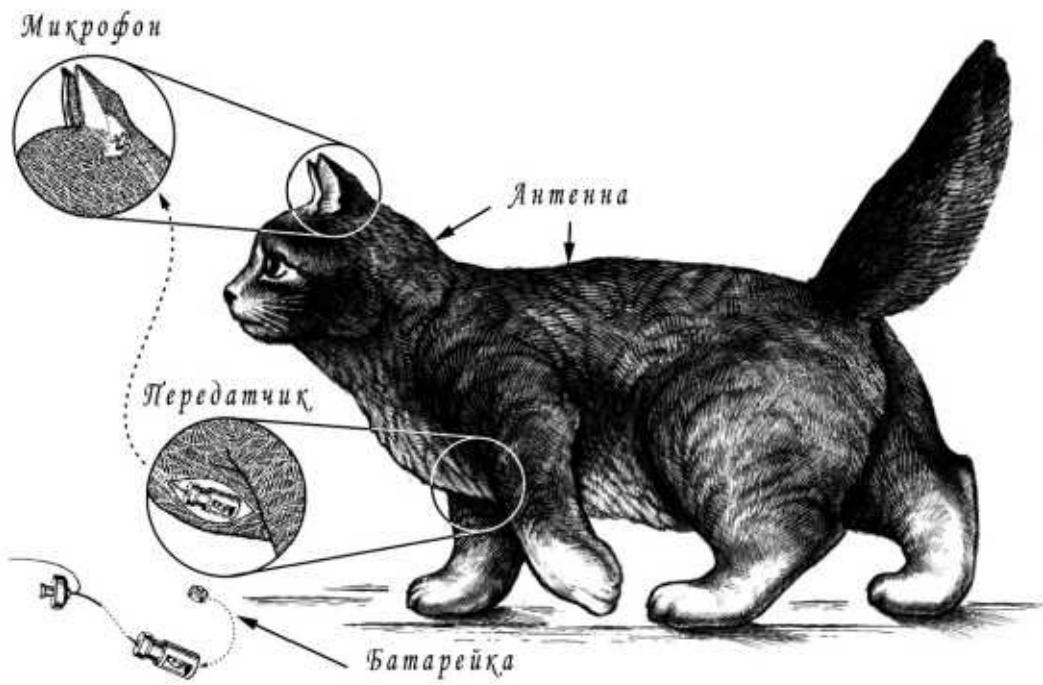
Глава 84. Любят ли кошки микрофоны?

Кроме бытовых предметов, в ЦРУ рассматривались и животные на главные роли в поисках того, чтобы доказать возможность «поражения» любой цели в интересах разведки. Во время частных встреч руководства ЦРУ с азиатским лидером и его помощниками были замечены постоянно блуждающие кошки в разных местах. Дикие кошки были распространены в этой стране, и никто не обращал на них внимание. Никто уже не помнит, откуда пришла идея «акустического котенка», от руководителя операции или от офицера ОТС, память этого не сохранила, но сама идея стала основой научно-исследовательской работы, которая была потом предметом насмешек и обвинений.

Фактически проект «акустического котенка» содержал как элементы жестокости, так и идею изменения видов — создание особых существ, как в фильмах ужасов. С самого начала этого проекта, начатого совместно ОТС с подразделением научных исследований ЦРУ, инженеры почувствовали, что это шаг в довольно рискованную сферу. В то время имплантация электроники внутрь живых существ не была такой обычной процедурой, как в настоящее время.

Идея внедрения должна быть реализована так, чтобы не затронуть ни одно из естественных движений кошки, и при этом кошка не должна была испытать какое-либо раздражение или чувствовать присутствие спецустройства, чтобы это не принуждало кошку теряться этими местами или хватать зубами компоненты и нарушать их работу. А компоненты этой необычной системы акустического контроля включали бы в себя источник электропитания, радиопередатчик, микрофон и антенну.

Работая с главным поставщиком акустического оборудования, ОТС изготовила три радиопередатчика для вложения в основание черепа кошки, где имеется свободная складка кожи, обеспечивающая естественный карман. Внедрение радиопередатчика оказалось удачным, поскольку устройство было упаковано в специальный контейнер для противостояния температуре, жидкостям, химии и влажности тела. Размещение микрофона оказалось более трудной проблемой, так как кожа, богатая кровеносными сосудами, экранирует радиоизлучение. В конечном счете наиболее предпочтительным местом оказался ушной канал. Антenna из тончайшего провода была защищена в длинный мех кошки и присоединена к передатчику. Размер кошки позволял размещать только небольшие батарейки, что ограничивало количество часов работы радиопередатчика.

Радиозакладка внутри кошки (из архива Keith Melton Spy Museum)

Для определения работоспособности всех отдельных компонентов и поиска самых эффективных мест размещения проводились исследования, сначала на макетах, а затем и на живой кошке. Фиксирование и документирование реакций кошек на инородные тела, на возбуждающие предметы позволили в конечном счете создать интегрированную акустическую систему, подходящую для генеральной репетиции. Чиновники ЦРУ уделяли внимание гуманистическим аспектам обработки животных и понимали потенциальную опасность отрицательной реакции в случае публичной огласки этой деятельности. После того как все факторы «за» и «против» были взвешены и соотнесены к ожидаемым оперативным результатам, техники получили разрешение двигаться дальше.

Небольшая группа зрителей окружала ветеринара, который провел многочасовую операцию на взрослой серебристой кошке, находящейся под наркозом, в чистой, ярко освещенной операционной комнате больницы для животных. Главный инженер-акустик, увидав первый надрез и следы крови, попросил стул, чтобы присесть. Других осложнений не возникло, и после того как кошка пробудилась после наркоза, она была помещена в реанимацию для дальнейшего тестирования. Акустическая радиосистема работала и давала устойчивый сигнал. Однако контроль движений кошки, несмотря на предварительное её обучение, оказался настолько непоследовательным, что оперативная полезность вдруг стала сомнительной. За последующие несколько недель с «акустическим котенком» провели репетиции нескольких оперативных планов, но результаты нельзя было улучшить.

«Акустический котенок» показал, что радиозакладка может быть внедрена в животных безо всяких повреждений и дискомфорта. Экспериментальные животные могли перемещаться на короткие расстояния около местоположения людей в известном месте. Однако вне экспериментальной лаборатории у «акустического котенка» работал свой собственный ум. И в конечном счете внедрение «акустического котенка» в иностранную окружающую среду, в которой установщик не имел бы уверенного контроля за животным, было оценено как непрактичное, и проект был закрыт.

Рассказанные выше истории показывают, что утвержденный Центром детальный план внедрения техники подслушивания редко выполняется на практике также последовательно, как на бумаге. И потому оперативно-техническим сотрудникам часто приходиться импровизировать

и находить оптимальные решения при дефиците времени.

Очерк XXIII. Кто, где и как «разводит жучки» (часть вторая)

Глава 85. Как дядя Джо обманул КГБ

В начале 1980 г. после ввода советских войск в Афганистан Запад обрушил на СССР всю силу своих политических, экономических и пропагандистских ударов. Не остались в стороне и диаспоры, в первую очередь исламские, проводившие ежедневные пикеты и осады советских учреждений за рубежом. Тогда МИД СССР разослал указания готовиться к нападениям экстремистов. Москва велела обеспечить безопасность советских граждан, проверить и укрепить защиту зданий посольств и резиденций, а также связаться с руководством местных спецслужб для помощи в случае прямой атаки экстремистов.

Было также указано на срочный ремонт старых и установку дополнительных телекамер для видеозаписи ожидаемых провокаций и действий полиции. Оперативно-технические сотрудники резидентур КГБ срочно проверили надежность ограждений, оконных решеток, входных дверей и попытались своими силами укрепить окна и проходы деревянными щитами и задвижками из бруса. Мужчинам-дипломатам и техническим работникам посольств даже раздали куски арматуры с ручками из изоленты, но такое средство защиты выглядело, конечно же, как символическое и не придавало владельцам уверенности в его эффективности.

В один из таких тревожных и полных суэты дней в здание одного из советских представительств в США прибыл сотрудник ФБР, официально отвечавший за его безопасность. Вместе с советским офицером безопасности они ещё раз осмотрели все подходы к зданию, наспех укрепленные двери и окна и даже покрутили ручки видеомониторов. Представитель ФБР назвал точное время и дату предполагаемой демонстрации обучавшихся в местном университете иранских студентов, которая могла перейти в прямое нападение и захват советского здания.

Однако сотрудник ФБР пообещал предоставить защиту силами специальной полиции. В числе советов, как себя вести перед разъяренной толпой, рвущейся внутрь, американский сотрудник, оказавшийся бывшим учителем, после осмотра дубинок из арматуры велел держаться тихо, скромно, но с достоинством, что должно быть обязательно зафиксировано видеокамерами для последующих разборок действий атакующей и обороняющейся сторон типа кто, кого и как был на самом деле.

К слову сказать, старенькие видеокамеры «Sanyo», которые использовались в советском представительстве, работали на пределе своих возможностей, и теперь представился подходящий повод для их замены, не выпрашивая денег у МИДа, как было раньше. Отвечавший за это дело молодой сотрудник ОТ, недолго думая, позвонил в представительство «Sanyo» и попросил Джо, своего знакомого-менеджера, срочно привезти новые видеокамеры. До иранского митинга остался всего день, и в свою просьбу молодой офицер КГБ вложил несколько сдержанных криков о помощи, используя весь словарный запас английского языка. «Фирмач» ответил бодрым и уверенным о'кей, вспоминая «Столичную» в качестве советского подарка ко всем империалистическим и коммунистическим праздникам.

Но через два часа голос Джо уже не был таким уверенным. Оказалось, что для советского друга видеокамер «Sanyo» на складе нет, и придется ждать две недели до следующей поставки. При этих словах сердце молодого чекиста замерло, а душа стала медленно сползать в сторону пяток. Но добрый дядя Джо (так его называл маленький сын офицера КГБ) одной фразой восстановил душевное состояние советского сотрудника, предложив взамен имеющиеся на складе видеокамеры RCA американского производства. На слабое возражение по части разъемов и типа крепления Джо заверил, что камеры RCA идентичны стандартам «Sanyo», что даёт возможность советским друзьям мгновенно поставить их на имевшиеся кронштейны и сразу подключить к охранной видеосистеме.

Видеокамеры около главного входа в представительство (из архива Keith Melton Spy Museum)

В конце дня новые камеры были доставлены и установлены вокруг главного входа лично счастливым офицером КГБ, за всеми действиями которого наблюдало несколько сотрудников американской «наружки», круглосуточно дежуривших в автомашинах, припаркованных на соседних улицах. На эти всем примелькавшиеся автомашины ФБР уже никто не обращал внимания: все советские сотрудники на своих рабочих местах готовились к отражению возможной атаки иранских студентов. Дипломаты яростно строчили ответы на бесконечные запросы Москвы, а все свободные сотрудники во главе с ошалевшим от свалившихся на него забот офицером безопасности раскатывали пожарные шланги и готовили огнетушители для достойного советского отпора исламскому экстремизму.

В день «Х» первыми прибыли полицейские, экипированные не хуже современного российского ОМОНа, и грудью встали на защиту фасадной стороны здания консульства. Через несколько часов маленькая уочка перед зданием уже была блокирована молодыми иранцами числом около нескольких сотен, яростно выкрикивающими непонятные лозунги, обращенные то к невозмутимым полицейским, то в сторону советского представительства, а иногда друг к другу. Закончив словесную атаку, митингующие колонны стали быстрым шагомходить вокруг здания, выкрикивая лозунги уже по-английски, что стало понятным высывающим на тротуар жителям соседних домов.

Через несколько часов студенты устали и потихоньку разошлись по своим делам. «Тerrorистическая атака была сорвана и не удалась», — так рапортовал в Центр коллектив представительства, у которого несмотря на возражения отобрали арматуру, брандспойты и огнетушители. А стойких полицейских пригласили, как водится, внутрь здания на небольшой фуршет, чтобы отблагодарить стражей порядка, а самим дипломатам снять напряжение последних дней.

Когда все страсти улеглись, а работа представительства вернулась в обычную колею, сотрудник ОТ вновь оказался в состоянии транса. Причиной был офицер-пограничник охраны

консульства, живший в городе, который утром по дороге на работу, проходя мимо одной из автомашин «наружки» (которые, кстати, уже давно стали привычными элементами пейзажа), заметил внутри автомашины небольшой телевизор. Но не это шокировало пограничника и офицера ОТ: маленькие переносные телевизоры ужеочно вошли в американский быт и даже бездомные и нищие часто сидели на улицах с ними в обнимку. На экране телевизора в автомашине «наружки» была точно такая же картинка, как и на мониторах системы охранного видеонаблюдения!

Этот невероятный феномен был предметом долгих разборок, переходящих в яростные споры в резидентуре КГБ. Все технические специалисты сошлись на том, что «наши камеры получат» в эфир какой-то сигнал, который сотрудники ФБР могли принимать на свои автомобильные телевизоры. В довершение всего «добрый дядя Джо» из фирмы «Sanyo» в приватной беседе с офицером КГБ за рюмкой «Столичной» (знак благодарности за помощь с камерами) проговорился чекисту о визите сотрудников ФБР и деликатном допросе о видеокамерах, которые американские контрразведчики показывали на фотографиях советского здания.

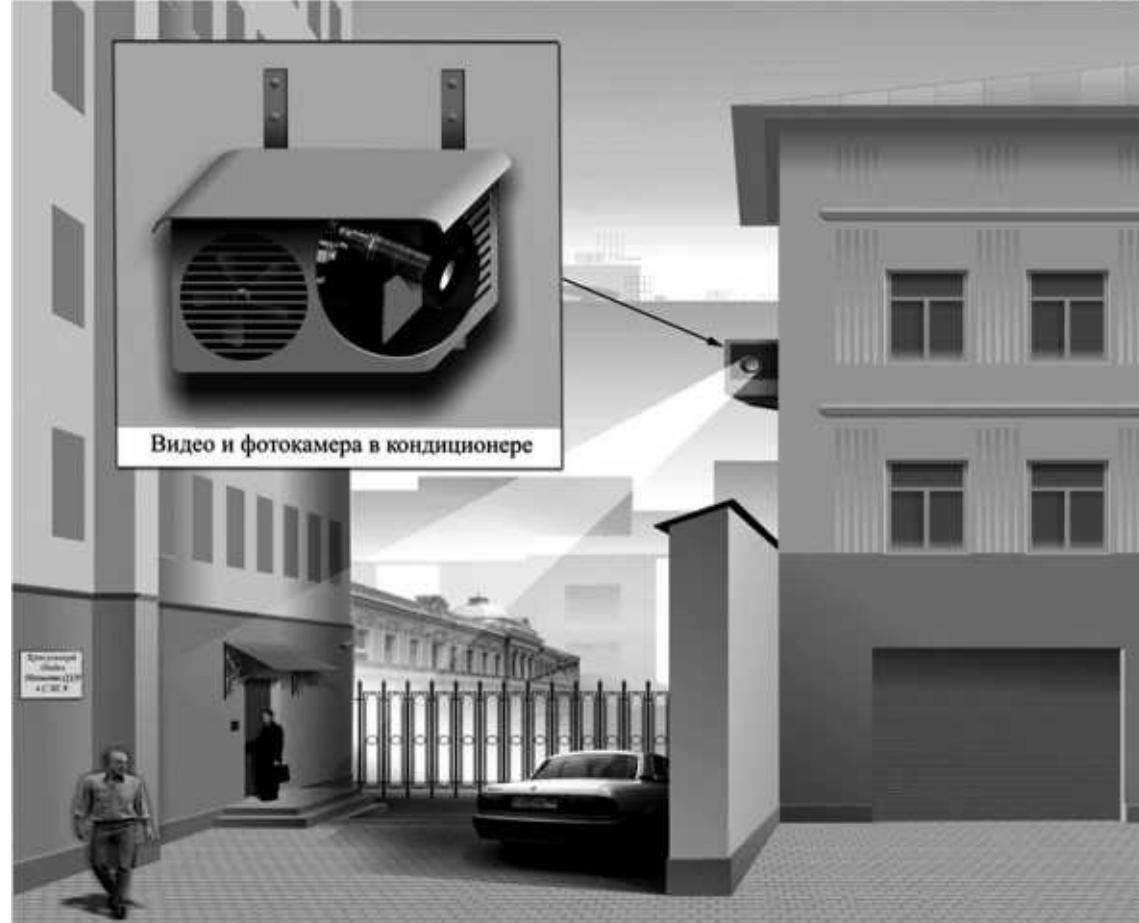
Видеокамера RCA с передатчиком и антенной (из архива Keith Melton Spy Museum)

Всё сошлось, как в пазле, когда в одной из новых камер RCA был обнаружен небольшой «жучок» — маленький радиопередатчик, размером чуть толще пластинки жевательной резинки, помещенный в черный металлический корпус (без какой-либо маркировки), от которого вился тонкий проводок-антенна, грубо приклейенный в углах внутренней части кожуха камеры. С первого взгляда было ясно, что камеру снабдили «жучком» наспех, чтобы успеть воспользоваться суматохой в советском представительстве и аккуратно «подставить» новую с передатчиком внутри. Вероятнее всего, ФБР рассчитывало на установку новых камер RCA внутри здания в представительской части, где советские дипломаты принимали посетителей, иногда с весьма заманчивыми предложениями купить пачку секретной информации или свежий комплект чертежей новой американской ракеты, подводной лодки и пр.

Как впоследствии оказалось, в Москве уже знали о камерах RCA с «жучками», о которых ранее сообщило советским друзьям Министерство государственной безопасности одной из стран Варшавского договора. Однако соответствующая ориентировка МИДа по каким-то причинам не была заранее направлена в советское представительство. Бывало и такое...

В другой раз оказалось, что «жучки разводятся» не только в камерах, но и под жуткими сквозняками холодных кондиционеров. И действительно, имелся и такой «жучок», который уже порядком всем надоел своим нахальным видом, а главное — местом своего «залегания». Советское представительство располагалось в районе с мягким климатом и постоянными ветрами, из-за чего здесь не было ни жары, ни холода. По этой причине оконные кондиционеры были большой редкостью не только в кварталах, где располагалось советское здание, но и вообще в самом городе. На этом фоне, как бельмо в глазу, резко выделялся единственный кондиционер, смотревший из окна соседнего дома на входную дверь для посетителей советского

представительства. В ночное время, когда зажигалось внешнее освещение советского здания, внутри кондиционера появлялся яркий отблеск огромного телеобъектива специальной видео- и фотокамеры, с помощью которой ФБР наверняка фиксировало всех гостей и друзей СССР. Такой огромных размеров «жучок» вызывал охотничий азарт у офице-ров-пограничников охраны, из которых самые отчаянные постоянно предлагали метким выстрелом из «Макарова» сразить «жучка» наповал. Но вышло совсем наоборот: американцы из пневматического ружья регулярно разбивали мешавший им советский уличный фонарь, который в ночное время «засвечивал» мощный телеобъектив, не давая тем самым фотографироватьочных посетителей из числа авантюристов, собирающихся подарить (или продать) советским братьям секреты своего родного американского «почтового ящика».

Кондиционер напротив входа в визовую секцию (из архива Keith Melton Spy Museum)

Этот «жучок» в деревянном кондиционере, возможно, так и стоит на страже у входной двери уже в российское здание, напоминая о том, что контрразведка не дремлет...

Глава 86. «Жучок» внутри стекла — это уж слишком...

Но, как пел кумир КГБ Владимир Высоцкий: «Ну, а действительность ещё ужасней.» Оказывается, «жучки» можно запустить даже внутрь оконного стекла! Ученые ЦРУ придумали, как улучшить классический лазерный съем информации с окон, для чего внутрь стекла установили крохотную, в несколько микрон, призму. С её помощью чувствительность подслушивания «через стекло» увеличивалась на порядки. Кроме того, микропризма за счет полного внутреннего отражения отправляет лазерный луч обратно в место расположения лазерного генератора. Тогда как в старом методе «оконного подслушивания» отраженный луч мог под углом уходить далеко в сторону, что создавало у специальных служб большие трудности в подборе мест для лазерного передатчика и приемника.

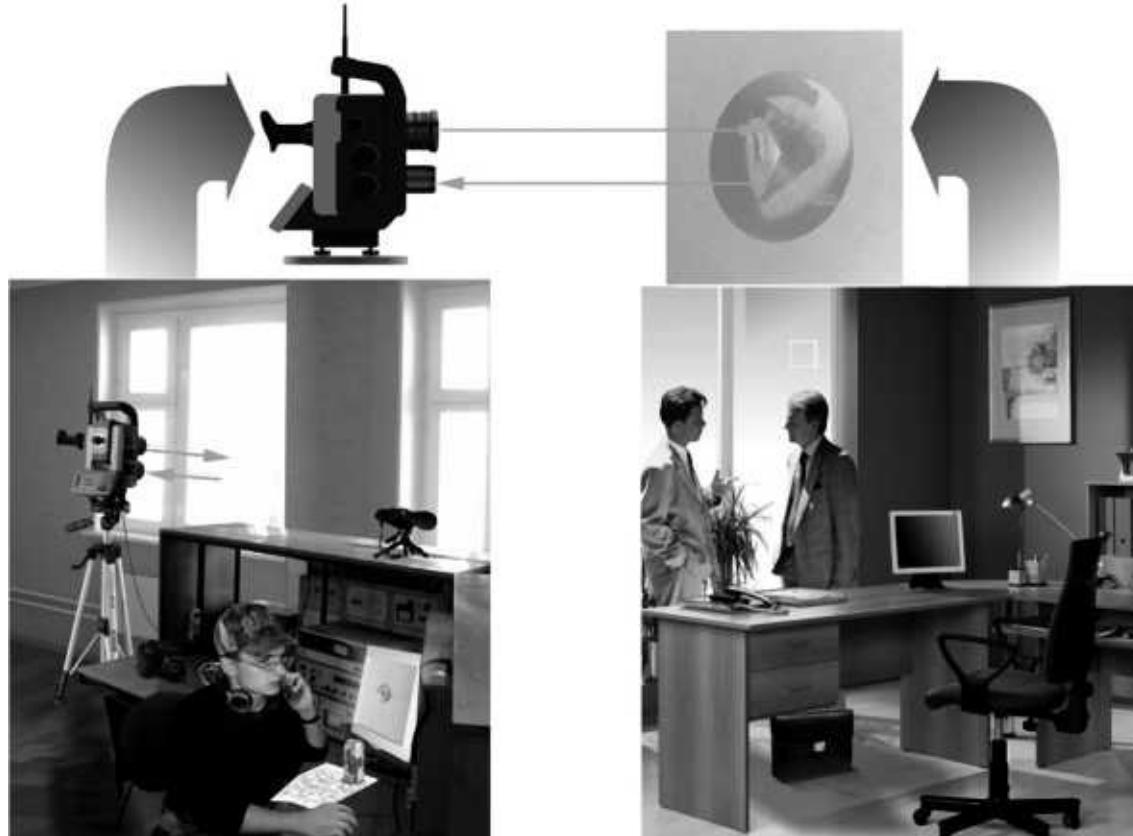

Схема подслушивания кабинета с помощью микропризмы (из архива Keith Melton Spy Museum)

Обнаружили эти практически невидимые простым глазом микропризмы во время осмотра оконных стекол здания нового комплекса посольства СССР в Вашингтоне. Советские поисковики обратили внимание на крохотные дефекты внутри толстых стеклопакетов и начали их внимательное изучение с помощью микроскопа. «Дефекты» при большом увеличении имели форму правильной призмы, что вызвало справедливые подозрение специалистов. Для подтверждения назначения этих «дефектов» пришлось вырезать часть стекла и отправить в Москву на детальное обследование, откуда затем пришло подтверждение их специального назначения.

Неискушенный читатель бросит справедливый упрек: что же, теперь и окна быть в поисках «жучков»? Или захочет узнать, а что можно использовать в качестве 100 % средства борьбы с «жучками», ведь должно же быть что-то, чего они не переносят и после чего они оставят вас в покое? Увы, с этим злом радикальных и доступных широким слоям населения средств борьбы пока нет. Можно, конечно, оборудовать кабинеты или целиком всё здание специальной защитой

и периодически, чем чаще, тем лучше, проверять помещения и здание бригадой «чистильщиков». Правда, из-за постоянных проверок нормально работать, увы, никто не сможет, но перманентная гарантия всё-таки будет. Но при этом можно лишиться уникальной возможности найти «жучка», чтобы познакомиться с ним поближе и попытаться подобрать современное и эффективное средство борьбы с этим вредителем. Уважаемые читатели, сами выбирайте свой способ борьбы с «насекомыми»...

Очерк XXIV. Последний подарок последнего председателя КГБ

Глава 87. Стратегия и тактика контроля за строительством

Прошло более двух десятков лет с того дня, когда на головы уже разочарованных в горбачевской перестройке граждан СССР обрушилась новость: Вадим Бакатин, последний председатель КГБ, сделал американскому послу в Москве необычный подарок из 74 чертежей и короткого описания на одном листе. Более всего это событие шокировало российских офицеров и ветеранов КГБ. Да и простым, непосвященным в игры спецслужб гражданам СССР, возбужденным статьями СМИ тех лет, это событие показалось дурным сном: еще бы, «отдать запросто американцам особо секретные документы о системе подслушивания? Такого в истории отечественной политики и деятельности спецслужб никогда не было». Именно так «кричали» газеты и журналы тех лет.

Что же все-таки «сдал» американцам Бакатин? И насколько секретным и ценным для США оказался этот подарок? Автор статьи делает попытку ответить на эти вопросы с помощью копий всех «бакатинских» документов, опираясь на собственный опыт оперативно-технической работы в КГБ.

Эта история начиналась в конце 1960-х гг., когда МИД СССР получил долгожданные финансы для строительства более двух десятков новых зарубежных посольств и заключил со многими странами, в том числе и с США, соответствующие двусторонние соглашения. Архитекторы с энтузиазмом принялись за подготовку проектов, а вместе с ними испытывали радость и спецслужбы, для которых строительство новых зданий давало большие возможности для внедрения систем съема информации. Таким образом, многие таланты получили возможность реализовать собственные идеи и разработки: одни желали показать свое архитектурное мастерство, а другие, наоборот, планировали работать максимально секретно, скрывая даже от сослуживцев место и время проведения своих тайных мероприятий.

Итак, для «жучков» готовилась новая среда «разведения и обитания»: бетон с наполнителями, стальной каркас арматуры, готовые железобетонные конструкции, отделочные материалы. Были обозначены «поля электронной битвы» двух держав — СССР и США, которые уже начали готовить строительные площадки для новых посольских зданий в Москве и Вашингтоне. Предыдущая практика убедительно показала, что оставлять строительство или капитальный ремонт зданий дипломатических миссий без соответствующего надзора нельзя: «жучки» могут заползти в такие места, откуда вытащить их будет практически невозможно без разрушения конструкций каркаса здания.

Это хорошо понимали в Вашингтоне и в Москве, где начали разрабатывать меры противодействия и готовить инспекторов-контролеров, которые должны были строго следить на всех этапах строительства за действиями местных строителей, среди которых надо было обязательно выявить секретные бригады с «жучками за пазухой».

После первых месяцев работы инспекторы-контролеры стали задумываться над тем, а какой методике надзора придерживаться? Теоретически требовалось наблюдать за каждым рабочим и всеми строительными технологиями. Но практически такая слежка невозможна, поскольку на стройке работают десятки и сотни строителей самых разных специальностей, которые к тому же часто меняются по мере возведения и оборудования нового здания. А может, бросить все силы на самые важные помещения, где, например, сидит посол и его шифровальщики? Но как тогда быть с кабинетами других сотрудников посольства, которые также работают с особо важными документами, владеют секретами и за которыми могут следить с помощью «жучков»? Вывод напрашивается сам собой: за всеми уследить невозможно, а делить дипломатов по степени важности себе дороже, поскольку получение с помощью «жучка» сведений о личной жизни

сотрудника миссии для последующей его вербовки может создать брешь в обеспечении безопасности посольства и привести в конечном итоге к утечке государственных секретов.

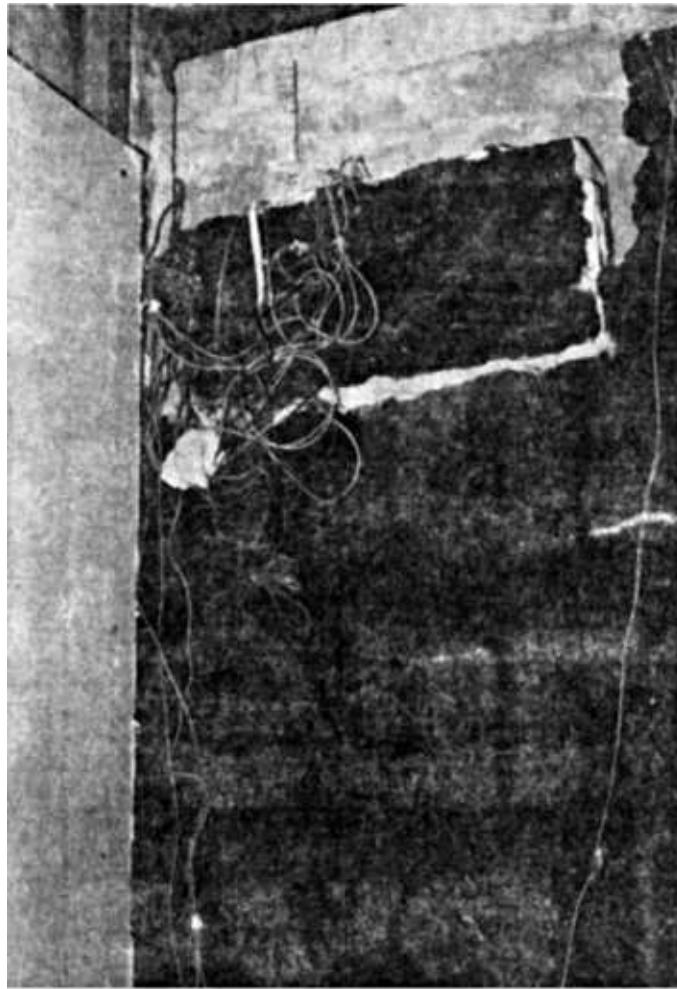
Кроме стратегии надзора, надо было решать и тактические вопросы. Например, что лучше: тайком наблюдать и записывать все подозрительные действия строителей или демонстративно стоять у них за спиной, не давая возможности установить радиозакладку, микрофон или проложить секретный кабель? Последнее совсем не понравилось сотрудникам служб безопасности посольств, которые заявили: «Вы тут распугаете всех «жучков», а что достанется нам для оценки технических потенциалов противника? Нет, господа-товарищи контролеры, надо дать строителям возможность установить пару-тройку "жучков"!» Но это оказалось весьма деликатной проблемой, куда можно позволить внедрить «жучки», а куда нельзя? Попробуйте найти сегодня храбреца, который возьмет на себя ответственность выбрать помещение, чтобы «подставить» его под «жучка»? Скорее всего, ни один посол или руководитель ведомства не согласится предоставить свои служебные кабинеты для установки «жучков», чтобы в дальнейшем они служили экспертам в качестве образцов для оценки возможностей противника! Посол, например, наверняка заявит: «Вы, спецслужбы, сами решайте ваши задачи, на то вы и государственная безопасность, а нас оставьте в покое».

И такие, совсем непростые вопросы стояли перед советскими и американскими контролерами, которые уже начали свою работу в Вашингтоне и в Москве в конце 1970х гг. При схожести задач контролеры работали в совершенно разных условиях. На московской стройке ситуация была под контролем всемогущего КГБ, который, получив «добро» от Политбюро ЦК КПСС ещё в 1969 г., методично реализовал оперативные и технические комбинации, включая пионерско-студенческие субботники и воскресники, вносившие полный хаос в попытки американских специалистов наладить систематическую проверку, учет и контроль импортных строительных материалов и готовых конструкций, поступавших с подмосковных бетонных заводов.

Глава 88. Первые находки и первые скандалы

В американской столице строительство новых советских зданий вела одна из крупнейших частных фирм, которая, конечно же, формально не подчинялась правительству США. И ей совсем не хотелось рисковать своей деловой репутацией, оказавшись в центре скандала в случае обнаружения «жучков». Однако, как взрыв бомбы, прозвучала пресс-конференция в феврале 1980 г. в США, на которой советские дипломаты продемонстрировали более десятка «жучков», сданных «в эксплуатацию» американскими строителями вместе с новыми жилыми квартирами. Один из «жучков», обнаруженный внутри огромной железобетонной колонны, имел пикантную надпись «Fuck you», что вызвало шок у государственного секретаря Сайруса Вэнса, считавшегося сторонником элегантной и гибкой дипломатии. Вэнс презрительно обозвал «дерпом» фотографии американской спецтехники, деликатно показанные руководителем посольства СССР.

Однако советский успех в Вашингтоне впоследствии оказался пирровой победой, поскольку развязал руки контролерам в Москве, на подмогу которым прибыли специалисты из ЦРУ и Пентагона. Как писали американские СМИ, «на московской стройке стали активно применять опыт работы советских контролеров, которые просвечивали бетонные колонны рентгеном и смело разрушали отбойными молотками уже готовые строительные конструкции». Специалисты ЦРУ в Москве начали копировать советский опыт выявления «жучков» и пошли дальше, отправив дипломатической почтой железобетонную колонну в Лэнгли для специальной, объективной экспертизы.

Американская спецтехника, обнаруженная в жилом комплексе советского посольства (фото из газеты «Washington Star», 1980 г.)

Результаты оказались настолько ошеломляющими, что американцы направили письмо с

негодованиями самому Горбачеву, которого затем лично посетил американский посол, показав «молодому» генсеку фотографии подозрительной начинки каркаса здания. Озадаченный Горбачев попытался успокоить посла, сославшись на специфику начатой им перестройки, которая коснулась, скорее всего, по ошибке и нового американского здания в Москве. Разобравшись с послом, Горбачев велел председателю КГБ Крючкову немедленно свернуть все секретные работы на американской стройке в Москве. Владимир Александрович решил не ссориться и своим приказом «заморозил» в 1986 г. все спецработы.

Однако дружеские заверения Горбачева не успокоили американцев, высказавших свои эмоции в зарубежных СМИ, что дало Рональду Рейгану одну из его стратегических антисоветских «фишек». Президент США ранее уже назвал СССР «империей зла» и теперь получил этому «бетонные доказательства». А чтобы немного осадить «молодого» советского политика, приобретавшего всё большую популярность за рубежом и с такой же скоростью терявшего поддержку в своей стране, Рейган выставил счёт Горбачеву в 200 млн. долларов для перестройки американского здания в Москве. Горбачев попытался сопротивляться и велел провести пресс-конференцию уже в московском пресс-центре, где показали журналистам американские «жуки», обнаруженные в разное время в советских миссиях в США.

В ответ на это Госдепартамент США запретил переезд советского посольства в новые здания в Вашингтоне, что сильно ударило по дипломатам и другим ведомствам, ютившимся в небольшом старом здании.

Возникла тупиковая ситуация с двумя новыми комплексами в Москве и США, пользоваться которыми никак не удавалось.

Тем временем в Москве американские специалисты начали планомерное обследование конструкции своего здания, закрыв пустые оконные проемы деревянными панелями и не отвлекаясь на московских рабочих, которым запретили проход на стройку. Из бетонного каркаса стали извлекать куски переплетенных между собой кабелей, местами попадалась странная арматура из различных металлов, находили и другие непонятные предметы, которых согласно проекту быть не должно. Неугомонные политики с богатой фантазией поспешили высказаться об «огромном электронном ухе КГБ», что весьма понравилось бойким журналистам и СМИ, которые разнесли эту сенсацию по всему миру. Однако специалисты не спешили с оценками и все чаще задавали себе вопрос: в чем суть всей этой сложной системы КГБ?

Выходу из тупика помог случай, вернее, случайно попавший в кресло председателя КГБ Вадим Бакатин, который выполнил поручение двух президентов, Ельцина и Горбачева, и подарил послу США в Москве комплект чертежей с короткой, на одном листе, описательной частью. В ней перечислялись номера колонн, балок и ригелей с элементами спецтехники, а также устройства, обозначенные специальными терминами.

Глава 89. Что же «сдал» Бакатин?

Попытаемся разобраться в этих документах, чтобы понять назначение, ценность и уникальность всего того, что было в подарке Бакатина.

На основном чертеже каркаса здания показаны бетонные опоры, вертикальные колонны, балки, а также части фундаментной плиты. Внутри этих конструкций обозначены кабельные трассы с промежуточными разъемами, специальные контейнеры с дополнительными кабелями и соединителями. На торцах и боковых сторонах железобетонных колонн показаны заглушки из пенобетона (для быстрого вскрытия этих мест) с «коммутаторами» внутри, с помощью которых могли бы подключаться новые кабели с датчиками съема информации в завершающий период внутренней отделки здания при возведении кирпичных и панельных ограждающих конструкций (чего не было из-за остановки строительства). На чертежах вертикальных колонн также обозначены специальные «бесконтактные переходы» (в документах названы как БП). С помощью БП, работающих в качестве высокочастотных конденсаторов, каждая нижняя вертикальная колонна с участком кабельной трассы внутри могла соединяться со следующей вертикальной колонной, и таким образом происходила коммутация всех отдельных кабельных участков в единую проводную систему от фундамента до верхних этажей здания и далее, до оконечных элементов съема информации (в случае продолжения строительства).

Согласно описанию, переданному Бакатиным, внутри двух строительных конструкций размещались «бетонные химические источники питания» (на чертежах обозначены как БХИТ), возможно, для энергоснабжения спрятанных там же электронных блоков и двух микрофонов, установленных, вероятнее всего, для акустического контроля за действиями американских контролеров на верхних этажах здания, где в дальнейшем могли располагаться помещения с секретной информацией и электронной аппаратурой посольства США. Наличие микрофонов в этой части каркаса еще недостроенного здания, возможно, свидетельствует о повышенном внимании к действиям американских контролеров, которые должны были тщательно следить за всеми действиями советских строителей, а в ночное время и выходные дни визуально и с помощью различной аппаратуры обследовать элементы каркаса верхних этажей. Можно предположить, что, слушая разговоры американцев, в КГБ пытались понять результаты работы контролеров, чтобы вовремя спрятать или изъять обнаруженную или подозрительную строительную деталь со специальными элементами внутри.

Еще одна «информация для размышления»: на чертежах № 61 и № 65 горизонтальных железобетонных конструкций, названных в документах «ригели», показаны «отрезки пластиковых труб малого диаметра». По аналогии с чертежами подвала можно предположить, что эти элементы в дальнейшем предполагалось использовать для прокладывания кабелей микрофонов и датчиков съема информации.

В описании также указаны номера двух ригелей, где установлены специальные датчики «Р», а на отдельных чертежах эти места названы «участки изолированной арматуры». Вероятно, что такая система могла бы использоваться в качестве антенны для приема радио- и магнитных излучений аппаратуры связи, шифрования и др., которые часто размещаются на верхних этажах дипломатических представительств.

В конце описательной части «бакатинских» документов сказано, что «перечисленные элементы не объедены в системы получения информации и не представляют в настоящее время угрозы безопасности посольства». И действительно, в чертежах нет подтверждения того, что отдельные части кабелей соединены в единую проводную систему. Вполне вероятно, что Бакатин «сдал» недостроенную систему подслушивания, состоящую из большого числа

спрятанных в бетонных колоннах и балках отдельных кабелей и разъемов, которые впоследствии должны были быть подключены к датчикам, микрофонам и другим устройствам съема информации. Возможно, что эти оконечные устройства так и не были установлены в соответствии с распоряжением Горбачева и в связи с остановкой американцами строительства на этапе планировки и отделки помещений.

В документах, переданных американцам, указаны места размещения таких специальных систем, как бетонно-химические источники питания, высокочастотные переходы между вертикальными колоннами, способы и места скрытия контейнеров под поверхностью строительных конструкций, специальные датчики «Р» и многое другое. Вывод напрашивается сам собой: «бакатинский» подарок явно помог американским специалистам в поиске мест установки и расшифровке назначения спецтехники КГБ. Можно полагать, что «бакатинские» документы способствовали Госдепартаменту США решить проблему защиты здания в Москве путем сноса двух верхних этажей и возведения четырех новых, но уже своими силами.

Какие цели преследовал Бакатин, передавая американскому послу комплект некогда секретных чертежей? Возможно, это было желание угодить своим начальникам, Горбачеву и Ельцину, а саму идею могли подсказать Бакатину его американские консультанты, находившиеся в тот момент в Москве. Нельзя исключить и обычное дилетантство последнего председателя КГБ, который просто не понимал безответственность своего поступка и, возможно, захотел выглядеть оригинальным в разгар политических игр того периода.

В разных статьях о «подарке Бакатина» высказывались мнения, что сами американцы, зная из практики о хитроумных оперативных комбинациях КГБ, могли не поверить до конца всем этим документам и предположили, что, кроме «подаренной» специальной техники, у русских есть и другие, еще не реализованные системы съема информации, которые будут ждать подходящей ситуации для их внедрения или включения. Возможно, что такое время уже наступило?

Очерк XXV. Нападение и защита разведки

Глава 90. Две вербовки офицеров КГБ

Если задать вопрос ветерану или историку спецслужб, чем и как можно оценить потенциал той или иной разведки в различные исторические периоды, ответ в большинстве своем будет касаться наличия мощного и активного агентурного аппарата, действующих оперативных и технических каналов получения важной политической, военной, научно-технической и другой информации, которые необходимы руководству страны.

В период существования СССР офицеры КГБ часто использовали термин «нападение», подразумевая под этим словом активность вербовочной работы той или иной резидентуры, эффективность работы агентуры, результаты оперативного и технического проникновение в главные объекты, которые были обозначены как цели разведки. Именно с термином «нападение» отождествлялись успехи резидентур и разведки в целом, например, своевременное получение требуемой Центру информации, часто срочной или важной упреждающей информации о планируемых действиях противника.

Словом «нападение» также пользовались оперативно-технические сотрудники центрального аппарата разведки и офицеры линии «ОТ» резидентур, когда велась разработка и планирование мероприятий по внедрению техники акустического контроля в наиболее интересные объекты. Как правило, такими объектами в период холодной войны были кабинеты руководителей иностранных посольств и торговых миссий, политических лидеров партий страны пребывания, а также квартиры активно действовавших сотрудников американских спецслужб, особенно резидентов ЦРУ.

Однако в деятельности разведки периодически были провалы и «проколы», которые списывались, когда на предателей, когда на неумелые или неправильные действия агентуры и офицеров разведки, на коварность спецслужб противника и на многие другие причины. При этом редко делались ссылки на слабую или недостаточную защиту как оперативную, так и техническую. Для иллюстрации приведем два примера, свидетелями которых был один из авторов книги.

В 1975 г. в Сан-Франциско, США, был завербован офицер разведки КГБ, находившийся под прикрытием «аспиранта» на стажировке в университете Калифорнии. Для подхода к нему и его вербовки контрразведка ФБР вначале использовала сбор информации об «аспиранте», а затем разыграла вокруг него весьма сложную оперативную комбинацию-ловушку, в которую и попался советский офицер.

В 1984 г. в Бонне, тогдашней столице ФРГ, был завербован и начал работу на ЦРУ другой офицер ПГУ, находившейся в долгосрочной загранкомандировке под прикрытием корреспондента ТАСС.

Многие детали этих двух вербовочных мероприятий существенно отличались друг от друга, в том числе обстоятельствами и мотивами вербовки и кем проводилась вербовка. В первом случае контрразведка ФБР организовала и провела серию мероприятий, в результате которых были получены документально зафиксированные компрометирующие материалы. Во втором случае офицер КГБ, ссылаясь на денежные трудности (растраты служебных финансов резидентуры), инициативно обратился за помощью к установленному сотруднику американской разведки, после чего начал активно работать на ЦРУ.

Несмотря на многие различия в разработке и вербовке этих двух офицеров, в одном было сходство: оба агента получили от своих кураторов первое оперативное задание установить в особо важной зоне советского представительства, где работали разведчики КГБ, американскую технику подслушивания. В дальнейшем после их ареста было установлено, что спецслужбы

получили категорический отказ от завербованных ими офицеров. Оба мотивировали своё нежелание скрыто занести и установить технику подслушивания страхом и боязнью перед строгой системой допуска в служебные зоны, а также тщательной проверкой, которую регулярно проводили специалисты на наличие посторонней радио- и электронной техники.

Оба испугались, по их словам, вероятности обнаружения техники подслушивания и возможной расшифровки их секретного сотрудничества с американскими спецслужбами. Другими словами, они оказались перед «психологическим защитным барьером», который создавался и поддерживался силами КГБ внутри этих представительств СССР за рубежом.

Эти два случая, как и другие подобные эпизоды в деятельности советской разведки, дают основание предполагать о наличии эффективно работавшей системы собственной безопасности особо важных помещений КГБ, основу которой в то время составляла оперативно-техническая защита, практикуемая специалистами ПГУ в отношении как своих объектов на территории СССР, так и советских представительств за рубежом. Итак, разведка должна не только активно нападать, но и защищаться. Причем об эффективности защиты можно было судить только тогда, когда она соответствовала потенциальному средству и методам нападения противника как оперативных, так и технических. Следовательно, нападение и защита должны быть обязательными атрибутами разведки, и вопрос заключается в том, каковы должны быть соотношения между ними.

Основу защиты разведывательной деятельности составляют, в частности, строгая конспирация и надежное «прикрытие» разведчика. Не секрет, что в период холодной войны о появлении нового сотрудника резидентуры КГБ через неделю-другую знал весь дружный коллектив дипломатического и административного персонала посольства СССР.

Как не вспомнить на этом фоне офицера ЦРУ Марти Патэрсон, которая за два года работы в Москве тщательно выполняла все требования и правила своего оперативного прикрытия, что позволило ей провести 11 тайниковых операций с ценным агентом ЦРУ.

Глава 91. Новая концепция деятельности разведки КГБ

Юрий Владимирович Андропов, Председатель КГБ, 1967–1982 гг. (из архива Keith Melton Spy Museum)

В начале 1970-х гг. председатель КГБ Ю. В. Андропов на одном из совещаний заявил о новой концепции работы внешней разведки, согласно которой планируемые и проводимые оперативные мероприятия должны обязательно обеспечиваться надежной оперативной и технической защитой. Это предусматривало, в частности, существенное расширение географии строительства защищенных от подслушивания помещений в советских зарубежных миссиях, а также увеличение количества и эффективности мероприятий по обнаружению каналов утечки информации. Итак, активная работа разведки должна иметь надежную и эффективную защиту, которая в странах со сложной контрразведывательной обстановкой должна постоянно проверяться и многократно укрепляться.

Для этого потребовались новые кадры, и на базе 14го отдела ПГУ создается Управления оперативной техники, куда наряду с молодыми кадрами были направлены лучшие технические специалисты Комитета. Одновременно ЦНИИСТ ОТУ развернул широкую программу создания новых поисковых систем и современных по тем временам методик выявления каналов утечки информации, что явилось следствием увеличения финансирования этого направления работ, а также привлечением лучших конструкторов и разработчиков КГБ. Была создана целая серия новых поисковых приборов, таких, как, нелинейный детектор-локатор, импульсный металлоискатель, нелинейный анализатор проводных коммуникаций, системы выявления

микрофонов различных видов и др. Разрабатывались и принимались новые нормативы и правила обеспечения собственной безопасности советских представительств за рубежом.

В разведке КГБ стали формироваться на постоянной основе поисковые бригады, куда входили также специалисты ОТУ КГБ, имевшие большую практику по установке спецтехники, которые квалифицированно могли оценить уже на месте возможные варианты внедрения техники подслушивания. Оперативные подразделения разведки стали получать задания на приобретение источников получения информации о технических возможностях западных спецслужб и о фактах создания каналов утечки информации в представительствах СССР за рубежом. В связи с широкой программой строительства новых комплексов советских миссий ПГУ КГБ готовило и направляло оперативно-технических офицеров в качестве инженеров-инспекторов для контроля за всеми этапами строительства новых советских зданий за рубежом.

Глава 92. Технические системы защиты переговоров

Аппаратура защиты переговоров «ГНОМ»(из архива Keith Melton Spy Museum)

Одной из первых систем защиты от подслушивания и ведения секретных разговоров явилась специально разработанная переговорная аппаратура «ГНОМ». Она предназначалась для обсуждения конфиденциальных и секретных переговоров между сотрудниками в обычном кабинете представительства СССР. Основу «ГНОМа» составляли две специальные переговорные гарнитуры: два микрофона и два наушника. Микрофоны помещались в специальные резиновые уплотнители для звукоизоляции. Таки-ми же приспособлениями были оборудованы и наушники. В целом система «ГНОМ» обеспечивала защиту переговоров двух человек, сидящих за одним столом или рядом. При этом рекомендовалось зашторить окно и включить радиоприемник в качестве дополнительного зашумления.

Несмотря на достаточно простую и надежную конструкцию, «ГНОМ» не стал активно используемой системой защиты. К этому времени были сконструированы специальные защитные кабины, полностью выполненные из прозрачного пластика, что, по мнению конструкторов, делало невозможным установку какой-либо техники подслушивания. Мебель в таких кабинах была полностью прозрачная; входная дверь также была из пластика со специальными резиновыми уплотнителями и дверными ручками с зажимами для максимально плотного прилегания к стенкам кабины. Стены кабины были сделаны двойными, и в промежутки между внешней и внутренней стенами подавался воздух от небольшого электронасоса, обеспечивающего приточно-вытяжную вентиляцию. Свежий воздух в кабину подавался и отводился через пластиковые трубы, оборудованные звукопоглощающими перегородками. Кабина прошла все испытания, и ей было присвоено кодовое наименование «Орбита».

Эти кабины доставлялись в советские представительства в разобранном виде и собирались на первых порах вручную офицерами разведки. В дальнейшем для сборки защитных кабин формировались бригады специалистов, которые под руководством опытных оперативно-

технических офицеров выполняли монтаж, настройку и тестирование кабин. Перед заходом в «Орбиту» сотрудники снимали пиджаки и оставляли все личные предметы снаружи: портсигары, зажигалки, расчески, авторучки и пр. Для повышения защиты «Орбита» могла полностью закрываться шторой.

Кабина устанавливалась на специальные виброамортизаторы, которые делались из набора нескольких слоев пористой резины с прокладками многослойной фанеры. Конструкция дверных ручек и петель была сделана с расчетом максимального прилегания к плоскости дверного проема. В качестве дополнительной защиты иногда использовались широкополосные индикаторы радиоизлучений или анализаторы спектра, чтобы зафиксировать несанкционированный занос в «Орбиту» работающей радиозакладки.

Защитная кабина «Орбита» и ее элементы (из архива Keith Melton Spy Museum)

По мнению западных специалистов, системы, подобные «Орбите», явились идеальной системой защиты для ведения секретных переговоров, и различные модификации подобной кабины до сих пор используются во многих посольствах, в том числе и США в Москве. Предприимчивая израильская фирма 20 лет назад освоила изготовление и продажу модульных конструкций прозрачных кабин, в которых уже могли работать до 10 человек. При этом стоимость поставки и монтажа составляла в середине 1990-х гг. более 50 000 \$.

Советские «Орбиты» со временем стали трескаться и расклеиваться, что потребовало серьезного ремонта и замены некоторых основных элементов конструкции. И тогда проектировщики в начале 1990-х гг. предложили новый вид защиты от подслушивания — специальное помещение.

Из деревянных стройматериалов возводилось внутреннее помещение, в стенах, полу и

потолке которого были использованы звукопоглощающие материалы типа поролона. Снаружи помещения капитальные стены оборудовались системой виброакустической защиты, создававшей высокий уровень «белого шума», который и должен был «перекрыть» ведущиеся внутри специального помещения секретные переговоры.

Специальное помещение для защиты от подслушивания (из архива Keith Melton Spy Museum)

На первых порах такие помещения, названные впоследствии официально «спецкомнатами», строили сами сотрудники резидентур совместно с приезжавшими специалистами центрального аппарата КГБ. Качество таких помещений было невысоким, а их строительство серьезно отвлекало офицеров от текущей оперативной деятельности. В связи с этим руководство Комитета разрешило использовать квалифицированных рабочих-специалистов, которые длительное время были на учете в райотделах КГБ как «преданные органам советские граждане». В такие бригады включались, как правило, плотники, столяры, маляры-штукатуры и электрики. Общее руководство возлагалось на оперативно-технического сотрудника ПГУ, а иногда бригадой руководил офицер ОТ резидентуры, где планировалось строительство спецкомнат.

Одним из обязательных условий содержания спецкомнат была периодическая их проверка на наличие каналов утечки информации. Достаточно простая конструкция спецкомнат и легкая для проверки мебель позволяли быстро и эффективно выполнять проверку этих помещений. Именно это обстоятельство и стало непреодолимым препятствием для завербованных офицеров КГБ (см. начало очерка), а возможно, и для других персонажей из когорты предателей, для которых высокий уровень оперативно-технической защиты советской разведки оказался непреодолимой преградой.

В повышение потенциала технической защиты зарубежных объектов КГБ вносили свой вклад и результаты поисковых мероприятий. В годы холодной войны были обнаружены специальные устройства съема информации самых различных конструкций, габаритов и мест установки. Именно эта реальная спецтехника позволила ведущим специалистам Комитета оценить технический уровень противника и его возможности, а также проверить способность имевшихся на вооружении КГБ поисковых и защитных систем надежно и эффективно противодействовать средствам нападения иностранных спецслужб.

Очерк XXVI. Шпион и современные цифровые технологии

Глава 93. Новая роль агента

XXI век предоставил широкие возможности доступа к современным цифровым технологиям, постоянно и активно влияющим на экономику, политику, культуру и, конечно же, на деятельность специальных служб в сфере технической и агентурной разведки. Современный компьютер и дома, и на рабочем месте преобразовал информацию на всех этапах, от ее создания, хранения и обработки до просмотра, обмена и передачи.

При этом классическая специальная техника шпионажа, еще совсем недавно считавшаяся сверхсовременной, потеряла свою ценность. Агент с доступом к электронным архивам вместо фотографирования информации может запросто скачать более миллиона страниц важных документов в микропамять, которую легко спрятать в часы, авторучку или мобильный телефон.

Быстрое старение спецтехники можно проследить на образцах некоторых устройств ЦРУ, разработанных для своего агента Ришарда Куклинского. В течение десятка лет Куклинский, полковник генерального штаба Войска польского, сфотографировал более 25 000 страниц советских и польских секретных документов. Для этих операций ЦРУ направило польскому офицеру различную спецтехнику, включая миниатюрные фотокамеры и аппараты агентурной радиосвязи. Сегодня спецтехника Куклинского для большинства операций по связи и документированию является устаревшей, а секретные материалы, которые он тайком фотографировал, а затем передавал через тайники своему куратору в Варшаве, появляются, хранятся и пересылаются в электронном виде.

Цифровые технологии не изменили задачи шпионажа по тайному сбору секретных планов и намерений противника. Однако роль агента стала другой: из шпиона, которому помогает спецтехника, он превратился в шпиона, который обеспечивает оперативно-технические мероприятия. Шпион теперь может не являться носителем информации, что было главным во времена холодной войны, а только вскрывать и проникать в компьютерные сети. Другими словами, технику, как и агента, надо будет вербовать, чтобы она «шпионила».

Для того, чтобы раскрыть военные, политические или экономические секреты другой страны, необходимо проникнуть в ее информационные системы, и это будет более ценным, чем кража или фотографирование бумажных документов. Для тайной передачи огромного количества информации или для атаки на информационные сети сегодня не потребуется колоссальных усилий суперагента, которого сыграл Том Круз в своих «Невыполнимых миссиях»: такие операции можно проводить удаленно из любой точки земного шара через Интернет. Кстати, еще в середине 1980х гг. изобретательная разведка ГДР успешно применяла такие технологии, когда её агент Матиас Шпеер, компьютерный уникум из Ганновера (ФРГ), регулярно «обшаривал» в интересах восточногерманской и советской разведок закрытые электронные массивы за океаном, «скачивая» через дырки в системе информационной безопасности важные военные и научно-технические секреты США.

Разведки для своих шпионов всегда готовили самую лучшую и самую современную технику для их тайной деятельности, хотя далеко не все с ней дружили. Мемуары ветеранов разведок Востока и Запада свидетельствуют, что наиболее удачливые (кого не расшифровали) часто были и самыми консервативными, когда новый куратор предлагал агенту более современную систему связи, которую шпион со стажем деликатно отклонял в угоду старой и проверенной системе «молчаливых» телефонных звонков и крестиков губной помадой на столбах.

Глава 94. Поиск кандидатов на вербовку

Хотя цели шпионажа и его задачи остаются неизменными, глобальный доступ к информации и цифровым системам изменил проверенные временем методы и технику шпионажа. Так, например, Интернет и глобальная доступность к информационным базам делает процесс обнаружение лиц с возможностью их вербовки независимым от географии или личных особенностей. Не выходя из кабинета, с помощью компьютера можно узнать привычки человека, его скрытые наклонности и пороки, профессию и социальное положение, а иногда и детали, указывающие на доступ к важной для разведки, конфиденциальной информации.

Цифровые чернила никогда не «выцветут», а мысли человека и его замечания, высказанные в конце публикаций, постоянно присутствуют в Интернете, как предмет для поиска и анализа. Независимо от того, находятся ли эти записи в виде блогов, размещаются в чатах, передаются по электронной почте, в опубликованных книгах, журналах, или воспроизводятся в телевизионных интервью, они станут доступными любому, кто пользуется сетью. Мнения и размышления одного блогера, например, критикующего правительство и призывающего на митинг, могут спровоцировать высказывания многих других о своих убеждениях, ценностях, интересах и уязвимостях — обо всём, что является чрезвычайно ценными в процессе подготовки их возможной вербовки разведками.

Общедоступные базы данных позволяют анонимно и на расстоянии делать накопления персональных и финансовых характеристик человека. Виды информации, готовые к доступу, включают в себя работу и её изменения, профессию, этапы образования, здоровье, семейное положение, адрес, номер социального страхования, номер водительских прав, доходы, личные долги, номера кредитных карт, туристические поездки, любимые рестораны, судебные иски и сведения о банкротствах.

Изучение информационной базы пользователя компьютера может показать основы для его вербовки. Например, периодические покупки спиртного в магазине или в баре расскажут о проблемах с алкоголем. Большие расходы в аптеках или больницах дадут представление о скрываемых болезнях. Банкротство или плохие кредитные истории покажут финансовые трудности. Туристические снимки и расходы во время отдыха, возможно, связаны внебрачными связями. Частая смена работы может скрывать неудачи в карьере. Интерес к опасным или острым ощущениям, поиск таких развлечений, как подводное плавание, прыжки с парашютом или мотогонки, показывают потребность человека в риске, а значит, и возможность шпионажа, жизни «на острие ножа».

Для офицеров и агентов-вербовщиков, которые готовят и проводят вербовки будущих шпионов, информация из Интернета становится эффективным инструментом отыскания интересного человека для его последующей разработки, а также для отсеивания тех, кто не имеет доступа к объектам интересов разведки или обладает порочными наклонностями.

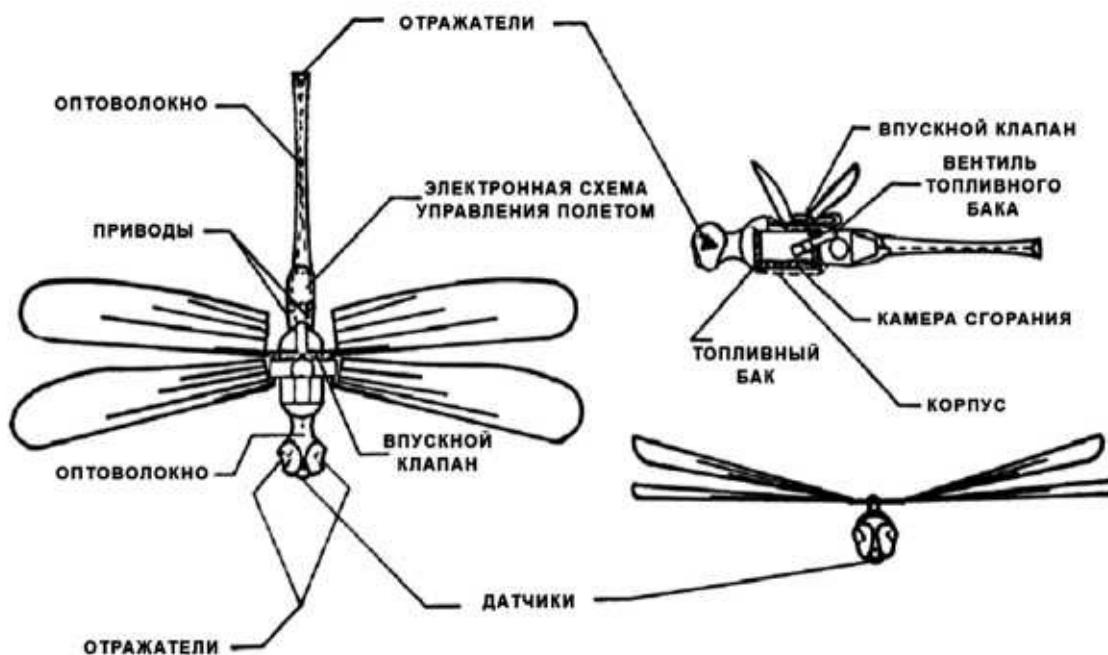
Глава 95. Новые сложности на фоне новых возможностей

Доступ в коммерческие базы сделал процесс создания оперативных прикрытий и маскировки более сложным. Обычные личные данные, такие, как адрес, профессия, и членство в клубах или обществах сразу стали возможными для проверки, используя Google или другие поисковые системы. Поскольку прикрытие и маскировка могут вызвать подозрение даже при поверхностном изучении, простое «коммерческое прикрытие» может быть расшифровано любопытным клерком отеля, имеющим доступ в Интернет. В руках опытных сотрудников контрразведки даже хорошо сфабрикованное, «железное» прикрытие может «проколоться» путем выявления несоответствий и сведений, использованных для формирования легенды разведчика-нелегала. В настоящее время имеется много широкодоступной и подробной информации о личности человека, и потому трудно создать необходимые подтверждающие данные для «конструирования» всей истории жизни отдельного человека, в том числе регистрационные записи об образовании, кредитных карточках, месте проживания, семье, детских школах, районных организациях, библиотечных карточках и водительских прав. Количество информации, необходимой, чтобы «узаконить» личность человека, сделало поддержание надежного оперативного прикрытия в течение длительного периода практически невозможным, если предполагаемый противник имеет возможность использовать Интернет.

Простая оперативная маскировка, такая, как поддельная борода, усы, окраска волос, головные уборы и шрамы, могут обмануть человеческий глаз, но никак не камеру с программным обеспечением, работающую с базой данных. Биометрические данные, такие, как сканирование сетчатки глаза, паспорт с чипами памяти, цифровые отпечатки пальцев и электронные подписи, появились как для коммерческих служб безопасности, так и для нужд разведки.

Цифровая технология открывает возможности для тайного хранения информации в формах, ранее невозможных во времена холодной войны. Десятки тысяч страниц важной информации, собранной Куклинским за 10 лет его карьеры в качестве шпиона, теперь можно сохранить в сжатом виде на чип цифровой памяти, который по размерам намного меньше почтовой марки. Игрушки, фотоаппараты, цифровые музыкальные плееры, калькуляторы, часы, автомобили и предметы домашнего обихода со встроенными компьютерными чипами позволяют делать цифровую память для сокрытия секретной информации. Агенту больше не нужно иметь компрометирующие его тайниковые контейнеры для хранения фотопленки, одноразовых шифр-блокнотов, тайнотписных химических препаратов и планов побега, поскольку вся эта информация может храниться в электронном виде в любом обычном устройстве. Вероятность обнаружения у агента правильно спрятанной цифровой информации стремится к нулю.

Современные микрофоны, передатчики и видеокамеры стали совсем крохотными, что существенно упростило их камуфлирование и сократило энергопотребление. Крошечные цифровые видеокамеры и микрофоны могут быть установлены в небольшие роботы-сканеры размерами с таракана, что дает возможность изучить ночью секретную карту или использовать систему кондиционирования, водосточные трубы и вентиляционные шахты для скрытого наблюдения. Первые такие попытки закончились созданием в 1976 г. беспилотных летательных аппаратов «стрекоза» с размахом крыльев около сантиметра, несущих на себе камеры и микрофоны. Изобретатели в ЦРУ планировали дистанционно управлять «стрекозой» для наблюдения сверху за целью или направлять ее прямо в здание в качестве летающего «жучка».

Две модели летающей стрекозы ЦРУ с различными типами крыльев (из архива Keith Melton Spy Museum)

Современные программы распознавания изображений, например, могут соединяться с базами данных, что позволяет контрразведке фиксировать в реальном масштабе времени номерные знаки автомобилей для быстрого создания перечня всех транспортных средств и их владельцев, проехавших мимо контролируемого «наружкой» подозрительного места. Такая информация, собранная в течение длительного времени, может раскрыть личности сотрудников разведки, участвующих в операции в этом районе. А варианты программ «Face Trace» позволяют быстро сравнивать видеоизображения с записями удаленной базы данных для идентификации человека.

Новое поколение недорогих радиочастотных меток, созданных для охраны товаров в магазинах розничной торговли, делает возможным установить крошечный чип в одежду или подошву обуви ничего не подозревающему человеку. Эти встроенные пассивные чипы дают отклик во время прохода через электронные пропускные пункты как официальные, так и установленные скрыто. Два важных компонента успешной работающей скрытой цифровой системы связи — это само сообщение и способ его доставки. Сообщение делается путем безопасного использования цифрового шифрования и секретной, или цифровой, стеганографии. Оба метода связи могут использоваться отдельно или вместе: первое выполняет шифрование, а затем зашифрованное сообщение скрывается в другом файле, который будет передаваться через Интернет.

Глава 96. Защита агентурной связи

Шифрование веками защищало информацию, и в середине 1970-х гг. алгоритмы стойкого шифрования перестали быть исключительной прерогативой государственных органов и превратились в общественное.

Филу Циммерману приписывают разработку в 1991 г. первой версии программы общественного шифрования PGP (Pretty Good Privacy). Он был активистом антиядерного движения и создал PGP-шифрование, чтобы обеспечить своих единомышленников безопасным применением компьютеризированной системы объявлений, сообщений и хранения файлов. Такое программное обеспечение было бесплатным, а в полный исходный код были включены все копии. В СМИ не было сообщений об известных способах взлома PGP-сообщений криптографическими средствами. Впервые в истории программное шифрование правительского уровня стало бесплатным и доступным любому, кто имел доступ в Интернет.

Разведывательные службы с ограниченными финансовыми ресурсами стали использовать PGP и аналогичные программы шифрования для создания системы агентурной связи. Кубинские спецслужбы, например, широко использовали доступное программное обеспечение для шифрования связи со своими агентами, действующими на территории США. Улучшенная версия программы шифрования PGP была обнаружена в сентябре 2001 г. во время обыска квартиры Анны Монтес в Вашингтоне, округ Колумбия. Анна Монтес работала в разведке Пентагона в должности аналитика по кубинским вопросам и занималась шпионажем в пользу кубинской разведки.

Для скрытой связи со своим куратором из кубинской миссии при ООН Монтес было поручено купить портативный компьютер Toshiba-405CS, ей также были переданы две дискеты S-1 и R-1 для шифрования и расшифровки сообщений. Поскольку наличие программы шифрования высокого уровня является подозрительным, в случае если ноутбук Монтес был бы протестирован экспертом, цифровые программы шифрования и одноразовые ключи были размещены на отдельных дискетах. При получении голосового сообщения на коротковолновый радиоприемник «Sony» от её службы на Кубе Монтес делала копию, вводила зашифрованный текст в свой портативный компьютер и вставляла дискету R-1 для получения открытого текста.

Схема приема и дешифровки сообщений агентом Монтес (из архива Keith Melton Spy Museum)

Чтобы подготовить секретную информацию, которая будет передана кубинцам, Монтес печатала текст на своём ноутбуке, а затем использовала программу шифрования и ключ на диске S-1, чтобы зашифровать текст.

Монтес должна была стирать жесткий диск ноутбука после каждого тайного применения для удаления всех следов процесса и прятать две специальные дискеты. Тогда бы все сообщения, которые она отправляла и получала, были бы практически неуязвимы. Но несмотря на инструкции Монтес не стирала свой жесткий диск после каждого использования. В результате в ходе обыска квартиры и проверки ее компьютера сотрудники ФБР восстановили тексты агентурных сообщений для предъявления их в суде. Уязвимость кубинского агента была не в криптографическом программном обеспечении, а в нарушении Монтес требований конспирации. Как тут не вспомнить шпионов Пеньковского и Огородника, которые также вопреки строжайшим инструкциям не уничтожали, а прятали по углам и в книжки использованные листы своих одноразовых шифр-блокнотов!

Современный шпион и его куратор, кадровый сотрудник разведки, при использовании системы агентурной связи должны обеспечить безопасность как самого сообщения, так и способа его доставки. Сообщение можно готовить путем безопасного использования цифрового шифрования и цифровой стеганографии. Оба этих метода могут использоваться как отдельно, так и вместе: первое выполняет шифрование, а затем зашифрованное сообщение скрывается в другом файле, который можно передавать через Интернет.

Схема шифрования и передачи агентурного сообщения (из архива Keith Melton Spy Museum)

Глава 97. Цифровая стеганография

Стеганография, как и шифрование, имеет свою историю: еще Геродот описывал древнегреческий способ нанесения секретного письма на бритые головы рабов с помощью татуировки, которая затем скрывалась под отросшими волосами.

Стеганография стала доступной с появлением современных цифровых технологий и удобной для тех, кто хотел бы скрытно хранить свою информацию. Стеганография также позволяет спрятать сообщения и письма в электронном документе, чтобы затем мгновенно отправить их в любую точку земного шара через Интернет. В период холодной войны шпионы использовали ограниченный набор цифровой техники для сокрытия информации. Так, например, в конце 1980-х гг. старший офицер ФБР Роберт Ханссен, работавший на КГБ, передавал через тайник своему куратора сообщения на 8-ми дюймовых компьютерных дискетах. Ханссен вначале шифровал информацию, а затем прятал её на дискеты, используя так называемую «технологию 40-й дорожки». Агент КГБ использовал малоизвестный в то время процесс переформатирования компьютерной дискеты, который позволял скрывать информацию путем размещения её на дорожки дискеты, недоступные для операционной системы компьютера тех лет.

Если в 1980-е гг. такие малоизвестные методы, используемые Ханссеном, были популярны только среди компьютерных вундеркиндлов, то в XXI веке программы цифровой стеганографии для сокрытия данных стали доступны любому, кто имеет Интернет. Так, например, информацию в цифровом виде современный шпион может спрятать внутри музыкальных или видеофайлов таким образом, чтобы сделать звук и изображение неизменными. Аудиофайлы могут скрывать информацию путем изменения цифровых битов файла, которые слышны человеческому уху. Графические изображения также позволяют иметь избыточные биты, составляющие цвета, которые при изменении оказываются одинаковыми для человеческого глаза. Если кто-то не имеет оригиналов этих измененных звуковых или графических файлов для сравнения, то обнаружить скрытые сообщения будет очень трудно, особенно среди миллиона электронных писем с вложенными файлами, которые отправляются ежедневно через Интернет.

Примеры стеганографии

Пример 1: кодированное послание

Оплаченный левыми протест ошибочно лишен гневной огласки.

Воровство и откаты угадываются сразу. Нужно оживить работу Лены Столыпиной и устроить Ляшенко очную смену. Баржа пришвартуется стопудово. ЧАО.

Если выписать вторую букву каждого слова, получится: Першиг отгружается 4 марта

Пример 2: кодированное изображение — внедрение наименее заметного фрагмента

Оригинальное изображение

Модифицированное изображение

□ ← Зоны, в которых изменен бинарный код пикселя

Бинарный код из пикселя оригинального изображения [1]

10000000 10100100 10110101 10110101 11110011 10110111 11100111 10110011 00110000

Модификации, внесенные в этот пиксель [1]

10000001 10100100 10110100 10110100 11110010 10110110 11100110 10110011 00110011

Читаются только последние цифры:

1000001 - это бинарный код ASCII английской буквы А

1 2 3 4

Пример использования стеганографии в изображении Анны Чапмен (сайт Русской службы BBC)

По данным Минюста США, опубликованным в Интернете, арестованные в 2010 г. российские разведчики для связи с Москвой использовали цифровую стеганографию. Для этого свои заранее зашифрованные сообщения они прятали внутри безобидных на первый взгляд фотографий, которые размещали на открытых веб-сайтах. По мнению экспертов, это были первые подтверждения в реальной жизни случаев применения разведывательными службами высоких технологий для сокрытия информации.

Интересную иллюстрацию методов стеганографии можно найти на сайте русской службы BBC.

Однако у стеганографии, использующей цифровые изображения, имеются определенные недостатки. Шпионам нужны большие файлы для того, чтобы спрятать даже маленький объем информации, и это существенно ограничивает размер каждого сообщения и увеличивает время на его подготовку. Но в целом это великолепный способ для создания и передачи секретных сообщений. Во-первых, спецслужбы не знают, как проанализировать обычную картинку на предмет наличия секретов. А во-вторых, в Интернете так много фотографий, что кадры со скрытыми в них сообщениями совершенно безопасно теряются среди этого многообразия.

По данным, опубликованным ФБР, российские спецслужбы использовали несколько современных способов скрытой связи. Так, например, российская разведка использовала в США беспроводные соединения, устанавливаемые между электронными устройствами. К примеру, агент сидит в кафе с ноутбуком, а его куратор паркуется поблизости и устанавливает защищенное беспроводное соединение, по которому затем идет обмен информацией. Надо отметить, что сотрудники ФБР смогли лишь зафиксировать факты такой связи, но перехватить

информацию российских разведчиков не сумели.

В качестве приемников-передатчиков использовались нетбуки «ASUS EEE PC 1005». Это недорогие портативные компьютеры со встроенной функцией WiMax, с помощью которой создавалось беспроводное соединение. На этих нетбуках было установлено специальное программное обеспечение, также, возможно, что какие-то изменения вносились и в электронную схему.

По сообщениям американских СМИ, один из российских разведчиков пользовался для приема и передачи информации электронным устройством, замаскированным под книгу. Судя по всему, «книга» также принимала и передавала сигналы формата WiMax, но каких-либо подробностей об этой камуфлированной системе связи не имеется.

Сеанс агентурной связи Анны Чапмен из кафе (из архива Keith Melton Spy Museum)

Интересная деталь: современные разведчики использовали также и древнейшее средство агентурной связи — тайнопись. В сообщениях СМИ говорится, что контрразведка не смогла перехватить тайнописные сообщения, но узнала об этом только путем подслушивания помещений, где обитали российские разведчики.

Глава 98. Электронные тайники и следы от компьютера

В этой книге упоминался электронный тайник в камнях, которые виртуозно разбрасывали, а потом ночами подбирали (когда садились батарейки) британские разведчики на окраинах Москвы. Для контрразведки такой реальный предмет агентурной связи является хорошей и «весомой» уликой, которую можно держать в руках, позируя перед объективами теле- и фотожурналистов. Однако Интернет дает возможности для виртуальных тайников путем создание учетных записей электронной почты для анонимного отправления и получения цифровых файлов и сообщений.

Учетная запись электронной почты с цифровым тайником может быть легко создана с персонального ноутбука анонимно путем соглашения с поставщиком услуг Интернета, который периодически обеспечивает свободный доступ без кредитной карты. С этой вновь созданной промежуточной учетной записи пользователь может войти на любой подобный сервис и создать анонимно вторую учетную запись почты в качестве тайника. В любой может передать цифровые файлы на тайниковые почтовые ящики, и, если знать первичной пароль учетной записи, содержимое может быть загружено из любой точки мира. Для защиты безопасности тайника пользователи заходят в систему анонимно из промежуточной учетной записи. Компания AOL (America On Line) и другие поставщики услуг Интернета в США также позволяют пользователям сохранять письма или документы на жестком диске своего сервера для его загрузки в любое время. Эта функция позволяет "конспираторам", имеющим пароль первичной учетной записи, связываться путем извлечения и редактирования хранящегося там документа, даже не отправляя его в качестве электронного письма или приложения. Следует помнить, что независимо от методов, используемых для повышения безопасности, жесткий диск компьютера должен стираться после каждого посещения Интернета.

Варианты скрытой связи с использованием цифровых технологий быстро обновляются и остаются постоянной проблемой для контрразведки. Разведывательные службы анонимно создают учетные записи электронной почты под вымышленными или деловыми названиями и применяют их для получения зашифрованных сообщений и цифровых файлов от источников. Адреса электронной почты, похожие на почтовый адрес проживания, не ассоциируются с разведкой и при необходимости могут быть использованы только один раз. Такая учетная запись не будет использоваться для агентов в странах с высоким риском обнаружения, но предлагает метод анонимной связи в других местах. Простое электронное письмо на "условную учетную запись" может маскировать закодированную связь, которая будет устойчивой к дешифровке при условии использования только один раз. Например, кубинский агент, завербованный за рубежом и возвратившийся в Гавану, может отправить, казалось бы, безобидное сообщение другу по электронной почте, в котором он рассказывает о своём увлечении — коллекционировании марок. В действительности электронное письмо «другу» приходит на компьютер разведки, и это сигнал, что агент готов приступить к работе. С ограниченным применением и выбором тем в соответствии с образом жизни агента и его интересов такие сообщения игнорируют расшифровку.

Компьютеры с обычной немодернизированной операционной системой оставляют следы, которые позволяют специалистам контрразведки восстановить текст зашифрованной электронной почты, обычной электронной почты, удаленные файлы, временные файлы Интернета, историю веб-сайта, разговоры в чате, мгновенные сообщения, просмотренные фотографии, корзины для удаленных файлов и последние документы. Очистка жесткого диска постоянным стиранием его содержимого исключает доказательства тайной деятельности, но

часто бывает непрактичной для агента, который использует свой рабочий или семейный компьютер. В качестве решения скрытая операционная система может быть установлена на крошечное USB-устройство скрытого хранения, которое по размерам менее кончика мизинца. Когда устройство USB подключено, компьютер загружается с операционной системой, скрытой внутри устройства, не оставляя следов своей деятельности на внутреннем жестком диске компьютера. Агент может использовать клавиатуру компьютера, монитор, принтер и доступ в Интернет, не опасаясь оставить компрометирующий его след. Скрытый прибор USB достаточно мал и легко прячется. Современный образец такого USB-устройства выпустила всемирно известная корпорация «Локхид-Мартин» в сотрудничестве с небольшой компьютерной фирмой «IronKey». Их уникальная USB-флешка получила название IRONCLAD, что можно перевести, как «железный рыцарь» или «броненосец». Уникальный набор возможностей IRONCLAD для спецслужб можно увидеть на рекламном ролике по адресу: www.ironkey.com/irondad-demo. Владельцу такой флашке не надо каждый раз стирать жесткий диск после оперативного использования компьютера, который к тому же не боится вирусов, не оставляет следов посещения Интернета, обеспечивает шифрование информации на уровне военных стандартов США и многое другое.

Маршрутизация голосовых данных через Интернет или через любого другого интернет-провайдера сети также создает возможность для скрытой связи, минуя телефонные сети. Метод шифрования VOIP (Voice Over Internet Protocol) перемешивает фрагменты разговора, чтобы сделать его бессмысленным в случае перехвата. Будущие достижения в области методов шифрования предлагают обеспечение безопасной и стойкой к дешифровке голосовой связи. Однако несмотря на то, что метод шифрования VOIP становится все более распространенным для юридических и физических лиц, наличие таких программ на компьютере агента будет сигналом для внимания контрразведки.

Анализ истории развития специальной техники шпионажа показывает, что все системы скрытой агентурной связи: односторонние радиопередачи в период Второй мировой войны, комплекты SRAC для обмена зашифрованными сообщениями во время холодной войны или Интернет-стеганография — должны соответствовать перечисленным далее требованиям.

- Прекращение передачи, если один из участников связи обнаружен, поскольку нельзя давать ссылку на человека на другой стороне канала связи. Содержание сообщения является вторичным по отношению к безопасности агента.

Современное USB-устройство для шпионов и чиновников (сайт www.ironkey.com/ironclad-demo)

- Использование наилучших из имеющихся физических или электронных методов сокрытия.

Система скрытой агентурной связи всегда должна включать самую передовую технику, доступную в существующее время. Если системы скрытой связи обнаружена, возрастает уязвимость агентов, действующих под руководством одной и той же разведывательной службы. Так, например, методы скрытой связи, которые использовались в 1996 г. кубинским агентом Херардо Эрнандесом и его агентурной сетью «Оса» в Майами, оказались полезными в обнаружении специалистами ФБР аналогичной системы связи, применявшейся другим кубинским агентом Анной Белен Монтес в 2001 г.

- Использование стойкого шифрования для подготовки таких сообщений, которые крайне трудно расшифровать; даже если они обнаружены, их содержимое будет защищено.

• Устройства должны быть портативными с возможностью совместимости с различными компьютерными аппаратными платформами.

- Преемственность предыдущих и новейших технических решений с оптимальной гибкостью, что позволяет при наличии будущих улучшений безопасности читать сообщения старых систем скрытой агентурной связи.

Уже ясно, что разведки и контрразведки активно применяют современные цифровые технологии в своих наступательных и оборонительных мероприятиях. Однако сотрудники оперативно-технических подразделений спецслужб должны помнить, что в защите сложных использований цифровых технологий появляются ранее неизвестные и нерешенные пробелы, как это было в деле шпиона Матиаса Шпеера, который нашел и мастерски использовал «дыру» в системе компьютерной безопасности в далекие 1980-е гг.

Глава 99. Послесловие

В памяти осталось еще много интересных историй и уникальных эпизодов, связанных с оперативной техникой и мероприятиями с ее использованием. Далеко не все можно сегодня рассказать. Но более всего хотелось бы вспомнить ветеранов оперативно-технической службы, умело руководивших и заботливо формировавших молодые кадры 14 отдела Управления ОТ. Именно они воспитали уважение и любовь к своей профессии, без утайки передавая свой бесценный опыт следующему поколению офицеров ОТ.

На сегодняшних встречах ветеранов, которые, к великому сожалению, уходят от нас каждый год, вместе с воспоминаниями нередко высказываются мнения о коллегах, их успешных мероприятиях и дальнейшей работе уже после выхода на пенсию. Но чаще всего высказывается мнение о том, что «технарем» надо родиться, любить свою профессию, ну и, конечно, саму технику. Если такие качества имелись у офицера ОТ, результаты его работы вызывали истинное уважение руководителей и, главное, оперативных офицеров. Именно они формировали свое мнение о сотруднике ОТ и только после этого могли доверить ему свои секретные служебные планы и потом уже совместно выбирали или заказывали специальную технику, испытывали ее, чтобы самому почувствовать и понять сильные и слабые стороны. И только потом можно было ожидать эффективных результатов, хотя нередко оперативная ситуация во время проведения мероприятия складывалась совсем не по плану, и оперативному офицеру приходилось импровизировать, искать и применять запасные варианты, а то и просто сворачивать свои действия. Но, как правило, специальная техника не подводила, и при составлении отчета на это обстоятельство указывалось в отдельном разделе. А если сотрудник ОТ вызывал уважение и как оперативный офицер, мероприятие проводили оба и вместе делили и радость успеха, и горечь неудачи.

«Профессия, не имеющая аналогов» — именно так назвал оперативно-техническую деятельность разведки один из ее ветеранов с 35 летним стажем работы. И с этим мнением трудно не согласиться.

Ветераны 14-го Отдела-Управления ОТ ПГУ КГБ, участники Великой Отечественной

войны.

Использованная литература

1. «Keith Melton Spy Museum», The archives 1996–2013, Files 03–25.
2. H. Keith Melton. «The Ultimate Spy», D&K Publishing Book, Issues 1996–2015.
3. Кит Мелтон, Роберт Уоллес, Генри Шлезингер, Искусство Шпионажа. Тайная история спецтехники ЦРУ, ООО Альпина Нон-Фикшн", 2013.
4. Кит Мелтон, Владимир Алексеенко, журнал «Мужская работа», ООО "Альменда", выпуск №№ 14–48, 2002–2013.
5. Этапы развития советского фотоаппаратостроения. Камеры специального назначения. Режим доступа: <http://www.photohistory.ru/1207248179543447.html>
6. Detlev Vreisleben, «Photo Deal» Magazine, № 3, № 4, 2002.
7. William White. The Microdot: History and Application. Williamstown, NJ, Phillips Publications, 1992.
8. В.А.Шелков, История микроточки // журнал «Специальная Техника», №№ 04–06, 1999.
9. В.Н.Алексеенко, «Независимое военное обозрение», интернет-газета <http://nvo.ng.ru>, серия статей об истории спецтехники времен холодной войны, 2014–2016 гг.
10. А.В.Синельников, Шифры советской разведки». Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/shifry-sovetskoy-razvedki-read-225438-1.html>
11. Peter Wright, Paul Greengrass, «Spycatcher». New York, London: Viking Penguin Inc., 1987.